

A close-up portrait of a young woman with long, dark, wavy hair. She has a serious, intense expression and is looking slightly to the left of the camera. The background is dark and out of focus.

РАЙЧЕЛ МИД

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

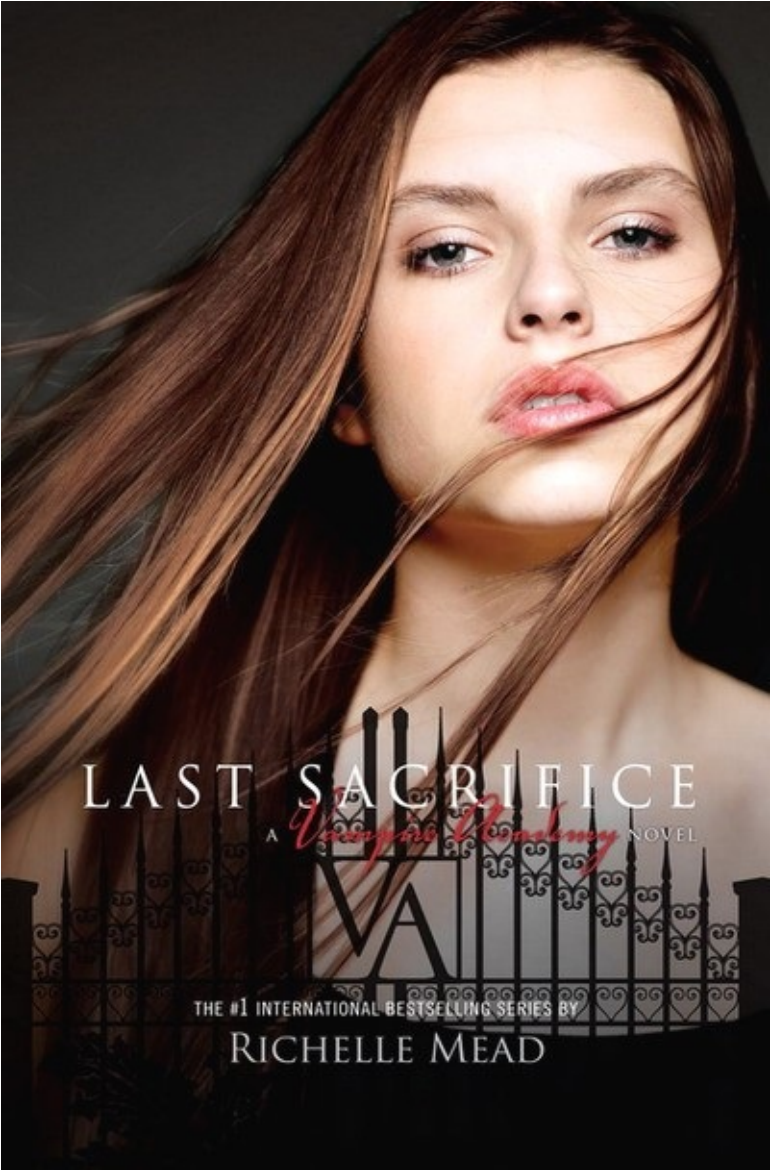
КНИГА ШЕСТАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Annotation

В сообществе вампиров произошло событие небывалое — убита правительница мороев королева Татьяна. И так сложилось, что все улики указывают на то, что преступница — Роза Хэзевей, выпускница Академии вампиров, недавно получившая звание стража. Приговор страшен — Роза должна быть казнена. У девушки есть всего две недели, за которые ей необходимо получить доказательства своей невиновности и предъявить их королевскому двору. Дело осложняется тем, что кроме заботы о спасении собственной жизни Роза должна помочь своей подруге, принцессе Лиссе, занять опустевший трон, который принадлежит ей по праву. Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров!

- [Райчел Мид](#)
 - [ОДИН](#)
 - [ДВА](#)
 - [ТРИ](#)
 - [ЧЕТЫРЕ](#)
 - [ПЯТЬ](#)
 - [ШЕСТЬ](#)
 - [СЕМЬ](#)
 - [ВОСЕМЬ](#)
 - [ДЕВЯТЬ](#)
 - [ДЕСЯТЬ](#)
 - [ОДИННАДЦАТЬ](#)
 - [ДВЕНАДЦАТЬ](#)
 - [ТРИНАДЦАТЬ](#)
 - [ЧЕТЫРНАДЦАТЬ](#)
 - [ПЯТНАДЦАТЬ](#)
 - [ШЕСТНАДЦАТЬ](#)
 - [СЕМНАДЦАТЬ](#)
 - [ВОСЕМНАДЦАТЬ](#)
 - [ДЕВЯТНАДЦАТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ОДИН](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ДВА](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ТРИ](#)

- [ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ СЕМЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ](#)
 - [ТРИДЦАТЬ](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ОДИН](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ДВА](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ТРИ](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Райчел Мид

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Эта книга посвящается Ржу Бейли и Алану Доути — учителям, оказавшим огромное влияние на мое творчество, и всем другим моим учителям (и одновременно друзьям), которые помогают начинающим писателям. Боритесь и дальше за правое дело, все вы.

ОДИН

Не люблю клетки.

Даже в зоопарк ходить не люблю. В первый раз, когда я оказалась там, у меня чуть клаустрофобия не развилась при виде всех этих несчастных животных. Просто в голове не укладывается — как любое создание может жить в таких условиях? Иногда я даже сочувствую преступникам, обреченным на жизнь в камере. И уж конечно, никогда не думала, что мне придется самой проводить жизнь в тюрьме.

Впрочем, в последнее время со мной случалось многое, чего я никак не ожидала, и вот теперь мне довелось оказаться здесь, под замком.

— Эй! — закричала я, вцепившись в стальные прутья, которые отделяли меня от остального мира. — Долго мне еще тут сидеть? Когда будет судебное разбирательство? Я не могу целую вечность проторчать в этой темнице!

Ладно, это была не темница в общепринятом смысле: темное помещение, ржавые цепи и все такое прочее. Я находилась в маленькой камере с чистыми стеками, чистым полом и... ну, чистым всем. Ни единого пятнышка. Стерильность. Холод. И это действовало более угнетающе, чем самый затхлый каземат, который только можно вообразить. Путья, в которые я вцепилась, на ощупь были холодные, твердые и прочные. От резкого флуоресцентного света металл вокруг мерцал, раздражая глаза. Я видела человека, неподвижно стоящего сбоку от входа в камеру, и знала, что в коридоре находятся, скорее всего, еще четыре охранника. И я понимала, что никто из них не собирается отвечать, но это не мешало мне на протяжении двух последних дней снова и снова задавать свои вопросы.

В ответ — обычная тишина. Я вздохнула и плюхнулась на койку в углу камеры, твердую и бесцветную — как и все остальное в моем новом доме. Да, я и впрямь начинала мечтать о настоящей темнице. По крайней мере, там можно было бы наблюдать за крысами и пауками. Я перевела взгляд вверх и вновь мгновенно испытала дезориентирующее ощущение, что стены и потолок со всех сторон надвигаются на меня, все ближе и ближе, выжимая из легких воздух, лишая возможности дышать...

Я резко выпрямилась, хватая ртом воздух.

«Не гляди на стены и потолок, Роза», — выбрала я себя.

Перевела взгляд на свои сцепленные руки и в который раз попыталась разобраться, как меня угораздило попасть в такую беду.

Очевидный ответ напрашивался сам собой: меня ложно обвинили в преступлении, которого я не совершала. И это было не какое-нибудь мелкое мошенничество, а убийство. Какая наглость — обвинить меня в самом серьезном преступлении, которое может совершить вампир или морой. Правда, нельзя сказать, что я не убивала прежде. Убивала, и не раз. Также на моей совести немало нарушений правил и даже законов. Однако хладнокровное убийство... Нет, это не в моем духе. В особенности убийство королевы.

Правда, королеву Татьяну к числу моих друзей никак не отнесешь. Она была холодной, расчетливой правительницей мороев — расы живых, использующих магию вампиров, которые не убивают свои жертвы ради крови. По множеству причин у нас с Татьяной отношения не заладились. Во-первых, я встречалась с Адрианом, ее внучатым племянником. Во-вторых, я не одобряла ее политику в отношении стригоев — злобных не-мертвых вампиров, преследующих всех нас. Татьяна много раз водила меня за нос, но я не желала ей смерти. А вот кто-то, видимо, желал и оставил на месте преступления улики, указывающие прямо на меня. Худшей из них были мои отпечатки пальцев, покрывающие серебряный кол, которым убили Татьяну. Конечно, это был мой собственный кол, и, естественно, на нем были мои отпечатки пальцев. Никто, казалось, не принимал это в расчет.

Я снова вздохнула и вытащила из кармана маленький смятый листок бумаги. Мое единственное чтение здесь. Впрочем, в прямом смысле читать слова необходимости не было, и я просто сжала листок в руке. Я давным-давно выучила наизусть все, что там написано. Записка порождала у меня множество вопросов, и один из них: что я знала о Татьяне?

Огорченная той обстановкой, в которой оказалась, я «сбежала» из нее в сознание своей лучшей подруги, Лиссы. Лисса — моройка, и между нами существует особая внутренняя связь, позволяющая мне вторгаться в ее разум и видеть мир ее глазами. Каждый морой специализируется в одном из видов магии, может подчинять себе одну из четырех стихий — землю, воду, воздух или огонь. Лиссе подвластна стихия духа — она связана с психическими силами и исцелением, и владение ею почти не встречается в среде мороев, которым чаще всего подчиняются физические стихии. Мы только-только начали постигать возможности стихии духа — совершенно невероятные, как выяснилось. Несколько лет назад я погибла во время автомобильной аварии, но именно с помощью стихии духа Лисса вернула меня к жизни, что и породило нашу связь.

Оказавшись в ее сознании, я как бы вырывалась на свободу из своей

клетки, но это мало помогало решению моих проблем. Со времени слушания, где были представлены указывающие на меня улики, Лисса не покладая рук изыскивала способы доказать мою невиновность. То, что убийство совершили моим колом, это лишь начало. Мои оппоненты поторопились напомнить всем о моей враждебности по отношению к королеве и, выясняя, где я находилась во время убийства, нашли свидетеля, фактически оставившего меня без алиби. Совет решил: улик достаточно, чтобы подвергнуть меня полноценному судебному разбирательству, где мне и предстояло выслушать приговор.

Лисса отчаянно старалась привлечь внимание людей к моей судьбе, убедить их в том, что меня оклеветали. Ей, однако, было нелегко найти слушателей, поскольку весь моройский королевский двор оказался поглощен подготовкой к похоронам Татьяны. Смерть монарха — большое событие. Чтобы стать свидетелями впечатляющего зрелища, со всего мира съезжались морои и дампирьы — наполовину вампирьы вроде меня. Угощение, цветы, убранство, даже музыканты... масса забот. Даже если бы Татьяна выходила замуж, вряд ли это повлекло бы за собой такие хлопоты. Конечно, всем было не до меня. Большинство людей считало, что, раз я сижу под замком и больше никого убить не могу, справедливость восторжествовала. Убийца Татьяны найдена. Дело закрыто.

Не успела я оглядеться по сторонам глазами Лиссы, как суматоха в тюрьме выдернула меня обратно. Кто-то разговаривал с охранниками, прося разрешения увидеться со мной. Первый посетитель за несколько дней. Сердце заколотилось, я бросилась к решетке, надеясь наконец услышать от пришедшего, что все это ужасная ошибка.

Однако мой гость оказался не совсем тем, кого я ожидала.

— Старик... — тоскливо протянула я. — Что ты здесь делаешь?

Передо мной стоял Эйб Мазур. Как обычно, он выглядел каким-то чудом в перьях. Была середина лета — жаркого и влажного, как и положено в сельской части Пенсильвании, — что не помешало ему облачиться в костюм. Прекрасно сшитый, но дополненный алым шелковым галстуком и шарфом того же цвета... это уже явно перебор. Золотые драгоценности выделялись на фоне смуглой кожи, и, похоже, он совсем недавно постриг короткую черную бородку. Эйб — морой и, хотя он не из королевской семьи, влиянием обладает немалым.

И еще по воле случая он мой отец.

— Я твой адвокат, — жизнерадостно заявил он. — Прибыл, чтобы оказать тебе юридическую помощь.

— Ты не адвокат, — напомнила я ему. — И твои последние советы не

очень-то мне помогли.

Говорить такое было низко с моей стороны. Эйб, хотя и не получил официального образования, защищал меня во время предварительного слушания. Очевидно, не слишком успешно, поскольку я оказалась за решеткой в ожидании судебного разбирательства. Но, проторчав тут несколько дней в полной изоляции, я поняла, что кое в чем он был прав. Ни один адвокат, как бы хорош он ни был, не мог спасти меня во время этого слушания. Следовало отдать Эйбу должное — он проявил мужество и взялся за заведомо проигрышное дело, хотя я и не понимала почему, памятуя о наших поверхностных отношениях. Все, что мне приходило в голову, — он не доверял никому из королевских мороев и, как отец, чувствовал себя обязанным помочь мне. Именно в таком порядке.

— Я выступил безупречно, — возразил он, — а вот твоя речь, в которой ты употребила слова «если бы я была убийцей», сработала не в нашу пользу. Внедрить этот образ в сознание судьи — не самое умное, что ты могла сделать.

Проигнорировав колкое замечание, я скрестила на груди руки.

— Так почему ты здесь? Знаю, это не просто отцовский визит. Ты никогда ничего не делаешь просто так.

— Конечно. Зачем делать что-то просто так?

— Только вот не надо демонстрировать мне свою знаменитую логику.

Он подмигнул мне.

— Не нужно завидовать. Если будешь очень стараться и призовешь на помощь мозги, то в конце концов унаследуешь мою блестящую логику.

— Эйб, завязывай с этим.

— Прекрасно, прекрасно. Я пришел рассказать, что заседание суда по твоему делу может быть перенесено на более ранний срок.

— Ч-что? Это же потрясающая новость!

По крайней мере, так я думала, однако выражение лица Эйба свидетельствовало об обратном. Согласно моим последним сведениям, ждать суда мне предстояло не один месяц. Одна мысль об этом — и о необходимости так долго оставаться в камере — вызывала у меня приступ клаустрофобии.

— Роза, пойми — судебное разбирательство будет практически идентично предварительному слушанию. Те же доказательства и вердикт: «Виновна».

— Да, но неужели мы ничего не можем предпринять? Найти доказательства моей невиновности? — Внезапно меня осенило, какая проблема может возникнуть. — Когда ты сказал «произойдет раньше»,

какой срок ты имел в виду?

— В идеале они хотели бы покончить с этим сразу после коронации нового монарха. Сделать суд частью посвященных коронации торжеств.

Он говорил беспечным тоном, но, столкнувшись с его мрачным взглядом, я уловила смысл. В голове замелькали числа.

— На похороны уйдет неделя, избрание сразу после этого... Ты хочешь сказать, что я могу оказаться в суде и буду осуждена... мм... практически через две недели?

Эйб кивнул.

Сердце бешено заколотилось в груди, я снова метнулась к решетке.

— Две недели? Ты это серьезно?

Когда он сказал, что судебное заседание передвинут, я подумала, что осталось еще около месяца. Хватит времени, чтобы найти новые доказательства. Как я собиралась это сделать? Непонятно. А теперь получалось, что время стремительно убывает. Две недели — этого недостаточно, в особенности с учетом бурной деятельности двора. Несколько мгновений назад я возмущалась тем, что мне предстоит сидеть тут так долго. Теперь времени оставалось слишком мало, и ответ на мой следующий вопрос мог только расстроить меня еще больше.

— Сколько? — спросила я, изо всех сил сдерживая дрожь в голосе. — Сколько времени проходит между вынесением вердикта и... исполнением приговора?

Я пока не осознавала в полном объеме, что именно унаследовала от Эйба, но одна черта, несомненно, была у нас общая: «дар» приносить скверные новости.

— Это происходит практически сразу.

— Сразу. — Я попятилась, чуть не села на постель, но потом почувствовала новый прилив адреналина. — Сразу? Значит, через две недели я могу быть... мертва.

Потому что именно это угрожало мне, когда стало ясно, что кто-то сумел подтасовать доказательства и подставить меня. Людей, которые убивают королей, не сажают в тюрьму. Их казнят. Очень немногие преступления в среде мороев и дампилов караются так сурово. Стремясь продемонстрировать свое превосходство над кровожадными стригоями, мы стараемся осуществлять правосудие цивилизованными методами. И все же некоторые преступления в глазах закона заслуживают смерти. И некоторые люди тоже заслуживают ее — такие, скажем, как предатели и убийцы. Когда шок от осознания ближайшего будущего в полной мере обрушился на меня, я почувствовала, что дрожу и слезы угрожающе близко

подступают к глазам.

— Это несправедливо! Это несправедливо, и ты понимаешь это!

— Что я думаю, никакого значения не имеет, — спокойно ответил он. — Я просто сообщаю тебе факты.

— Две недели, — повторила я. — Что можно сделать за две недели? В смысле, у тебя ведь уже есть какая-то идея? Или... или... ты можешь найти что-нибудь к тому времени?

Я говорила отчаянно, сбивчиво, почти истерично. Ну, собственно, так я себя и чувствовала.

— Сделать многое будет довольно трудно, — ответил Эйб. — Двор слишком занят похоронами и выборами. Обычный порядок нарушен — это и хорошо, и плохо.

Об этих приготовлениях я узнавала через Лиссу. И, да, надвигался хаос. Найти какую-нибудь улику в такой неразберихе не просто трудно — невозможно.

«Две недели. Две недели, и, возможно, я буду мертва».

— Это немыслимо, — ломким голосом сказала я. — Я никогда не собиралась умирать... так.

— Неужели? — Он дугой выгнул бровь. — Ты знаешь, как, предположительно, умрешь?

— В бою. — Одна слеза сумела скатиться, и я торопливо вытерла ее. Я всегда представляла это себе только так и не хотела, чтобы этот образ разлетелся вдребезги, в особенности сейчас. — В сражении. Защищая тех, кого люблю. Заранее запланированная казнь... Нет, это не для меня!

— Это тоже сражение, в некотором роде, — задумчиво сказал он. — Просто не в физическом смысле. Две недели — по-прежнему две недели. Это плохо? Да. Но лучше, чем одна неделя. Нет ничего невозможного. Может, всплывет новая улика. Ты должна просто ждать и смотреть.

— Ненавижу ждать. Эта камера... Она такая маленькая. Я не могу дышать. Она убьет меня прежде, чем это сделает палач.

— Сильно сомневаюсь. — В лице Эйба не было ни тени сочувствия. Суровая любовь. — Ты, которая бесстрашно сражалась с целыми шайками стригоев, пасуешь перед маленькой комнатой?

— Дело не только в этом! Теперь я должна торчать в этой дыре, понимая, что время моей смерти приближается и почти нет способа предотвратить ее.

— Иногда самую серьезную проверку нашей силы создают ситуации, которые на первый взгляд не кажутся опасными. Иногда просто выживание — самая трудная вещь на свете.

— Ох, нет, нет! — Я принялась расхаживать, описывая маленькие круги. — Только не надо этого высокопарного дерьма! Ты прямо как Дмитрий — когда он давал мне свои глубокомысленные жизненные уроки.

— Он выдержал, оказавшись точно в такой же ситуации. И многое другое выдержал.

Дмитрий.

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. До всей этой истории с убийством Дмитрий представлял собой самую большую проблему в моей жизни. Год назад — хотя, казалось, с тех пор прошла вечность — он был моим инструктором в средней школе, под его руководством мне суждено было стать дампиром-стражем, которому предстоит защищать морю. Он преуспел в этом — и во многом другом. Мы полюбили друг друга. Это была вещь недозволенная, мы боролись с собой сколько могли, но в итоге даже разработали план, как нам быть вместе. Все надежды рухнули, когда его насильственно обратили в стригоя. Для меня это стало непередаваемым кошмаром. Потом, в результате чуда, в возможность которого никто не верил, Лисса с помощью магии духа снова трансформировала его в дампир. Однако, как выяснилось, это вовсе не означало, что все снова станет в точности так же, как было до нападения стригоев.

Я сердито посмотрела на Эйба.

— Дмитрий выдержал, да, но был очень подавлен из-за всего произошедшего. Он и сейчас в таком состоянии.

Осознание того, какие ужасные зверства он творил, когда был стригоем, всей тяжестью обрушилось на него. Не в силах простить себя, он клялся, что больше вообще не способен любить. Тот факт, что я начала встречаться с Адрианом, не способствовал решению проблемы. Предприняв множество тщетных усилий, я смирилась с тем, что для меня и Дмитрия все кончено. И решила жить дальше, надеясь, что у нас с Адрианом что-нибудь получится.

— Да, — сухо ответил Эйб. — Он подавлен, а ты живая картина счастья и радости.

Я вздохнула.

— Иногда разговаривать с тобой все равно что с самой собой: чертовски раздражает. Ты пришел, чтобы сообщить мне ужасные новости. Я была бы счастливее, оставаясь в неведении. Больше тебе тут ничего не надо?

«Никогда не предполагала умереть таким образом. Никогда не думала, что моя смерть будет заранее обозначена в календаре».

— Мне просто хотелось повидаться с тобой. И посмотреть, как ты

устроилась.

И только тут до меня дошло, что в его последних словах есть доля правды. Пока мы разговаривали, Эйб смотрел на меня почти неотрывно. Я полностью владела его вниманием. В нашей пикировке не было ничего, что могло бы насторожить охранников. И все же довольно часто взгляд Эйба ускользал в сторону, фиксируя коридор, мою камеру и все другие детали, которые его интересовали. Эйб не случайно носил прозвище Змей. Он всегда рассчитывал, прикидывал, взвешивал, всегда выискивал малейшее преимущество. Похоже, склонность к безумным планам — это у нас семейное.

— Еще мне хотелось помочь тебе пережить это время. — Он улыбнулся и протянул сквозь решетку два журнала и книгу, которые до этого зажимал под мышкой. — Может, это улучшит тебе настроение.

Ну, вряд ли любое развлечение сделает более переносимым двухнедельный обратный отсчет времени в ожидании смерти. Журналы были посвящены моде и уходу за волосами, книга называлась «Граф Монте-Кристо». Я подняла ее, остро нуждаясь в том, чтобы внести в разговор элемент шутки и сделать ситуацию не такой пугающе реальной.

— Я смотрела фильм. Эта тонкая символика на самом деле не такая уж тонкая — если, конечно, ты не спрятал в книге напильник.

— Эта книга лучше фильма. — Он сделал движение, собираясь уходить. — Ладно. Продолжим литературную дискуссию в следующий раз.

— Постой! — Я бросила журналы и книгу на койку. — Прежде чем ты уйдешь... Во всей этой неразберихе никто ни разу не поднимал вопрос, кто на самом деле убил ее.

Эйб молчал, и я вперила в него взгляд.

— Ты ведь веришь, что это не я сделала?

Насколько я его знала, даже считая меня виновной, он все равно пытался бы помочь. Это было бы вполне в его характере.

— Я верю, что моя славная доченька способна на убийство, — наконец ответил он. — Но этого ты не совершала.

— Тогда кто?

— Над этим я сейчас и работаю.

Он повернулся и зашагал в сторону выхода.

— Но ты только что сказал, что у нас времени в обрез! Эйб! — Я не хотела, чтобы он уходил. Не хотела оставаться наедине со своими страхами. — Исход дела предreshен!

— Просто помни, что я говорил в зале суда, — бросил он через плечо.

Он ушел, а я села на постель, вспоминая тот день в зале суда. В конце

слушания он сказал мне — очень уверенно, — что меня не казнят. И что даже до судебного разбирательства дело не дойдет. Эйб Мазур не из тех, кто дает пустые обещания, но я начинала думать, что даже у него есть свои пределы, в особенности поскольку наше время истекало.

Я снова достала скомканный листок бумаги и расправила его. Он тоже попал ко мне в зале суда; его незаметно сунул мне в руку Эмброуз — слуга и, как поговаривали, любовник Татьяны.

Роза!

Если ты, читаешь это, значит, произошло нечто ужасное. Наверное, ты ненавидишь меня, и я не виню тебя. Я могу лишь просить поверить — предложенный мной закон о снижении возрастного ценза лучше для твоего народа, чем то, что планируют некоторые другие. Есть морю, которые предпочли бы заставлять всех дампинов служить, независимо от того, хотят они или нет, используя с этой целью магию принуждения. Новый закон притормозит деятельность этой фракции.

Однако я пишу тебе, чтобы сообщить тайну, в которую должно быть посвящено как можно меньше людей. Василисе необходимо занять ее место в Совете, и это можно сделать. Она не последняя из Драгомиров. Есть еще один, незаконный ребенок Эрика Драгомира, не знаю, сын или дочь. Больше мне ничего не известно, но если ты найдешь этого ребенка, Лисса обретет власть, которую заслуживает. Несмотря на твои недостатки и взрывной темперамент, ты единственная, кто, как мне кажется, может справиться с этой задачей. Займись ею, не теряя времени.

Татьяна Ивашкова

Я сотни раз читала и перечитывала эти слова, отчего они, конечно, ничуть не изменились, как и вопросы, ими порожденные. Действительно ли Татьяна написала эту записку? Доверила мне — несмотря на откровенно враждебное отношение — столь опасную тайну? В нашем мире все решения за морю принимают двенадцать королевских семей, но в определенной ситуации их может быть всего одиннадцать. Лисса — последняя в своем роду, никаких других членов семьи Драгомир нет, и в

этом случае, согласно морейскому закону, она не имеет права быть членом Совета и голосовать, когда он принимает решения. Совет уже одобрил очень скверный закон, и, если верить этой записке, за ним могут последовать другие. Лисса могла бы выступить против этих законов — и некоторым людям это не понравилось бы; людям, которые уже продемонстрировали свою готовность убивать.

Еще один Драгомир.

Еще один Драгомир — это означает, что Лисса сможет голосовать. Еще один голос в Совете может многое изменить. Может изменить весь морейский мир. Может изменить мой мир — скажем, в том смысле, признают меня виновной или нет. И конечно, он может изменить мир Лиссы. Все это время она считала, что одинока. И однако... Я в тревоге задавалась вопросом, обрадуется ли она этому сводному брату или сестре.

Я смирилась с тем, что мой отец мошенник, но Лисса всегда возводила своего отца на пьедестал, верила только хорошему о нем. Эта новость может стать для нее потрясением, и, хотя всю жизнь меня обучали тому, как обеспечить ее физическую безопасность, я начинала думать, что защищать ее нужно не только в этом смысле.

Но прежде всего мне необходима правда. Я должна узнать, действительно ли записка от Татьяны. У меня был способ выяснить это, но для этого мне пришлось бы делать то, что я ненавидела.

Что ж, почему бы и нет? Все равно прямо сейчас мне больше нечем заняться.

Встав с постели, я повернулась спиной к решетке и уставилась на пустую стену, используя ее как точку фокусировки. Собралась, напредила себе, что у меня хватит сил сохранять самообладание, и позволила рухнуть мысленным барьерам, которые всегда бессознательно возводила вокруг своего разума. И почувствовала, словно избавилась от огромного давления — как будто из надувного шара выпустили воздух.

Внезапно меня окружили призраки.

Как всегда, это сбивало с толку. Вокруг облаком парили лица и черепа, полупрозрачные и светящиеся. Казалось, они тянутся ко мне, как если бы им отчаянно требовалось сказать что-то. И скорее всего, они действительно делали это. Призраки, застрявшие в нашем мире, — это беспокойные души, у которых есть причины, не позволяющие им двигаться дальше. После того как Лисса вернула меня из мира мертвых, моя связь с ним сохранилась. Потребовалось много труда и самообладания, чтобы научиться блокировать преследующих меня призраков. Магические защитные кольца вокруг морейского двора не подпускали ко мне большинство из них, но на этот раз я сама хотела, чтобы они появились здесь. Открывать им доступ, притягивать их к себе... ну, это была опасная затея.

Что-то подсказывало мне, что если когда-либо и существовал беспокойный дух, то это была бы королева, убитая в своей постели. Знакомых лиц вокруг я пока не видела, но не теряла надежды.

— Татьяна, — пробормотала я, мысленным взором сосредоточившись на лице мертвой королевы. — Татьяна, приди ко мне.

Когда-то мне с легкостью удавалось призывать одного призрака: моего друга Мейсона, убитого стригоем. Мы с Татьяной не были так близки, как с Мейсоном, но связь между нами определенно существовала. Некоторое время ничего не происходило — тот же неясный рой лиц кружился передо мной. Начало подступать отчаяние. И внезапно она оказалась здесь.

Она стояла в той же одежде, в которой ее убили, — длинная ночная рубашка и халат, всё в крови. Краски приглушены и мерцают, словно экран неисправного телевизора. Тем не менее корона на голове и величественная осанка придавали ей тот же королевский вид, который мне запомнился. Материализовавшись, она ничего не говорила и не делала, просто пристально смотрела на меня; ее мрачный взгляд буквально проникал в душу. Я ощутила вспышку гнева и возмущения — обычная эмоциональная реакция в присутствии Татьяны, — а потом совершенно неожиданно нахлынула волна сочувствия. Ничья жизнь не должна заканчиваться так, как это произошло с ней.

Я заколебалась, опасаясь, что охранники могут услышать. Почему-то возникло чувство, что громкость моего голоса не имеет значения и никто из них не мог видеть того, что видела я. Я подняла зажатую в руке записку.

— Вы написали это? То, о чем там говорится, правда?

Тот же пристальный взгляд. Призрак Мейсона вел себя схожим образом. Вызывать мертвых — это одно; общаться с ними — совсем другое дело.

— Я должна знать. Если есть еще один Драгомир, я найду его. — Нет смысла привлекать внимание к тому факту, что в своем нынешнем положении я вряд ли могла отыскать кого-то. — Но вы должны ответить мне. Это письмо вы писали? Там все правда?

Ответом мне был лишь сводящий с ума взгляд. Чувство разочарования росло, и под давлением всех этих фантомов заболела голова. По-видимому, Татьяна и мертвая могла кого угодно вывести из себя.

Я совсем уж собралась снова возвести вокруг себя стены и избавиться от призраков, когда Татьяна сделала движение — еле заметно кивнула головой. Ее взгляд переместился на записку в моей руке, и... она исчезла.

Я моментально вернула барьеры на место, собрав всю волю, чтобы оградить себя от мертвых. Лица исчезли, а вот головная боль нет. Рухнув на постель, я смотрела на записку, не видя ее. Ответ получен. Записка настоящая, и ее написала Татьяна. Вряд ли ее призрак стал бы обманывать меня.

Растянувшись на койке, я стала ждать, пока утихнет ужасная пульсирующая боль в голове. Закрыла глаза и снова решила посмотреть, чем занимается Лисса. Со времени моего ареста она неустанно хлопотала, защищая меня, доказывая мою невиновность; неудивительно, что и на сей раз я ожидала чего-то в том же духе. Вместо этого она оказалась... в магазине одежды.

Легкомыслие лучшей подруги чуть не обидело меня — пока я не сообразила, что она подыскивает платье для похорон. Она находилась в одном из магазинов, обслуживающих королевские семьи. К моему удивлению, ее сопровождал Адриан. Вид его такого знакомого красивого лица слегка умерил мои страхи. Покопавшись в ее мыслях, я выяснила, почему он здесь: она не хотела, чтобы Адриан оставался один.

И я понимала ее. Он был совершенно пьян. Удивительно, что он вообще мог стоять; наверняка только потому, что прислонился к стене. Темно-каштановые волосы в беспорядке — и не в том художественном, какой он обычно создавал сознательно. Темно-зеленые глаза налились кровью. Адриан, как и Лисса, пользователь духа. Он обладает способностью, которой она пока не имела: может проникать в чужие сны. Со времени своего ареста я все время ждала его появления и только теперь поняла, почему он не приходил ко мне. Алкоголь и психическая энергия несовместимы. В каком-то смысле это хорошо. Непомерное использование

духа создает тьму, которая постепенно сводит человека с ума. Однако проводить жизнь в состоянии беспрерывного опьянения тоже не очень-то полезно для здоровья.

Увидев его глазами Лиссы в таком состоянии, я испытала наплыв эмоций, почти таких же противоречивых, как при встрече с Татьяной. Я переживала за него. Не вызывало сомнений, что он тревожится и расстраивается из-за меня. Ужасные события последней недели ударили по нему так же сильно, как и по всем нам. К тому же он потерял тетю (так он называл Татьяну), которую, несмотря на всю ее бесцеремонность, любил.

Однако, несмотря на все это, я испытывала к нему... презрение. Возможно, несправедливо, но ничего не могла с собой поделать. Я переживала за него, понимала, что он сильно расстроен, — и все же существуют более достойные способы справиться со своими огорчениями. Он вел себя почти как трус, топил свои проблемы в бутылке; вся моя натура противилась этому. Как бы я вела себя? Ну, я не отступила бы перед проблемами, не сдалась бы без боя.

— Бархат, — уверенно заявила хозяйка магазина, морщинистая моройка, демонстрируя Лиссе пышное платье с длинными рукавами. — Бархат — традиционный материал королевского эскорта.

Пышная церемония похорон включала в себя и сопровождение гроба Татьяны церемониальным эскортом из представителей всех королевских семей. По-видимому, никто не возражал, чтобы эту роль от имени своей семьи выполняла Лисса. Но голосовать? Э, нет, это совсем другое дело.

Лисса разглядывала платье, больше подходящее для Хеллоуина, чем для похорон.

— Оно такое старомодное, — сказала Лисса. — И в нем взмокнешь.

— Традиции требуют жертв, — мелодраматическим тоном заявила женщина. — Как и трагедия.

Адриан открыл рот, явно собираясь отпустить насмешливое, неуместное в данный момент замечание, но Лисса покачала головой, и он заткнулся.

— А нет какого-нибудь варианта... без рукавов? Хозяйка магазина широко распахнула глаза.

— Никто не надевает на королевские похороны платье на бретельках.

— А как насчет шорт? — спросил Адриан. — Сойдет, если они на резинке? Потому что я собираюсь пойти в таком виде.

Женщина, казалось, была в ужасе. Лисса одарила Адриана презрительным взглядом, не столько из-за последнего замечания, поскольку оно ее даже слегка позабавило, сколько из-за того, что он постоянно был

пьян.

— Да никто не воспринимает меня как полноправного члена королевской семьи, — сказала Лисса, разглядывая другие платья. — Поэтому нет причин и вести себя так. Покажите мне платья на бретельках и с короткими рукавами.

Хозяйка состроила гримасу, но подчинилась. Давать советы королевским особам — это она могла себе позволить; но не приказывать им, что носить и как поступать. Женщина отправилась в другой конец магазина, чтобы подыскать требуемое, и в этот момент вошли приятель Лиссы и его тетя.

Кристиан Озера — вот с кого Адриану следовало бы брать пример в своем поведении. Сама эта мысль казалась удивительной. Времена определенно изменились — раз теперь я рассматриваю Кристиана как образец для подражания. Тем не менее так оно и есть. Всю последнюю неделю я наблюдала, как он действовал — решительно, непреклонно, делая все, чтобы поддержать Лиссу после свалившихся на нее несчастий, а именно смерти Татьяны и моего ареста. Судя по теперешнему выражению его лица, у него наверняка были важные новости.

Его открытая, прямая тетя, Таша Озера, являла собой другой вариант того, как сильный человек ведет себя под давлением. Она растила Кристиана после того, как его родители стали стригоями — и напали на нее, на память о чем одну щеку Таши навсегда изуродовал шрам. Для защиты мороям полагаются стражи, но после этого нападения Таша решила взять все в свои руки. Она стала самостоятельно учиться сражаться, врукопашную и с применением оружия. По-настоящему воинственная женщина, Таша постоянно подталкивала и других мороев учиться боевому искусству.

Лисса отвлеклась от разглядывания очередного платья и с видом взволнованного ожидания повернулась к Кристиану. После меня ему она доверяла больше всех на свете. Он стал для нее надежной опорой в эти трудные времена.

Он оглянулся по сторонам, явно не проявляя интереса ко всем этим нарядам.

— Покупаете, значит? — Он перевел взгляд с Лиссы на Адриана. — Предаетесь девичьим радостям?

— Смена гардероба — это всегда приятно, — заметил Адриан. — Кроме того, спорю, ты прекрасно смотрелся бы в топе на бретельках.

Не обращая внимания на шуточки парней, Лисса спросила:

— Вы что-нибудь узнали?

— Они решили не принимать никаких мер, — ответил Кристиан. — В смысле, карательных.

— Да, мы пытаемся проталкивать идею, что он просто подумал, будто Роза в опасности, и кинулся защищать ее, еще не поняв, что на самом деле происходит.

Сердце у меня замерло. Дмитрий. Они говорят о Дмитриии.

На мгновение я покинула Лиссу, покинула даже свою камеру и вернулась в день своего ареста. Я была в кафе, спорила с Дмитрием, ругала его за то, что он по-прежнему отказывается разговаривать со мной, не говоря уж о том, чтобы продолжать наши прежние отношения. Потом я решила, что хватит, между нами и впрямь все кончено, я не допущу, чтобы он и дальше рвал мне сердце на части. И тут в кафе ворвались стражи, чтобы арестовать меня. Вопреки всем утверждениям Дмитрия о том, что, пройдя через состояние стригоя, он утратил способность любить, он тут же ринулся защищать меня. Противники слишком превосходили нас числом, но нам на это было плевать. Выражение его лица — и мое почти сверхъестественное понимание того, что происходит у него в душе, — сказало мне обо всем. Мне угрожают; значит, он должен защитить меня.

Да, он меня защищал. Сражался как бог — словно мы опять были в Академии Святого Владимира и он учил меня, как биться со стригоями. Вывести из строя столько стражей — на это, наверное, не способен никто другой. И я верю, что он сражался бы до последнего вздоха; пришлось вмешаться, чтобы остановить все это. В тот момент я не понимала, что происходит и почему целый легион стражей прислан арестовывать меня. Но внезапно осознала, что у Дмитрия, с его и без того шатким положением при дворе, могут возникнуть серьезные неприятности. Трансформация стригоя в прежнее состояние — вещь неслыханная, и многие все еще не доверяли ему. Я стала умолять Дмитрия остановиться, считая, что он в большей опасности, чем я. Да, кто бы мог подумать, что на самом деле меня ждет?

Он приходил на слушание — под охраной, — но с тех пор ни Лисса, ни я его не видели. Лисса очень старалась удержать Дмитрия от каких-либо правонарушений, опасаясь, что его снова посадят под замок. А я? Я просто уговаривала себя поменьше думать о том, что он сделал. Мой арест и возможная казнь сейчас выступали на первый план. Тем не менее я по-прежнему задавалась вопросами. Почему он сделал это? Почему ради меня рисковал жизнью? Было ли это чисто инстинктивной реакцией на угрозу? Или он поступил так ради Лиссы, которой поклялся помогать во всем в благодарность за то, что она освободила его? А может, он все еще питает ко

мне какие-то чувства?

Ответа я по-прежнему не знала, однако это зрелище — неистовый, победоносный Дмитрий из моего прошлого — расшевелило чувства, которые я так отчаянно старалась подавить. Уговаривала себя, что это не быстро и не просто — порвать с человеком, с которым тебя связывали глубокие, серьезные отношения. Понадобится время, чтобы чувства окончательно угасли, это естественно. К сожалению, эти доводы работают хуже, когда человек без раздумий кидается защищать тебя, подвергая себя опасности.

Безотносительно ко всему этому, слова Кристиана и Таши породили в душе надежду насчет дальнейшей судьбы Дмитрия. В конце концов, я не единственная, для кого жизнь от смерти отделяет тоненькая грань. Те, кто был убежден, что Дмитрий по-прежнему стригой, хотели бы увидеть, как в его сердце вонзают кол.

— Они снова держат его в заточении, — сказал Кристиан, — но не в тюрьме. Просто в его комнате, с двумя охранниками. Они не хотят, чтобы он разгуливал по двору, пока все не уляжется.

— Это лучше, чем в тюрьме, — заметила Лисса.

— Но по-прежнему абсурдно! — взорвалась Таша.

Они с Дмитрием много лет были добрыми друзьями, и когда-то она даже хотела перевести их отношения на другой уровень. Из этого ничего не вышло, и она удовольствовалась дружбой, но по-прежнему тепло относилась к Дмитрию. Несправедливость в отношении его возмущала ее не меньше, чем нас.

— Они должны были отпустить его, как только он снова стал дампиром. Сразу после выборов я сделаю все, чтобы его освободили.

— И вот что странно... — Кристиан задумчиво прищурил бледно-голубые глаза. — Мы слышали, что Татьяна говорила перед... перед тем, как...

Он замолчал, с видом неловкости глядя на Адриана, — не похоже на Кристиана, который обычно выпаливает все, что у него на уме.

— Перед тем, как ее убили, — не глядя ни на кого, закончил за него Адриан. — Продолжай.

— Ну... да... Вроде бы она заявляла — не публично, — будто верит, что Дмитрий действительно снова стал дампиром. И планировала помочь ему получить всеобщее признание, как только другая проблема будет улажена.

Под «другой проблемой» Кристиан имел в виду возрастной закон, о котором упоминалось в записке Татьяны. Согласно ему, дампир в

шестнадцать лет должны заканчивать обучение и становиться защитниками мороев. Этот закон до крайности возмущал меня, но, как и многое другое сейчас... в общем, он мог подождать.

Адриан издал странный горловой звук.

— Не говорила она этого.

Кристиан пожал плечами:

— Так утверждают ее советники.

— Мне тоже трудно поверить в это, — сказала Таша Адриану.

Она никогда не одобряла политику Татьяны и яростно выступала против нее, пользуясь любым удобным случаем. Неверие Адриана, однако, никакого отношения к политике не имело. Оно основывалось на том, что все ее поведение свидетельствовало об обратном и не позволяло заподозрить ее в желании помочь Дмитрию.

Адриан не стал развивать свою мысль, но я знала — эта тема разжигает в его душе искры ревности. Я говорила ему, что Дмитрий остался в прошлом, что я готова идти дальше, но Адриана — как и меня — несомненно, мучил вопрос, какова истинная мотивация того, что Дмитрий так рыцарственно выступил в мою защиту.

Лисса начала рассуждать, как им добиться, чтобы Дмитрия выпустили на свободу, но тут вернулась хозяйка магазина с целым ворохом платьев, которые она явно не одобряла. Прикусив губу, Лисса смолкла, решив, что ситуацией с Дмитрием можно озаботиться позже. Сейчас от нее требовалось выбрать платье, играя при этом роль славной девочки из королевской семьи.

Адриан оживился при виде платьев.

— А топики на бретельках тут нет?

Я вернулась в свою камеру, размышляя над проблемами, которые, похоже, продолжали громоздиться все выше и выше. Тревога за Адриана и Дмитрия. Тревога за себя. Тревога из-за этого так называемого потерянного Драгомира. Похоже, история правдива, но меня огорчало то, что я не могу заняться ею, а ведь речь идет о помощи Лиссе. В письме сказано, что не стоит распространяться об этом деле, а ведь, похоже, у меня нет другого выхода, как перепоручить его кому-то другому. Я хотела бы сама разобраться во всем, но решетка и давящие стены вокруг напомнили мне, что пока я не способна разобраться ни с чем, даже, возможно, с собственной жизнью.

Две недели.

Испытывая потребность отвлечься, я сдалась и начала читать книгу Эйба. Да, это была та самая история о человеке, которого несправедливо

заточили в тюрьму, как я и ожидала. По-настоящему хорошая книга; из нее я извлекла урок, что в моем случае фальсифицированная смерть как способ бегства не годится. Неожиданно книга пробудила во мне старые воспоминания. Озноб пробежал по спине, когда в сознании ожило гадание на картах Таро. Моройка по имени Ронда, тетя Эмброуза, выложила для меня карты, и на одной была изображена женщина и рядом множество мечей. «Ловушка». «Несправедливое лишение свободы». «Клевета». Проклятье! Я начинала прямо ненавидеть эти карты. Всегда твердила, что гадание — сплошной обман, но вот надо же! Чем дальше, тем больше оно сбывается. Тогда в конце расклада мне выпало путешествие, но куда? В настоящую тюрьму? На казнь?

Вопросы, остающиеся без ответа, — таков теперь мой мир. Поскольку другого выбора у меня не было, я решила немного отдохнуть. Растянулась на койке и попыталась выкинуть из головы одолевающие меня тревоги. Не так-то просто. Стоило закрыть глаза, и перед моим внутренним взором возникал судья, ударом молотка обрекающий меня на смерть. Или мое имя в исторических книгах, но в разделе не героев, а предателей.

Страх скрутил меня, и тут я подумала о Дмитриии. Представила себе его спокойный взгляд и почти услышала, как он наставляет меня: «Не волнуйся из-за того, что ты не в силах изменить. Отдыхай, если есть возможность, чтобы быть готовой к сражениям завтрашнего дня». И этот воображаемый совет помог мне успокоиться. Наконец-то пришел сон, крепкий и глубокий. Всю прошедшую неделю я беспокойно ворочалась и только сейчас смогла отдохнуть по-настоящему.

А потом я... проснулась.

Села на постели, с бешено колотящимся сердцем. Оглянулась по сторонам в поисках чего-то, так сильно напугавшего меня, что вырывало из сна. Ничего. Темнота. Тишина. Слабое поскрипывание кресла в конце коридора — значит, охранники на месте.

Связь, поняла я. Меня разбудила связь. Я почувствовала резкую сильную вспышку... чего? Энергии. Тревоги. Выброс адреналина. Меня охватила паника, и я нырнула в сознание Лиссы, пытаюсь выяснить, чем вызван такой всплеск ее эмоций.

Но не обнаружила ничего.

Связь исчезла.

ТРИ

Ну, не то чтобы совсем исчезла.

Была приглушена. Такое же примерно ощущалось сразу после того, как Лисса вернула Дмитрия в состояние дампера. В этом процессе было задействовано столько магии, что она «выжгла» нашу связь. Сейчас никакой вспышки магии не было. Складывалось впечатление, будто Лисса намеренно заглушила связь или возвела вокруг своего сознания стену. Как и всегда, я по-прежнему ощущала ее: она жива; с ней все в порядке. Почему в таком случае ничего больше касательно ее я не чувствовала? Она не спала: по ту сторону стены ощущалось бодрствующее сознание. И активно работающая стихия духа, с помощью которой она отгородилась от меня... И она сама сделала это.

Какого черта? Мы обе знали, что наша связь работает лишь в одну сторону: я могла чувствовать Лиссу, а она меня — нет. И только от меня зависело, когда именно проникнуть в ее сознание. Часто я старалась удерживать себя от этого (в частности, здесь, в тюрьме), просто не желая нарушать ее право на личную жизнь. Лисса не могла контролировать этот процесс, то есть была с этой точки зрения уязвима, что временами ужасно ее бесило. Иногда она, используя свою силу, заслонялась от меня, но это случалось редко, поскольку требовало значительных усилий с ее стороны. Сегодня она успешно справилась с задачей; более того, заслон сохранялся, она не подпускала меня к себе, и я чувствовала, какого напряжения это ей стоило. Ну, в общем-то, мне было все равно, как она это делала. Я хотела знать зачем.

Наверное, это был мой самый тяжелый день в тюрьме. Страх за себя — это одно. Но страх за нее? Это было гораздо более мучительно. Если бы вопрос стоял так: моя жизнь или ее, — я бы без колебаний пошла на казнь. Я должна знать, что происходит. Может, она что-то выяснила? Может, Совет решил казнить меня, минуя судебное разбирательство? И Лисса пытается защитить меня от этих новостей? Чем больше силы духа она использует, тем большей опасности подвергает свою жизнь. Эта мысленная стена требует огромного количества магии. Но зачем? Зачем она идет на такой риск?

Я была поражена, только сейчас осознав, в какой степени полагалась на нашу связь, чтобы следить за ней. Правда, мне не всегда нравилось, когда в голове нежданно возникали чужие мысли. Несмотря на то что я

научилась это контролировать, ее сознание иногда выплескивалось в мое, причем случалось, что в самые неподходящие моменты. Однако сейчас волновали меня отнюдь не эти мелочи, я переживала, что не могу обеспечивать ее безопасность. Быть вот так отсеченной от нее — это ощущалось, как если бы физически от меня отрезали часть.

Весь день я пыталась проникнуть в ее сознание, но тщетно. Это сводило с ума. Посетителей тоже не было, книга и журналы напрасно зывали ко мне. Ощущение зверя в клетке вернулось ко мне, я часто и яростно кричала на своих охранников, тоже без всякого результата. Похороны Татьяны должны состояться завтра, часы обратного отсчета времени до моего суда неумолимо тикали.

Наступила ночь, и стена, блокирующая нашу связь, наконец-то упала — просто потому, что Лисса уснула. Однако это ничего мне не дало — ее разум бездействовал. Что было делать? Я тоже легла, задаваясь вопросом, сохранится ли связь утром.

Она не исчезла. Мы снова были связаны, и я могла, как и прежде, смотреть на мир ее глазами. Лисса поднялась рано и начала готовиться к похоронам. Я не обнаружила никакого объяснения тому, почему она заблокировала меня вчера. Теперь она снова впустила меня в свое сознание, и все было как обычно. Мелькнула даже мысль — может, я просто вообразила, что была отрезана от нее?

Нет... Что-то такое особенное было. Чуть-чуть. Некоторые свои мысли она по-прежнему скрывала от меня. Каждый раз, когда я пыталась уловить их, они ускользали. Поражало, что она продолжала использовать магию, чтобы добиваться этого; одновременно лишний раз становилось ясно, что вчера она блокировала меня намеренно. Что происходит? Зачем, ради всего святого, ей понадобилось что-то от меня скрывать? На что я могу повлиять, сидя взаперти в этой дыре? Мое беспокойство возрастало. О чем таком ужасном мне не следовало знать?

Я смотрела, как Лисса готовится к выходу, не замечая ни малейшего признака чего-то необычного. В конце концов она остановилась на платье до колен, с короткими цельнокроеными рукавами. Черном, конечно. Отнюдь не платье для вечеринки, но она справедливо полагала, что многие при виде его вскинут брови. В других обстоятельствах оно очаровало бы меня. Светлые волосы она свободно распустила и полюбовалась в зеркало тем, как ярко они выделялись на черном фоне.

Кристиан встретил Лиссу во дворе. Он тоже выглядел соответственно, что было нехарактерно для него; даже отказался от куртки, надел белую

рубашку под черный костюм и повязал галстук. Держался он с какой-то таинственностью, но при этом еще и явно нервничал. Правда, при виде Лиссы его лицо просияло; он буквально с благоговением смотрел на нее. Потом улыбнулся, быстро обнял. От его прикосновения она успокоилась и приободрилась. Их отношения недавно возобновились после разрыва, мучительного для обоих.

— Все будет хорошо, — пробормотал он, снова с выражением беспокойства на лице. — Все получится. Мы справимся.

Не отвечая, она на миг крепче прижалась к нему и отступила. Ни один из них не произнес ни слова, пока они шли туда, где начиналась похоронная процессия. Мне это показалось подозрительным. Она взяла его под руку; это как будто прибавляло ей сил.

Церемония похорон моройских монархов не менялась на протяжении столетий, где бы ни находился двор — в Румынии или в своем новом доме, в Пенсильвании. Таков общий подход мороев — традиционное у них перемешано с современным, магия с достижениями техники.

Гроб королевы должны были вынести из дворца и торжественно пронести через все земельные угодья двора, к внушительному кафедральному собору. Там состоится месса, на которой будут присутствовать лишь избранные. По ее окончании Татьяну похоронят на церковном кладбище, рядом с другими монархами и членами королевских семей.

Следить за продвижением гроба не составляло труда. На всех его углах возвышались столбики с красно-черными шелковыми флагами. Земля на пути процессии была усыпана лепестками роз. По обеим сторонам толпились люди, надеясь в последний раз увидеть бывшую королеву. Многие морои приехали издалека: одни ради похорон, другие ради выборов нового монарха.

Королевский эскорт — в основном в черном бархате, так одобряемом хозяйкой магазина одежды, — уже потянулся в здание дворца. У Кристиана не было ни малейшего шанса представлять свою семью во время такого выдающегося события, и Лисса ненадолго задержалась с ним. Потом крепко обняла его и легко поцеловала. Когда они расходились, его голубые глаза понимающе вспыхнули — он знал тайну, которую скрывали от меня.

Лисса проталкивалась сквозь толпу к началу процессии. Здание не походило на дворцы или замки старой Европы. Величественный каменный фасад и большие вытянутые окна напоминали другие строения двора, но были и некоторые отличительные особенности — высота, широкие мраморные ступени. Кто-то потянул Лиссу за руку, и она едва не

столкнулась с каким-то старым мороем.

— Василиса?

Даниэлла Ивашкова, мать Адриана. Она была лучше других королевских мороев и даже одобряла наши отношения с Адрианом — по крайней мере, так было до того, как меня обвинили в убийстве. В основном ее терпимость объяснялась уверенностью в том, что наши с Адрианом пути разойдутся, как только я начну выполнять свои обязанности стража. Даниэлла убедила своего кузена, Дамона Таруса, быть моим адвокатом, но я предпочла, чтобы мои интересы представлял Эйб. До сих пор не уверена, правильно ли я поступила тогда; несомненно только, что это уронило меня в глазах Даниэллы.

Лисса нервно улыбнулась ей — она торопилась занять свое место в процессии.

— Здравствуйте.

Даниэлла была в черном бархате, в темных волосах сверкали мелкие бриллианты. Симпатичное лицо искажалось волнением и беспокойством.

— Ты видела Адриана? Я нигде не могу найти его.

— Ох!

Лисса отвела взгляд.

— Что? — Даниэлла только что не трясла ее. — Что тебе известно?

Лисса вздохнула.

— Я не знаю, где он, но этой ночью видела, как он возвращался с вечеринки. — Лисса заколебалась, как будто ей было неловко говорить остальное. — Он был... по-настоящему пьян. Я никогда его таким не видела. Он шел с какими-то девушками и... Не знаю... Мне очень жаль, леди Ивашкова. Он, скорее всего... ну, отключился где-то.

Даниэлла ломала руки, и мне было понятно ее волнение.

— Надеюсь, никто не заметит его отсутствия. Может, стоит говорить... ну, что он сильно горюет. Столько народу, столько всего происходит. Конечно, никто не заметит. Но ты ведь скажешь, если тебя спросят? Скажешь, как сильно он огорчен?

Мне нравилась Даниэлла, но эта королевская одержимость поддержанием имиджа начинала меня раздражать. Конечно, она любит сына, но сейчас переживала не столько из-за смерти Татьяны, сколько по поводу того, что люди подумают о нарушении протокола.

— Конечно, — ответила Лисса. — Я не хочу, чтобы любой... Ну, чтобы все вышло наружу.

— Спасибо. А теперь иди. — Даниэлла, все еще не справившаяся с волнением, сделала жест в сторону входа. — Тебе нужно занять свое

место. — Потом, к удивлению Лиссы, она мягко похлопала ее по плечу. — И не нервничай. Ты прекрасно справишься. Просто держи голову выше.

Стражи у входа узнали Лиссу и пропустили ее. Гроб Татьяны стоял в вестибюле. Лисса потрясенно замерла и даже как будто забыла, что здесь делает.

Сам гроб представлял собой произведение искусства — из черного дерева, отполированный до блеска. На каждой стороне искусно нарисована какая-нибудь садовая сцена, в ярких металлических цветах всех оттенков. Повсюду золото, включая ручки для переноса гроба. Ручки также были увиты розами. Казалось, шипы и листья должны помешать переносчикам гроба, впрочем, это была уже их проблема.

В гробу на ложе опять же из роз лежала сама Татьяна. Странное ощущение. Я видела немало мертвых тел. Черт возьми, некоторые были мертвы по моей вине. Но видеть хорошо сохранившееся тело, лежащее так мирно, в таком богатом обрамлении... от этого мурашки побежали по телу. Лиссу это тоже поразило, в особенности поскольку она значительно реже меня сталкивалась со смертью.

На Татьяне было блестящее шелковое платье глубокого темно-фиолетового цвета, традиционного для королевских похорон, с длинными рукавами, расшитыми искусными узорами из маленьких жемчужин. Я часто видела Татьяну в красном — цвет семьи Ивашковых — и порадовалась, что ее одели в традиционном духе. Красное платье слишком напоминало бы ее жуткие фотографии, продемонстрированные во время слушания; картины, которые я всячески пыталась выкинуть из головы. Шею Татьяны украшали нити драгоценных камней, на седых волосах покоилась корона с алмазами и аметистами. Кто-то хорошо поработал над ее лицом, но белизну кожи скрыть не удалось. Морои от природы бледны, а после смерти становятся белы как мел — наподобие стригоев. Открывшееся глазам Лиссы зрелище так сильно подействовало на нее, что она слегка покачнулась и вынуждена была отвести взгляд. В воздухе плыл густой аромат роз, к которому примешивался еле ощутимый оттенок гниения.

Координатор похорон заметила Лиссу и указала ей, куда встать, — но сначала укорила за то, как она одета. Резкие слова вернули Лиссу к реальности, и она поспешила встать в ряд справа от гроба, вместе с пятью другими королевскими мороями. Она избегала смотреть на тело королевы. Вскоре появились носильщики, подняли гроб на плечи и медленно понесли наружу, туда, где ждала толпа. Все они были дампирями, в официальной форме, что поначалу смутило меня, пока я не осознала, что они входили в

отряд стражей при дворе. За исключением одного — Эмброуза. Он выглядел великолепно, как всегда, и смотрел прямо перед собой с бесстрастным лицом.

Интересно, он оплакивает Татьяну? Собственные проблемы так сильно занимали меня, что я почти забыла — что ни говори, погиб человек, которого многие любили. Когда я возмущалась Татьяной из-за принятого ею возрастного закона, Эмброуз защищал ее. Глядя на него глазами Лиссы, я жалела, что не могу поговорить с ним лично. Ему наверняка известно больше о письме, которое он сунул мне в руку в зале суда. Конечно, он не был просто курьером.

Процессия продолжила путь, и я выкинула из головы мысли об Эмброузе. Перед гробом, согласно церемонии, шли другие люди. Королевские морей в изысканных одеяниях, стражи в форме, несущие знамена, а в самом конце музыканты с флейтами, играющие траурную мелодию. Что касается Лиссы, она всегда умела держаться на публике и сейчас шагала медленно, величественно, с изяществом и грацией в движениях, уверенно глядя перед собой. Со стороны видеть ее, конечно, я не могла, но не составляло труда представить, как ее воспринимают зрители. Прекрасная, царственная, достойно представляющая Драгомиров и все больше осознающая это. Все было бы гораздо проще, если бы закон о голосовании изменили с помощью стандартной процедуры, избавив нас от необходимости заниматься поисками потерянного ребенка Драгомиров.

Похоронная процессия двигалась медленно и долго. Хотя солнце уже клонилось к горизонту, дневная жара все еще висела в воздухе. Лисса вспотела; а каково пришлось тем, кто нес гроб? Зрители тоже, наверное, страдали от жары, но не показывали виду — вытягивали шеи, чтобы увидеть пышное зрелище. Лисса уделяла им мало внимания, но иногда их лица попадали в поле ее зрения, и становилось ясно, что собравшихся интересует не только сам гроб. Они смотрели и на Лиссу. Слухи о том, что она сделала для Дмитрия, быстро распространились по всему морейскому миру, и хотя многие скептически относились к ее способности исцелять, было немало и тех, кто верил. На лицах людей в толпе читалось удивление и благоговение, и я невольно задавалась вопросом: на кого они на самом деле пришли посмотреть, на Татьяну или на Лиссу?

В конце концов показался кафедральный собор, и это обрадовало Лиссу. Солнце не убивает мороев — в отличие от стригоев, — но для любого вампира жара и солнечный свет неприятны. Она относилась к тем, кому было позволено присутствовать во время церковной службы, а внутри собора, она знала, работают кондиционеры.

Разглядывая окрестности, я не могла удержаться от мысли, какая ирония кроется в цикличности моей жизни. По сторонам обширных церковных угодий возвышались две гигантские статуи легендарных морейских монархов древности — короля и королевы, внесших большой вклад в преуспевание их народа. Сад рядом с королевой был очень хорошо знаком мне — в качестве наказания за бегство в Лас-Вегас мне пришлось обустроить его. Истинной целью этой поездки — о чем никто не подозревал — было освобождение из тюрьмы Виктора Дашкова. Виктор был нашим давним врагом, но его сводный брат Роберт, тоже пользователь духа, обладал знаниями, которые, как мы надеялись, помогут спасти Дмитрия. Если бы стражи знали, что это я освободила Виктора — а потом упустила его, — мое наказание было бы гораздо серьезнее, чем работа в архиве и в саду. По крайней мере, с садом у меня получилось неплохо, мелькнула горькая мысль. Если меня казнят, память о том, что я жила на земле, надолго сохранится при дворе.

Взгляд Лиссы задержался на одной из статуй. Сейчас Лисса сильно потела, и до меня дошло, что дело тут не только в жаре. Ее терзало беспокойство. Но почему? Почему она так нервничает? Это же просто церемония. Все, что от Лиссы требуется, — это пройти через завершающие этапы. И однако... что-то еще не давало ей покоя. Некоторые свои мысли ей по-прежнему удавалось утаить от меня, но кое-что ускользало.

«Слишком близко, слишком близко. Мы движемся чересчур быстро».

Быстро? Я так не думала. На мой взгляд, эта медленная, размеренная поступь просто изматывала. В особенности я сочувствовала носильщикам гроба. Будь я среди них, послала бы к черту правила приличия и припустила рысцей, хотя, конечно, тело при этом подпрыгивало бы в гробу. Если уж координатор похорон выказала недовольство тем, как одета Лисса, легко представить себе ее реакцию, если бы тело Татьяны вывалилось из гроба.

Мы приближались к собору, его купола сияли желтым и оранжевым в лучах заходящего солнца. Уже был хорошо виден стоящий перед входом священник. Его расшитые золотом тяжелые парчовые одеяния просто ослепляли. Крест на округлой шапке тоже был золотым. Мелькнула мысль, что с его стороны это проявление дурного вкуса — по яркости и пышности одежды затмить королеву, но, может, так у них положено в официальных случаях. Возможно, это способ привлечь внимание бога. Он приветственным жестом вскинул руки, отчего расправилась и стала лучше видна богато расшитая ткань. Ни зрители в толпе, ни я просто глаз не могли оторвать от этого зрелища.

Поэтому можете представить себе наше изумление, когда статуи взорвались.

ЧЕТЫРЕ

Говоря «взорвались», я именно это и имею в виду: они взорвались.

Бедные монархи каменными обломками разлетелись во все стороны, а на их месте, как лепестки только что распустившихся цветов, возникли огонь и дым. На мгновение я ошеломленно замерла — это было прямо как в боевике, с грохотом взрывов и сотрясением земли. Потом сработала выучка стража — включились критический обзор и оценка происходящего. Я мгновенно обратила внимание на то, что основная часть статуй упала за пределами сада; мелкие камни и пыль дождем сыпались на участников похоронной процессии, но на Лиссу и стоящих с ней рядом не упал ни один крупный обломок. Поскольку статуи вряд ли взорвались самопроизвольно, тот, кто сделал это, рассчитал все очень точно.

Правда, огромные вздымающиеся в небо столбы пламени выглядели устрашающе. Все бросились прочь не разбирая дороги, сталкиваясь друг с другом; началась паника. Даже носильщики гроба положили свою драгоценную ношу на землю и сорвались с места. Эмброуз немного замешкался, широко распахнутыми глазами глядя на Татьяну, но потом, взглянув на обломки статуй и огонь, тоже ринулся с толпой. Стражи пытались навести порядок, вернуть людей к прерванной процедуре похорон, но практически без толку. Все были не в себе и не могли рассуждать разумно, охваченные ужасом.

Все, кроме Лиссы.

К моему изумлению, она удивлена не была.

Взрывы не стали для нее неожиданностью.

Она не побежала, хотя люди со всех сторон проносились мимо, толкая ее. Стояла на том же месте, где была, когда статуи взорвались, изучающим взглядом разглядывая их и причиненные им повреждения. В особенности, казалось, ее волновало, не ранен ли кто-нибудь в толпе. Но нет. Как я уже говорила, пострадавших не наблюдалось, а если они и были, то лишь из-за давки.

Наконец с удовлетворенным видом Лисса повернулась и пошла вслед за остальными (именно пошла, не побежала). Отойдя совсем недалеко, она увидела шеренгу стражей, с мрачными лицами бегущих в направлении собора. Некоторые останавливались, указывая людям, куда лучше бежать, но основная масса целеустремленно и быстро двигалась к месту взрыва с намерением выяснить, что произошло.

Лисса снова остановилась, и бегущий позади парень врезался в нее, но она, казалось, не почувствовала толчка. Продолжала пристально разглядывать стражей, стараясь оценить, сколько их, и только после этого пошла дальше. Ее потаенные мысли понемногу прорывались наружу, и в конце концов для меня начали проясняться отдельные элементы плана, который она скрывала. Она была довольна. Конечно, одновременно и нервничала. Но перекрывало все ощущение...

Суматоха в тюрьме вынудила меня вернуться к себе. Привычную тишину сейчас нарушали бормотание и громкие возгласы. Я вскочила с койки и прижалась к прутьям решетки, стараясь разглядеть, что происходит. Может, это здание тоже вот-вот взорвется? Из моей камеры можно было увидеть только стену напротив, но не весь коридор и не вход. Я, однако, заметила, как стражи, обычно стоящие в дальнем конце коридора, промчались мимо меня туда, откуда доносились звуки перебранки.

Не зная, что все это означает для меня, я собралась, стараясь подготовиться к встрече с кем угодно, с другом или с врагом. Возможно, существовала какая-то экстремистская политическая группа, которая и организовала нападение на двор, выступая против морейского правительства. Оглядываясь по сторонам, я выругалась про себя, не обнаружив ничего, что можно было использовать для защиты. Разве что книга Эйба, но какой с нее толк? Будь он и впрямь таким крутым, каким старался казаться, мог бы действительно спрятать в ней напильник. Или принести что-нибудь потяжелее, вроде «Войны и мира».

Потасовка закончилась, по коридору загребели шаги. Сжав кулаки, я отступила на несколько шагов назад и приготовилась обороняться от кого угодно.

«Кто угодно» оказался Эдди Кастилем. И Майклом Теннером.

Дружеские лица — нет, этого я не ожидала. Эдди, мой старый друг еще со времен Академии, тоже новоиспеченный страж, участвовал во многих моих авантюрах, включая организацию побега Виктора Дашкова. Майкл был старше нас, где-то под тридцать, и помогал нам вернуть в прежнее состояние Дмитрия в надежде, что Соню Карп — женщину, которую он любил и которая стала стригоем, — тоже можно будет спасти. Я перевела взгляд с одного на другого.

— Что происходит?

— Я тоже рад тебя видеть, — откликнулся Эдди.

Он вспотел, все еще был в пылу боя, на лице проступили несколько явно только что полученных синяков. В руке он сжимал оружие из арсенала

стражей: что-то вроде полицейской дубинки, способной вывести противника из строя, не убивая его. А вот Майкл держал нечто гораздо более ценное: карточку-ключ и металлический ключ от моей камеры.

Мои друзья организовали побег из тюрьмы. Невероятно! Безумные затеи обычно моя прерогатива.

— Ребята, вы... — начала я с хмурым видом. Мысль о бегстве наполняла меня радостью, но как это было сделано, вот что важно. Очевидно, они сражались с моими охранниками. Пробриться сюда было нелегко. — Вы что, вдвоем уложили всех стражей в этом здании?

Майкл отпер дверь, и я тут же бросилась вон из камеры. После того как столько дней я задыхалась, чувствуя давление стен и потолка, вырваться оттуда... это было все равно что оказаться на горном обрыве, где вокруг только ветер и бескрайнее пространство.

— Роза, в этом здании нет стражей. Ну, может, один остался. И вон те.

Эдди сделал жест в том направлении, где недавно была свалка и где теперь в отключке лежали охранники. Конечно, мои друзья никого не убили.

— Все остальные на месте взрыва, — сообразила я. Отдельные фрагменты головоломки начали складываться вместе — включая и то, что взрыв не удивил Лиссу. — Ох, нет! Только не говорите, что это Кристиан взорвал древние морейские памятники!

— Конечно нет, — ответил Эдди; мое предположение, казалось, удивило его. — Если бы он это сделал, другие пользователи огня почувствовали бы это и указали на него.

— Ну, уже хорошо.

Следовало больше верить в их здравомыслие. А может, и нет.

— Мы использовали си-четыре, — объяснил Майкл.

— Где, во имя всего святого, вы...

Я смолкла, увидев, кто стоит в конце коридора. Дмитрий.

Меня очень огорчало, что, сидя в тюрьме, я не могла узнать, как у него дела. Рассказ Таши и Кристиана лишь раздражил меня. Что ж, вот и ответ. Дмитрий, во всей своей шестифутовой-семидюймовой славе, стоял у входа в коридор, величественный и устрашающий, как и положено любому богу. Проницательный взгляд карих глаз мгновенно оценивал все, стройное тело было напряжено и готово отразить любое нападение. Сосредоточенное выражение лица выдавало такое сильное душевное волнение, что просто не верилось, как это кто-то мог все еще считать его стригоем. Дмитрий просто излучал жизнь, энергию и очень походил на себя самого, каким он был, встав на мою защиту во время ареста. Более того, это был тот же Дмитрий,

которого я знала прежде. Тот Дмитрий, который вызывал у людей восхищение и страх. Тот Дмитрий, которого я любила.

— Ты тоже здесь? — Я попыталась напомнить себе, что моя запутанная любовная история не самое важное в мире. — Разве ты не под домашним арестом?

— Он сбежал, — лукаво ответил Эдди. Я уловила истинный смысл его слов: он и Майкл помогли Дмитрию в этом. — Чего еще ждать от горячего парня, который, скорее всего, все еще стригой?

— Ну и еще можно ожидать, что он бросится тебя вызволять, — подыгрывая ему, добавил Майкл. — В особенности учитывая, как он на прошлой неделе сражался за тебя. Уверен, никто не усомнится, что он освободил тебя собственными силами. Без нас.

Дмитрий молчал. Его глаза, продолжая пристально следить за обстановкой, оценивали и меня. Когда он убедился, что я не пострадала, на его лице мелькнуло облегчение.

— Пошли, — наконец произнес он. — У нас мало времени.

Это было еще мягко сказано, но я заметила в «блестящем» плане своих друзей одну брешь.

— Они не могут решить, будто он сделал это в одиночку! — воскликнула я, поняв наконец, на что намекал Майкл. Они рассчитывали представить дело так, будто Дмитрий был виновником моего бегства. Я сделала жест в сторону лежащих без сознания стражей. — Они видели ваши лица.

— А вот и нет, — произнес новый голос. — У них небольшая, вызванная воздействием духа амнезия. Очнувшись, они будут помнить лишь этого неуравновешенного русского парня. Надеюсь, без обид.

— Никаких обид, — ответил Дмитрий.

К нам приближался Адриан. Я смотрела, раскрыв рот. Вот они рядом — двое мужчин моей жизни. Адриан не производил впечатления человека, способного драться врукопашную, но выглядел таким же настороженным и серьезным, как остальные. Красивые, ясные глаза его зачаровывали — я знала, они могут быть такими, если он очень постарается. И тут до меня дошло: никаких признаков алкогольного опьянения. Выходит, то, что я видела недавно, было притворством? Или он сумел взять себя в руки? Я почувствовала, как мои губы расползаются в улыбке.

— Лисса солгала твоей маме, — сообщила я, — предположив, что ты валяешься где-то вдрызг пьяный.

Он одарил меня одной из своих циничных улыбок.

— Наверное, это было бы и умнее, и приятнее. И надеюсь, все

считают, что я именно в таком состоянии и пребываю.

— Нужно уходить! — встревоженно сказал Дмитрий.

Все повернулись к нему. Улыбки угасли. Дмитрий обладал одной особенностью — было в нем что-то, заставляющее людей верить, будто он может все и приведет их к победе. Судя по выражению лиц Майкла и Эдди, они именно так его и воспринимали. Мне это тоже казалось естественным. Даже Адриан, похоже, верил в Дмитрия, и в этот момент я восхищалась тем, что он сумел забыть о ревности — и даже рискнул своей жизнью. А ведь он не раз говорил, что не хочет принимать участия ни в каких опасных авантюрах и тайно использовать магию духа. В Лас-Вегасе, к примеру, он просто сопровождал нас в роли наблюдателя. Конечно, большую часть времени он был пьян, но, по-моему, это мало что меняло.

Я сделала несколько шагов вперед, но Адриан внезапно остановил меня, вскинув руку:

— Постой! Прежде чем пойти с нами, ты должна кое-что понять.

Дмитрий начал было протестовать, в глазах его вспыхнуло нетерпение.

— Она должна, — настаивал Адриан, бесстрашно глядя в глаза Дмитрия. — Роза, сбежав, ты практически подтвердишь свою вину. Станешь беглянкой. Если стражи найдут тебя, то убьют без всякого суда и следствия.

Все взгляды были прикованы ко мне, а я старалась осмыслить слова Адриана. Если я сбегу и буду схвачена, мне уж точно конец. Если останусь здесь, сохранится крошечный шанс, что за недолгое время, оставшееся до суда, мы сумеем найти спасительные улики. Однако если ничего нового не всплывет, мне также наверняка конец. Куда ни кинь, всюду клин. В обоих случаях вероятность погибнуть очень велика.

Меня раздирали противоречивые чувства — как, видимо, и Адриана. Мы оба понимали, что безусловно хорошего варианта попросту нет. Он волновался за меня и хотел, чтобы я понимала, чем рискую. Дмитрий, однако... С его точки зрения, обсуждать тут нечего; это ясно было написано на его лице. А ведь он всегда настаивал на соблюдении правил. Однако в этом случае? При таком скверном раскладе? Лучше рискнуть стать беглянкой, но живой, и лучше встретить смерть в бою, если уж до этого дойдет.

«Никогда не думала, что моя смерть будет заранее обозначена в календаре».

— Пошли, — сказала я.

Мы торопливо покинули здание.

— Тебе пришлось притянуть слишком много духа, чтобы навести

иллюзию на всех этих стражей, — заметила я Адриану.

— Да уж. И у меня на самом деле на многое не хватило сил. Лисса наверняка сумела бы внушить десятку стражей, что они видели призраков. А я? Мне едва удалось заставить нескольких людей забыть о Майкле и Эдди. Поэтому и потребовался человек, которого они запомнили бы, — для отвлечения внимания. Дмитрий — идеальный козел отпущения.

— Ну, спасибо тебе.

Я слегка сжала руку Адриана, и это прикосновение наполнило меня теплом. Я не стала говорить ему, что мне пока далеко до того, чтобы стать свободной; не хотелось принижать его героизм. Впереди еще масса препятствий, но я очень ценила то, что он принял участие в моем вызволении, а потом поддержал меня в решении сбежать.

Адриан искоса взглянул на меня.

— Наверное, я просто свихнулся. — Его глаза светились любовью. — Знаешь, мне кажется, ради тебя я пошел бы на что угодно. И чем глупее это было бы, тем лучше.

Мы добрались до первого этажа, и я убедилась, что Эдди не ошибался насчет охраны. Все коридоры и помещения были пусты. Не задерживаясь, мы вышли наружу, и свежий воздух прибавил мне сил.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы отведем тебя к машине, — ответил Эдди.

Гаражи были не очень далеко, но и не совсем рядом.

— Снаружи сейчас много народу, — заметила я.

— Я прибегаю к магии духа, чтобы в памяти тех, кто нам встретится, остались лишь смутные, не поддающиеся описанию образы, — сказал Адриан. Еще одно испытание его магии. Вряд ли он мог сделать больше. — Люди не будут узнавать нас, если не остановятся и не посмотрят в упор.

— А это вряд ли произойдет, — добавил Майкл. — Вряд ли на нас вообще обратят внимание. Сейчас, в этом хаосе, все слишком озабочены самими собой.

Оглянувшись по сторонам, я поняла, что он прав. Здание тюрьмы находилось далеко от собора, но к этому времени люди уже разбежались по всей территории двора. Одни торопились укрыться в своих домах, другие искали стражей, рассчитывая на защиту. А некоторые... некоторые двигались в том же направлении, что и мы, — к гаражам.

— Люди в таком ужасе, что хотят покинуть двор, — сказала я. Мы шли очень быстро, если кто нас слегка и задерживал, это Адриан — он был далеко не в такой форме, как дампиров. — В гаражах может оказаться много народу.

Машины, официально приписанные ко двору, как и те, которые принадлежали гостям, были припаркованы в одном месте.

— Это даже лучше для нас, — сказал Майкл. — Больше неразберихи.

В этот момент я была так сосредоточена на реальности, что глубоко исследовать сознание Лиссы не получалось. Лишь слегка прикоснувшись к нему, я поняла, что она в безопасности, во дворце.

— Какую роль Лисса сыграла во всем этом? — спросила я.

Поверьте, я была счастлива, что Лисса не имела отношения ко всему этому безумию с ужасными взрывами. Но, как верно заметил Адриан, она значительно превосходила его способностями во владении стихией духа. И теперь, оглядываясь назад, я понимала — она знала о плане моего спасения. Именно этот секрет она и скрывала от меня.

— Лисса должна быть вне подозрений и не иметь никакого отношения ни к твоему бегству, ни к взрывам, — жестко ответил Дмитрий, по-прежнему рассматривающий ее как свою спасительницу. — Она все время должна оставаться на виду. Как и Кристиан. — Он почти улыбнулся. Почти. — Если бы что-то взорвалось, первыми я заподозрил бы этих двоих.

— Однако, поняв, что причина взрыва не магическая, стражи исключат их из числа подозреваемых, — рассудила я и вдруг кое-что вспомнила. — Эй, а где это вы раздобыли си-четыре? Военные взрывчатые вещества такого класса — это уж чересчур, даже для вас.

Никто не успел ответить мне — внезапно прямо на нашем пути возникли три стражника. Надо полагать, не все они были около собора. Мы с Дмитрием одновременно вырвались вперед, загоразивая собой остальных. По словам Адриана, наведенная им иллюзия рассеется, если мы столкнемся с кем-нибудь лицом к лицу. Так пусть эти стражи узнают и запомнят только нас с Дмитрием. Я чисто инстинктивно, без колебаний ринулась в атаку, хотя в глубине души с болью осознавала, что именно делаю.

Я уже сражалась со стражами прежде и всегда при этом испытывала чувство вины. Так было в тюрьме «Тарасто», так было, когда королевские стражи пришли меня арестовывать. Правда, никого из них я не знала лично, просто понимала, что они мои коллеги, и это само по себе было скверно. Но сейчас? Сейчас я столкнулась с одной из самых трудных проблем своей жизни, хотя что такое трое стражей против нас с Дмитрием? Мы справимся с ними без труда. Суть в том, что я знала этих стражей. С двумя из них я сталкивалась после окончания Академии. Они работали при дворе и всегда были добры ко мне.

А третьего стража я не просто знала — это был друг. Мередит, одна из

немногих девушек в моем классе в Академии Святого Владимира. В ее глазах мелькнуло смущение; уверена, и в моих тоже. Мы обе ощущали неправильность ситуации. Однако теперь Мередит стала стражем, а чувство долга вдалбливали в наши головы всю жизнь. Она считала меня преступницей — и в то же время видела, что я на свободе, в состоянии боевой готовности. Правила предписывали ей задержать меня, и, честно говоря, ничего другого я не ожидала. Я поступила бы именно так, поменяйся мы ролями. Это был вопрос жизни и смерти.

Дмитрий взял на себя обеих парней — крутой и быстрый как никогда. Мы с Мередит бросились друг на друга. Сначала она попыталась сбить меня с ног своей тяжестью и придавить к земле. Вот только я была сильнее, и ей следовало бы это знать. Сколько раз мы боксировали в гимнастическом зале Академии? И я почти всегда побеждала. А сейчас это была не игра, не тренировочный бой. Я ринулась навстречу и нанесла сильный удар в челюсть, молясь, чтобы не сломать кость. Она продолжала сражаться, преодолевая боль, но снова я оказалась сильнее. Схватила ее за плечи и швырнула на землю. Она сильно ударилась головой, но сознания не потеряла. Мне пришлось перехватить ее за шею и сжимать пальцы, пока ее глаза не закрылись. Убедившись, что она отключилась, я отпустила ее, чувствуя, как сердце у меня переворачивается в груди.

Оглянувшись, я увидела, что Дмитрий уже одолел своих противников. Наша группа двинулась дальше, будто ничего не произошло. Я посмотрела на Эдди; он, конечно, понял, что меня гложет.

— Ты сделала что должна была, — постарался успокоить он меня. — С ней все будет в порядке. Синяки, конечно, останутся, но она придет в себя.

— Я сильно ударила ее.

— Врачи приведут ее в сознание. Черт, сколько раз такое бывало на тренировках?

Я надеялась, что он прав. Граница между тем, что правильно, а что нет, была теперь заметно размыта. Одно хорошо, рассуждала я, — Мередит была так занята мной, что вряд ли заметила Эдди и остальных. Во время схватки они держались в стороне, рассчитывая, что мы с Дмитрием отвлечем внимание на себя, а их прикроет созданная Адрианом завеса.

В конце концов мы добрались до гаражей, где действительно народу оказалось гораздо больше обычного. Некоторые морои уже уехали. Одна королевская особа билась в истерике — ключи от ее машины были у водителя, а она не знала, где он. Она громко взывала к проходящим мимо, искала кого-нибудь, способного накоротко замкнуть провода ее двигателя.

Дмитрий решительно и целеустремленно вел нас вперед — он точно знал, куда идти. Да, они как следует потрудились, разрабатывая свой план, поняла я. Наверное, главным образом вчера. Почему Лисса скрывала это от меня? Может, было бы лучше известить меня заранее?

Мы пробирались в толпе, направляясь к самому дальнему гаражу. Около него стояла темно-серая «хонда-цивик», а рядом с ней — мужчина, скрестив на груди руки и изучая ветровое стекло. Услышав наши шаги, он обернулся.

— Эйб! — воскликнула я.

Мой знаменитый отец одарил меня своей чарующей улыбкой, которая могла обмануть несведущего и обречь его на гибель.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил Дмитрий. — Ты тоже в списке подозреваемых! Предполагалось, что ты будешь держаться в стороне, как и остальные.

Эйб пожал плечами. Казалось, возмущение Дмитрия ничуть его не беспокоило, а вот я не желала бы, чтобы этот гнев был направлен на меня.

— Василиса сделает так, чтобы несколько человек поклялись, что видели меня во дворце. — Эйб обратил на меня взгляд темных глаз. — Кроме того, разве я могу уехать, не попрощавшись с тобой?

Я сердито затрясла головой.

— Это что, было частью твоего плана как моего адвоката? Вряд ли организация бегства с применением взрывчатки входит в юридическую подготовку.

— Это, безусловно, не входило в юридическую подготовку Дамона Таруса, — продолжая улыбаться, ответил Эйб. — Я говорил тебе, Роза. Не будет ни казни, ни даже суда — если я смогу избавить тебя от этого. — Он помолчал. — И конечно, я смог.

Я бросила взгляд на автомобиль. Дмитрий стоял рядом, держа в руке ключи и явно проявляя нетерпение. Припомнилось то, что сказал раньше Адриан.

— Если я сбегу, то буду выглядеть виновной.

— Тебя уже считают виновной, — сказал Эйб. — И если бы ты продолжала торчать в камере, это ничего не изменило бы. А сейчас мы просто будем иметь в своем распоряжении больше времени без угрозы того, что тебя вот-вот казнят.

— И что именно вы собираетесь делать?

— Доказать твою невиновность, — объяснил Адриан. — Ох, ну, что ты не убивала мою тетю. В чем в чем, а в этом твоей вины нет.

— Что, собираетесь уничтожить улики? — спросила я, игнорируя

подковырку.

— Нет, — ответил Эдди. — Мы должны найти того, кто действительно совершил убийство.

— Теперь, когда я на свободе, вам лучше больше не лезть во все это. Это моя проблема. Разве не за этим вы вытащили меня из тюрьмы?

— Ты не можешь решить эту проблему, оставаясь при дворе, — возразил Эйб. — Тебе придется перебраться в безопасное место.

— Да, но я...

— Мы впустую тратим драгоценное время, — перебил меня Дмитрий, скользя взглядом по другим гаражам.

Вроде бы там по-прежнему царил хаос, и все были слишком обуреваемы собственными страхами, чтобы обращать внимание на нас. Дмитрий, однако, не перестал беспокоиться. Он протянул мне серебряный кол, и я не спрашивала зачем. Это же оружие... стоит ли от него отказываться?

— Знаю, пока везде суматоха, но ты же понимаешь, стражи быстро восстановят порядок. И едва это произойдет, территория двора будет надежно заперта.

— Им и не нужно этого делать, — медленно сказала я. — Нам уже не удастся запросто покинуть двор. Нас остановят — если мы вообще сумеем добраться до ворот. Там наверняка пробка в несколько миль длиной!

— Из авторитетного источника мне стало известно, — бесстрастно сообщил Эйб, с праздным видом разглядывая свои ногти, — что совсем скоро в южной стороне откроются новые ворота.

И тут меня осенило.

— О господи! Это ты раздобыл си-четыре.

— Тебе легко говорить. — Он нахмурился. — Такие вещи просто не раздобудешь.

Терпение Дмитрия подходило к концу.

— Так, обращаюсь ко всем: Роза должна уехать немедленно. Она в опасности. Если понадобится, я потащу ее.

— Тебе вовсе не обязательно ехать со мной, — выпалила я, обиженная его последним высказыванием. Всплыли совсем свежие воспоминания о том, как Дмитрий говорил, что не любит меня и даже не хочет сохранить нашу дружбу. — Я в состоянии сама позаботиться о себе. Никому не хочу доставлять неприятности. Давай сюда ключи.

Вместо этого Дмитрий одарил меня страдальческим взглядом, давая понять, что я веду себя нелепо. Прямо как будто мы снова оказались в классе Академии.

— Роза, у меня не может быть больше неприятностей, чем уже есть. На кого-то надо свалить помощь тебе, и я — самый подходящий вариант.

Я не была так уж уверена в этом. Если Татьяна действительно сумела убедить многих, что Дмитрий не опасен, после моего побега его репутации конец.

— Уезжай. — Неожиданно Эдди быстро обнял меня. — Будем поддерживать контакт через Лиссу.

И только тут я поняла, что это сражение мне не выиграть — они все заодно. Придется, видно, и впрямь уезжать.

Я сама обняла Майкла и шепнула ему на ухо:

— Спасибо тебе. Спасибо за помощь. Клянусь, мы найдем Соню.

Не отвечая, он лишь грустно улыбнулся.

Труднее всего было расставаться с Адрианом. Я видела — для него это тоже нелегко, и неважно, насколько беззаботно он пытался улыбнуться. Его, ясное дело, огорчало и то, что я уезжаю с Дмитрием. Наше объятие длилось чуть дольше, чем с остальными, и он мягко поцеловал меня в губы. Я чуть не расплакалась при мысли о том, как храбро он вел себя в этом деле. Хотелось бы мне, чтобы он уехал со мной, но для него безопаснее было остаться здесь.

— Адриан, спасибо тебе за...

Он вскинул руку:

— Мы не прощаемся, маленькая дампирка. Встретимся во сне.

— Если ты будешь достаточно трезв.

Он подмигнул мне.

— Смог же я сейчас — ради тебя.

Оглушительный грохот обрушился на нас, справа мелькнула яркая вспышка. Люди у гаражей закричали.

— Вот видишь? — сказал Эйб, явно очень довольный собой. — «Новые ворота». Идеальный расчет времени.

Я обняла и его (без особой охоты) и ужасно удивилась, когда он не только не отстранился, но даже улыбнулся мне... с нежностью.

— Ах, дочь моя! Восемнадцать, и уже обвиняешься в убийстве, помогала преступникам. Да у тебя на счету больше смертей, чем у большинства стражей за всю жизнь. — Он помолчал. — Мне есть за что гордиться тобой.

Я закатила глаза.

— До свидания, старина. И спасибо.

Уточнять, каких преступников он имел в виду, не имело смысла. Я расспрашивала его о тюрьме, из которой впоследствии сбежал известный

преступник; ну, он, конечно, сложил два и два — и вычислил, кто стоит за освобождением Виктора Дашкова.

И вот мы с Дмитрием оказались в машине и помчались к «новым воротам». Жаль, что я не попрощалась с Лиссой. Мы, конечно, никогда не разлучаемся в полной мере — благодаря нашей связи, но никакая связь не может заменить общения лицом к лицу. Тем не менее оно того стоило — если в результате на Лиссу не падет и тени подозрения. Я надеялась на это.

Как и всегда, вел машину Дмитрий, что, по-моему, было ужасно несправедливо. Одно дело, когда я была студенткой, но сейчас? Уступит ли он мне руль хоть когда-нибудь? Впрочем, обсуждать это сейчас не имело смысла — в особенности поскольку я не собиралась оставаться с ним долго.

Некоторые люди осмелились подойти и посмотреть на проем в стене, но должностных лиц среди них не было. Дмитрий промчался через брешь так же эффектно, как когда-то Эдди через ворота тюрьмы «Тарасто», вот только «хонда» не так хорошо справлялась с ухабистой, заросшей травой местностью, как внедорожник на Аляске. Для нас проблема состояла в том, что дороги как таковой тут не было. Это находилось за пределами возможностей даже Эйба.

— Почему мы уезжаем на «хонде»? — спросила я. — Внедорожник подошел бы больше.

Не глядя на меня, Дмитрий уверенно вел машину.

— Потому что это один из самых распространенных автомобилей, и, значит, он не привлечет внимания. И бездорожье скоро закончится. На автостраде мы разовьем приличную скорость и постараемся оставить двор как можно дальше позади — прежде чем бросим машину, конечно.

— Бросим... — Я покачала головой, но не стала задавать дополнительных вопросов.

Мы выехали на грунтовую дорогу, которая после нашего ухабистого старта ощущалась почти идеально ровной.

— Послушай, теперь, когда мы уезжаем, я хочу, чтобы ты знал: я действительно имела в виду то, что говорила. В смысле, что тебе вовсе не обязательно ехать со мной. Я высоко ценю твою помощь в организации этого бегства. Правда. Но продолжать и дальше сопровождать меня... Понимаешь, это вряд ли пойдет тебе на пользу. Они будут разыскивать не столько тебя, сколько меня. Если мы разделимся, ты сможешь жить среди людей, и никто не будет обращаться с тобой как с лабораторным животным. Сможешь даже потихоньку вернуться ко двору. Таша будет драться за тебя.

Дмитрий долго не отвечал. Это сводило меня с ума. Я не из тех, кто

легко переносит молчание — оно вызывает у меня желание трещать без умолку, чтобы заполнить пустоту. К тому же чем дольше я сидела здесь, тем сильнее меня разбирало оттого, что мы с Дмитрием наедине. В смысле, по-настоящему наедине с тех пор, как он снова стал дампиром. Я чувствовала себя ужасно глупо, но, несмотря на всю рискованность и опасность ситуации... В общем, его присутствие по-прежнему потрясало своей удивительной мощью. Даже выводя меня из себя, он оставался чертовски привлекателен. Наверное, бурлящий в крови адреналин плохо влиял на мою голову.

Как бы то ни было, на меня воздействовала не только физическая привлекательность — хотя это определенно отвлекало. Его волосы, лицо, его близость ко мне, его запах... Я чувствовала все это, и кровь в жилах вскипала. Однако душевные качества Дмитрия — того Дмитрия, который только что во главе маленькой армии организовал побег из тюрьмы, — действовали на меня не менее чарующе. И я быстро осознала почему: я снова видела прежнего Дмитрия, того, который, как я опасалась, исчез навсегда. Нет, он не исчез. Он вернулся.

Наконец Дмитрий заговорил:

— Я не оставлю тебя, и никакая знаменитая логика Розы не поможет тебе разубедить меня. А если попытаешься сбежать, я тебя найду.

Можно не сомневаться, это в его силах, отчего вся ситуация лишь больше сбивала с толку.

— Но почему? Я не хочу, чтобы ты был со мной.

Меня все еще тянуло к нему, да, но это не умаляло того факта, что, поставив крест на наших отношениях, он причинил мне сильную боль. Он отверг меня. Я должна была ожесточить свое сердце против него, в особенности если хотела наладить отношения с Адрианом. Восстановить свое доброе имя и снова начать жить нормальной жизнью — до этого пока было ой как далеко, но если это произойдет, я хотела бы вернуться к Адриану свободной от прежних чувств.

— То, чего ты хочешь, не имеет значения, — сказал он. — И чего я хочу — тоже.

Ничего себе!

— Лисса просила меня защищать тебя.

— Эй, я не нуждаюсь...

— Я поклялся служить и помогать ей всю оставшуюся жизнь, о чем бы она ни попросила. Если она хочет, чтобы я был твоим телохранителем, так и будет. — Он бросил на меня предостерегающий взгляд. — Так что в ближайшее время ты от меня не отделаешься, даже не пытайся.

ПЯТЬ

Слова Дмитрия «ты от меня не отделаешься» имели отношение не только к нашему рухнувшему романтическому прошлому. Когда я сказала, что не хочу быть причиной его неприятностей, я именно это и имела в виду. Если стражи найдут меня, моя судьба будет мало отличаться от той, которой я сейчас пыталась избежать. Но Дмитрий? Он делал лишь первые шаги к тому, чтобы наше общество приняло его. Конечно, и сейчас он в значительной степени навредил себе, однако по-прежнему имел шансы добиться своего. Если он не захочет возвращаться ко двору или жить среди людей, то может вернуться в Сибирь, к своей семье. Там, на безлюдных просторах, его будет трудно найти. Община очень закрытая, и им не составит труда спрятать его, если на него объявят охоту. Другое дело — оставаться со мной; по-моему, для него это наихудший вариант. От меня требуется одно — постараться убедить его.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Дмитрий после примерно часа езды по дороге.

Мы мало разговаривали, оба погружившись в свои мысли. Проехав по нескольким проселочным дорогам, мы в конце концов оказались на шоссе, связывающем отдельные штаты, и теперь мчались... Я понятия не имела куда. Я смотрела в окно, размышляя обо всех своих бедах и о том, как мне в одиночку уладить их.

— А?

Мне почудилось, что он еле заметно улыбнулся, хотя это казалось полным абсурдом — ведь сейчас его ситуация была хуже, чем когда-либо с тех пор, как он возвратился из состояния стригоя.

— Ничего у тебя не получится, — добавил он. — Ты строишь планы, как избавиться от меня, скорее всего, когда остановимся для дозаправки. Тебе кажется, что, может, тогда у тебя появится шанс сбежать.

С ума сойти! Действительно, об этом я и думала. Он и раньше обладал способностью читать мои мысли, вот только теперь это не радовало.

Я повела рукой по сторонам:

— Все это — пустая трата времени.

— Неужели? А что, лучше было оставаться взаперти и дожидаться, пока тебя казнят? Только не начинай снова о том, что это слишком опасно для меня.

Я сердито посмотрела на него.

— Дело вовсе не только в тебе. Скрыться — не единственное, к чему я стремлюсь. Как я восстановлю свое доброе имя, если буду прятаться где-то у черта на куличках, куда, не сомневаюсь, ты меня везешь? Надо решать проблемы при дворе.

— И там у тебя много друзей, которые займутся этим. Они смогут действовать решительнее, зная, что ты в безопасности.

— Меня вот что интересует: почему никто не рассказал мне об этом... ну, в смысле, почему Лисса не рассказала? Зачем скрыла все от меня? Тебе не кажется, что от меня было бы больше толку, если бы я была подготовлена?

— Нам предстояло сражаться, не тебе, — ответил Дмитрий. — Мы опасались, что если ты узнаешь, то можешь каким-то образом нас выдать.

— Я ни за что не проговорила бы!

— Сознательно? Конечно нет. Но если бы стали заметны твоё возбуждение или беспокойство, твои стражи могли бы насторожиться.

— Ладно, теперь, когда мы уже едем, можешь сказать куда? Я права? Это какое-то глухое, удаленное место?

Никакого ответа.

Я прищурилась, не сводя с него взгляда.

— Ненавижу, когда меня отодвигают в сторону.

Её заметная улыбка на его губах стала чуть шире.

— У меня есть собственная теория: чем меньше ты знаешь, тем вернее любопытство будет удерживать тебя при мне.

— Глупость какая! — возмутилась я, хотя, честно говоря, его теория не была лишена смысла. Я вздохнула. — Когда, черт побери, все вышло из-под контроля? Когда вы взяли все на себя? Обычно я придумываю идиотские, невыполнимые планы. И считала, что в этом деле я генерал, а выходит, что едва-едва лейтенант.

Он начал что-то говорить, но потом внезапно замер; на лице возникло это настороженное, смертоносное выражение стража. Он выругался по-русски.

— Что случилось? — встревожилась я, немедленно выкинув из головы всякие мысли об идиотских планах.

Встречные фары осветили его лицо, и я увидела, что он смотрит в зеркало заднего обзора.

— За нами хвост. Не думал, что это произойдет так скоро.

— Ты уверен?

Уже заметно стемнело, количество машин на шоссе возросло. Трудно представить, как можно заметить один подозрительный автомобиль среди

такого множества, но... Это же был Дмитрий.

Он снова выругался и внезапно резко развернулся, заставив меня вцепиться в приборную доску. Резко пересек две полосы, едва не врезавшись в минивэн, отреагировавший на это сердитыми гудками. Прямо перед нами оказался выезд, и Дмитрий съехал с автострады, чуть не сбив перила ограждения. Послышались новые гудки, и, оглянувшись, я увидела фары автомобиля, в точности повторившего наш безумный маневр.

— Двор, видимо, очень быстро разослал сообщения, — сказал Дмитрий. — И кто-то для них наблюдает за междуштатными магистралями.

— Может, лучше выехать обратно на местные дороги?

Он покачал головой:

— Это чересчур нас задержит. Проблем бы не было, если бы мы успели сменить автомобиль, но они слишком быстро нашли нас. Нужно раздобыть новую машину здесь. До границы Мериленда это самый крупный город.

Согласно указателю, мы находились в Гаррисберге, штат Пенсильвания, и Дмитрий умело вел машину по забитой дороге с оживленной торговлей по сторонам; наш хвост не отставал.

— Как ты собираешься заполучить новую машину? — настороженно спросила я.

Он проигнорировал мой вопрос.

— Слушай внимательно. Это очень, очень важно — чтобы ты сделала все в точности так, как я скажу. Никакой импровизации. Никаких споров. В том автомобиле стражи, и к этому моменту они уже предупредили всех здешних стражей — возможно, даже и человеческую полицию.

— Но если полиция схватит нас — будет еще больше проблем.

— Алхимики все уладят и обеспечат, чтобы мы снова оказались в руках мороев.

Алхимики. Я могла бы и догадаться, что без них тут не обойдется. Они представляли собой тайное сообщество людей, защищающих интересы мороев и дампинов, обеспечивающих сокрытие от человечества сам факт нашего существования. Конечно, алхимики делали это не по доброте душевной. Они считали нас дурными, противоестественными созданиями и главным образом стремились добиться того, чтобы мы оставались на периферии человеческого общества. Беглые «преступники» вроде нас создавали проблему, в решении которой они определенно захотят помочь мороям.

Голос Дмитрия звучал твердо и повелительно, взгляд его неустанно

скользил по сторонам дороги.

— Что бы ты ни думала по поводу того, что за тебя все решают, как бы ни огорчалась из-за этого, ты знаешь — и мне известно, что ты знаешь, — что я ни разу не подводил тебя, когда на кону стояла наша жизнь. Ты доверяла мне раньше. Доверься и теперь.

Мне хотелось сказать ему, что он не совсем прав. Однажды он подвел меня — когда позволил стригую одолеть себя, продемонстрировав тем самым собственную небезупречность; тогда его невероятный, божественный образ в моем сознании разбился вдребезги. Но что касается моей жизни? Да, он всегда обеспечивал мою безопасность. Даже когда он был стригоем, я до конца не верила, что он может убить меня. В ночь нападения на Академию, ту самую, когда его превратили в стригоя, он тоже велел мне беспрекословно повиноваться ему, не задавая вопросов; тогда это означало уйти, предоставив ему сражаться со стригоями, но я подчинилась.

— Ладно, — ответила я. — Сделаю все, что скажешь. Только не надо разговаривать со мной свысока. Больше я не твоя студентка. Теперь мы равны.

На мгновение оторвавшись от дороги, он бросил на меня удивленный взгляд:

— Мы всегда были равны, Роза.

Растаяв, я не сообразила, что ответить, а потом уже было поздно — он снова стал сама деловитость.

— Вон. Видишь вывеску кинотеатра?

Я повела взглядом по сторонам дороги. В ночи светились вывески множества ресторанов и магазинов, но наконец я заметила то, что он имел в виду.

«ЗАПАДНОЕ КИНО».

— Да.

— Там и встретимся.

Мы что, разделяемся? Я хотела этого, но не в такой ситуации, не перед лицом опасности. Однако я обещала не спорить и прикусила язык.

— Если меня не будет через полчаса, позвони вот по этому номеру и дальше действуй самостоятельно.

Дмитрий достал из кармана пыльника и протянул мне клочок бумаги с нацарапанным на нем телефонным номером; мне он был незнаком.

«Если меня не будет через полчаса». Это мне совсем не понравилось, и у меня вырвался возглас протеста:

— Что ты имеешь в виду, говоря... Ох!

Дмитрий снова резко развернулся и проехал на красный свет, едва не

сшибив уйму машин. Водители снова загудели, но для нашего хвоста этот маневр оказался слишком неожиданным. Преследователи со свистом пронеслись мимо и притормозили, ища место, где можно развернуться.

Дмитрий между тем завел машину на маленькую парковку при галерее магазинов, где автомобили стояли почти впритирку. Я взглянула на часы, чтобы получить представление о том, сколько сейчас времени у людей. Почти восемь вечера. У мороев начало дня, у людей — время развлечений. Проехав мимо нескольких входов в галерею, Дмитрий наконец остановился около одного из них и гибким, плавным движением выбрался из автомобиля. Я быстро последовала за ним.

— Вот тут мы и разойдемся. — Он устремился к входу в магазин. — Внутри не мешкай, но и не беги. Не привлекай внимания. Смешайся с толпой. Поболтайся здесь немного, а потом уходи через любую дверь, кроме этой, держась рядом с какой-нибудь группой людей. И иди к кинотеатру.

Мы вошли в галерею.

— Давай!

Как будто опасаясь, что я не смогу двинуться с места, он легонько подтолкнул меня к эскалатору, а сам затерялся в толпе на том же этаже. Я наконец стряхнула с себя оторопь и поднялась по эскалатору. Приобретение быстрых рефлексов и инстинктивных реакций — часть нашего обучения. Я оттачивала эти навыки в Академии, в своих путешествиях и с Дмитрием.

Меня долго и упорно учили ускользать от врага, и сейчас все это знание ожило. Больше всего хотелось обернуться и посмотреть, не преследуют ли меня, но это определенно привлекло бы внимание. Логично рассуждая, мы по крайней мере на пару минут обошли преследователей. Они должны были развернуться, подъехать к галерее и кружить по парковке в поисках нашей машины — это если они догадались, что мы скрылись в магазине. Вряд ли в Гаррисберге столько мороев, чтобы быстро мобилизовать большое количество стражей. Но и тем, которые преследовали нас, придется разделить — одни будут охранять входы, другие обыскивать галерею. Здесь столько дверей, что за всеми не уследишь; угадать, через какую именно я выйду, — это вопрос чистого везения.

Я шла довольно быстро, обходя парочки, семьи с детскими колясками и хихикающих подростков. Эти последние вызывали у меня зависть — их жизнь казалась намного легче моей. Еще я проходила мимо бесчисленных магазинчиков, не вникая в то, что там продается. Впереди возник центр галереи с отходящими в разные стороны коридорами.

Оказавшись рядом с магазином аксессуаров, я зашла внутрь и сделала вид, что интересуюсь головными повязками. Незаметно оглянувшись, но не увидела ничего бросающегося в глаза. Никто не остановился; никто не вошел следом за мной в магазин. Там еще стояла большая корзина с надписью «Распродажа», наполненная самыми разными предметами. Среди них была бейсболка для девушек, ярко-розовая, со звездой впереди, выложенной из разноцветных стразов. Жуть!

Я купила ее — спасибо стражам, которые после ареста не отняли у меня завалявшуюся в кармане мелочь; наверное, посчитали, что для подкупа этого мало. Еще я купила резинку для конского хвоста, все время искоса поглядывая на дверь. Прежде чем уйти, я стянула резинкой волосы и надела бейсболку. Может, это и выглядело глупо — маскироваться подобным образом, но волосы позволяли легко опознать меня — темно-коричневые, почти черные, свисающие до середины спины (в последнее время мне было не до стрижки). Фактически, с учетом моих бросающихся в глаза волос и роста Дмитрия, мы были бы очень заметной парой, если бы расхаживали здесь вместе.

Я снова слилась с потоком покупателей, вскоре добралась до центра галереи и не колеблясь свернула влево, в «Мейси».^[1] Там я ощутила некоторую неловкость из-за своей шапки и пожалела, что у меня не было времени подыскать что-нибудь более стильное. Несколько минут спустя, заметив стража, я, напротив, порадовалась своему выбору.

Он стоял около лотка, которые всегда можно увидеть в центре торговых галерей, и делал вид, что интересуется футлярами сотовых телефонов. Я узнала его по тому, как он ухитрялся проявлять интерес к футляру с изображением зебры и в то же время скользить взглядом по сторонам. Хорошо, что с достаточно близкого расстояния дампирь всегда могут отличить друг друга от людей. В общем-то, наши расы выглядят одинаково, и все же я всегда могла опознать своего.

Стараясь не глядеть прямо на него, я почувствовала на себе его взгляд. Мне этот страж был незнаком; надо полагать, я ему тоже. Наверное, он видел лишь фотографию и выискивал девушек с моими приметными волосами. Придав себе максимально беспечный вид, я ленивым шагом прошла мимо стража, глядя в окна, позволяющие мне, не оборачиваясь, видеть его. Сердце колотилось как бешеное. Стражам дано право убить меня при первом же столкновении. Интересно, это распространяется и на центр галереи магазинов? Ну, выяснять это у меня желания не было.

Пройдя мимо лотка, я немного прибавила шаг. В «Мейси» была собственная наружная дверь, и теперь настало время выяснить, разумно ли

я поступила, выйдя не через нее, а двинувшись в этом направлении. Я прошла по галерее, спустилась по эскалатору и устремилась к выходу на первом этаже — пройдя мимо очень милой секции, где продавались красивые береты и мягкие фетровые шляпы. Я остановилась рядом с ней, не в целях сменить головной убор, а потому, что это позволило мне пристроиться к группе девушек, тоже направляющихся к выходу.

Мы покинули магазин вместе. Мои глаза быстро приспособились к смене освещения. Вокруг было множество людей, но снова ничто меня не настораживало. Девушки остановились, чтобы поболтать, создавая для меня хорошее прикрытие. Справа виднелась оживленная улица, по которой мы с Дмитрием приехали, а оттуда добраться до кинотеатра не составляло труда. Я вздохнула с облегчением и пересекла парковку, по-прежнему шаря взглядом по сторонам.

Чем дальше я отходила от галереи, тем меньше людей было на парковке. Фонари тускло освещали ее, но это не помешало нарастать довольно жуткому ощущению по мере того, как вокруг становилось все тише и тише. Импульсивно мне хотелось свернуть на улицу и по ней выйти к кинотеатру, однако спустя мгновение я решила, что это слишком привлечет ко мне внимание. Идя прямо через парковку, я гораздо быстрее доберусь до кинотеатра.

Так и оказалось — почти. Завидев кинотеатр, я осознала, что избавиться от преследования мне не удалось. Неподалеку впереди тень от фонарного столба выглядела неестественно — слишком широкой. Кто-то прятался за столбом. Не верилось, что по чистому совпадению какой-то страж выбрал это место в надежде, что мы с Дмитрием пройдем мимо. Более вероятно, что кто-то раньше заметил меня и забежал вперед, чтобы устроить засаду.

Я продолжала идти, стараясь не слишком заметно замедлять шаг, хотя все мышцы в теле напряглись для атаки. Я должна атаковать первой, должна управлять ситуацией.

Момент настал за несколько секунд до того, как сидящий в засаде собрался, по моим предположениям, напасть на меня. Я прыгнула вперед и отшвырнула его к ближайшему автомобилю. Это оказался незнакомый мне дампир. Да, он от неожиданности оторопел. Правда, оторопь стала обоюдной, когда включилась сигнализация машины, огласив ревом ночь. Я вздрогнула, но тем не менее врезала своему противнику в челюсть.

От сильного удара он приложился головой к автомобилю, но стойко выдержал это и тут же оттолкнул меня, пытаясь освободиться. Он был сильнее, а я споткнулась, но равновесия не потеряла. Недостаток силы я

возмещала скоростью. Ни один его удар не задел меня, впрочем, это не слишком радовало. Дурацкая сигнализация все еще продолжала вопить и, без сомнения, в итоге должна была привлечь внимание других стражей или человеческой полиции.

Я обежала автомобиль, страж погнался за мной, но остановился, когда мы оказались с противоположных сторон. Можно было подумать, это такая игра. Он пытался предугадать, в какую сторону я двинусь, я делала то же самое. В тусклом свете я разглядела нечто удивительное: за поясом у него был пистолет. Кровь заledenела у меня в жилах. Стражи редко носили пистолеты, хотя были обучены использовать их. Кол — вот оружие, которое мы предпочитаем. В конце концов, наше дело — убивать стригоев, а для этих целей пистолеты неэффективны. Но против меня? Да. Пистолет упростил бы его задачу, но мне почему-то казалось, что он не решается использовать его. Сигнализация машины могла включиться, если кто-то просто подошел слишком близко, но пистолетный выстрел? Тут же последует звонок в полицию. Этот парень не станет палить, пока может обойтись без этого, — но, конечно, выстрелит, если у него не останется другого выхода. Нужно торопиться.

Я метнулась к передней части автомобиля, страж попытался перехватить меня, но потом, к его удивлению, я вспрыгнула на капот (потому что, честно говоря, ничто уже не могло заставить сигнализацию вопить громче). Воспользовавшись мимолетным преимуществом, я обрушилась на противника, свалила на землю и уселась ему на живот, руками сжимая шею. Он извивался, пытаясь стряхнуть меня, и едва не преуспел в этом. Наконец нехватка воздуха сделала свое дело. Он перестал дергаться и потерял сознание. Тогда я отпустила его.

На мгновение перед моим внутренним взором возникла Мередит. Когда мы покидали двор, я применила к ней ту же технику. Я почти воочию увидела, как она распростерлась на земле, и почувствовала укол вины. Но тут же стряхнула это чувство. С Мередит все в порядке. И сейчас передо мной не Мередит. И вообще все это ерунда. Имеет значение лишь то, что страж больше не представляет для меня препятствия. Я должна убираться отсюда, и побыстрее.

Не глядя, преследует ли меня кто-нибудь еще, я рванула через парковку к кинотеатру. Остановилась лишь раз, когда воющий автомобиль остался позади, и спряталась за другой машиной. Около стража пока никого не было, но на ближней к галерее части парковки наблюдалась некоторая деятельность. Я не стала задерживаться, чтобы разглядеть, что там происходит. В любом случае ничего хорошего мне это не сулило.

Через пару минут я добралась до кинотеатра, тяжело дыша больше от страха, чем от быстрого бега. Спасибо Дмитрию — он помог мне выработать выносливость. Но где же он сам? Вокруг шатались любители кино, либо дожидаясь билетов, либо обсуждая только что увиденный фильм. Некоторые бросали на меня любопытные взгляды — видимо, из-за моего взъерошенного вида. Никаких признаков Дмитрия не обнаруживалось.

Часов у меня не было. Сколько времени прошло с тех пор, как мы разделились? Уж конечно не полчаса. Я обошла кинотеатр, стараясь затеряться в толпе и выискивая Дмитрия или новых преследователей. Ничего. Минуты убегали прочь. Я сунула руку в карман и коснулась бумаги с телефонным номером. Уходи, велел он мне. Уходи и позвони по этому номеру. Конечно, сотового телефона у меня нет, но в данный момент это волновало меня меньше всего...

— Роза!

К обочине подрулил автомобиль, из окна высунул голову Дмитрий, и я чуть не рухнула от облегчения. Ну, не рухнула, конечно. На самом деле, не тратя впустую ни секунды, я бросилась к машине и забралась на пассажирское сиденье. Без единого слова он нажал на газ и отъехал от кинотеатра на главную улицу.

Поначалу мы молчали. Он был заметно взвинчен и вел машину так быстро, как это было возможно, не привлекая внимания полиции. Одновременно он все время поглядывал в зеркало заднего обзора.

— Кто-нибудь нас преследует? — спросила я наконец, когда он выехал на шоссе.

— Не похоже. Уйдет какое-то время, прежде чем они вычислят, в каком автомобиле мы уехали.

Сначала я не обратила внимания, но теперь разглядела, что мы сидели в «хонде-аккорд», тоже выглядевшей весьма заурядно. Ключей в замке зажигания не было.

— Ты накоротко замкнул провода? — спросила я, но тут же перефразировала вопрос: — Ты что, угнал машину?

— Интересные у тебя представления о морали. Сбежать из тюрьмы — это нормально. Но стоит угнать машину, и ты возмущаешься.

— Не столько возмущаюсь, сколько удивлена. — Я откинулась на сиденье. — Я боялась... понимаешь, был момент, когда я боялась, что ты не появишься. Что они схватили тебя или еще что-нибудь произошло.

— Нет. Большая часть времени ушла на то, чтобы незаметно найти подходящую машину.

Последовала пауза.

— Ты не спрашиваешь, что произошло со мной, — с оттенком раздражения заметила я.

— Зачем? Ты здесь. Вот что важно.

— Мне пришлось драться.

— Вижу. У тебя рукав порван.

Я оглядела себя. Черт, и впрямь порван. И еще я лишилась бейсболки. Ну, невелика потеря.

— Тебя не интересуют подробности?

Его взгляд был неотрывно прикован к дороге.

— Я и так знаю. Ты одолела своего врага, сделав это быстро и правильно. Потому что ты в этом мастер.

Я задумалась над его словами. Они прозвучали сухо, по-деловому... и тем не менее улыбка тронула мои губы.

— Ладно. И что теперь, генерал? Тебе не кажется, что они изучат отчеты об украденных машинах и вычислят наш номерной знак?

— Скорее всего. Но к этому времени мы уже обзаведемся новым автомобилем... о котором им ничего не будет известно.

— Откуда тебе знать?

— Через несколько часов мы кое с кем встречаемся.

— Проклятье! Я и впрямь ненавижу узнавать обо всем последней.

«Несколько часов» привели нас в Роанок, штат Виргиния. В пути обошлось без приключений. Когда в поле зрения появился город, я заметила, что Дмитрий вглядывается в указатели съездов с магистрали. Найдя тот, который искал, он свернул на боковую дорогу, проверил, нет ли хвоста, но ничего не обнаружил. Мы снова выехали на улицу с торговыми заведениями по сторонам, и он подрулил к «Макдоналдсу», стоящему чуть в стороне от остальных зданий.

— Вряд ли это просто перерыв на обед?

— Это, — ответил он, — место, откуда начнется следующая часть нашего пути.

Он поехал вокруг парковки ресторана, взглядом выискивая что-то, хотя поначалу я не понимала, что именно. Я заметила ее на мгновение раньше его. В дальнем углу парковки, прислонившись к желтовато-коричневому внедорожнику, спиной к нам стояла женщина. Я разглядела лишь темную рубашку и взъерошенные светлые волосы до плеч.

Дмитрий подъехал к месту рядом с ее машиной, нажал на тормоза, и я выскочила из машины. Я узнала ее еще до того, как она повернулась.

— Сидни?

Это прозвучало как вопрос, хотя я не сомневалась, что это она.

Она повернула голову, и я увидела знакомое — человеческое — лицо с карими глазами, которые на солнце приобретали желтоватый оттенок, и еле заметной золотистой татуировкой на щеке.

— Привет, Роза. — Она грустно улыбнулась мне, демонстрируя пакет от «Макдоналдса». — Я подумала, вы проголодаетесь.

ШЕСТЬ

На самом деле, если хорошенько подумать, появление Сидни выглядело не более странно, чем половина того, что происходит со мной регулярно. Сидни — алхимик, мы повстречались с ней в России, когда я разыскивала Дмитрия, чтобы убить его. Она моя ровесница и была ужасно недовольна, что ее направили работать туда, хотя мне ее помощь очень пригодилась. Как Дмитрий заметил раньше, алхимики наверняка захотят помочь мороям найти и схватить меня. Тем не менее, судя по тому, как напряжены были оба в машине, стало очевидно, что она содействует нашему бегству.

С невероятным усилием я на некоторое время воздержалась от вопросов. Мы по-прежнему оставались беглецами, и, без сомнения, нас по-прежнему преследовали. У Сидни была новенькая, с иголки, машина марки «Хонда CRV» с луизианскими номерами и прокатным стикером.

— Какого черта? — спросила я. — Что, наш дерзкий побег спонсирует фирма «Хонда»? — Ответа не последовало, и я задала следующий, напрашивающийся сам собой вопрос: — Мы едем в Новый Орлеан?

Это было новое место работы Сидни. В данный момент осмотр достопримечательностей интересовал меня меньше всего, но, даже убегая, можно наткнуться на что-то хорошее.

— Нет, — ответила она, задним ходом выезжая с места парковки. — Мы едем в Западную Виргинию.

Я оглянулась на Дмитрия, сидящего сзади, в надежде, что он опровергнет ее слова; он этого не сделал.

— Надо полагать, говоря «Западная Виргиния», ты на самом деле имеешь в виду Гавайи, — сказала я. — Или еще что-нибудь столь же волнующее.

— Честно говоря, по-моему, тебе сейчас лучше избегать волнений, — заметила Сидни. Автомобильный навигатор направил ее к следующему повороту, а оттуда снова на шоссе 81. Она слегка нахмурилась. — И Западная Виргиния — это совсем неплохо.

Насколько я помнила, она была родом из Юты и, скорее всего, мало где бывала кроме родного штата. Уже давно смирившись с тем, что в этом заговоре побега мое слово ничего не значит, я перешла к следующей серии вопросов.

— Почему ты нам помогаешь?

Она состроила гримасу.

— А как ты думаешь?

— Эйб.

Она вздохнула.

— Я начинаю задаваться вопросом, стоит ли этого Новый Орлеан.

Совсем недавно я узнала, что, пользуясь своим непостижимым, практически неограниченным влиянием, именно Эйб помог ей покинуть Россию. Как он это сделал, понятия не имею. А известно мне вот что: в результате она оказалась в неоплатном долгу перед ним, и он использовал это обстоятельство, прося ее о разных услугах. Иногда я спрашивала себя — что, если эта сделка включала в себя нечто большее, чем перевод из России, может, он сделал для нее что-то еще, о чем они мне не рассказывали? Как бы то ни было, я снова начала ругать ее за то, что этого следовало ожидать, раз она заключила сделку с дьяволом. Правда, я быстро прикусила язык. Поскольку за нами гналась уйма стражей, не слишком умно было дразнить того, кто нам помогает. Я переключилась на другую тему.

— Ладно. Ну и почему мы едем в Западную Виргинию?

Сидни открыла рот, собираясь ответить, но Дмитрий опередил ее:

— Еще не пора.

Я обернулась и вперила в него яростный взгляд.

— Я по горло сыта всем этим! Мы в бегах уже шесть часов, а я по-прежнему не знаю никаких деталей. Ясное дело, наша задача — оторваться от стражей, но неужели мы всерьез собираемся в Западную Виргинию? И там превратим какую-то хижину в свой оперативный штаб? Вероятно, на том склоне горы, где нет водопровода?

Сидни испустила свой фирменный раздраженный вздох.

— Что ты знаешь о Западной Виргинии?

Мне ужасно не нравилось, что они с Дмитрием объединились в своем желании держать меня в неведении. Что касается Сидни, ее замкнутость могла быть вызвана тысячей причин. Может, таков приказ Эйба. Или у нее просто нет желания разговаривать со мной. Большинство алхимиков рассматривают дампиров и вампиров как порождение тьмы и поэтому обычно не слишком дружелюбны с нами. Время, проведенное со мной в Сибири, немного изменило эту ее точку зрения. Так я надеялась. Иногда возникало ощущение, что она просто не слишком общительна.

— Ты знаешь, что нас подставили? — спросила я ее. — На самом деле мы ничего не совершали. Они утверждают, будто я убила королеву, но...

— Знаю, — прервала меня Сидни. — Слышала. Все алхимики только

об этом и говорят. Вы двое первые в списке тех, кого мы разыскиваем.

Она пыталась придерживаться делового тона, но в полной мере не смогла скрыть неловкость. Возникло чувство, будто Дмитрий нервирует ее больше, чем я; ничего удивительного — он заставлял нервничать даже некоторых дампиров.

— Я не делала этого, — стояла я на своем.

Почему-то для меня было важно, чтобы она понимала это.

Сидни проигнорировала мое замечание.

— Тебе нужно поесть, — заявила она, — не то еда остынет. Нам предстоит ехать чуть более трех часов, останавливаясь только для дозаправки.

Она говорила тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения. Ну что тут поделаешь? В пакете я обнаружила огромную порцию картошки фри и три чизбургера. По-видимому, она еще не забыла моих вкусов. Я с трудом удержалась от того, чтобы набить рот картошкой, и предложила чизбургер Дмитрию:

— Хочешь? Чтобы поддержать силы.

Поколебавшись, он взял его и принялся разглядывать с видом некоторого удивления; до меня дошло, что обычная еда все еще внове для него — после того, чем он питался последние месяцы. Стригои поддерживают свое существование только кровью. Я дала ему также немного картошки и жадно накинулась на остальное. Сидни я ничего предлагать не стала — она всегда отличалась плохим аппетитом, а если и хотела поесть, то наверняка сделала это, дожидаясь нас.

— Думаю, это для тебя.

Дмитрий протянул мне маленький рюкзак. Я открыла его и обнаружила две смены одежды и кое-какие туалетные принадлежности. Я дважды проглядела одежду.

— Шорты, рубашки и платье. В такой одежде сражаться нельзя. Мне нужны джинсы.

Платье, надо сказать, было симпатичное: длинное, без рукавов, просвечивающее, мягких акварельных оттенков черного, белого и серого. Но совершенно непрактичное.

— Вот она, твоя благодарность, — откликнулась Сидни. — Все происходило очень быстро, я только это и успела собрать.

Оглянувшись, я увидела, что Дмитрий распаковывает свою сумку. Там тоже была одежда и в том числе...

— Пыльник? — воскликнула я, глядя, как он достает длинный кожаный плащ. Даже непонятно, как он вообще туда втиснулся. — Ты

сумела раздобыть для него пыльник, но не смогла найти для меня джинсы?

Сидни, казалось, не волновало мое возмущение.

— Эйб сказал, что это существенно. Кроме того, если все пойдет как задумано, сражаться тебе не придется.

Мне это не понравилось: вдали и в безопасности.

Зная, что мои спутники самые неболтливые люди в мире, я не рассчитывала ни на какой серьезный разговор в ближайшие три часа. Это и к лучшему: у меня появилась возможность проверить, как там Лисса. Я по-прежнему была вся на нервах из-за своего бегства, поэтому особо вникать не стала, просто произвела быструю оценку обстановки при дворе.

Как и предсказывал Дмитрий, стражи быстро восстановили порядок. Свободное передвижение по двору запрещалось, все, имеющие хоть какое-то отношение ко мне, подверглись серьезному допросу. Но они имели алиби. Всех моих друзей видели на похоронах — или, в случае Эйба, думали, что видели. Две девушки поклялись, что были с Адрианом, — к ним, видимо, тоже применили принуждение. Разочарование стражей росло, и благодаря нашей связи я чувствовала удовлетворение Лиссы.

Даже не зная точно, когда я смогу проникнуть в ее сознание, она послала мне сообщение через нашу связь: «Не волнуйся, Роза. Я позабочусь обо всем. Твое доброе имя будет восстановлено».

Я откинулась на спинку сиденья, не зная, что и думать. Всю свою жизнь я заботилась о ней, старалась защищать от любой опасности. Теперь мы поменялись ролями. Ради меня она сделала все от нее зависящее, чтобы спасти Дмитрия, а что касается этого бегства, я полностью оказалась в ее руках — и в руках тех, кто помогал ей. Вся моя натура восставала против этого. Я не привыкла, чтобы меня защищали другие, и прежде всего она.

Допросы все еще продолжались, и до Лиссы дело пока не дошло, но что-то подсказывало мне, что мои друзья продумали, как выкрутиться. Им не придется расплачиваться за мое бегство, и в данный момент реальная опасность угрожала мне одной — что было для меня предпочтительнее.

Может, Западная Виргиния и прекрасна, как утверждала Сидни, но собственного мнения составить я не могла, поскольку мы приехали туда в середине ночи. Ощущение было такое, что мы едем по горам — бесконечные туннели, подъемы и спуски напоминали американские горки. Спустя почти три часа мы въехали в маленький захолустный городок с одним-единственным светофором и рестораном, просто и без затей называющимся «Закусочная». Однако на протяжении часа на дороге отсутствовало всякое движение, и на самом деле это было важнее всего: значит, нас не преследовали.

Сидни подъехала к зданию с вывеской «Мотель». По-видимому, если речь шла о названиях, в городке предпочитали обойтись без изысков. Я не удивилась бы, если бы он так и назывался: «Городок». Когда мы шли через парковку, я почувствовала, как затекли ноги. Все тело болело, сама идея сна казалась фантастикой. С начала нашей авантюры прошло уже больше половины суток.

Сидни зарегистрировала нас под вымышленными именами, сонный портье не задал ни единого вопроса. Мы двинулись по коридору, не то чтобы грязному в полном смысле слова, но королевские особы к нему и близко не подошли бы. К стене была прислонена тележка уборщика, как будто кому-то надоело этим заниматься и он просто бросил ее. Сидни остановилась перед дверью номера и вручила нам ключ; видимо, сама она собиралась остановиться в другом номере.

— Мы будем не вместе? — спросила я.

— Если вас схватят, я не хочу оказаться рядом, — ответила она с улыбкой. И конечно, она не хотела спать в одном помещении со «злыми созданиями ночи». — Я буду поблизости. Поговорим утром.

Тут до меня дошло кое-что еще. Я с интересом посмотрела на Дмитрия:

— Мы будем в одном номере?

— Так легче защищаться, — ответила Сидни.

И в типичной для нее резкой манере покинула нас. Мы с Дмитрием поглядели друг на друга, прежде чем войти в номер. Как и все в этом мотеле, номер совсем простенький. Ковер потертый, но целый; я оценила робкую попытку приукрасить обстановку с помощью скверной картины, на которой были изображены груши. Маленькое окошко навевало грусть. Постель была одна.

Дмитрий запер дверь на засов и цепочку, после чего опустился в единственное кресло, деревянное, с прямой спинкой; однако Дмитрий, казалось, воспринимал его как самую удобную вещь на свете. Он, как обычно, выглядел настороженным, но я заметила в его лице признаки усталости. Для него это тоже была долгая ночь.

Я села на край постели.

— И что теперь?

— Будем ждать.

— Чего?

— Пока Лисса и остальные выяснят, кто убил королеву, и обелят тебя.

Я ждала дальнейших объяснений, но их не последовало. В душе нарастало недоверие. Все время я проявляла чудеса терпения, надеясь, что

Дмитрий ведет меня к какой-то таинственной цели, которая поможет разгадать загадку этого убийства. Говоря, что мы будем ждать, не имел же он в виду, что мы будем просто... ждать?

— Что мы будем делать? — требовательно спросила я. — Как поможем им?

— Мы уже объяснили тебе раньше, что, оставаясь при дворе, ты вряд ли сможешь найти разгадку. Ты должна держаться подальше от него, чтобы быть в безопасности.

Я от изумления даже не сразу нашла что сказать. Потом повела рукой по убогой комнате.

— Что, и это все? Ты собираешься прятать меня здесь? Я думала... Я думала, будет что-то еще... что-то, чтобы помочь...

— Это и есть помощь, — в своей отвратительно спокойной манере ответил он. — Сидни и Эйб нашли это местечко и пришли к выводу, что оно достаточно уединенное и здесь тебя не заметят.

Я вскочила с постели.

— Ладно, товарищ. Все хорошо, жаль только, что вы все продолжаете вести себя так, будто держать меня в стороне — это и есть помощь.

— На самом деле жаль, что нам приходится вести этот разговор снова и снова. Ответ на вопрос, кто убил Татьяну, может быть найден только при дворе, чем твои друзья и занимаются.

— Я не для того участвовала в этом высокоскоростном забеге с препятствиями и пересекла границы нескольких штатов, чтобы торчать в каком-то паршивом мотеле! И сколько ты собираешься держать меня в этом «уединенном месте»?

Дмитрий скрестил на груди руки.

— Столько, сколько понадобится. Средства позволяют нам оставаться здесь сколько угодно.

— Думаю, даже мелочи в моем кармане хватит, чтобы оставаться здесь сколько угодно! Но этого не произойдет. Я должна делать что-то. Для меня это не выход — сбежать и сидеть сложа руки.

— Уцелеть совсем не так просто, как ты думаешь.

— О господи! — простонала я. — Ты наслушался Эйба? Знаешь, когда ты был стригоем, то советовал мне держаться подальше от него. Может, воспользуешься собственным советом?

Я пожалела о своих словах, едва они сорвались с губ, и увидела в его глазах, что причинила ему сильную боль. Может, во время нашего бегства он и действовал как прежний Дмитрий, но то, что когда-то он был стригоем, все еще терзало его.

— Прости. Я не хотела...

— Мы все уже обсуждали, и не раз, — внезапно охрипшим голосом ответил он. — Лисса хочет, чтобы мы оставались здесь; значит, будем оставаться здесь.

Меня затопила ярость, загасив чувство вины.

— Вот почему ты делаешь это. Потому что Лисса велела?

— Конечно. Я поклялся служить и помогать ей.

Вот тут-то я и сломалась. Уже то было плохо, что, когда Лисса вернула его в состояние дампиря, Дмитрий решил держаться ее, а меня отверг. Неважно, что это я моталась в Сибирь и это я разузнала о брате Виктора Роберте, которому было известно, как обратить стригоя... По-видимому, все это было несущественно. Имело значение лишь то, что кол держала в руках Лисса, и Дмитрий теперь относился к ней как к какой-то богине и в архаичной рыцарской манере поклялся служить ей.

— Забудь об этом. Я не останусь здесь.

Я сделала в сторону двери три шага и успела снять цепочку, однако Дмитрий мгновенно вскочил со своего кресла и отшвырнул меня к стене. На самом деле его реакция казалась замедленной. Я ожидала, что он остановит меня после того, как я сделаю два шага.

— Ты останешься здесь, — сказал он невозмутимо, сжимая мои запястья. — Нравится тебе это или нет.

У меня был выбор. Я, конечно, могла остаться здесь, могла проторчать в этом мотеле несколько дней — и даже месяцев, — дожидаясь, пока Лисса восстановит мое доброе имя. При условии, что Лисса сможет восстановить мое доброе имя и я не отравлюсь едой из «Закусочной». Самый безопасный вариант. И самый скучный — с моей точки зрения.

Второй вариант сводился к тому, чтобы вырваться из лап Дмитрия; это было и небезопасно, и нелегко. Проблема была и в том, что в сражении с Дмитрием я не хотела убивать его или причинять ему какой-либо вред.

Или я могла просто отбросить всякую осторожность и не сдерживать себя. Черт, этот парень сражался со стригоями и с половиной королевских стражей. Он может выдержать, даже если я выложусь полностью. В Академии Святого Владимира нам вместе приходилось участвовать в нескольких серьезных стычках. Хватит ли у меня умения, чтобы сбежать? Что ж, пора выяснить это.

Я ударила его коленом в живот, чего он явно не ожидал. На мгновение его глаза расширились от удивления — и отчасти от боли, — и я воспользовалась этим, чтобы вырваться. Я даже отодвинула засов, но, прежде чем успела коснуться дверной ручки, Дмитрий снова схватил меня,

очень крепко, бросил грудью на постель и навалился всей своей тяжестью, одновременно «пришпилив» мои конечности, чтобы я не могла снова ударить его. Это всегда было моей самой большой проблемой в сражении: противники — обычно мужчины — более тяжелые и более сильные. В таких ситуациях мне помогала скорость, но в той позиции, в какой я оказалась, оставалось лишь изворачиваться. Тем не менее я боролась изо всех сил, и удерживать меня ему было нелегко.

— Прекрати! — шепнул он мне в ухо, почти касаясь его губами. — Будь благоразумна, в виде исключения. Тебе не справиться со мной.

Его прижатое ко мне тело было теплым и сильным, и я мысленно выбрала себя:

«Перестань! Сосредоточься на том, как вырваться, а не на ощущениях».

— Не я одна неблагоразумна, — проворчала я, пытаюсь повернуться лицом к нему. — Ты сам угодил в ловушку благородного обещания, не имеющего никакого смысла. И я знаю — тебе не больше моего нравится бездельничать. Помоги мне. Помоги найти убийцу и сделать хоть что-то полезное.

Я перестала вырываться, притворившись, что отвлечена нашим спором.

— Мне не нравится бездельничать, но мне также не нравится необдуманно бросаться в безнадежные предприятия!

— Безнадежные предприятия — наша специальность, — заметила я.

Тем временем я пыталась оценить, насколько крепко он держит меня. Все-таки он не расслабился, но я надеялась, что разговор отвлечет его. Дмитрий слишком опытен, чтобы утратить над собой контроль. Однако я понимала, что он устал. И может быть — ну вдруг, — он будет чуть менее внимателен, поскольку это я, а не стригой.

Не тут-то было.

Я резко вскинулась, пытаюсь выбраться из-под него, но сумела лишь перевернуться, прежде чем он снова прижал меня, теперь уже спиной, к постели. Так близко к нему... его лицо, губы... тепло его кожи... Да, похоже, я добилась лишь того, что оказалась в еще более невыгодном положении. Близость наших тел явно не производила на него никакого впечатления. На его лице застыло типичное выражение стальной решимости, и хотя это было глупо, хотя я понимала, что не должна чувствовать к нему того, чего он ко мне не чувствовал... Я ничего не могла с этим поделать.

— Один день, — сказал он. — Ты не в состоянии подождать даже один

день?

— Может, и в состоянии, если мы переберемся в отель посимпатичнее. С телевизором.

— Сейчас не время для шуток, Роза.

— Тогда позволь мне делать хоть что-то.

— Я... не могу.

Ему явно больно было говорить это, и я кое-что поняла. Я так злилась на него за то, что он заставляет меня расслаиваться без дела и играть в безопасность, а ведь и ему самому это не нравилось. Как могла я забыть, насколько мы похожи? Мы оба жаждали действия, оба хотели приносить пользу, помогать тем, о ком заботимся. Лишь его собственное решение во всем поддерживать Лиссу вынуждало его выполнять эту работу няньки. Он называл мое возвращение ко двору безрассудством, но у меня возникло ощущение, что, если бы я была на попечении его одного — или он бы так думал, — он тоже рванул бы обратно.

Я внимательно разглядывала его — исполненные решимости карие глаза, темно-каштановые волосы, завязанные в хвост; несколько прядей выскользнули из-под резинки и свисали по сторонам лица, слегка касаясь моего. Можно, конечно, попытаться вырваться снова, но в удачу плохо верилось. Он был слишком одержим идеей оберегать меня от всех опасностей. И вряд ли есть смысл высказывать ему мое подозрение о том, что он и сам хотел бы вернуться ко двору. Он готов к тому, что я буду спорить в своем обычном духе. В конце концов, это же Дмитрий. И его ничем не удивишь.

Почти.

Идея пришла мне в голову как озарение, и я даже не стала анализировать ее. Я просто действовала. Тело мое он «пришпилил» к постели, но я могла приподнять голову и шею в достаточной степени, чтобы... поцеловать его.

Когда наши губы встретились, я осознала сразу несколько вещей. Первое — что даже его можно застать врасплох. Такой поворот событий заставил Дмитрия напряженно замереть. Второе — я почувствовала, что целуется он ничуть не хуже, чем прежде. В последний раз мы целовались, когда он был стригоем. Это ощущалось сверхъестественно сексуально, но все равно несравнимо с пылом и энергией, присущей живому существу. Его губы были в точности такие, как мне помнилось со времен Академии, — мягкие и настойчивые одновременно. Что-то вроде электрического тока пробило тело, когда он ответил на мой поцелуй; удивительно бодрящее ощущение.

И это было третье, что я поняла, — он ответил на мой поцелуй. Может быть, просто может быть, Дмитрий был не так решительно настроен, как заявлял. Что, если в глубине души, под всем этим чувством вины и уверенностью, что любовь больше для него недоступна, он желал меня? Да, интересно было бы выяснить это. Жаль, времени нет.

Вместо этого я ударила его.

Это правда: я не раз была парней, которые лезли ко мне с поцелуями, но никогда того, с кем хотела целоваться. Дмитрий все еще крепко держал меня, но поцелуй притупил его бдительность. Мой кулак с силой врезался ему в челюсть, я изо всех сил оттолкнула его, спрыгнула с постели и ринулась к двери. Открывая ее, я услышала, как он поднимается на ноги. Выскочила из номера, захлопнула дверь, придвинула к ней брошенную тележку с моющими средствами и побежала по коридору. Несколько мгновений спустя я услышала звук открываемой двери и сердитый возглас — сопровождаемый очень, очень грубым ругательством по-русски, — когда Дмитрий наткнулся на тележку. Ему хватит нескольких мгновений, чтобы отодвинуть ее, но больше мне и не требовалось. Я промчалась по лестнице и выскочила в маленький вестибюль, где скучающий портье читал книгу; он чуть не выпрыгнул из кресла, когда я пронеслась мимо.

— Какой-то тип гонится за мной! — крикнула я, устремившись к двери.

Портье не был похож на человека, способного хотя бы попытаться остановить Дмитрия, а сам Дмитрий, ясное дело, не станет останавливаться, если его попросят. В большинстве экстремальных ситуаций люди звонят в полицию, но в этом городке полиция, скорее всего, состояла из одного человека и собаки.

Как бы то ни было, все это больше меня не волновало. Я удрала из мотеля и теперь находилась в центре спящего горного городка, чьи улицы утопали во мраке. Может, Дмитрий уже близко, но, нырнув в обнаружившийся неподалеку лес, я не сомневалась, что сумею затеряться в нем.

СЕМЬ

Беда была в том, что я и сама быстро заблудилась в этой темноте.

Жизнь в пустынной местности Монтаны научила меня тому, что ночь может полностью поглотить тебя, стоит отойти от хотя бы крошечных признаков цивилизации. Я даже привыкла кружить по темным лесам. Однако все в округе Академии было мне хорошо знакомо, а леса Западной Виргинии были новой, чужой местностью, и я полностью потеряла ориентацию.

Убедившись, что ушла достаточно далеко от мотеля, я остановилась и огляделась. Ночные насекомые жужжали и стрекотали, в воздухе ощущалась гнетущая летняя влажность. Глядя сквозь листву над головой, я видела сверкающую россыпь звезд на небе — и ни намека на городские огни. Чувствуя себя так, словно мне и впрямь предстоит выживать в дикой местности, я внимательно изучала звезды, пока не отыскала Большую Медведицу, что помогло определиться с направлением на север. Горы, по которым Сидни везла нас, находились на востоке; значит, это направление определенно отпадало. Казалось разумным двинуться на север, выйти на шоссе, связывающее разные штаты, а там либо проголосовать, либо даже пешком выбраться к цивилизации. План не без слабых мест, но и не самый худший.

Одета я была не слишком подходяще для прогулки, но, когда глаза привыкли к темноте, мне удавалось обходить деревья и другие препятствия. Легче, конечно, было бы идти по тропинке — однако Дмитрий наверняка ожидает, что именно так я и поступлю.

Двигаясь неуклонно на север, я постепенно и неосознанно впала в относительно ровный, устойчивый ритм. И подумала, что сейчас неплохо бы проверить Лиссу — времени в моем распоряжении сколько угодно, и нет угрозы ареста. Проникнув в ее сознание, я обнаружила, что она находится в штаб-квартире стражей, сидит в коридоре, в одном из кресел в длинном ряду, где расположились другие морей, включая Кристиана и Ташу.

— Они будут очень придирчиво допрашивать вас, — пробормотала Таша. — В особенности тебя. — Это было обращено к Кристиану. — Ты первый, кого бы я заподозрила, если бы что-то взорвалось.

Да, таково было общее мнение. Судя по встревоженному выражению лица Таши, мое бегство удивило ее не меньше, чем меня саму. Даже если

мои друзья пока не рассказали ей всю историю, она наверняка сумела сложить вместе разрозненные куски и, по крайней мере, вычислить, кто стоит за всем этим.

Кристиан одарил ее самой очаровательной своей улыбкой — словно ребенок, пытающийся увильнуть, когда его застукали.

— Сейчас они уже наверняка выяснили, что взрыв был осуществлен без помощи магии. Стражи обследовали каждый фрагмент статуй.

Он не стал углубляться в эту тему на людях, однако Лисса мыслила в том же направлении. Стражи уже поняли, что магия не имеет отношения к взрывам. И даже если мои друзья были главными подозреваемыми, власти наверняка задумались — как и я — над тем, где молодые люди смогли достать си-четыре.

Лисса положила ладонь на руку Кристиана.

— Все будет хорошо.

Мысленно она вернулась к Дмитрию и ко мне; ее интересовало, действуем ли мы в соответствии с ее планом. Она не могла в полную силу сосредоточиться на поисках убийцы Татьяны, пока не получила подтверждение, что мы в безопасности. Как и для меня, решиться на вариант моего побега из тюрьмы ей было нелегко: не исключено, что на свободе я могу оказаться в большей опасности, чем под замком. Она выглядела взвинченной и раздраженной, что не слишком мне нравилось.

«Еще бы, она использовала слишком много духа», — сообразила я.

В Академии она обуздывала себя с помощью медикаментов, а позже — исключительно путем самоконтроля. Однако по мере усложнения ситуации Лисса все больше и больше давала себе послабление. В последнее время она черпала энергию духа просто в огромных количествах, это однозначно. Раньше или позже это по-настоящему плохо скажется на ней. На нас обеих.

— Принцесса? — Из двери напротив Лиссы выглянул страж. — Мы готовы поговорить с вами.

Страж отступил, и Лисса услышала, как знакомый голос произнес в комнате:

— С вами всегда так приятно беседовать, Ганс. Нужно встречаться время от времени.

Появился Эйб, самодовольный, как всегда. Пройдя мимо стража, он улыбнулся Лиссе и Кристиану с победоносным видом, который отчетливо говорил: «Все в полном порядке», и без единого слова зашагал к выходу.

Лисса с трудом сдержала улыбку, напустила на себя серьезный вид и вместе со своими спутниками вошла в комнату. Перед ней за столом сидели три стража. Одного я видела лишь издали, по-моему, его звали Стил. Двух

других я знала хорошо. Ганс Крофт, глава придворных стражей. Рядом с ним — к моему удивлению — сидела Альберта; в Академии Святого Владимира она руководила стражами и новичками.

— Отлично, — проворчал Ганс. — Все в сборе.

Кристиан настоял, что будет присутствовать на допросе Лиссы; Таша настояла на том же в отношении его. Если бы Эйб точно знал, когда их будут допрашивать, он, скорее всего, пошел бы с ними, вместе с моей матерью.

Лисса, Кристиан и Таша уселись напротив стражей.

— Страж Петрова, — заговорила Лисса, не обращая внимания на осуждающий взгляд Ганса. — Что вы здесь делаете?

Альберта еле заметно улыбнулась Лиссе, в остальном сохраняя обычную для стражей невозмутимость.

— Я приехала на похороны, и страж Крофт высказался в том духе, что ему было бы интересно услышать во время этого расследования мнение постороннего.

— И не просто постороннего, но хорошо знающего Хэзевей и ее... мм... союзников, — добавил Ганс. Он из тех, кто предпочитает переходить сразу к сути дела. — Предполагалось, что это будет встреча только с вами, принцесса.

— Мы будем молчать как рыбы, — сказал Кристиан.

Выражение лица Лиссы оставалось спокойным и вежливым, но голос слегка дрожал.

— Я хочу помочь... Я была так... так ошеломлена всем, что произошло.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил Ганс. — Где вы были, когда взорвались статуи?

— В похоронной процессии. В королевском эскорте.

Перед Стилом лежала стопка бумаги.

— Это правда. Имеется множество свидетелей.

— Замечательно. А потом? Куда вы пошли, когда толпа запаниковала?

— Обратно в здание Совета, туда же, куда и все остальные. Я подумала, это самое безопасное место. — Ее лица я видеть не могла, но чувствовала, что она старается выглядеть испуганной. — Это страшно — когда мир сходит с ума.

— Есть свидетели, подтверждающие и это, — заметил Стил.

Ганс забарабанил пальцами по столу.

— Вы знали что-нибудь о том, что должно произойти? О взрывах? О бегстве Хэзевей?

Лисса покачала головой.

— Нет! Понятия не имела. Я вообще не думала, что из этой тюрьмы можно сбежать. Там ведь так много охраны!

— Между вами ведь существует эта... связь? — продолжал допытываться Ганс. — С ее помощью вы никаких намеков не уловили?

— Наша связь односторонняя, — объяснила Лисса. — Она читает мои мысли, а я ее нет.

— Это правда, — высказалась наконец Альберта.

Ганс не стал опровергать ее слова, но по-прежнему явно не верил в невиновность моих друзей.

— Вы осознаете, что если утаиваете какую-то информацию или помогали Хэзевей — и это будет доказано, — то последствия для вас будут почти столь же печальны, как для нее? Это относится ко всем вам. Принадлежность к королевской семье не защищает от обвинения в измене.

Лисса опустила взгляд, как будто испугавшись его угроз.

— Я просто поверить не могу... поверить не могу, что она сделала это. Мы же с ней подруги. Я думала, что знаю ее. Мне никогда и в голову не приходило, что она может кого-то убить.

Если бы не ее чувства, которые я ощущала через связь, то могла бы и обидеться. Но я понимала, что таким образом она старается дистанцироваться от меня. Умно.

— Правда? А ведь совсем недавно вы повсюду клялись, что она невиновна, — заметил Ганс.

Лисса посмотрела на него, широко распахнув глаза.

— Я так и думала! Но потом... когда я слышала, как она обошлась со стражами во время своего бегства...

На этот раз ее огорчение не было полностью наигранным. Да, она считала нужным вести себя так, будто уверена в моей виновности, но когда новость о состоянии Мередит дошла до нее... Да, она действительно была потрясена. Как и я, впрочем; хотя я, по крайней мере, знала, что Мередит поправится.

Ганс все еще воспринимал скептически ее «переход на другую сторону», но оставил эту тему.

— А что насчет Беликова? Вы клялись, что он больше не стригой, но, видно, и здесь что-то пошло не так.

Кристиан рядом с Лиссой заелозил на месте. Его, постоянно защищавшего Дмитрия, эти подозрения и обвинения раздражали все больше и больше. Лисса заметила это и заговорила сама, не дав ему сказать ни слова:

— Он не стригой!

От раскаяния Лиссы не осталось и следа, Дмитрия она была готова защищать с прежним неистовством. Она никак не ожидала, что допрос свернет в эту сторону, готовилась отстаивать меня и свое алиби. Явно довольный такой ее реакцией, Ганс пристально наблюдал за ней.

— Тогда как вы объясните, что он оказался в это замешан?

— Уж точно не потому, что он стригой, — ответила Лисса, снова стараясь взять себя в руки; сердце у нее колотилось часто-часто. — Он изменился. В нем ничего не осталось от стригоя.

— Но он напал на стражей... и не раз.

Судя по выражению лица Таши, она хотела вмешаться и тоже защитить Дмитрия, но прикусила губу. Поразительно. «Что на уме, то и на языке» — это относилось к обоим Озера.

— Не потому, что он стригой, — повторила Лисса. — И он не убил ни одного стража. Роза сделала то, что сделала... ну, не знаю почему. Может, потому что ненавидела Татьяну. Это всем известно. Но Дмитрий... Говорю вам, то, что он был стригоем, не имеет к этому никакого отношения. Он помогал ей, потому что раньше был ее наставником и думал, что она попала в беду.

— Это крайность для наставника, в особенности такого, который — до превращения в стригоя — был известен своей уравновешенностью и рационализмом.

— Да, но он не мог рассуждать рационально, потому что...

Лисса оборвала себя, внезапно осознав, что влипла. Ганс, казалось, быстро сообразил, что даже если Лисса имела отношение к недавним событиям — в чем он отнюдь не был уверен, — то она обеспечила себе непробиваемое алиби. Разговор с ней, однако, давал ему возможность разгадать другую головоломку: участие в моем бегстве Дмитрия. Дмитрий пошел на то, чтобы замкнуть все на себя, даже если это сулило окончательную утрату доверия к нему. Лисса рассчитывала убедить остальных, что его действия объясняются защитными инстинктами бывшего наставника, но, как выяснилось, этот номер проходил не со всеми.

— Почему он не мог рассуждать рационально? — продолжал давить Ганс, не спуская с нее проницательного взгляда.

Перед самым убийством королевы Ганс поверил, что Дмитрий снова стал дэмпиром. Что-то подсказывало мне — он по-прежнему так считал, но чувствовал, что за всем этим кроется нечто гораздо большее.

Лисса молчала. Она была против того, чтобы люди считали Дмитрия стригоем; она хотела, чтобы они верили — в ее силах возвращать к жизни

не-мертвых. Однако если идея того, что Дмитрий просто помогал своей бывшей студентке, кажется неубедительной, то подозрения в отношении его снова всплывают на поверхность.

Внезапно Лисса встретила взглядом с Альбертой. Та молчала, внимательно оглядывая присутствующих, — как все стражи. На ней также лежала печать мудрости, и Лисса воспользовалась магией духа, чтобы увидеть ауру Альберты. Та казалась хорошей — цвета и энергия спокойные; более того, в глазах Альберты Лисса прочла вспышку понимания и... усмотрела подсказку.

«Расскажи им, — говорили глаза Альберты. — Это создаст новые проблемы, но гораздо менее тяжелые, чем теперешние».

Лисса не сводила с нее взгляда, пытаясь вычислить, не приписывает ли Альберте собственные мысли. Ну какая разница, кому принадлежит идея? Лисса понимала, что она верна, и это главное.

— Дмитрий помогал Розе, потому что... потому что у них были... отношения.

Альберта, как я и предполагала, не удивилась; более того, явно испытывала облегчение оттого, что истина вышла наружу. Вот кто был поражен, так это Ганс и Стил.

— Говоря «отношения», вы имеете в виду... — Ганс помолчал, подбирая слова. — Вы имеете в виду романтические отношения?

Лисса кивнула. Она чувствовала себя ужасно — ведь она только что открыла секрет, который поклялась мне хранить; но я не обвиняла ее — в такой-то ситуации. Любовь — надеялась я — послужит достаточным оправданием поведению Дмитрия.

— Он любил ее, — продолжала Лисса. — И она любила его. Если он помог ей сбежать...

— Он действительно помог ей сбежать, — прервал ее Ганс. — Напал на стражей, взорвал бесценные, привезенные из Европы статуи, которым несколько веков!

Лисса пожала плечами.

— Я же сказала — он не мог рассуждать рационально. Видимо, считал ее невиновной и хотел помочь. Он сделал бы для нее все — и это никак не связано с тем, что он был стригоем.

Ганс явно не принадлежал к романтикам.

— Любовь не оправдывает все это.

— Она же несовершеннолетняя! — воскликнул Стил.

— Ей восемнадцать, — поправила его Лисса.

Ганс бросил на нее острый взгляд.

— Я умею считать, принцесса. Если только между ними не разгорелся прекрасный, трогательный роман на протяжении нескольких последних недель — большую часть которых Дмитрий провел в изоляции, — значит, он завязался еще в ваши школьные годы, что выходит за всякие рамки.

Лисса молчала, уголком глаза поглядывая на Ташу и Кристиана. Они силились сохранять безучастное выражение на лицах, но было очевидно, что новость не удивила их, и это лишь подтверждало подозрения Ганса о том, что имело место нарушение закона и порядка. Я вообще-то не думала, что Таша знала обо мне и Дмитрие, и почувствовала себя... не очень хорошо. Знала ли она также, что в какой-то степени он отверг ее из-за меня? И если да, то сколько еще людей знали? Кристиан, наверное, кое-что рассказал ей, но что-то подсказывало мне, что и другие люди начинали догадываться. Достаточно вспомнить мою реакцию после нападения стригоев на Академию. Может, посвятить в эту тайну и Ганса было не такой уж плохой идеей. Ясно же, наш секрет не долго останется секретом.

Альберта откашлялась и заговорила:

— Думаю, у нас сейчас есть более важные причины для беспокойства, чем чьи-то романтические отношения.

Стил бросил на нее укоризненный взгляд и хлопнул ладонью по столу.

— Это в высшей степени серьезно, неужели не понятно?

— Я понимаю одно — мы отвлекаемся от сути дела, — ответила она. Альберта лет на двадцать старше Стила; взгляд, которым она его одарила, откровенно говорил, что он ведет себя как ребенок. — Мне казалось, мы здесь, чтобы выяснить, были ли у мисс Хэзевей сообщники, а не для того, чтобы ворошить прошлое. Пока мы можем с уверенностью утверждать, что единственный, кто помогал ей, — это Беликов, движимый абсурдным чувством привязанности. В результате он стал беглецом, что, конечно, глупо; но все это никак не доказывает, что он стригой.

Я никогда не воспринимала свои взаимоотношения с Дмитрием как «абсурдное чувство привязанности», однако доводы Альберты были услышаны. Что-то в выражении лиц Ганса и Стила подсказывало мне, что совсем скоро о нас будут знать все на свете, но это ничто по сравнению с убийством. И это означает, что если Дмитрия схватят, то не заколют, как стригоя, а всего лишь посадят в тюрьму. Ха-ха, всего лишь! Слабое утешение.

Допрос Лиссы продолжался еще какое-то время; в конце концов стражи решили, что, по крайней мере, к моему бегству она не имеет никакого отношения. Она прекрасно разыгрывала удивление, смятение и даже сумела выжать несколько слезинок по поводу того, как сильно

ошиблась во мне. Она также применила совсем чуть-чуть принуждения — не с целью промывания мозгов, но вполне достаточно, чтобы возмущение Стила сменилось сочувствием. Прочесть реакцию Ганса было труднее; когда мои друзья уходили, он напомнил Таше и Кристиану, что разговор с каждым из них еще впереди и желательно с глазу на глаз.

Следующим в коридоре ждал своей очереди Эдди. Лисса улыбнулась ему, вполне по-дружески, без намека на какой-то заговор между ними. Тут как раз Эдди вызвали в комнату на допрос. Лисса волновалась за него, но я знала, что самообладание стража позволит ему удержаться строго в рамках заготовленной версии. Скорее всего, лить слезы, как Лисса, он не станет, но будет не менее шокирован моей «изменой», чем она.

Таша рассталась с Лиссой и Кристианом, как только они оказались в коридоре, напомнив им, что надо соблюдать осторожность.

— Пока все вроде бы идет как надо, но мне не кажется, что стражи полностью сняли с вас подозрение. В особенности Ганс.

— Между прочим, я в состоянии сам позаботиться о себе! — заявил Кристиан.

Таша закатила глаза.

— Да, я вижу, что происходит, если предоставить тебя самому себе.

— Слушай, не надо злиться из-за того, что мы не рассказывали тебе. Во-первых, у нас времени не было, а во-вторых, мы не хотели без крайней необходимости впутывать кого-то еще. Кроме того, вспомни, ты сама предлагала раньше безумные планы.

— Это правда, — согласилась Таша; кто-кто, а она никогда не была образцом для подражания, если речь заходила о том, чтобы играть по правилам. — Просто все так усложнилось — Роза в бегах, а теперь и Дмитрий...

Она вздохнула, не закончив фразы, но я и без того догадывалась, о чем она думает. При виде глубокой печали в ее глазах я почувствовала укол вины. Как и все мы, Таша страстно желала, чтобы Дмитрий восстановил свою репутацию. Однако его помощь в побеге той, кому официально предъявили обвинение в убийстве королевы, почти лишало его такого шанса. Я и сама не хотела его впутывать; может, мое нынешнее бегство еще окупит себя.

— Все устроится, — сказал Кристиан. — Вот увидишь.

Уверенным, однако, он не выглядел, и Таша улыбнулась ему.

— Просто будь осторожен, пожалуйста. Не хочу увидеть в камере и тебя. Вокруг творится такое, что у меня нет времени ходить на свидания в тюрьму. — Ее улыбка угасла, она снова была полна решимости без

обиняков говорить все, что думает. — Наша семья оскандалилась в глазах всех. Можешь поверить, они собираются выдвинуть Эсмонда в качестве кандидата! Господи боже! У нас уже случилась не одна трагедия, только этого не хватало.

— Не знаю никакого Эсмонда, — сказал Кристиан.

— Идиот, — сухо бросила Таша. — В смысле, он, не ты. Кто-то в нашей семье должен рассуждать здраво, если мы не хотим ставить себя в ложное положение.

Кристиан усмехнулся.

— Позволь высказать предположение: ты как раз и есть этот «кто-то»?

— Конечно. И я уже заготовила список весьма достойных кандидатов, — ответила она с озорным блеском в глазах, поворачиваясь к выходу.

Кристиан проводил ее взглядом. По прошествии многих лет на их семье все еще лежало позорное пятно того, что его родители добровольно стали стригоями. Таша мирилась с этим с большей легкостью — несмотря на ее нытье, — поскольку такое положение давало ей возможность участвовать в принятии важных для семьи Озера решений. Кристиан даже не пытался ни к кому подлаживаться. Происшедшее было достаточно ужасно, чтобы с ним обращались хуже, чем с любым другим мороем, чтобы не иметь стражей и всего остального, полагающегося членам королевских семей. Но встречать такое же отношение со стороны собственных родных? Это особенно его тяготило.

— Они в конце концов изменят свое мнение, — предположила Лисса с оптимизмом, которого на самом деле не испытывала.

Если Кристиан и собирался ответить, то не успел, поскольку к ним пристроился новый спутник: мой отец. Его неожиданное появление напугало обоих, но я нисколько не удивилась. Зная, что Лиссу допрашивают, он, скорее всего, болтался неподалеку, дожидаясь возможности поговорить с ней.

— Хорошо на воздухе, — любезно заметил Эйб, поглядывая на деревья и цветы с таким видом, словно они втроем просто прогуливались по территории двора. — Но будет жарко, когда взойдет солнце.

Тьма, ставшая для меня помехой в лесу Западной Виргинии, создавала приятную «полуденную» обстановку для тех, кто жил по вампирскому расписанию. Лисса искоса взглянула на Эйба, на его яркую зеленовато-голубую рубашку под бежевой спортивной курткой.

Притворная несерьезность Эйба заставила ее усмехнуться. Такая уж у него была привычка — начинать со светской беседы, прежде чем перейти к

более важным темам.

— Вы здесь не для того, чтобы рассуждать о погоде.

— Стараюсь быть вежливым, только и всего. — Он смолк, дожидаясь, пока мимо пройдут две морейские девушки, и потом спросил, понизив голос: — Надеюсь, все прошло хорошо?

— Просто прекрасно.

Она, конечно, не стала посвящать его в инцидент с «абсурдным чувством привязанности», поскольку понимала, что он печется об одном — чтобы ни на кого из них не пало и тени подозрения.

— Сейчас стражи допрашивают Эдди, — сообщил Кристиан. — И хотя позже заняться мной, но, думаю, это относится ко всем нам.

Лисса вздохнула.

— По правде говоря, у меня такое чувство, что этот допрос не так уж опасен по сравнению с тем, что нам предстоит.

Она имела в виду, что они должны вычислить настоящего убийцу Татьяны.

— Шаг за шагом, не все сразу, — пробормотал Эйб. — Не стоит поддаваться унынию, пытаюсь одним взглядом объять необъятное. Мы пока в самом начале.

— В том-то и проблема. — Лисса раздраженно отпихнула лежащую на мостовой ветку. — Я даже понятия не имею, с чего начать. Убийца Татьяны ловко замел свои следы и подставил Розу.

— Шаг за шагом, шаг за шагом, — повторил Эйб.

Он говорил в этой своей лукавой манере, которая иногда раздражала меня, но сегодня допекла и Лиссу. До сих пор вся ее энергия была сосредоточена на том, чтобы вытащить меня из тюрьмы и отправить в безопасное место.

Теперь, когда эта часть задачи была выполнена и напряжение отчасти схлынуло, тяжесть всей ситуации в целом обрушилась на нее. Почувствовав ее тревогу, Кристиан обхватил ее рукой за плечи и очень серьезным тоном заговорил с Эйбом.

— У вас есть какие-нибудь идеи? До сих пор у нас нет ни одной сколько-нибудь серьезной улики.

— Зато возникают кое-какие обоснованные предположения, — ответил Эйб. — К примеру, убийца Татьяны имел доступ в ее личные покои. Список таких людей невелик.

— Но и не так уж мал. — Загибая пальцы, Лисса начала перечислять: — Королевские стражи, ее друзья, родные... и это при условии, что никто не подменил записи стражей о ее посетителях. И, насколько нам известно,

некоторых гостей вообще никогда не отмечали в журнале. Думаю, у нее не раз бывали тайные деловые встречи.

— Что это за деловые встречи в спальне, в ночной рубашке? — задумчиво произнес Эйб. — Конечно, смотря что разуместь под делами.

Лисса внезапно остановилась: ее пронзила догадка.

— Эмброуз.

— Кто?

— Дампир... по-настоящему красивый... У них с Татьяной были... мм...

— Отношения? — с улыбкой, намекающей на недавний допрос, подсказал Кристиан.

Теперь остановился Эйб. Их с Лиссой взгляды встретились.

— Я видел его. Типичный дамский угодник.

— Он точно имел доступ в ее спальню, — сказала Лисса. — Но я просто не могу... ну, не знаю. Не могу представить, чтобы он сделал такое.

— Внешность обманчива, — заметил Эйб. — Он проявлял большой интерес к Розе в зале суда.

Теперь по-настоящему удивилась Лисса.

— О чем вы?

Эйб этим своим жестом злодея поглаживал подбородок.

— Он разговаривал с ней... или подал какой-то сигнал. Точно не знаю, но как-то они контактировали, несомненно.

Умный, наблюдательный Эйб. Заметил, что Эмброуз сунул мне записку, но не в полной мере осознал, что произошло.

— Значит, нужно поговорить с ним, — заключил Кристиан.

Лисса кивнула. В душе у нее бурлили противоречивые чувства. Волнение и радость из-за того, что появилась хоть какая-то ниточка, — и огорчение, поскольку это означало, что добрый, мягкий Эмброуз оказывается под подозрением.

— Я займусь этим, — беззаботно сказал Эйб.

Она остановила на нем тяжелый взгляд. Выражения ее лица я не видела, зато заметила, как Эйб непроизвольно сделал шаг назад и в его глазах вспыхнуло удивление. Даже Кристиан вздрогнул.

— И я хочу быть там, — заявила она решительно. — Предупреждаю вас, никаких безумных допросов с пытками без меня.

— Вы хотите присутствовать при пытках? — спросил Эйб, приходя в себя.

— Никаких пыток не будет. Мы просто поговорим с Эмброузом как цивилизованные люди, понимаете?

Она снова вперила в него твердый взгляд, и в конце концов Эйб, уступая, пожал плечами с таким видом, как будто подчиниться женщине вдвое младше него — обычное дело.

— Прекрасно. Мы сделаем это вместе.

Лисса не очень-то поверила в его готовность, и он почувствовал это.

— Так и будет, — добавил Эйб, продолжив путь. — Это подходящее время — как практически любое другое — для расследования. С приближением выборов монарха во дворе начнется суматоха. Появятся новые люди, а здешний народ будет очень занят.

Густо насыщенный влагой ветер взъерошил волосы Лиссы. В нем чувствовалось обещание жаркого дня — как и предсказывал Эйб. Лисса подумала, что лучше пораньше лечь в постель.

— Когда должны состояться выборы? — спросила она.

— Как только наконец упокоят дорогую Татьяну. События обычно происходят быстро. Правительство должно снова заработать. Ее похоронят завтра на церковном кладбище со всеми формальностями, но повторения процессии не будет. Волнение еще не улеглось.

Я испытала неприятное чувство из-за того, что церемония похорон пройдет в сокращенном варианте. С другой стороны, если в результате будет найден истинный убийца... думаю, Татьяна предпочла бы такой вариант.

— Как только похороны состоятся и начнутся выборы, — продолжал Эйб, — все королевские семьи, пожелавшие выдвинуть кандидата на корону, — и, конечно, все они пожелают, — сделают это. Вы никогда не видели выборов монарха? Это целый спектакль. Естественно, еще до проведения голосования все кандидаты должны пройти испытание.

В том, как он сказал «пройти испытание», было что-то зловещее, но в этот момент мысли Лиссы были далеко. Никакой другой королевы, кроме Татьяны, она не знала, и на нее обрушилась вся тяжесть осознания того, что предстоит смена власти.

— Новый монарх может повлиять на все, к добру или к худу. Надеюсь, это будет кто-нибудь достойный. Может, из семьи Озера. — Она с надеждой посмотрела на Кристиана, но он лишь пожал плечами. — Или Ариана Селски. Мне она нравится. Хотя вряд ли мое мнение имеет значение, — с горечью добавила она, — ведь я не могу голосовать.

Монарха выбирает Совет; значит, и в этом вопросе она останется в стороне.

— Выдвижение кандидатур — сложная процедура, — заметил Эйб, оставив без ответа ее последнее замечание. — Все семьи будут стремиться

подобрать того, кто станет отстаивать их интересы, но одновременно имеет шанс получить большинство голосов...

— Ой!

Меня грубо выдернули из расчетливого мира моройской политики назад, в леса Западной Виргинии, — и очень болезненным способом. Что-то твердое отбросило меня на плотно слежавшуюся землю, листья и ветки царапали лицо. Сильные руки держали крепко, и голос Дмитрия заговорил в ухо:

— Лучше было бы спрятаться где-нибудь в городе. — Чувствовалось, что он отчасти забавляется. Придавленная его тяжестью, я не могла двинуться. — Это последнее место, где я стал бы искать. А так получилось, что я точно знал, куда ты побежала.

— Нечего строить из себя умника... — пробормотала я сквозь стиснутые зубы, пытаюсь вырваться.

Черт побери! Он и впрямь умный. И снова наша близость вводила в заблуждение. Раньше она, похоже, действовала и на него, но, по-видимому, он усвоил этот урок.

— Ты просто удачно угадал, вот и все.

— Мне не требуется удача, Роза. Я всегда найду тебя. Все зависит от того, насколько ты хочешь усложнить себе жизнь. — Он говорил легким тоном, делающим всю ситуацию еще более нелепой. — Мы можем повторять все это снова и снова — или ты будешь благоразумна и просто останешься со мной и Сидни.

— Это не благоразумие! Это беспечность и расточительство!

Он вспотел — и от жары, и оттого, что наверняка быстро бежал, догоняя меня. Адриан пользовался одеколоном, от которого у меня всегда кружилась голова, но естественный запах теплой кожи Дмитрия опьянял тоже. Просто удивительно, что я по-прежнему замечала эти мелочи, хотя вполне обоснованно продолжала злиться на него за то, что он держит меня в плену. Может, злость действовала на меня возбуждающе?

— Сколько раз мне придется объяснять логику того, что мы делаем? — раздраженно спросил он.

— Пока не уступишь.

Я снова попыталась освободиться, с тем лишь результатом, что наши тела оказались еще плотнее прижаты друг к другу. Возникло чувство, что на этот раз фокус с поцелуем не сработает.

Он рывком поднял меня на ноги, заведя руки за спину и крепко держа их. Пространства для маневра было лишь чуть-чуть больше, чем пока я лежала на земле, — но явно недостаточно, чтобы освободиться. Он

медленно повел меня обратно.

— Я не допущу, чтобы ты и Сидни подвергали себя риску из-за меня. Я сама о себе позабочусь, просто отпусти меня!

Ему приходилось чуть ли не волочить меня. Увидев высокое, тонкое дерево, я зацепилась за него ногой. Мы остановились.

Дмитрий застонал и переместил руки, пытаясь отодрать меня от дерева. Я тут же рванулась, но не сделала и двух шагов, как он снова схватил меня.

— Роза, ты не можешь победить, — устало сказал он.

— Как лицо, болит? — спросила я.

В густом полумраке никаких следов моего удара видно не было, но я не сомневалась, что завтра появится синяк. Стыдно было уродовать его лицо таким образом, но ничего, он поправится, и, может, это преподаст ему урок, что не стоит связываться с Розой Хэзевей.

А может, и нет. Он снова потащил меня.

— Учти, будешь еще рыпаться, я закину тебя на плечо.

— Ну-ну, попробайся, — ответила я. — Интересно будет посмотреть.

— Что, по-твоему, будет чувствовать Лисса, если тебя убьют? — Он сильнее сжал руки; казалось, ему хочется хорошенько встряхнуть меня — так сильно он был расстроен. — Попробуй представить, каково это будет для нее — потерять тебя.

На мгновение я растерялась. Я не хотела умирать, но рисковать моей жизнью именно это и означало: рисковать моей жизнью, а не жизнью кого-то другого. И однако я понимала, что он прав. Моя смерть окажет на Лиссу разрушительное действие. Тем не менее... я должна была рискнуть.

— Надо верить, товарищ. Я не погибну, — упрямо заявила я.

Это был явно не тот ответ, которого он хотел.

— Есть другие возможности помочь ей, помимо твоих безумных планов.

Внезапно я перестала упираться. Дмитрий споткнулся, захваченный врасплох отсутствием сопротивления.

— Что такое? — спросил он, удивленно и подозрительно.

Я устремила взгляд в ночь, ничего не видя. Перед моим внутренним взором снова возникли неспешно идущие Лисса и Эйб, припомнилось охватившее ее чувство бессилия, желание обрести право голоса. В ушах, казалось, зазвучал голос Татьяны.

«Она — не последняя из Драгомиров. Есть еще один».

— Ты прав, — сказала я наконец.

— Прав в чем?

Дмитрий совершенно растерялся — обычная реакция, если я соглашалась с разумными доводами.

— Мое возвращение ко двору не поможет Лиссе.

Молчание. Я не могла видеть выражение его лица, но уверена — он был шокирован.

— Я пойду с тобой в мотель и не стану больше предпринимать попыток вернуться.

Еще один Драгомир. Нужно найти этого второго Драгомира. Я сделала глубокий вдох.

— Но я не собираюсь сидеть сложа руки. Я хочу кое-что сделать для Лиссы — и вы с Сидни поможете мне.

ВОСЕМЬ

Как выяснилось, я ошибалась, посчитав, что местная полиция состоит из одного человека и собаки. Вернувшись в мотель, мы с Дмитрием увидели на парковке машину с красно-голубой мигалкой и несколько человек из числа местных жителей, интересующихся, что произошло.

— Весь город собрался, — заметила я.

Дмитрий вздохнул.

— Просто дай какое-нибудь объяснение портье, ладно?

Мы остановились на некотором расстоянии от мотеля, прячась в тени какого-то обветшалого здания.

— Я думала, это тебя задержит.

— А теперь это задержит нас. — Он бросал взгляды по сторонам, в свете мигающих огней вникая в детали происходящего. — Машины Сидни нет. Хотя кое-что.

Моя самоуверенность угасла.

— И что хорошего? Нам просто не на чем ехать!

— Она нас не бросит, но у нее хватило ума уехать до того, как полиция постучалась в ее дверь. — Он повернулся и внимательно оглядел главную улицу. — Пошли. Она наверняка где-то рядом, и полицейские могут начать обыскивать все вокруг, если не разуверятся в том, что какую-то беззащитную девушку преследуют.

То, каким тоном он сказал «беззащитную», говорило о многом.

Дмитрий принял решение вернуться на дорогу, по которой мы въехали в город, посчитав, что Сидни захотела уехать отсюда после того, как я скомпрометировала наше прикрытие. Появление полиции могло создать новые сложности, но меня не терзало содеянное. Сейчас я думала только о плане, озарившем меня в лесу. И, как обычно, жаждала приступить к его выполнению немедленно. Если своими действиями я поспособствовала тому, что мы уберемся из этой дыры, так даже лучше.

Интуиция не подвела Дмитрия. Примерно в полумиле от города мы заметили на обочине внедорожник. Двигатель был выключен, фары погашены, но мое острое зрение позволило разглядеть луизианский номер. Зайдя со стороны водителя, я постучала в окно. Сидящая внутри Сидни вздрогнула и опустила стекло, сердито глядя на меня.

— Что вы вытворяете? Ладно, неважно. Залезайте.

Мы с Дмитрием подчинились. Под осуждающим взглядом Сидни я

чувствовала себя капризным ребенком. Без единого слова она завела мотор, поехала в сторону от города и в конце концов выбралась на шоссе, ведущее к междуштатной автостраде. Это вселяло надежду. Вот только, проехав несколько миль, она снова съехала с шоссе, на этот раз в каком-то пустынном, темном месте.

Заглушив двигатель, она обернулась и уставилась на меня, сидящую сзади.

— Ты сбежала?

— Да, но я...

Сидни вскинула руку.

— Не надо объяснений. Пока. Жаль, что ты не сумела сбежать, не привлекая внимания властей.

— Мне тоже, — вставил Дмитрий.

Я сердито посмотрела на обоих.

— Но я ведь вернулась.

В ответ Дмитрий выгнул дугой бровь, как бы ставя под сомнение, что я сделала это добровольно.

— И теперь я знаю, что нам нужно сделать, чтобы помочь Лиссе, — закончила я.

— Что нам нужно сделать, так это найти безопасное место и оставаться там, — заявила Сидни.

— Для начала давайте вернемся к цивилизации и поищем отель. Такой, в котором номера обслуживаются. Мы сможем сделать его своим оперативным штабом, пока будем разрабатывать план дальнейших действий.

— Мы тщательно обследовали этот городок! — воскликнула она. — И не можем поехать в какое-то место наугад — по крайней мере, поблизости. Сомневаюсь, что они зафиксировали мой номер, но могут организовать поиски машины по ее внешнему виду. Если они сделают это да еще добавят наши описания и если это дойдет до полиции штата и, значит, до алхимиков, тогда...

— Успокойся. — Дмитрий коснулся ее руки. В этом жесте не было ничего интимного, но меня пронзило чувство ревности, в особенности после грубой страсти, с которой он тащил меня по лесу. — Откуда нам знать, произойдет все это или нет? Почему бы просто не позвонить Эйбу?

— Да, — угрюмо ответила она. — Это как раз то, чего я хочу, — сообщить ему, что не прошло и двадцати четырех часов, как я провалила весь план.

— Если от этого ты почувствуешь себя лучше, могу сказать, что план в

самое ближайшее время будет пересмотрен...

— Помолчите! — взорвалась она. — Оба. Мне нужно подумать.

Мы с Дмитрием обменялись взглядами, но послушались. Когда я сказала ему, что знаю способ помочь Лиссе, он явно был заинтригован. Я понимала — сейчас его интересуют детали, но сначала нужно было уладить вопрос с Сидни.

Она включила свет в кабине и развернула бумажную карту штата. Некоторое время изучала ее, снова сложила и устремила взгляд в пространство. В конце концов испустила этот свой горестный вздох, погасила внутренний свет и, заведя двигатель, набрала на GPS-навигаторе: Алтсвуд, Западная Виргиния.

— Что там в Алтсвуде? — спросила я, разочарованная тем, что она не ввела что-нибудь вроде Атлантик-Сити.

— Ничего, — ответила она, выходя на дорогу. — Просто по навигатору это самый ближний город.

Фары проезжающего мимо автомобиля на мгновение осветили Дмитрия, и я разглядела на его лице выражение любопытства. Прекрасно. Теперь не только меня не посвящают в курс дела. Согласно GPS, до места нашего назначения было полтора часа езды. Дмитрий, однако, не стал задавать вопросов относительно выбора Сидни, а обратился ко мне:

— Так что там насчет Лиссы? В чем состоит твой грандиозный план? — Он бросил взгляд на Сидни. — Роза говорит, мы должны сделать кое-что важное.

— Это я поняла, — сухо ответила Сидни.

Дмитрий с выжидательным видом перевел взгляд на меня.

Я сделала глубокий вдох. Пришло время раскрыть секрет, который я хранила со времени слушания.

— Ну... мм... оказывается, у Лиссы есть брат или сестра. Думаю, мы должны найти его.

Мне удалось сказать это спокойно и даже небрежно, хотя сердце перевернулось в груди. У меня было много времени, чтобы обдумать записку Татьяны, но произнесение этих слов вслух делало их реальными в каком-то совсем особом смысле. До меня как будто только что дошло, что на самом деле означает эта информация и как она может изменить все.

Мое потрясение, однако, было ничто по сравнению с тем, что испытали остальные. Один — ноль в пользу Розы и эффекта неожиданности. Сидни открыла рот, не скрывая своего потрясения. Даже Дмитрий, похоже, был поражен.

Стоило им прийти в себя, стало заметно, что они готовы

запротестовать. Будут требовать доказательств или просто отметут идею как нелепую. Я начала действовать, не дожидаясь их возражений. Достала записку Татьяны, прочла ее вслух и передала Дмитрию. Рассказала о моем общении с призраком королевы, о том, как ее беспокойный дух подтвердил истинность всего, о чем говорилось в записке. Увы, скепсиса у моих спутников не убавилось.

— У тебя нет доказательств, что эту записку писала Татьяна, — заявил Дмитрий.

— У алхимиков нет сведений ни о каком другом Драгомире.

Именно этого я от обоих и ожидала. Дмитрий во всем и всегда предполагает обман или ловушку. Ставит под подозрение информацию, не подкрепленную вескими доказательствами. Сидни живет в мире фактов и свято верит в алхимиков с их всеобъемлющей информацией. Если алхимики в чем-то сомневаются, сомневается и она. Доказательство, основанное на встрече с призраком, их не убедило.

— С чего бы духу Татьяны захотеть обманывать меня? — возразила я. — И алхимики не всезнающие. В записке сказано, что эта информация хранилась в глубокой тайне от мороев; наверное, и от алхимиков тоже. По крайней мере, в таком предположении есть смысл.

Сидни насмешливо фыркнула — ей не понравилось мое замечание о том, что алхимики «не всезнающие», — но промолчала. А вот Дмитрий отказался принимать на веру мой рассказ без дополнительных доказательств.

— По твоим собственным словам не всегда ясно, что призраки пытаются сказать, — заметил он. — Может, ты неправильно поняла ее.

— Ну, не знаю... — Я воскресила в памяти ее серьезное полупрозрачное лицо. — Мне кажется, эту записку написала она. Внутренний голос говорит, что она. — Я прищурилась, глядя на Дмитрия. — Ты знаешь, что он никогда меня не обманывал прежде. Почему бы не поверить мне и сейчас?

Несколько мгновений мы пристально смотрели друг на друга. Таким сверхъестественным способом я могла узнать, что творится у него в голове. Ситуация выглядела притянутой за уши, но он знал, что интуиция обычно не обманывает меня. Неважно, через что ему пришлось пройти; неважно, какие отношения сейчас между нами, — он знал меня достаточно хорошо, чтобы доверять в этом.

Наконец он кивнул, медленно, почти неохотно.

— Но если мы решим искать этого предполагаемого родственника Лиссы, то нарушим ее приказ оставаться на месте.

— Ты веришь этой записке? — воскликнула Сидни. — Воспринимаешь все всерьез?

Я ощутила вспышку ярости, но сумела скрыть это. Конечно. Именно таким будет следующее препятствие: Дмитрий неспособен послушаться Лиссы. Сидни просто боялась Эйба — и я ее прекрасно понимала, — но у Дмитрия другая мотивация. Ведь он дал торжественную рыцарскую клятву Лиссе. И говорить ему, как нелепо выглядит его поведение... это не поможет.

— Формально, да. Но если мы сумеем доказать, что она не последняя в ее роде, это очень поможет ей. Нельзя упустить такой шанс, а от вас требуется одно — обеспечить мою безопасность во время наших поисков, вот и все дела.

Дмитрий задумался. Ох, он хорошо знал меня! Знал и то, что, не добившись своего напрямую, я пойду окольным путем.

— Ладно, — сказал он наконец, и выражение его лица изменилось. Решение было принято, а раз так, теперь он не свернет с этого пути. — Но с чего начать? Неплохо иметь хоть какие-то другие подсказки, кроме таинственной записки.

Я испытала ощущение дежавю, припомнив недавний разговор Лиссы и Кристиана с Эйбом; они тоже ломали головы над тем, с чего начать расследование. Казалось, мы с Лиссой движемся параллельными курсами: нам обоим предстояло разгадать невысказанно сложную загадку, не имея практически никаких серьезных отправных точек. Проигрывая в уме эту их дискуссию, я решила придерживаться той же линии рассуждений, что и Эйб. А именно: начать, отталкиваясь от очевидного.

— То, что это секрет, не вызывает сомнений, — заговорила я. — И кто-то, по-видимому, очень хотел тщательно скрыть его; возможно, чтобы не подпустить Драгомиров к власти. Не исключено, что этот «кто-то» и выкрал записи.

Из архива алхимиков исчезли бумаги, в которых говорилось, что Эрик Драгомир оказывал финансовую поддержку какой-то таинственной женщине. Я высказала предположение, что с большой долей вероятности эта женщина и была матерью его ребенка.

— Ты могла бы снова заглянуть в это дело.

Последние слова были обращены к Сидни. Может, наличие еще одного Драгомира и не волновало ее, но алхимики по-прежнему хотели бы знать, кто их обокрал.

— Эй, притормозите! Как это получилось, что вы вроде как у меня за спиной приняли решение? — Ее, конечно, задевало, что наша беседа

свернула туда, куда свернула, — и без нее. К тому же, учитывая, как протекала сегодняшняя ночь, она не рвалась принять участие еще в одной моей не поддающейся контролю авантюре. — Может, для вас двоих нет ничего страшного в том, чтобы нарушить приказ Лиссы, но я против Эйба не пойду. Не очень-то рассчитываю на его снисходительность.

Да, справедливое замечание.

— Я надеюсь, что он не откажется помочь дочери. Кроме того, старик обожает тайны. Поверь мне, он заинтересуется этим. Между прочим, ты уже подкинула нам самую серьезную подсказку. Ведь если Эрик давал деньги какой-то неизвестной женщине, почему бы ей не быть его тайной любовницей и матерью его ребенка?

— «Неизвестной» — ключевое слово. — Сидни явно была по-прежнему скептически настроена в отношении снисходительности Змея. — Если твоя теория верна — а это еще не факт, — мы понятия не имеем, кто эта любовница. Украденные документы нам этого не скажут, знаешь ли.

— Но есть же другие записи, так или иначе связанные с выкраденными? Или ты могла бы добыть сведения в банке, куда он отсылал деньги.

Больше всего алхимиков волновал сам факт кражи. Коллеги Сидни установили точно, какие бумаги исчезли, но мало интересовались их содержанием. Спорю, им даже в голову не пришло выявить другие документы, имеющие отношение к той же теме.

— Ты на самом деле понятия не имеешь, что стоит за словами «поиск документов»? Это не так-то просто и требует времени, — ответила она.

— Ну... наверное, в таком случае хорошо, что мы затаимся где-то в безопасном месте? — спросила я.

До меня дошло, что на разработку следующего шага нам может потребоваться время, и я пожалела о том, что мы вот так с ходу лишились своего труднодоступного убежища.

— В безопасном месте... — Сидни покачала головой. — Посмотрим. Надеюсь, я не совершаю никакой глупости.

После этих зловещих слов воцарилось молчание. Мне, конечно, хотелось бы знать побольше о том, куда мы едем, но я чувствовала — не стоит форсировать события, рискуя своей маленькой победой. По крайней мере, я думала, что одержала маленькую победу. Правда, насчет Сидни на все сто процентов не было уверенности, что она с нами, хотя Дмитрия мне, похоже, удалось убедить. Так что сейчас лучше ее не подгонять. Я посмотрела на навигатор. Еще почти час. Хватит времени, чтобы проверить, как там Лисса.

Я не сразу сообразила, где она находится; почему-то я ожидала, что она вернулась в свою комнату. Но нет, она оказалась в таком месте, где я была всего раз: в доме родителей Адриана. Удивительно. Однако, покопавшись в ее мыслях, я поняла, в чем тут дело. При дворе она обитала в гостевом доме, а теперь там царила суматоха, поскольку впавшие в панику после моего бегства гости стремились поскорее уехать. В доме Ивашковых, находящемся в районе постоянного проживания, было гораздо спокойнее — хотя некоторые их соседи тоже сбежали.

Адриан сидел в кресле, небрежно положив ноги на дорогой кофейный столик, наверняка специально подобранный для его матери дизайнером по интерьерам. Лисса и Кристиан только что вошли; она почувствовала в воздухе запах дыма — видимо, Адриан снова вернулся к своим дурным привычкам.

— Если нам повезет, — говорил он Лиссе и Кристиану, — какое-то время предки будут сильно заняты, так что хоть немного проживем в мире и покое. Ну, как, тяжелые были вопросы?

Лисса и Кристиан сели на кушетку, скорее красивую, чем удобную. Она прислонилась к приятелю и вздохнула.

— Да в общем все ничего. Не знаю, сумели ли мы окончательно убедить их, что не имеем отношения к бегству Розы... но определенно никаких доказательств этого у них нет.

— Вот только с тетей Ташей, похоже, мы влипли в большие неприятности, — добавил Кристиан. — Она жутко разозлилась, что мы не посвятили ее в свои замыслы. По-моему, она сама с удовольствием взорвала бы эти статуи.

— А мне кажется, она больше огорчена тем, что тут замешан Дмитрий, — сказала Лисса. — По ее мнению, мы лишили его шансов на признание обществом.

— Она права. — Адриан взял пульт управления и включил большой плазменный телевизор. Приглушил звук и начал переключать каналы. — Но его же никто не заставлял.

Лисса кивнула, хотя сомневалась в душе — а что, если она неумышленно подтолкнула Дмитрия? Его клятва защищать ее ни для кого не была секретом. Кристиан, видимо, почувствовал ее беспокойство.

— Насколько нам известно, он никогда не...

Стук в дверь прервал его.

— Проклятье! — Адриан встал. — Вот тебе и мир, и покой.

— Твои родители не стали бы стучать, — заметил Кристиан.

— Правда, но это, скорее всего, кто-то из их друзей хочет хлебнуть

портвейна или поболтать о нынешней молодежи, ужасной и кровожадной, — откликнулся Адриан.

Лисса услышала звуки открываемой двери и приглушенной беседы. Спустя несколько мгновений Адриан вернулся с незнакомым Лиссе молодым мороем.

— Послушай, — произнес парень, оглядываясь со смущенным видом, — я могу прийти попозже.

Заметив Лиссу и Кристиана, он замер.

— Нет-нет. — Удивительно! Переход Адриана от сварливости к сердечности произошел так быстро, словно щелкнули выключателем света. — Уверен, она вот-вот вернется. Вы знакомы?

Парень кивнул, стреляя взглядом по их лицам.

— Конечно.

Лисса нахмурилась.

— Я тебя не знаю.

Адриан продолжал улыбаться, но Лисса почувствовала — происходит что-то важное.

— Это Джо, тот швейцар, который свидетельствовал, что я не был с Розой, когда убили тетю Татьяну. Он работает в здании, где живет Роза.

Лисса и Кристиан выпрямились.

— Повезло, что тебя нашли до судебного заседания, — осторожно заметил Кристиан.

Какое-то время они очень боялись, что Адриана могут привлечь вместе со мной, но Джо объявился как раз вовремя, чтобы свидетельствовать, когда именно видел в здании меня и Адриана.

Джо попятился.

— Мне правда нужно идти. Просто скажите леди Ивашковой, что я заходил — и что покидаю двор. Но все улажено.

— Что улажено? — медленно поднимаясь, спросила Лисса.

— Она... Она знает.

Я не сомневалась — ничего пугающего в облике Лиссы нет: все такая же миловидная и хрупкая. Однако судя по выражению лица Джо... Наверное, его напугал ее взгляд. Я вспомнила, как при недавнем разговоре этот ее взгляд подействовал на Эйба.

— Правда, — повторил Джо. — Мне нужно идти.

Он снова двинулся к двери, но внезапно я почувствовала, как волна духа захлестнула Лиссу. Джо остановился, и она подошла к нему.

— О чем ты хотел поговорить с леди Ивашковой? — требовательно спросила Лисса.

— Полегче, кухня, — пробормотал Адриан. — Чтобы получить ответ, не обязательно использовать столько энергии.

Лисса применила к Джо принуждение, такое мощное, что он в ее руках практически превратился в марионетку.

— Деньги, — хватая ртом воздух и широко распахнув глаза, пробормотал Джо.

— Какие деньги? — спросила она.

Джо заколебался, как будто мог воспротивиться ей, но очень быстро сдался — слишком велика была сила принуждения, да еще с использованием магии духа.

— Деньги... деньги за свидетельство... о том, где он был. — Джо качнул головой в сторону Адриана.

Спокойствие Адриана тут же улетучилось.

— Что значит «где я был»? В ту ночь, когда умерла тетя? Ты хочешь сказать...

Кристиан быстрее него понял, что имел в виду Джо.

— Леди Ивашкова заплатила тебе, чтобы ты сказал, будто видел Адриана?

— Я и вправду его видел! — воскликнул Джо; он весь взмок. Адриан был прав: Лисса использовала слишком много духа, так много, что это физически вредило Джо. — Я просто... Я просто... Я не помню время... Я вообще время не запоминаю. Так я и другому мужчине сказал. Она заплатила мне, чтобы я указал время, когда он там был.

Адриану все это не нравилось, совсем не нравилось. К его чести, он сумел сохранить спокойствие.

— А кто этот другой, о котором ты говоришь?

— Да, кто еще был с ней? — подхватила Лисса.

— Никого с ней не было! Леди Ивашкова просто хотела, чтобы ее сын был чист, и ради нее я обманул их... А тот мужчина... другой... ну, он пришел позже... Он хотел знать, когда Хэзевей была там.

В прихожей послышался звук открываемой двери. Лисса подалась вперед, снова «включив» принуждение.

— Кто? Кто это был? Чего он хотел?

Сейчас Джо выглядел так, будто ему совсем нехорошо. Он сглотнул.

— Не знаю я, кто это был! Я его раньше не видел. Какой-то морой. Хотел, чтобы я свидетельствовал, когда видел Хэзевей. Заплатил больше, чем леди Ивашкова. Никому же не повредит... — Он устремил на Лиссу отчаянный взгляд. — Никому же не повредит, что я помог обоим... в особенности раз Хэзевей все равно сделала это.

— Адриан? — зазвенел в коридоре голос Даниэллы. — Ты здесь?

— Закругляйся, — негромко предостерег Адриан Лиссу.

— Как он выглядел? — мягко, не сводя взгляда с Джо, спросила она. — Этот морой? Опиши его.

По деревянному полу коридора зацокали каблучки.

— Не знаю я! Клянусь! Простой. Обычный. Вот разве что рука...
Пожалуйста, позвольте мне уйти...

Адриан оттолкнул Лиссу в сторону, разорвав контакт между нею и парнем. Джо практически осел на пол, но потом опять напрягся, встретившись взглядом с Адрианом. Снова принуждение — но гораздо слабее того, что применяла Лисса.

— Забудь обо всем, — прошептал Адриан. — Этого разговора не было.

— Адриан, что ты...

Даниэлла остановилась в дверном проеме гостиной, вглядываясь в открывшуюся ей мизансцену. Кристиан сидел на кушетке, но Адриан и Лисса были всего в нескольких дюймах от Джо, чья рубашка промокла от пота.

— Что происходит? — воскликнула Даниэлла. Адриан сделал шаг назад и одарил мать очаровательной улыбкой, так пленяющей женщин.

— Этот парень зашел повидаться с тобой, мама. Дожидаясь, пока ты вернешься, мы поболтали с ним, а теперь собираемся уходить.

Даниэлла перевела взгляд с сына на Джо. Она была явно сбита с толку и одновременно встревожена. Слова Адриана об «уходе» удивили Лиссу, но она последовала его примеру. Как и Кристиан.

— Рада была повидаться с вами, — сказала Лисса, пытаясь изобразить улыбку в стиле Адриана.

Джо выглядел потрясенным. Приказ Адриана наверняка привел к тому, что бедняга забыл даже, как вообще оказался в доме Ивашковых.

Не успела Даниэлла и слова произнести, как Адриан вышел в сопровождении Лиссы и Кристиана.

— Что это было, черт побери? — спросил Кристиан, как только они оказались снаружи.

Я не поняла, что он имел в виду — мощное принуждение Лиссы или откровения Джо.

— Не знаю, — мрачно, без тени улыбки ответил Адриан. — Но нужно поговорить с Майклом...

— Роза!

Мягкий голос Дмитрия вернул меня к нему и Сидни. Без сомнения, он

узнал характерное выражение моего лица и понял, где я была.

— Как там, все в порядке?

Он, конечно, имел в виду двор. Я кивнула, хотя слова «в порядке» не совсем точно отражали то, свидетелем чего я стала. А свидетелем чего я стала? Признания в лжесвидетельстве? Откровений по поводу фальсификации некоторых доказательств против меня? Меня мало волновал тот факт, что Джо солгал ради безопасности Адриана. Адриан не имел отношения к убийству Татьяны — пусть же остается чист и на свободе. Меня заинтересовала вторая часть. Что это за «обычный» морой, уплативший Джо, чтобы тот солгал, когда точно я находилась дома, и тем самым лишил меня алиби?

Не успела я хорошенько обдумать последствия увиденного, как заметила, что машина стоит. Затолкав информацию о Джо в глубину сознания, я попыталась оценить новую ситуацию. На переднем сиденье мерцал экран ноутбука Сидни, и она искала что-то, прокручивая страницы.

— Где мы?

Я выглянула в окно и в свете фар с грустью увидела заправку.

— В Алтсвуде.

По-моему, тут не было ничего, кроме заправки.

— По сравнению с этим тот последний городишко — прямо Нью-Йорк.

Сидни закрыла ноутбук, передала его мне, и я поставила его на заднее сиденье рядом с собой и рюкзаками, которые она чудесным образом успела прихватить из мотеля. Включив двигатель, она отъехала с парковки. Неподалеку я разглядела шоссе и ожидала, что она свернет к нему. Увы, вместо этого она поехала мимо заправки, во тьму. Как и в предыдущем случае, нас окружали горы и леса. Узкая дорога уводила все глубже и глубже. Хотя я не могла видеть лица Сидни, но ощущала ее тревогу.

Минуты тянулись словно часы, и наконец узкая дорога привела нас на большую, плотно утрамбованную поляну. Там были припаркованы другие машины, в основном старые с виду. Странное место для парковки — вокруг стеной уходил в небо темный лес. Сидни заглушила двигатель.

— Это что-то вроде палаточного лагеря? — спросила я.

Не отвечая, она посмотрела на Дмитрия.

— Ты и впрямь такой крутой, как говорят?

— Что? — удивился он.

— Я имею в виду, в сражении. Все только и твердят, как опасно с тобой связываться. Это правда? Ты и впрямь настолько крутой?

Дмитрий задумался.

— Ну, есть немного. Я фыркнула.

— Он очень крутой.

— Надеюсь.

Сидни протянула руку к дверной ручке; я тоже открыла свою дверцу.

— А я тебя не интересую?

— Я и так знаю, как опасно с тобой связываться, — ответила она. —

Сама видела.

Ее комплимент звучал приятно, но успокаивал мало. Мы пошли через парковку.

— Почему мы остановились здесь?

— Потому что дальше придется идти пешком.

Она включила фонарик, зашарила лучом по сторонам и наконец осветила вьющуюся между деревьями тропинку, такую узкую и заросшую, что ее легко можно было не заметить.

— Вон туда.

Сидни свернула в ту сторону.

— Постой, — сказал Дмитрий.

Он встал перед ней, я немедленно заняла место замыкающей. Стандартный боевой порядок стражей. Мы защищали ее с обеих сторон, как если бы она была мороем. Всякие мысли о Лиссе выскочили у меня из головы, все внимание было сосредоточено на текущей ситуации, все чувства обострены на случай потенциальной опасности. Судя по выражению лица Дмитрия, он тоже мобилизовался. Оба мы сжимали в руках колья.

— Куда мы идем? — спросила я, стараясь не зацепиться за корень, не угодить в яму на тропинке и чувствуя, как ветки царапают руки.

— К тем, кто точно вас не выдаст.

Не успели новые вопросы сорваться с моих губ, как внезапно вспыхнул ослепительно-яркий свет. К этому моменту мои глаза приспособились к темноте и не могли мгновенно перестроиться. Среди деревьев слышался шелест, возникло ощущение, что там прячется много народу. Когда зрение вернулось, я разглядела вокруг лица вампиров.

ДЕВЯТЬ

К счастью, это оказались морои.

Что не помешало мне вскинуть кол и придвинуться ближе к Сидни. Никто не нападал на нас, но я сохраняла боевую позицию, хотя... вряд ли это имело значение. Пристально вглядываясь, я увидела, что мы плотно окружены кольцом примерно из десяти человек. Мы не солгали Сидни — скорее всего, я и Дмитрий смогли бы справиться и с такой группой, хотя это было бы нелегко в таком ограниченном пространстве. Поняла я и еще кое-что — не все они морои, только те, кто ближе к нам, а за их спинами виднелись дампирь. И яркий свет, который, как я подумала вначале, создавали факелы или электрические фонарики, на самом деле исходил от огненного шара, который держала в руках одна моройка.

Вперед вышел один из мороев, примерно возраста Эйба, с косматой каштановой бородой и серебряным колом в руке. Кол выглядел грубее моего, но его острие тоже могло причинить вред. Скользнув взглядом по нашим с Дмитрием лицам, мужчина опустил кол, пристально посмотрел на Сидни и внезапно потянулся к ней. Мы с Дмитрием рванулись, чтобы остановить его, но остальные тоже рванулись, чтобы остановить нас. Я чуть не накинулась на них, но замерла, когда придушенный голос Сидни произнес:

— Подождите...

Сжимая ее подбородок, бородатый морой повернул голову Сидни таким образом, чтобы свет упал ей на щеку, осветив золотистую татуировку. Он отпустил Сидни и сделал шаг назад.

— Девушка с лилией, — проворчал он.

Остальные слегка расслабились, хотя демонстрировали готовность напасть, если их спровоцируют. Моройский вожак переключил внимание на меня и Дмитрия.

— Вы здесь, чтобы присоединиться к нам? — настороженно спросил он.

— Нам нужно укрыться, — сказала Сидни, ощупывая горло. — Их преследуют... порченые.

Женщина с огненным шаром скептически оглядела нас.

— Они больше похожи на шпионов порченных.

— Королева порченных мертва, — сказала Сидни и кивнула на меня. — Они думают, что это сделала она.

Любопытство подталкивало меня начать расспросы, но я сдержалась, понимая, что при таком странном повороте событий лучше предоставить инициативу Сидни. Я не понимала ее слов. Она сказала, что нас преследуют порченые, и я подумала, что она пытается внушить этим людям, будто речь идет о стригоях. Теперь, после упоминания о королеве, я засомневалась. И еще я сомневалась, насколько это умно — обозначить меня как потенциальную убийцу королевы. Создавалось впечатление, что бородатый запросто сдаст меня, чтобы получить вознаграждение. Судя по состоянию его одежды, оно ему не помешало бы.

К моему удивлению, он расплылся в улыбке.

— Значит, еще один узурпатор пал. Новый уже есть?

— Нет, — ответила Сидни. — Выборы вскоре состоятся.

Улыбки на лицах сменились презрительными гримасами, послышались осуждающие замечания по поводу выборов.

— Как еще можно выбрать нового монарха?

— Единственным истинным способом, — ответил ближайший дамбир, — существующим с очень давних времен. В сражении до последней капли крови.

Я решила, что это шутка, но парень явно говорил серьезно. Мне хотелось спросить Сидни, во что она нас втянула, но к этому моменту мы, по-видимому, выдержали проверку. Их вожак повернулся и двинулся по тропинке. Остальные последовали за ним, понуждая и нас идти с ними. Прислушиваясь к их разговорам, я обратила внимание на акцент. У портье в мотеле был очень сильный южный акцент, что вполне объяснимо в этой части страны. Эти люди говорили в том же духе, но к их речи примешивалось что-то еще, напоминающее, к моему удивлению, акцент Дмитрия.

Я была так взвинчена и напряжена, что не обратила внимания на то, как долго мы шли. В конце концов тропинка вывела нас к чему-то, напоминающему укрытый в глубине леса палаточный лагерь. Посреди поляны пылал огромный костер, вокруг сидели люди. Но по одной стороне дороги, расширившейся до улицы, были разбросаны настоящие дома, и это создавало иллюзию маленького городка или, по крайней мере, деревни. Дома выглядели маленькими, убогими, и все же это были дома. С другой стороны от костра, закрывая собой звезды, резко уходили вверх горы. В свете пламени на горном склоне были хорошо различимы большие валуны, растущие там и тут деревья, перемежающиеся какими-то темными дырами.

Я переключилась на сидящих вокруг костра — их было человек тридцать. Когда мы и наши сопровождающие подошли, все разговоры

смолкли. Прежде всего я обратила внимание на их количество — воин во мне автоматически подсчитывал противников, планируя нападение. Потом, в точности как раньше, я вгляделась в лица. Снова морои, вампиры и, к моему крайнему удивлению, люди.

И это не были «кормильцы»; ну, не в том смысле, как я привыкла их воспринимать. На шеях некоторых людей даже в трепещущем свете костра можно было различить следы укусов, но, судя по серьезному выражению их лиц, они не сдавали кровь регулярно. Эти люди не были одурманены. Замешавшись среди мороев и вампиров, они сидели, стояли, разговаривали, занимались какими-то привычными делами; чувствовалось, что все в целом входит в какую-то единую общину. Может, эти люди наподобие алхимиков? Может, у них какие-то деловые отношения с мороями и вампирами?

Наш плотный эскорт начал рассеиваться, и я пододвинулась к Сидни.

— Ради бога, кто это такие?

— Хранители, — негромко ответила она.

— Хранители? Что это значит?

— Это значит, — ответил бородатый морой, — что, в отличие от вас, отступников, мы храним прежние, единственно правильные устои.

Я во все глаза смотрела на этих «хранителей» в изношенной одежде и на их грязных, босоногих детей. Учитывая, как далеко от цивилизации мы забрались и как темно было даже на небольшом расстоянии от костра, я готова была поспорить на что угодно, что у них нет электричества. У меня чуть было не вырвалось, что, по моим понятиям, это совсем не те условия, в которых должны жить люди. Однако, вовремя вспомнив, с какой легкостью они рассуждали о «сражении до последней капли крови», я сошла за лучшее держать свои мысли при себе.

— Зачем они здесь, Раймонд? — спросила сидящая у костра женщина. Она была человеком, но обращалась к бородатому морюю попросту и даже фамильярно, не в той отстраненной манере, в какой «кормильцы» обычно разговаривают с мороями. И даже не тем натянутым тоном, каким общаются друг с другом вампиры и алхимики. — Они хотят присоединиться к нам?

Раймонд покачал головой.

— Порченые гонятся за ними из-за убийства своей королевы.

Я хотела было возразить, но Сидни ткнула меня локтем. Я стиснула зубы, ожидая, что толпа набросится на меня с осуждением, но вместо этого с удивлением обнаружила, что все смотрят на меня со смешанным выражением благоговейного ужаса и восхищения — прямо как те, которые

встретили нас в лесу.

— Мы приютим их, — объяснил Раймонд, широко улыбаясь нам, уж не знаю почему: то ли одобряя, что мы убийцы, то ли из-за прикованного к нему всеобщего внимания. — Хотя будем рады, если они предпочтут поселиться здесь. У нас есть места в пещерах.

В пещерах? Я вскинула голову к уходящему ввысь склону и только сейчас поняла, что это за темные дыры. Прямо у меня на глазах некоторые люди отходили от костра и исчезали в глубинах горы.

Пока я боролась с охватившим меня ужасом, заговорила Сидни:

— Нам нужно задержаться здесь... — Она заколебалась; неудивительно, учитывая, насколько расплывчатыми были наши новые планы. — Всего на пару дней, скорее всего.

— Можете остановиться у меня, — предложил Раймонд. — Даже ты.

Последние слова были обращены к Сидни и прозвучали как любезность.

— Спасибо, — ответила она. — Мы признательны за возможность провести ночь в вашем доме.

Ударение на последнем слове было рассчитано на меня, поняла я. Деревянные дома вдоль пыльной дороги не выглядели роскошными даже при самом пылком воображении, но все равно я без колебаний отдавала им предпочтение перед пещерами.

Деревня — или община, или как там у них это называлось — пришла в заметное волнение, когда новости распространились среди ее обитателей. Они осыпали нас градом вопросов, начиная с самых простых, о наших именах, и заканчивая конкретными уточнениями того, как именно я убила Татьяну.

От ответа на последний вопрос меня избавило то, что женщина, прежде разговаривавшая с Раймондом, вскочила и ворчливо обратилась к остальным:

— Хватит! Уже поздно, и я уверена, что наши гости голодны.

Честно говоря, я просто умираю с голоду, но не была уверена, настолько ли, чтобы съесть тушеного опоссума, или что тут у них принято называть едой. Слова женщины были встречены с некоторым недовольством, но она заверила остальных, что они смогут поговорить с нами завтра. Оглянувшись, я увидела, что небо на востоке слегка порозовело. Восход. Эти морои, придерживающиеся традиционных устоев, жили по ночному расписанию, а это означало, что через несколько часов все лягут спать.

Сообщив, что ее зовут Сара, женщина повела нас по пыльной дороге.

Раймонд крикнул, что скоро присоединится к нам. По пути мы видели людей, бродящих около редких, обветшалых домов, — возможно, они собирались лечь спать или, наоборот, проснулись, разбуженные всеобщей суматохой. Сара посмотрела на Сидни.

— Ты привезла нам что-нибудь?

— Нет. Я просто сопровождаю их.

Сара выглядела разочарованной.

— Важное дело.

Сидни, казалось, испытывала неловкость.

— Как давно наши люди вам что-нибудь доставляли?

— Несколько месяцев назад.

Лицо Сидни помрачнело, но она ничего не сказала.

В конце концов Сара ввела нас в один из самых больших и приятных с виду домов; правда, совсем простой и построенный из некрашенных досок. Внутри царил полный мрак; пришлось подождать, пока хозяйка разожгла старомодные фонари. Я оказалась права — никакого электричества. Интересно, а как тут у них с туалетом и водопроводом?

Пол, тоже деревянный, покрывали большие ковры с яркими узорами. По-видимому, мы находились в комнате, представляющей собой гибрид кухни, гостиной и столовой. В центре — большой очаг, деревянный стол с креслами с одной стороны и большими подушками — с другой; надо полагать, они заменяли софу. Рядом с очагом стояла подставка с сушеными травами, наполняя комнату острым ароматом, который смешивался с запахом горелого дерева. В дальней стене виднелись три двери, и Сара кивнула на одну из них.

— Вы можете спать в комнате девочек, — сказала она.

Я поблагодарила ее, хотя представления не имела, как выглядит предложенная нам комната. Мне уже не доставало мотеля.

Я с любопытством разглядывала Сару — примерно ровесница Раймонда, в простом голубом платье до колен. Светлые волосы связаны сзади в пучок; мне она показалась невысокой, как и большинство людей.

— Вы домоправительница Раймонда?

Ни в какой другой роли я ее себе не представляла. На шее виднелись следы нескольких укусов, но «кормильцем» она точно не была. По крайней мере, в полном смысле этого слова. Может, здесь «кормильцы» еще и помогают по дому?

Она улыбнулась.

— Я его жена.

— Ох! — вырвалось у меня.

Сидни бросила на меня пронзительный взгляд, отчетливо говорящий: «Оставь это!» Я стиснула челюсти и коротко кивнула ей в знак понимания.

Вот только я все равно не понимала. У мороев и дампиров часто случаются кратковременные романы. Женщинам-дампирам без этого просто нельзя. Более длительные связи всегда носят скандальный характер, но совсем исключить их нельзя.

Однако морои и люди? Это уже за пределами понимания. Эти расы на протяжении столетий сторонились друг друга. Давным-давно они создали дампиров, но по мере того, как прогрессировал современный мир, морои полностью отказались от смешения (в интимном смысле) с людьми. Мы, конечно, живем среди них. Морои и дампиры работают бок о бок с людьми по всему миру, покупают дома по соседству с ними и заключают странные соглашения с тайными обществами вроде алхимиков. И конечно, морои питаются кровью людей — и это главное. Если ты держишь человека рядом с собой, то лишь в качестве «кормильца». Вот такой уровень интимности. «Кормильцы» — еда, чистая и простая. Еда, с которой хорошо обращаются, да; но не еда, с которой водят дружбу. А морой, занимающийся сексом с дампиркой? Пикантно. А морой, занимающийся сексом с дампиркой и пьющий ее кровь? Грязно и унижительно. Но уж морой, занимающийся сексом с человеческой женщиной, независимо от того, пьет ее кровь или нет? Непостижимо.

Мало что на свете может шокировать или оскорбить меня. Когда речь идет о романтических отношениях, я весьма либеральна; однако идея брака человеческой женщины и мороя... у меня просто крышу сносило! Это не проблема, если женщина в той или иной степени «кормилица» — кем, по-видимому, была Сара — или занимает позицию «над» — как Сидни. Люди и морои не могут быть вместе, и точка. Это примитивно, неправильно — вот почему больше такого не происходит. По крайней мере, в моем мире.

«В отличие от вас, отступников, мы храним прежние устои».

Забавно! Каким бы неправильным все это мне ни казалось, Сидни с ее неприятием вампиров должна была испытывать еще более сильные эмоции. Правда, для нее это было не внове, что, по-видимому, помогало ей сохранять спокойствие. Не то что мне и, между прочим, Дмитрию. Что-то подсказывало мне, что он разделяет мои чувства, просто лучше меня умеет скрыть удивление.

Суматоха у двери вывела меня из прострации. Появился Раймонд, и не один. На его плечах сидел мальчик-дампир лет восьми, и девочка-моройка примерно того же возраста торопливо семенила рядом. Следом за ними вошла хорошенькая моройка лет за двадцать, а за ней дампир года на два

старше меня, а может, и моих лет.

Всех представили друг другу. Детей звали Фил и Молли, а моройскую женщину Паулеттой. Похоже, все они жили здесь, но вычислить, кто кому кем приходится, у меня не получалось — за исключением дампирского парня по имени Джошуа, примерно моего ровесника, сына Раймонда и Сары. Он улыбался всем нам — в особенности мне и Сидни, — а его глаза очень походили на сверкающие прозрачно-голубые глаза всех Озера. Только если в семье Кристиана преобладали темноволосые, Джошуа был почти блондином, с волосами песочного цвета со светло-золотистыми прядями. Должна признать, эффектное сочетание, но ошеломленная часть сознания напомнила мне, что он рожден от союза человека с мороем, а не дампиря с мороем, как я. Конечный продукт получился тот же самый, но средства, которыми это было достигнуто, казались ужасно неестественными.

— Я разместила их в вашей комнате, — сказала Сара Паулетте. — А вы все можете переночевать в верхней спальне.

Не сразу, но я поняла, что ее «вы все» включает в себя Паулетту, Джошуа, Молли и Фила. Подняв взгляд, я действительно увидела нечто вроде верхнего этажа, по ширине занимающего примерно половину дома. На первый взгляд маловато места для четверых людей.

— Не хотелось бы стеснять вас, — сказал Дмитрий, как бы прочтя мои мысли. Почти на всем протяжении этого приключения в чаще леса он помалкивал, экономя энергию для действия. — Мы могли бы прекрасно устроиться там.

— Не беспокойтесь. — Джошуа снова одарил меня очаровательной улыбкой. — Мы не возражаем. И Ангелина тоже будет не против.

— Кто? — спросила я.

— Моя сестра.

Я чуть было не состроила гримасу, но сдержалась. Значит, пятеро будут спать в тесноте ради того, чтобы мы ночевали в комнате.

— Спасибо, — сказала Сидни. — Мы очень ценим это и не задержимся надолго.

Справившись со своей неприязнью к миру вампиров, алхимики могут быть очень вежливы и гостеприимны — если пожелают.

— Очень жаль, — вставил Джошуа.

— Хватит флиртовать, Джош, — одернула его Сара и добавила, обращаясь к нам: — Хотите перекусить перед сном? Я могу подогреть тушеное мясо. Мы уже поели раньше. И еще есть испеченный Паулеттой хлеб.

Слова «тушеное мясо» снова пробудили мои страхи по поводу опоссума или чего-нибудь в этом роде.

— Не стоит, — поспешно ответила я. — Лично мне вполне хватит хлеба.

— Мне тоже, — сказал Дмитрий.

Интересно почему? Не хочет, чтобы они хлопотали, или разделяет мои опасения? Дмитрий казался человеком, который сумеет выжить в любой дикой местности.

По-видимому, Паулетта испекла много хлеба, потому что нам досталась целая буханка да еще и миска с маслом, которое Сара, наверное, сбивала сама. Поели мы в своей комнате, небольшой, примерно такого размера, как моя спальня в общежитии в Академии. На полу лежали два туго набитых матраца, аккуратно прикрытые лоскутными одеялами; учитывая время года, их, скорее всего, уже несколько месяцев не использовали по назначению. Уминая ломоть удивительно вкусного хлеба, я провела рукой по одному из таких одеял.

— Напоминает узоры, которые я видела в России.

— Да, похоже, — откликнулся Дмитрий. — Но не в точности то же самое.

— Эволюция культуры, — заявила Сидни; видимо, она слишком устала, чтобы воздерживаться от поучительного тона. — Традиционные русские узоры распространились по эту сторону океана и в итоге смешались с типично американскими узорами из разноцветных лоскутков.

— Надо же!

— Мм, спасибо за информацию.

Предоставив нас самим себе, семья шумно готовилась отойти ко сну. Вряд ли нас могли подслушать, несмотря на растрескавшуюся дверь, но на всякий случай я понизила голос:

— Можешь наконец объяснить, кто, черт побери, эти люди?

— Хранители.

— Да, это я слышала. А мы порченые, хотя, по-моему, это название больше подходит стригоям.

— Нет. — Сидни прислонилась к деревянной стене. — Стригой — потерянные. Вы порченые, потому что влились в современный мир, отказавшись от древних обычаев в угоду своим удобствам.

— Ну да, мы не расхаживаем в рабочей одежде.

— Роза, будь осторожна. — Дмитрий с хмурым видом кивнул на дверь. — Мы только что видели людей в рабочей одежде.

— Если это доставит вам удовольствие, — сказала Сидни, — могу

сказать, что лично мне больше нравится ваш образ жизни. Видеть, как люди сходятся со всеми этими... — Профессионально любезное выражение лица, припасенное для хранителей, исчезло, откровенная, даже резкая натура взяла свое. — Это отвратительно. Надеюсь, без обид.

— Какие могут быть обиды... Поверь, я испытываю те же чувства, — с содроганием ответила я. — Просто не верится, что они так живут.

Похоже, она была довольна, что я разделяю ее мнение.

— Мне нравится, что вы держитесь своих. Вот только...

— Вот только что?

Теперь она, казалось, испытывала неловкость.

— Хотя вы и не заключаете браков с людьми, но по-прежнему взаимодействуете с ними и живете в их городах. А местные обитатели нет.

— Что, конечно, предпочтительнее для алхимиков, — сообразил Дмитрий. — Вы не одобряете их обычаев, но вам нравится, что они держатся вдали от основной массы человечества.

Сидни кивнула.

— Чем больше вампиров, которые по собственной инициативе прячутся в лесах, тем лучше — даже если они ведут безумный образ жизни. Хранители держатся сами по себе — и не подпускают других.

— Поэтому они настроены так враждебно? — спросила я.

Нас встретил боевой отряд, и Сидни это не удивило. Все они были готовы сражаться: морои, дампирьы и люди.

— Ну, не так уж враждебно, — уклончиво ответила она.

— Они же пропустили нас, — заметил Дмитрий. — Они знают алхимиков. Почему Сара спрашивала, не привезла ли ты им что-нибудь?

— Потому что мы это делаем, — ответила Сидни. — Таким группам мы время от времени доставляем припасы — еду для всех, медикаменты для людей. — И снова в ее голосе послышалась насмешка. Помолчав, она добавила уже чуть смущенно: — Вообще-то, если Сара права, они ждут приезда алхимиков. Это просто наше «везенье» — если мы окажется здесь, когда это произойдет.

Я хотела снова заверить ее, что нам нужно залечь всего на пару дней, как вдруг вспомнила только что прозвучавшие слова.

— Постой-ка! Ты сказала «таким группам». Сколько таких общин существует? — Я посмотрела на Дмитрия. — Это не похоже на алхимиков? Делать что-то втайне от нас?

Он покачал головой.

— Я удивлен всем этим не меньше тебя.

— Некоторые ваши лидеры наверняка знают о хранителях, пусть и в

самых общих чертах, — ответила Сидни. — Но где точно они находятся, им неизвестно. Хранители умеют прятаться и могут легко сняться с места, если их обнаружат. Они сторонятся вас. Не любят вас.

Я вздохнула.

— Вот почему они не выдадут нас. И вот почему они так взволновались, узнав, что я, возможно, убила Татьяну. Кстати, спасибо, что подкинула им эту идею.

Сидни не считала нужным извиняться.

— Это обеспечивает нам защиту. — Она подавила зевок. — И что теперь? Я совсем без сил и не в состоянии обсуждать всякие безумные планы, твои или Эйба, пока не выплыву.

Я понимала, что она устала, но только сейчас до меня дошло, в какой степени. Сидни не похожа на нас. Мы тоже нуждались в сне, но обладали выносливостью, позволяющей повременить с этим, если понадобится. Она бодрствовала всю ночь и столкнулась с ситуациями, в которых определенно не чувствовала себя комфортно. И выглядела так, словно могла заснуть прямо здесь и сейчас, привалившись к стене. Я посмотрела на Дмитрия.

— Посменно? — спросила я.

Ясное дело, ни он, ни я не оставим нашу группу без охраны, пусть даже в глазах всех мы выйдем героями, якобы убившими королеву.

Он кивнул.

— Ложись ты первой, а я...

Дверь распахнулась, мы с Дмитрием мгновенно вскочили. Там стояла девочка-дампирка, сердито глядя на нас. Она была года на два младше меня, примерно ровесница моей подруги Джил Мастрано, студентки Академии, которая очень хотела научиться сражаться. Эта девочка выглядела так, словно тоже хотела этого — судя хотя бы по ее воинственной позе. Как и большинство дампиров, стройная, хорошо сложенная, она, казалось, в любой момент готова была наброситься на нас. Прямые волосы до пояса, темно-рыжие, прорежались отдельными выгоревшими на солнце золотистыми прядями. Глаза у нее были голубыми, в точности как у Джошуа.

— Значит, это вы — те герои, которые заняли мою комнату, — заявила она.

— Ангелина? — догадалась я, вспомнив упоминание Джошуа о сестре.

Она прищурилась, явно недовольная моей осведомленностью.

— Да.

Она устремила на меня прямой, изучающий взгляд, и, казалось,

увиденное ей не понравилось. Потом ее взгляд переместился на Дмитрия. Я ожидала, что она смягчится, падет жертвой его привлекательности, как это происходит с большинством женщин. Увы. Ее подозрительность ничуть не убавилась. Она снова переключила внимание на меня.

— Не верю я в это, — заявила она. — Ты слишком слабая. И слишком нарядная.

Нарядная? Неужели? Я себя такой не ощущала — в обтрепанных в стычках джинсах и футболке. Хотя... разглядев девочку внимательнее, я могла понять ее позицию. Одежда на ней была чистая, но ее джинсы выглядели совсем древними, а на коленках даже прорвались. Блузка простая, когда-то белая, но со временем пожелтевшая и, по-видимому, самодельная. Может, по сравнению с ней я и выглядела нарядной. Конечно, если кто-то и заслуживал такой характеристики, то это Сидни. В ее костюме можно было отправляться на деловую встречу, и ей не приходилось в недавнем прошлом сбегать из тюрьмы и драться.

Правда, Ангелину она совсем не интересовала. Возникло чувство, что алхимиков здесь относят к странной категории людей, отличающихся от тех, кто способен вступать в браки с хранителями. Алхимики привозят припасы и уезжают. Для этих людей они почти «кормильцы». Это поражало. Хранители больше уважали тех людей, которых представители моего рода презирали.

Как бы то ни было, я не знала, что ответить Ангелине. Неприятно, когда тебя называют слабой и ставят под сомнение твою храбрость. Мой норов на мгновение разыграл, но не вступать же в драку с дочерью хозяев? И вдаваться в детали убийства Татьяны я тоже не собиралась. В итоге я просто пожала плечами и заметила:

— Внешность обманчива.

— Да, — холодно ответила Ангелина. — Это точно.

Она подошла к маленькому сундуку в углу и достала оттуда что-то вроде ночной рубашки.

— Смотри не испачкай мою постель, — предостерегла она меня и перевела взгляд на Сидни, сидящую на втором матрасе. — Мне плевать, что будет с постелью Паулетты.

— Паулетта — твоя сестра? — спросила я, пытаюсь получить какое-то представление об этой семье.

Похоже, что бы я ни сказала, это раздражало девочку.

— Конечно нет.

И Ангелина удалилась, хлопнув дверью. Я изумленно смотрела ей вслед.

Сидни зевнула и вытянулась на постели.

— Скорее всего, Паулетта... ну, не знаю. Любовница Раймонда. Вторая жена.

— Что? — воскликнула я. Морой, женившийся на человеческой женщине и имеющий любовную связь с моройкой? Похоже, близок предел моей способности удивляться. — И она живет с его семьей?

— Не проси у меня объяснения. Я вникаю в ваши извращенные представления о жизни ровно в той мере, в какой это необходимо.

— Это не мои представления о жизни, — возразила я.

Зашла Сара, извинилась за Ангелину и спросила, не нужно ли нам что-нибудь. Мы заверили ее, что все прекрасно, и горячо поблагодарили за гостеприимство. После ее ухода мы с Дмитрием распределили смены. Я предпочла бы, чтобы мы оба бодрствовали, поскольку не была уверена, что Ангелина не перережет кому-нибудь во сне горло. Однако мы оба нуждались в отдыхе и не сомневались, что мгновенно среагируем, если в нашу дверь начнут ломиться.

Итак, предоставив Дмитрию караулить первому, я свернулась калачиком на постели Ангелины, стараясь «не испачкать» ее. Она оказалась удивительно удобной. А может, я просто сильно устала, так сильно, что почти сразу меня покинули все тревожные мысли — и о возможной казни, и о потерянном родственнике Лиссы, и о лесных вампирах. Глубокий сон окутал меня... но это был не мой сон. Реальность сместилась, и я почувствовала, что меня затягивает в сон, вызванный магией духа.

Адриан!

Эта мысль взволновала меня. Я скучала по нему и страстно желала поговорить с кем-нибудь напрямую после всего, что видела при дворе. Во время нашего бегства разговаривать особо было некогда, и, оказавшись в лесной глуши, в этом странном, новом для меня мире, я остро нуждалась в том, чтобы попасть в нормальную и цивилизованную обстановку.

Вокруг меня начал формироваться мир сна, становясь все отчетливее. Это оказалось совершенно незнакомое место, официальная приемная с креслами и кушетками, на которых лежали бледно-лиловые подушки. На стенах висели в ряд картины маслом, в углу стояла большая арфа. Я уже давно поняла, что невозможно предугадать, куда перенесет меня Адриан или во что оденет. По счастью, и здесь я оказалась в джинсах и футболке, со свисающим с шеи голубым амулетом — назаром.

Я в тревоге оглядывалась — так хотелось поскорее найти и обнять самого Адриана. Увы, мой взгляд наткнулся совсем не на его лицо.

Это был Роберт Дору.

И рядом с ним Виктор Дашков.

ДЕСЯТЬ

Если ваш бойфренд обладает способностью проникать в сны, вы волей-неволей усваиваете несколько уроков. Один из самых важных — что физические действия во сне ощущаются в точности так, как наяву. Скажем, поцелуй. Мы не раз целовались с Адрианом во сне с такой страстью, что тело просто ныло от желания зайти дальше. И хотя я пока ни на кого во сне не нападала, готова поспорить, что удары были бы так же болезненны, как в реальном мире.

Не колеблясь, я бросилась на Виктора — то ли чтобы просто врезать ему, то ли чтобы задушить. И то и другое казалось хорошей идеей. Однако в результате я не смогла сделать ничего. Кинувшись к нему, я ударилась о невидимую стену... больно. Она не только блокировала его от меня, но и с силой отбросила назад. Я попыталась устоять, но ничего не вышло, и я упала, сильно ударившись о землю. Сказано же... сны ощущаются как реальная жизнь.

Я сердито смотрела на Роберта, со смешанным ощущением злости и неловкости; последнее я попыталась скрыть.

— Вы что, пользователь духа, владеющий телекинезом?

Мы знали, что это возможно, но ни Лисса, ни Адриан таким умением не обладали. Мне совсем не нравилась идея того, что Роберт способен швырять предметы и создавать невидимые барьеры. Еще одно затруднение, а нам и без того хватало проблем.

— Я управляю этим сном, — загадочно ответил Роберт.

Виктор смотрел на меня сверху вниз, как всегда оценивающе, с этим своим самодовольным выражением лица. Осознав, в каком унижительном положении оказалась, я вскочила и заняла боевую позицию, задаваясь вопросом, может ли Роберт удерживать стену постоянно.

— Ну что, перебесилась? — спросил Виктор. — Если будешь вести себя как цивилизованный человек, наш разговор окажется гораздо более приятным.

— Меня вообще не интересуют никакие разговоры с вами! — взорвалась я. — Единственное, что меня интересует, — это как выследить вас в реальном мире и снова сдать властям.

— Очаровательно. Будем сидеть в одной камере.

Я вздрогнула.

— Да, — продолжал он. — Мне известно обо всем случившемся.

Бедная Татьяна. Такая трагедия! Такая потеря!

Его насмешливый, театральный тон породил в моем сознании волнующую идею.

— Вы... Вы никак в этом не замешаны?

Бегство Виктора из тюрьмы породило в среде мороев массу параноидальных страхов. Морои были убеждены, что он доберется до всех них. Зная правду о его бегстве, я отмахивалась от всех этих рассуждений и считала, что он просто залег на дно. Сейчас, вспомнив, что когда-то он мечтал затеять революцию в среде мороев, я задумалась, не был ли настоящим убийцей королевы этот самый известный в нашем мире злодей.

Виктор хмыкнул.

— Едва ли. — Заложив руки за спину, он начал расхаживать по комнате, делая вид, что изучает предметы искусства. Мне снова стало интересно, долго ли будет действовать щит Роберта. — Я достигаю своих целей гораздо более сложными методами. Я не стал бы опускаться до такого — как и ты.

Я была готова заметить, что издевательства, которым он подвергал Лиссу, вряд ли можно считать таким уж сложным методом, но тут до моего сознания дошли его последние слова.

— Вы считаете, что это не я сделала?

Он отвернулся от картины с изображенным на ней мужчиной в цилиндре и с тростью.

— Конечно нет. Ты никогда не делаешь ничего, требующего такой предусмотрительности. И если мне достоверно описали картину преступления, ты никогда не оставила бы столько улик.

Его слова были для меня и оскорбительны, и приятны.

— Спасибо за доверие, а то я беспокоилась, что вы обо всем этом думаете. — Он улыбнулся в ответ; я скрестила на груди руки. — Как вы узнаете, что происходит при дворе? У вас есть шпионы?

— Такие новости быстро распространяются по моройскому миру, — ответил Виктор. — И я не нахожусь в полной изоляции. Мне стало известно об ее убийстве почти сразу же после того, как оно произошло. Равно как и о вашем эффектном бегстве.

Мое внимание было сосредоточено на Викторе, но время от времени я бросала быстрый взгляд на Роберта. Он молчал, и по отсутствующему выражению его глаз было непонятно, осознает ли он вообще смысл того, о чем говорится. Когда я видела его, меня всегда начинало трясти — он представлял собой выдающийся пример наихудшего воздействия духа.

— Вам-то какое дело до всего этого? И почему, черт побери, вы

беспокоите меня во сне?

Виктор продолжал расхаживать, остановившись лишь на мгновение, чтобы пробежать кончиками пальцев по гладкой деревянной поверхности арфы.

— Потому что меня чрезвычайно интересует морейская политика. И мне хотелось бы знать, кто в ответе за это убийство и какую игру они затеяли.

Я усмехнулась.

— Похоже, вы просто завидуете тому, что не сами дергаете за ниточки.

Он отдернул руку от арфы и вперил в меня взгляд своих бледно-зеленых глаз, так похожих на глаза Лиссы.

— Твои остроумные комментарии ничего не дадут. Ты можешь либо принять нашу помощь, либо нет.

— Вы — последний, от кого я хотела бы принять помощь. Я не нуждаюсь в ней.

— Ну конечно, у тебя ведь все складывается прекрасно. Теперь, когда ты сбежала, да еще в обществе того, кого многие до сих пор считают стригоем... — Виктор сознательно сделал паузу. — Знаешь, если я найду вас, то могу застрелить обоих, и по возвращении меня встретят как героя.

— Не стала бы ставить на это. — Я чувствовала, как растет гнев, порожденный и гнусными намеками, и серьезными неприятностями, которые он когда-то навлек на нас с Дмитрием. Собрав всю силу воли, я тихо ответила убийственным тоном: — Это я найду вас. И вряд ли вы доживете до встречи с властями.

— Мы уже установили, что расчетливое убийство не в твоем стиле.

Виктор сел в кресло с лежащей на нем подушкой и устроился поудобнее. Роберт продолжал стоять с тем же отсутствующим выражением лица.

— Итак, прежде всего нам нужно определиться с тем, зачем понадобилось убивать королеву. Ее жесткий характер вряд ли мог послужить мотивом, поскольку реального вреда она никому не причиняла. Такие преступления совершаются ради власти, ради выгоды, чтобы осуществить свои тайные планы. Насколько мне известно, самым спорным поступком Татьяны в последнее время был возрастной закон... да, тот самый. Тот, при упоминании которого ты так сердито смотришь на меня. Это наводит на мысль, что убийца был противником принятого закона.

Я не хотела иметь никаких дел с Виктором. Не хотела вести с ним рациональные дискуссии. Мне бы каким-то образом понять, где он в реальном мире, и еще раз попробовать врезаться в невидимую стену. Чем я

рискую? Подумаешь, стукнусь. Поэтому я с искренним удивлением услышала собственные слова:

— Или это люди, заинтересованные в том, чтобы осуществить кое-что похуже... кое-что, неприемлемое для дампиров. Считавшие, что ее закон слишком мягкий.

Мое заявление застало Виктора врасплох; признаюсь, это было чрезвычайно приятно — видеть, как его брови изумленно поползли вверх... Нетрудно предположить, что такой вариант этот искусный интриган даже не рассматривал.

— Интересно... — произнес он наконец. — Возможно, я недооценивал тебя, Роза. Блестящее умозаключение.

— Ну... Это не совсем мое умозаключение.

Виктор ждал. Даже Роберт вышел из состояния протрации и сосредоточился на мне; жуткое ощущение.

— Это умозаключение самой Татьяны. В общем, даже не умозаключение. Она прямо говорит об этом... то есть пишет в записке, которую мне оставила.

С какой стати я все это им выкладываю? Хотя, по крайней мере, я снова удивила Виктора.

— Татьяна Ивашкова оставила тебе записку с тайной информацией? Зачем?

Я прикусила губу и уставилась на одну из картин, изображающую элегантную морейку с точно такими же зелеными глазами нефритового оттенка, как у большинства Дашковых и Драгомиров. Может, Роберт воспользовался для создания этого сна воспоминаниями об особняке Дашковых времен их детства? Заметив краем глаза какое-то движение, я тут же снова переключила внимание на братьев.

Виктор встал и шагнул ко мне, не скрывая любопытства.

— Это не все. Что еще она рассказала тебе? Она знала, что ей угрожает опасность. Понимала, что это как-то связано с законом... но ведь этим все не исчерпывалось?

Я молчала; в сознании начала формироваться совершенно безумная идея. Я всерьез задумалась над тем, не может ли Виктор помочь мне. Впрочем, если вспомнить прошлое, идея была не такой уж безумной, ведь я уже помогла ему сбежать из тюрьмы именно для того, чтобы заручиться его помощью.

— Татьяна говорит...

Должна ли я рассказать ему? Должна ли выдать тайну, неизвестную даже Лиссе? Если Виктору станет известно, что существует еще один

Драгомир, он может использовать эту информацию для своих личных интриг. Как именно? Этого я не знала, но давным-давно усвоила, что от него можно ожидать самых непредсказуемых действий. И тем не менее... Виктор был в курсе многих морейских секретов. Интересно было бы посмотреть, как он и Эйб состязаются в хитрости. И, без сомнения, ему было очень многое известно о Драгомирах и Дашковых.

— Татьяна говорит, что существует еще один Драгомир. Что у отца Лиссы была связь, и если я смогу найти этого второго Драгомира, то тем самым помогу Лиссе занять место в Совете.

Виктор и Роберт изумленно посмотрели друг на друга, и я поняла, что мой план провалился. Виктору нечего сообщить мне. Это я, я только что выдала очень ценную информацию. Черт, черт, черт!

Он снова обратился на меня изучающий взгляд.

— Значит, Эрик Драгомир не был таким святым, каким пытался казаться.

Я стиснула кулаки.

— Не оскорбляй ее отца.

— У меня и в мыслях этого не было. Мне очень нравился Эрик. Но да... Если все так и есть, Татьяна права. Василиса формально будет иметь поддержку семьи, и ее либеральные взгляды определенно вызовут трения в Совете, который, похоже, не способен самостоятельно начать мыслить по-иному. — Он негромко рассмеялся. — Да, я прямо вижу, как огорчатся многие люди — включая убийцу, планирующего оказать давление на дампинов. И как сильно он — или она — не хочет, чтобы эти сведения выплыли наружу.

— Кто-то уже попытался уничтожить записи, связывающие отца Лиссы с его любовницей, — снова, не подумав, выпалила я.

Как я себя за это ненавидела! Ведь не хотела же выдавать братьям новую информацию. Не хотела подыгрывать им, будто мы все здесь заодно.

— Позволь мне угадать, — сказал Виктор. — Именно этим ты и занимаешься? Ищешь бастарда Драгомира.

— Эй, не смейте...

— Это просто фигура речи, — прервал меня он. — Если я правильно представляю себе вас обеих — а мне кажется, так оно и есть, — Лисса отчаянно старается восстановить твоё доброе имя при дворе, а в это время вы с Беликовым предпринимаете изрядно приправленную сексом авантюру с целью найти ее брата или сестру.

— Ничего вы о нас не знаете, — проворчала я.

Вот уж точно... в особенности о сексуальной приправе.

— Тебя выдает лицо. И должен согласиться, это не такая уж плохая идея. Не особо выдающаяся, но совсем неплохая. Семья Драгомиров получит кворум, и Лисса станет твоим голосом в Совете. Что, уже нащупала какие-нибудь ниточки?

— Мы этим занимаемся, — уклончиво ответила я.

Виктор посмотрел на Роберта. Я знала, что между ними не существует никакой психической связи, но, когда они обменялись взглядами, возникло чувство, будто оба подумали об одном и том же и согласились друг с другом. Затем Виктор кивнул и снова обратился ко мне:

— Очень хорошо. Мы тебе поможем.

Это прозвучало как неохотное согласие оказать мне огромную любезность.

— Мы не нуждаемся в вашей помощи!

— Еще как нуждаетесь. Это не твой уровень, Роза. Ты разворошила осиное гнездо, здесь все замешано на грязной, нечестной политике, — а в этом у тебя нет никакого опыта. Вовсе не стыдно признать это. Я же признаю, что в лишенном логики, непредсказуемом кулачном бою ты определенно выше меня.

Еще один двусмысленный комплимент.

— У нас все прекрасно. Нам помогает алхимик. Что, съел? Это покажет ему, у кого какой уровень.

И, к моей чести, это произвело на него впечатление. Не слишком сильное, но произвело.

— Лучше, чем я ожидал. Ну а у этого вашего алхимика есть какие-нибудь ниточки?

— Она этим занимается, — повторила я.

Он разочарованно вздохнул.

— Значит, нам требуется время. Василисе для ее расследования при дворе и тебе, чтобы напасть на след этого ребенка.

— Вы всегда ведете себя так, будто все знаете, — заметила я. — Мне подумалось, что вам известно кое-что и об этом.

— К сожалению, нет. — Судя по тону Виктора, не так уж он и сожалел. — Но как только мы нащупаем хоть какую-нибудь ниточку, немедленно начнем ее распутывать. — Он подошел к брату и успокаивающим жестом похлопал его по плечу. Роберт поднял на него любящий взгляд. — Мы вскоре снова посетим тебя. Дай нам знать, если обнаружишь что-нибудь стоящее, и мы встретимся с тобой.

У меня глаза полезли на лоб.

— Вы не посмеете...

Я заколебалась. В Лас-Вегасе я упустила Виктора. Теперь он предлагает встретиться со мной. Может, у меня получится исправить ошибку и осуществить свою недавнюю угрозу. Я попыталась замять оплошность.

— Откуда мне знать, что я могу доверять вам?

— Ниоткуда, — без обиняков ответил он. — Просто возьми на веру, что враг твоего врага — твой друг.

— Всегда терпеть не могла эту поговорку. И вы всегда будете моим врагом.

К моему удивлению, Роберт внезапно востропнулся и сделал шаг вперед, возмущенно глядя на меня.

— Мой брат хороший человек, «отмеченная поцелуем тьмы»! Если ты причинишь ему вред... Если ты причинишь ему вред, то жестоко заплатишь за это. И уже не вернешься. Мир мертвых не отпустит тебя во второй раз.

У меняхватило ума не воспринимать всерьез угрозы сумасшедшего, и все же от последних слов по спине пробежал озноб.

— Ваш брат псих...

— Хватит, хватит. — Виктор снова похлопал Роберта по плечу. Все еще сердито глядя на меня, младший Дашков отступил, но, спорю, невидимая стена никуда не делась. — Никому из нас от этого толку не будет. Мы впустую тратим драгоценное время. Выборы нового монарха могут начаться в любой день, и убийца Татьяны наверняка постарается их ускорить. А мы, напротив, должны задержать их — не только чтобы нарушить планы убийцы, но и чтобы всем нам хватило времени выполнить свои задачи.

Я уже начала уставать от всего этого.

— Да? И как же мы это можем сделать?

Виктор улыбнулся.

— Добившись выдвижения Василисы в качестве кандидата на королевский трон.

Поскольку это был Виктор Дашков, не следовало удивляться ничему. И все же такое доказательство степени его безумия застало меня врасплох.

— Это невозможно, — заявила я.

— А вот и нет, — ответил он.

Я возмущенно вскинула руки.

— Вы вообще обращали внимание на то, о чем мы говорим? Смысл в том, что Лисса должна получить все права. Она даже не может голосовать! Как же ей выставить свою кандидатуру на выборах королевы?

— На самом деле закон о выдвижении кандидата говорит, что она может это сделать. Согласно ему, один человек от каждой королевской семьи может быть выдвинут в качестве кандидата на выборах монарха. И все, больше ничего. Один человек от каждой семьи. И никаких упоминаний о том, из скольких человек должна состоять семья, — как это указано в законе о праве голоса в Совете. Ее просто должны предложить три человека — и в законе ничего не сказано о том, из какой семьи им нужно быть.

Виктор излагал все это в такой точной, жесткой манере, как будто зачитывал по книге. Он что, помнит все законы? Хотя, если собираешься сделать карьеру нарушителя законов, может, и следует внимательно изучить их.

— Все равно писавший этот закон, скорее всего, исходил из того, что у кандидата есть семья. Просто не потрудился выразить это словами. Вот что скажут люди, если Лисса выставит свою кандидатуру. И они будут сопротивляться.

— Пусть сопротивляются сколько угодно. Те, кто не допускает ее к голосованию в Совете, ссылаются на конкретную строчку в законе, где упоминаются другие члены семьи. Если таков их аргумент — что должна учитываться каждая деталь, — тогда они должны точно так же действовать в отношении закона о выборах, а там, как я уже сказал, нет никаких упоминаний о поддержке семьи. Вот в чем прелесть этой лазейки в законе. Противники Василисы не смогут усидеть сразу на двух стульях. — В высшей степени уверенная улыбка искривила губы Виктора. — Поверь мне, формулировка закона абсолютно точно позволяет ей сделать это.

— А что насчет ее возраста? — заметила я. — Принцы и принцессы, которых выдвигают, всегда уже в годах.

Титул принца или принцессы переходит к старшему члену семьи, и по традиции именно он становится кандидатом на выборах монарха. Семья может предложить кого-то, с ее точки зрения более подходящего, но даже в этом случае, насколько мне известно, это бывает человек зрелый и опытный.

— Единственное возрастное ограничение — это должен быть взрослый человек. Ей восемнадцать. Она имеет право. В других семьях есть из кого выбирать, поэтому они и выдвигают того, кто кажется более опытным. А в случае Драгомиров? Здесь выбора нет? Кроме того, молодой монарх — это не беспрецедентный случай. Была знаменитая королева — Александра — ненамного старше Василисы. Замечательная, горячо любимая своими подданными. Ее статуя установлена рядом с придворной

церковью.

Я с ощущением неловкости переступила с ноги на ногу.

— Вообще-то... ее... мм... больше нет. Взорвали.

Виктор удивленно посмотрел на меня; видимо, он слышал о моем бегстве не во всех деталях.

— На самом деле это неважно, — торопливо продолжила я, испытывая чувство вины за то, что в какой-то степени несла ответственность — хоть и не прямую — за взорванную королеву, да еще такую знаменитую. — Вся идея с Лиссой нелепа.

— Ты окажешься не единственной, кто так подумает, — ответил Виктор. — Люди будут спорить, будут бороться. Но все равно в конце восторжествует закон. Им придется позволить ей баллотироваться. Она пройдет через определенные испытания и, скорее всего, выдержит их. Потом, когда дойдет до голосования, закон, регламентирующий эту процедуру, потребует поддержки членов семьи.

К этому моменту голова у меня шла кругом. Я совсем вымоталась, пытаюсь вникнуть во все эти лазейки в законе и специальные юридические термины.

— Просто перейдите к сути и изложите то же самое простым языком, — потребовала я.

— Когда дойдет до голосования, она не сможет быть избрана. У нее нет семьи, и поэтому она не будет отвечать всем требованиям, предъявляемым при реальном голосовании. Другими словами, согласно закону, она может выдвигаться и проходить испытания, но голосовать за нее люди не могут, поскольку у нее нет семьи.

— Это... идиотизм.

— Согласен.

Больше он не добавил ни слова. Вот не думала, что когда-нибудь наши мнения могут совпасть.

— Лиссе это ужасно не понравится. Она никогда, никогда не захочет быть королевой.

— Ты вообще следишь за ходом моих мыслей?! — воскликнул Виктор. — Она и не будет королевой. Не может ею стать. Этот закон скверно написан, без учета могущих возникнуть ситуаций. Просто безобразие. Однако благодаря этому в нем можно увязнуть надолго и тем самым дать нам дополнительное время для того, чтобы мы успели найти реального убийцу Татьяны и родственника Василисы.

— Привет! Я же сказала: никаких «нам»! Я не собираюсь...

Виктор и Роберт переглянулись.

— Добейся выдвижения кандидатуры Василисы, — резко сказал Виктор. — Вскоре мы снова войдем с тобой в контакт и договоримся о встрече, чтобы начать поиски Драгомира.

— Это не...

Я проснулась.

Больше всего мне хотелось выругаться, но, вовремя вспомнив, где нахожусь, я сдержала бессмысленный поток слов. В углу вырисовывался силуэт Дмитрия, настороженного и бдительного; зачем ему знать, что я проснулась? Закрыв глаза, я улеглась поудобнее, надеясь заснуть по-настоящему, без вмешательства братьев Дашковых с их нелепыми заговорами. Лисса, баллотирующаяся на место королевы? Безумие. Хотя... ненамного безумнее того, что мне уже приходилось делать.

Выкинув эти мысли из головы, я расслабилась и почувствовала, что начала засыпать. Именно только начала. Потому что тут же вокруг меня материализовался другой сон.

По-видимому, ночь предстояла беспокойная.

ОДИННАДЦАТЬ

Я взяла себя в руки, готовясь снова встретиться с братьями Дашковыми, явившимися, чтобы дать мне еще какой-нибудь «совет». Вместо них я увидела...

— Адриан!

Я понеслась по саду, в котором оказалась, и обхватила его руками. Он тоже крепко обнял меня и оторвал от земли.

— Маленькая дампирка... — Не размыкая рук, он поставил меня на ноги. — Я скучал по тебе.

— Я тоже скучала по тебе.

И так оно и было. За последние два дня произошло столько странных событий, полностью перевернувших мою жизнь, что увидеть его — даже во сне — уже одно это успокаивало. Привстав на цыпочки, я поцеловала его в губы, наслаждаясь кратким мигом нежности и покоя.

— С тобой все в порядке? — спросил он, когда я оторвалась от него. — Никто ничего не рассказывает мне о тебе. Твой старик говорит, что ты в безопасности и что этот алхимик сообщит ему, если что-то пойдет не так.

Я не стала говорить Адриану, что все это не соответствует действительности, поскольку Эйб понятия не имел, что мы на свой страх и риск пустились в свободный поиск, который привел нас к живущим в глухомани вампирам.

— Все прекрасно. По большей части скучно. Мы застряли в какой-то дыре. Не думаю, что нас будут тут искать. Вряд ли у кого-то возникнет такое желание.

На его красивом лице читалось облегчение — стало ясно, как сильно он беспокоился.

— Я рад. Роза, ты представить себе не можешь, что тут творится. Стражи не только допрашивают всех подряд, но и разрабатывают планы, как выследить вас. Вдобавок все эти разговоры о возможности применения любого насилия, вплоть до убийства...

— Они меня не найдут. Я очень-очень далеко.

— Хотелось бы мне быть там с тобой.

Он все еще выглядел встревоженным, и я прижала палец к его губам.

— Нет, не говори этого. Тебе лучше оставаться там, где ты сейчас, — и не быть связанным со мной больше, чем ты уже связан. Тебя допрашивали?

— Да, но ничего полезного не узнали. Слишком надежное алиби. Они

увели меня на допрос, когда мы шли поговорить с Майклом о...

— Знаю. О Джо.

Адриан удивился, но совсем чуть-чуть.

— Маленькая дамписка, ты шпионишь за нами.

— Трудно удержаться.

— Знаешь, хотя мне нравится мысль иметь кого-то, способного на расстоянии узнать о моих неприятностях, я рад, что ни с кем не связан. Не хотелось бы, чтобы заглядывали ко мне в голову.

— Не думаю, что у кого-нибудь возникнет желание заглядывать тебе в голову. Одного Адриана Ивашкова, с присущим ему образом жизни, более чем достаточно.

В его глазах вспыхнул озорной огонек, но тут же погас, когда я вернулась к делам.

— Как бы то ни было, так и есть. Я подслушала, как Лисса... допрашивала Джо. Дело серьезное. Что сказал Майкл? Если Джо соврал на слушании, половина доказательств против меня отпадает.

Теоретически и алиби Адриана в этом случае мало чего стоит.

— Ну, не половина. Наверное, было бы лучше, если бы Джо сказал, что во время убийства ты была в своей комнате, а не признался, что он безответственный человек, который ничего не помнит. И еще лучше было бы, если бы он говорил все это не под принуждением Лиссы. Майкл не может официально доложить об этом.

Я вздохнула. Постоянно имея дело с пользователями духа, я начала воспринимать принуждение как нечто само собой разумеющееся. В таких условиях легко забыть, что в среде мороев это табу. Лиссе не просто грозят серьезные неприятности из-за этого; ее могут обвинить в том, что с помощью принуждения она заставила Джо сказать то, что хотела услышать. Все его заявления в мою пользу окажутся под сомнением. Никто им не поверит.

— И еще, — явно в смятении продолжал Адриан, — если сказанное Джо выйдет наружу, весь мир узнает о недостойном поведении моей матери, ради сына готовой на все.

— Мне очень жаль. — Я снова обняла его. Он все время жаловался на своих родителей, но по-настоящему беспокоился только о матери. Узнать о том, что она пошла на подкуп, было тяжело для него, да и смерть Татьяны все еще отзывалась болью в его сердце. В последнее время я часто имела дело со страдающими мужчинами. — Хотя я и впрямь рада, что она вывела тебя из-под удара.

— Глупо с ее стороны. Если это выяснится, у нее будут серьезные

неприятности.

— Что Майкл советует?

— Хочет найти Джо и допросить его неофициально. Пока больше мы ничего не можем сделать с этой информацией. Она полезна для нас... но не с точки зрения закона.

— Да, — ответила я, пытаясь не впадать в уныние. — Что ж, это лучше, чем ничего.

Адриан кивнул и стряхнул свое мрачное настроение с той легкостью, как умел только он. Не размыкая объятий, он слегка отодвинулся и оглядел меня.

— Ты мило одета, между прочим.

Неожиданная смена темы застала меня врасплох, хотя пора бы уже привыкнуть. Опустив глаза, я увидела, что на мне старое платье, черное, очень сексуальное, в нем я была, когда Виктор наложил на нас с Дмитрием заклинание вожделения. В своих снах не Адриан одевал меня — это было результатом работы моего подсознания. Я и сама поразилась при виде своего наряда.

— Ох! — Внезапно, сама не знаю почему, я смутилась. — Та одежда, в которой я сейчас, сильно потрепана. Наверное, я хотела что-нибудь в противовес ей.

— Ну, оно хорошо на тебе смотрится. — Палец Адриана заскользил вдоль бретельки. — Правда хорошо.

Даже во сне от его прикосновения по телу пошли мурашки.

— Поосторожнее, Ивашков. У нас нет времени для этого.

— Мы спим. Чем еще заниматься?

Поцелуй заглушил мои возражения. Его рука скользнула вдоль бедра, почти до края платья, и мне потребовалось напрячь все умственные способности, чтобы напомнить себе — если он сейчас стянет с меня одежду, это не поможет обелить мое имя. Я неохотно отодвинулась.

— Мы должны вычислить, кто убил Татьяну, — сказала я, с трудом переводя дух.

— Не «мы», — ответил он, эхом повторяя то, что я твердила Виктору. — Я. Лисса. Кристиан. И остальные наши друзья. — Он погладил меня по волосам, снова притянул к себе и поцеловал в щеку. — Не волнуйся, маленькая дампирка. Лучше позаботься о себе. Просто оставайся там, где ты сейчас.

— Не могу. Неужели не понимаешь? Я не могу просто ничего не делать.

Эти слова вырвались у меня прежде, чем я успела сдержать их. Одно

дело — возмущаться своим бездействием с Дмитрием, но что касается Адриана, я должна была убедить его и всех остальных при дворе, что «поступаю правильно».

— Ты должна. Мы позаботимся о тебе.

Он не понимает, догадалась я. Не осознает, как сильна во мне потребность действовать. Конечно, им руководили самые добрые намерения. Он заботился обо мне, хотел, чтобы я оставалась в безопасности. Но по-настоящему не понимал, как мучительно для меня состояние бездеятельности.

— Мы найдем убийцу и не дадим им сделать то... что они собирались сделать. Времени уйдет много, но в итоге мы все уладим.

— Время... — пробормотала я, уткнувшись ему в грудь и решив прекратить спор.

Мне не убедить его в том, что я изо всех сил стремлюсь помочь друзьям и даже собираюсь начать собственный поиск. Так много дел, так мало времени. Я повела взглядом по созданному Адрианом пейзажу; деревья и цветы я заметила раньше, но только сейчас до меня дошло, что мы во внутреннем дворе собора — как он выглядел до организованных Эйбом взрывов. Статуя королевы Александры стояла целехонька, с ее длинными волосами и добрыми глазами, увековеченными в камне. Расследование убийства сейчас действительно было в руках моих друзей, но Адриан прав: оно потребует времени.

— Время. Нам нужно больше времени.

Адриан слегка отодвинулся.

— О чем ты?

Я смотрела на него, покусывая нижнюю губу. Мириады мыслей проносились в голове. Бросив взгляд на Александру, я приняла решение, хотя и спрашивала себя, не совершаю ли очередную глупость, на этот раз поистине рекордную. Снова посмотрев на Адриана, я крепко сжала его руку.

— Я сказала, что нам нужно больше времени. И я знаю, как выиграть его... но... ты должен для меня кое-что сделать. И пока не говорить об этом Лиссе.

Я успела дать подробные инструкции Адриану — который, как я и ожидала, был потрясен, — прежде чем Дмитрий разбудил меня. Мы немного поговорили до того, как он лег. Как обычно, выражение лица у него было самое решительное, но я заметила на нем следы усталости. Пока мне не хотелось грузить его, сообщая о встрече с Виктором и Робертом. И уж тем более о том, что я попросила сделать Адриана. Все это можно будет

обсудить позже. Дмитрий заснул почти мгновенно, как он это умел, а Сидни за все время даже не пошевелилась. Я завидовала тому, что у нее есть возможность спать всю ночь, но не могла сдержать улыбки по мере того, как в комнате становилось все светлее.

После наших ночных приключений она непроизвольно перешла на вампирское расписание.

Конечно, Лисса жила по тому же расписанию, и это означало, что во время своего дежурства я не смогу навестить ее. Тем лучше. Требовался глаз да глаз — раз уж нас занесло к этим странным, неприятным людям. Может, хранители и не выдадут нас, но безобидными они не выглядели. Я также помнила опасения Сидни по поводу того, что неожиданно могут нагрянуть алхимики.

Когда для всего остального мира время перевалило за полдень, в доме зашевелились. Я мягко коснулась плеча Дмитрия, и он мгновенно вскочил.

— Спокойно. — Я не смогла сдержать улыбки. — Считай, просто звонок будильника. Похоже, наши лесные друзья просыпаются.

На этот раз наши голоса разбудили Сидни. Она перекатилась к нам, щурясь на свет, проникающий сквозь плохо затененные окна.

— Который час? — спросила она, потягиваясь.

— Не знаю. — У меня не было часов. — Наверное, далеко за полдень. Часа три? Четыре?

Она села почти так же быстро, как Дмитрий.

— Четыре часа дня? — Солнечный свет подтвердил ее догадку. — Черт побери вас с вашим дьявольским расписанием!

— Ты только что сказала «черт побери»? Разве правила алхимиков позволяют это?

— В случае необходимости. — Она потерла глаза и посмотрела на дверь. Сейчас шум в доме стал громче. — Наверное, нам нужно выработать план.

— У нас уже есть один, — ответила я. — Найти брата или сестру Лиссы.

— Я никогда не говорила, что согласна с ним, — напомнила мне она. — И по-моему, вы воображаете, будто я могу магическим способом сделать запрос и, словно какой-нибудь киношный хакер, найти ответы на все ваши вопросы.

— Ну, по крайней мере, можно... — Внезапно до меня дошло: кое-что может существенно спутать наши планы. — Вот черт! Даже твой ноутбук здесь не будет работать.

— У него спутниковый модем, но батарея — вот о чем нужно

беспокоиться. — Сидни вздохнула и встала, приводя в порядок смятую одежду. — Мне нужна чашка кофе или что-нибудь в этом роде.

— Думаю, можно достать одну в пещере у дороги.

На ее губах промелькнула улыбка.

— Поблизости должен быть какой-то город, где я могла бы воспользоваться ноутбуком.

— Не думаю, что хорошая идея — разъезжать в этом штате, — возразил Дмитрий. — Просто на случай, если в мотеле запомнили номер твоей машины.

— Знаю, — мрачно ответила она. — Я тоже об этом подумала.

Наши блестящие замыслы прервал стук в дверь. Не дожидаясь ответа, Сара просунула голову в комнату и улыбнулась.

— О, отлично! Все уже проснулись. У нас готов завтрак. Если хотите, присоединяйтесь.

В комнату начали просачиваться запахи того, что казалось нормальным завтраком: бекон, яйца... Хлеб помог мне продержаться ночь, но я уже созрела для полноценной еды и была готова рискнуть и смести что угодно, предложенное семьей Раймонда.

В главном помещении кипела бурная деятельность. Раймонд готовил что-то на очаге, Паулетта накрывала длинный стол. На нем уже стояло большое блюдо с самым обычным омлетом и другое, с ломтиками вчерашнего хлеба. Раймонд отошел от очага, неся большой металлический противень с хрустящим беконом, и заулыбался при виде нас. Наблюдая за хранителями, я замечала все новые их особенности. Они не пытались скрывать свои клыки — в отличие от наших мороев, которых с детства приучали улыбаться и говорить так, чтобы как можно меньше обнажать клыки, на случай, если они окажутся в человеческом окружении. Здесь ничего подобного не наблюдалось.

— Утро доброе, — сказал Раймонд и осторожно ссыпал бекон еще на одно блюдо на столе. — Надеюсь, вы проголодались.

— Как думаете, это настоящий бекон? — шепотом спросила я у Сидни и Дмитрия. — Не белка или что-то в этом роде?

— На мой взгляд, настоящий, — ответил Дмитрий.

— Мне тоже так кажется, — сказала Сидни. — Хотя, гарантирую, он от собственных свиней, не из магазина.

Заметив выражение моего лица, Дмитрий засмеялся.

— Мне всегда нравилось замечать, что тебя волнует. Стригой? Нет. Подозрительная еда? Да.

— Что там о стригоях?

В дом вошли Джошуа и Ангелина. Он нес миску с черной смородиной, а она подгоняла маленьких детей. Судя по тому, как они вырывались, им хотелось вернуться на свежий воздух. Вопрос задала Ангелина.

Дмитрий не стал распространяться насчет моей щепетильности.

— Просто говорили о стригоях, которых убила Роза.

Джошуа замер и вытаращился на меня, удивленно распахнув красивые голубые глаза.

— Ты убивала потерянных? В смысле, стригоев? — Мне было приятно, что он постарался использовать «наш» термин. — Сколько?

Я пожала плечами.

— На самом деле точно не знаю.

— Разве вы не используете знаки? — проворчал Раймонд. — Не думал, что порченые отказались от них.

— Знаки... А, ну да. Татуировки? Используем.

Я повернулась и подняла волосы. Услышала торопливые шаги, почувствовала прикосновение к коже. Вздрогнула, обернулась и увидела, как Джошуа с робким видом опустил руку.

— Извини, — сказал он. — Просто я никогда таких не видел — только знаки молнии. Ими и мы отмечаем своих убитых стригоев. Ты убила... многих.

— Знак в форме буквы S нечасто встречается у них, — заметил Раймонд, но неодобрение на его лице тут же сменилось восхищением. — А другой — звезда.

Джошуа и Ангелина в удивлении раскрыли рты.

— Что? — спросила я.

— Боевой знак, — сказал Дмитрий. — Мало кто теперь употребляет это название.

— А-а...

Эта татуировка действительно немного напоминает звезду; ее получают те, кто потерял счет убитым стригоям. В конце концов, шея может вместить лишь ограниченное число знаков молнии.

Джошуа одарил меня улыбкой, от которой внутри что-то слегка затрепетало. Может, он и принадлежал к культуре псевдоамишей,^[2] но это не отменяло того факта, что он очень хорош собой.

— Теперь я понимаю, что ты и впрямь могла убить королеву порченных.

— Ну, ее знак — наверняка фальшивка, — заметила Ангелина.

Я хотела было протестовать насчет убийства королевы, но ее замечание сбило меня.

— А вот и нет! Я заработала этот знак, когда на нашу школу напали стригои. И после этого я убила еще большее их количество.

— Этот знак не может быть таким уж редким, — сказал Дмитрий. — Вам наверняка тоже приходится сражаться со стригоями.

— На самом деле нет. — Джошуа по-прежнему не сводил с меня взгляда. — Большинство из нас никогда не сражались с потерянными и даже не видели их. Они мало беспокоят нас.

Удивительно. Чем не цель для стригоев — морои, дампирьы и люди, живущие в пустынной местности?

— Интересно почему? — спросила я.

Раймонд подмигнул мне.

— Потому что мы даем им отпор.

Вся семья расселась за столом, а я задумалась над загадочным высказыванием Раймонда. Когда мы здесь только появились, чувствовалось, что вся община готова сражаться. Может, одно это отпугивает стригоев? Вообще-то их трудно напугать, но, очевидно, в некоторых обстоятельствах слишком много хлопот, чтобы стоило заниматься этим. Интересно, что по этому поводу думает Дмитрий? Его собственная семья принадлежит к общине, живущей обособленно от основной массы мороев, но там ничего похожего на здешних лесных жителей нет.

Все эти мысли проносились в моей голове, пока мы ели и разговаривали. У хранителей по-прежнему было много вопросов насчет Татьяны и вообще нас. Только Ангелина не принимала участия в беседе — ела так же мало, как Сидни, и не сводила с меня хмурого взгляда.

— Нам надо кое-что купить, — резко сказала Сидни, внезапно прервав меня на середине очередной ужасающей истории. Я не возражала, но остальные выглядели разочарованными. — Где тут ближайший город, в котором есть кафе или... ресторан?

— До Рубисвилля чуть больше часа езды на север, — ответила Паулетта. — Но у нас большие запасы продуктов, всем хватит.

— Речь не о продуктах, — быстро сказала я. — Еда у вас прекрасная. — Я посмотрела на Сидни. — Час, это же приемлемо?

Она кивнула и перевела взгляд на Раймонда.

— Не можете ли вы... ну, не можете ли вы дать нам напрокат какую-нибудь машину? Я... — Следующие слова явно причиняли ей боль. — Взамен я оставлю ключи от своего автомобиля.

Он вопросительно вскинул брови.

— У тебя прекрасный автомобиль.

— Чем меньше мы будем разъезжать в нем по округе, тем лучше.

Он сказал, что мы можем взять его грузовик и что ему, скорее всего, не понадобится наш внедорожник. Сидни поблагодарила его натянутой улыбкой, но я знала, что в ее сознании пляшут образы вампиров, гоняющих в ее машине.

Вскоре после этого мы отправились в путь, поскольку хотели вернуться до захода солнца. Многие жители общины находились вне домов, занимаясь обычными хозяйственными делами. Стайка детей сидела вокруг дампира, читающего им книгу; это зрелище породило вопрос, какое образование получают здешние дети.

Все хранители отрывались от своих дел, когда мы проходили мимо, и кидали на нас любопытные взгляды или награждали улыбками. Время от времени я улыбалась в ответ, но в основном смотрела прямо перед собой. Джошуа, провожавший нас к «парковке», даже на узкой тропинке умудрялся держаться рядом со мной.

— Надеюсь, вы скоро вернетесь, — сказал он. — Хотелось бы еще поговорить с вами.

— Конечно, — ответила я. — Это было бы здорово. Он просиял и, как подобает рыцарю, отвел в сторону свисающую над тропинкой ветку.

— Я могу показать тебе свою пещеру.

— Твою... Пстой! Ты что, живешь не с отцом?

— Пока с ним. Но я обустроиваю собственное жилье. — В его голосе прозвучала гордость. — Оно, конечно, невелико, но это хорошее начало. Пещера уже почти расчищена.

— Ну, это... замечательно. С удовольствием посмотрю ее, когда мы вернемся.

Надо же! А ведь дом Раймонда выглядел большим.

Джошуа покинул нас, когда мы добрались до грузовика Раймонда; это оказался большой красный пикап, но места внутри только-только хватало на троих. Хранители редко покидают свои леса, но этот грузовик выглядел так, будто имел большой пробег. А может, просто годами стоял без употребления.

— Не нужно завлекать его, — заявил Дмитрий вскоре после того, как мы отъехали.

Удивительно, Сидни пустила его за руль. Наверное, посчитала, что машине, принадлежащей мужчине, требуется водитель-мужчина.

Как только мы отъехали, я мысленно вернулась к нашей первоочередной задаче: поискам еще одного Драгомира.

— А?

— Джошуа. Ты флиртowała с ним.

— Ты что! Мы просто разговаривали.

— Ты встречаешься с Адрианом?

— Да! — Я сердито воззрилась на Дмитрия; он сосредоточенно смотрел на дорогу. — И как раз поэтому я не флиртowała. Как тебе это вообще в голову пришло? Я даже не нравлюсь Джошуа в этом смысле.

— Нет, нравишься, — заявила сидящая между нами Сидни.

Я перевела на нее недоверчивый взгляд.

— Откуда тебе знать? Он что, передал тебе записку на уроке?

Она закатила глаза.

— Нет. Но там, в лагере, вас с Дмитрием воспринимают как богов.

— Мы чужаки для них. Порченые.

— Нет. Вы — стригой-перебежчик и убийца королевы. Конечно, они проявляют южное гостеприимство, но эти люди могут быть очень жестоки. Они высоко ценят тех, кто способен одолеть других. А поскольку большинство из них выглядят не слишком хорошо, вы двое... скажем так, вы двое — привлекательнее всех, кто забредал сюда за долгое время.

— Разве ты не привлекательна? — не удержалась я.

— Это к делу не относится. — Мои слова явно задели ее. — Алхимики вообще не притягивают их внимание. Мы не сражаемся. Они считают нас слабаками.

Вспомнив обращенные на нас восторженные взгляды, я должна была признать, что тамошние люди выглядели усталыми и потрепанными жизнью. Ну, в большинстве.

— В семье Раймонда все довольно симпатичные, — заметила я.

Дмитрий проворчал что-то; без сомнения, он воспринял мои слова как доказательство того, что я флиртую с Джошуа.

— Да, — согласилась Сидни. — Наверное, потому, что они самая важная семья в общине. Едят лучше, не много работают на солнце. Вот откуда эта разница.

Больше во время поездки эту тему не затрагивали. Мы быстро добрались до Рубисвилля, сверхъестественным образом выглядевшего почти двойником первого городка, в котором мы останавливались. На единственной заправке Сидни зашла внутрь и, вернувшись, сообщила, что здесь действительно имеется что-то вроде кафе, где она сможет подключить свой ноутбук и поискать то, что нам требуется.

Она заказала кофе, а мы просто сели рядом с ней, после обильного завтрака не испытывая потребности что-либо есть или пить. Заметив, что официантка недовольно поглядывает на нас, мы с Дмитрием решили

прогуляться по городку. Сидни, похоже, это обрадовало не меньше, чем официантку. Вряд ли ей было приятно, что мы торчим рядом.

Я наговорила Сидни много лишнего о Западной Виргинии, но, надо признаться, пейзаж был прекрасный. Высокие деревья, покрытые полетному зеленой листвой, окружали городок, словно заключая его в объятия. За ними вырисовывались горы, совсем не такие, как те, рядом с которыми я выросла в Академии Святого Владимира. Еще здесь были холмы и лужайки, тоже покрытые деревьями. Горы вокруг Академии выглядели каменистыми, зазубренными, часто с заснеженными вершинами. Странное ощущение ностальгии овладело мною при воспоминании о Монтане. Весьма вероятно, что я никогда больше ее не увижу. Академия — последнее место, куда я могу пойти. Если меня поймают... Тогда Монтаны мне точно не видать.

— Да и ничего другого тоже, — пробормотала я.

— Ты о чем? — удивился Дмитрий.

— Я просто думала о том, что будет, если стражи найдут нас. Никогда не отдавала себе отчета в том, как много хотела бы увидеть и сделать. Внезапно все это оказалось поставлено на карту, понимаешь?

Мы сошли с мостовой, пропуская оранжевый пикап. Сидящие в задней части дети, по летнему времени свободные от занятий в школе, весело болтали и смеялись.

— Ладно, предположим, мое доброе имя никогда не удастся восстановить и настоящего убийцу не найдут. Какое у меня будущее? Всегда в бегах, всегда скрываясь. Вот какой станет моя жизнь. Наверное, мне только и останется, что уйти к хранителям.

— Не думаю, что дойдет до этого, — сказал Дмитрий. — Эйб и Сидни помогут тебе найти безопасное место.

— А оно существует — это безопасное место? На самом деле? По словам Адриана, стражи все более энергично разыскивают нас. Они подключили к этому алхимиков и, скорее всего, человеческие власти. Куда бы мы ни отправились, неизменно существует риск, что нас обнаружат, и, значит, придется снова переезжать. И так будет всегда.

— Но ты будешь жива, — заметил он. — Вот что имеет значение. Радуйся тому, что имеешь, где бы ты ни оказалась, а не сосредоточивайся на том, чего у тебя нет.

— Да. — Я постаралась следовать его совету; небо показалось чуть голубее, птицы запели чуть громче. — Наверное, мне и впрямь не нужно ныть и жаловаться, что я что-то там не увижу. Наверное, я должна быть благодарна за то, что вообще вижу что-то. И что живу не в пещере.

Он улыбнулся мне, с таким выражением в глазах, которое я не могла расшифровать.

— Куда бы ты хотела пойти?

— Что, прямо сейчас?

Я оглянулась, оценивая, какой у меня выбор. Магазин рыболовных принадлежностей, аптека и кафе-мороженое... О, вот куда надо заглянуть, пока мы в городе!

— Нет, вообще в мире.

— Сидни ужасно разозлится, если мы уедем в Стамбул или еще куда-нибудь в этом духе.

Он от души рассмеялся.

— Я не то имел в виду. Пошли.

Я последовала за ним к магазину рыболовных принадлежностей и только потом заметила позади него маленькое здание. Естественно, острый взгляд Дмитрия разглядел то, что я упустила — наверное, потому, что сосредоточилась на кафе-мороженом.

РУБИСВИЛЛЬСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

— Эй, постой! — воскликнула я. — Одна из привилегий окончивших школу — возможность держаться подальше от таких мест.

— Скорее всего, там есть кондиционеры, — заметил он.

Только тут я заметила, что вспотела, а кожа моя слегка порозовела. Как человек смуглый, я редко сгораю, но солнце жарило вовсю — даже на исходе дня.

— Ладно, пошли.

К счастью, в здании и впрямь ощущалась прохлада, хотя сама библиотека оказалась даже меньше той, что была у нас в Академии. Руководствуясь каким-то сверхъестественным чутьем (или, может, он просто был знаком с десятичной классификацией Дьюи^[3]), Дмитрий повел меня прямо в раздел путешествий — состоящий примерно из десяти книг, три из которых относились к Западной Виргинии. Он нахмурился.

— Не совсем то, что я ожидал.

Он дважды просмотрел полку и потом вытащил большую книгу в яркой обложке, озаглавленную «100 лучших мест в мире, которые стоит посетить».

Скрестив ноги, мы уселись на полу, и он протянул мне книгу.

— Не пойдет, товарищ, — сказала я. — Знаю, книги — это воображаемое путешествие, но сегодня я не в том настроении.

— Просто закрой глаза и открой страницу наугад.

Глупость, конечно, учитывая нынешние обстоятельства нашей жизни, но у него было донельзя серьезное выражение лица. Чтобы доставить ему удовольствие, я закрыла глаза, пролистав книгу примерно до середины и открыла ее.

— Митчелл, Южная Дакота? — воскликнула я и понизила голос, вспомнив, где нахожусь. — Неужели это место попало в сотню самых выдающихся в мире?

Он снова улыбнулся, и я забыла, как сильно мне не доставало этого.

— Прочитай.

— «В полутора часах езды от Су-Фолса,^[4] в городе Митчелле находится Кукурузный дворец». — Я подняла на Дмитрия недоверчивый взгляд. — Кукурузный дворец?

Он подвинулся ко мне и наклонился, разглядывая фотографии.

— Мне кажется, он сделан из кукурузы.

Фотографии изображали здание в средневосточном — или даже русском — стиле, с башенками и куполами в форме луковиц.

— Мне тоже. — И против воли я добавила: — Хотелось бы побывать там. Спорю, у них есть замечательные футболки.

— И спорю, стражи не станут искать нас там, — сказал он с озорным блеском в глазах.

Я даже не пыталась сдержать смех, представив себе, что мы, беглецы, всю оставшуюся жизнь живем в Кукурузном дворце. Библиотекарша бросила на нас сердитый взгляд, я унялась и передала книгу Дмитрию. Он тоже открыл книгу наугад. Сан-Паулу, Бразилия. Потом опять моя очередь: Гонолулу, Гавайи. Снова и снова мы передавали друг другу книгу и вскоре уже лежали бок о бок на полу, продолжая воображаемое путешествие по миру. Наши руки и ноги слегка соприкасались.

Если бы кто-то сказал мне сорок восемь часов назад, что я буду лежать с Дмитрием на полу библиотеки, изучая книгу о путешествиях, я ответила бы, что это чистое безумие. Почти таким же безумием было осознавать, что мы с ним делаем что-то в высшей степени обычное и несерьезное. С тех пор как мы впервые встретились, наша жизнь протекала под знаком секретности и опасности; фактически и сейчас эти темы в ней преобладали. Однако на протяжении этих спокойных двух часов время, казалось, остановилось. Мы были в ладу друг с другом. Мы были друзьями.

— Флоренция, Италия, — прочла я. Страницу заполняли фотографии красивейших церквей и галерей. — Сидни поехала бы туда. На самом деле

она хотела учиться там. Если бы Эйб устроил ей и это, думаю, она была бы готова служить ему всю жизнь.

— Она и сейчас поразительно покорна, — заметил Дмитрий. — Я плохо знаю ее, но уверен — у Эйба что-то на нее есть.

— Он вытащил ее из России, помог вернуться в Штаты.

Он покачал головой.

— Нет, тут кроется что-то большее. Алхимики преданы своей системе. Не любят нас. Она скрытна — их этому учат, — но каждая минута с хранителями для нее мучительна. Чтобы помогать нам, предавая таким образом своих руководителей, у нее должна быть очень серьезная причина. — Мы оба помолчали, раздумывая, какое таинственное соглашение мой отец заключил с ней. — Впрочем, это к делу не относится. Она помогает нам, вот что важно... и, наверное, пора возвращаться к ней.

Я понимала, что он прав, но ужасно не хотелось уходить. Хорошо бы оставаться тут, в иллюзии спокойствия и безопасности, позволить себе поверить, что в один прекрасный день я действительно увижу Парфенон или даже Кукурузный дворец. Я протянула ему книгу.

— Давай еще раз.

Он наугад открыл книгу; его улыбка угасла.

— Санкт-Петербург.

Странная смесь чувств нахлынула на меня. Ностальгия — потому что этот город прекрасен. Печаль — потому что посещение его окрашивала в темные тона ужасная задача, которую мне тогда предстояло выполнить.

Дмитрий долго смотрел на страницу с грустным видом. Я подумала, что, несмотря на свои прежние бодрые речи, он переживает то, что я испытывала в отношении Монтаны: это были старые, любимые места, потерянные для нас теперь.

Я легонько подтолкнула его локтем.

— Эй, радуйся тому, что имеешь, не забыл? Не грусти о том, чего нет.

Он неохотно закрыл книгу.

— Как это ты стала такой мудрой?

— У меня хороший учитель.

Мы улыбнулись друг другу. И тут меня осенило. Все это время я считала, что он помогает мне в побеге по приказу Лиссы, но, может быть, тут было что-то иное?

— Поэтому ты сбежал со мной? Чтобы, по возможности, посмотреть мир?

Он удивился, но совсем чуть-чуть.

— Ты не нуждаешься во мне, чтобы быть мудрой, Роза. Ты такая сама

по себе. Да, отчасти поэтому. Может, когда-нибудь я и смогу вернуться, но, скорее всего, нет. После... После того как я был стригоем... — Эти слова дались ему с трудом. — Я начинаю по-новому ценить жизнь. Это требует времени, я все еще не в полной мере овладел этим умением. Мы говорили, что надо сосредоточиваться на настоящем, не на будущем, — но меня не отпускает прошлое. Лица. Ночные кошмары. Однако чем дальше я ухожу от мира смерти, тем больше ценю жизнь во всех ее проявлениях. Запах книг и твоих духов. То, как свет падает сквозь оконное стекло. Даже вкус завтрака с хранителями.

— Да ты прямо поэт.

— Нет, просто начинаю кое-что осознавать. Я уважаю законы и порядки нашего общества, но пойти на риск провести в камере всю жизнь, после того как я только что снова обрел ее? Нет, ни за что! Я тоже хотел сбежать, поэтому и помогал тебе. Поэтому и...

— Почему еще?

Я вглядывалась в его лицо, жалея, что он так здорово умеет скрывать эмоции. Я хорошо знала его, понимала его; и все же он по-прежнему мог скрыть от меня то, что хотел.

Он сел, избегая моего взгляда.

— Неважно. Давай вернемся к Сидни и посмотрим, нашла ли она что-нибудь... Хотя, как ни неприятно это говорить, я сильно сомневаюсь.

— Да уж. — Мы встали; у меня из головы никак не выходило, что еще он хотел сказать. — Наверное, она сдалась и теперь играет в «Минера».

Мы пошли обратно в кафе, купив по дороге мороженое. Есть его на ходу... это было непросто. Солнце склонилось к горизонту, окрашивая все в оранжево-красные цвета, но жара не спадала.

«Радуйся всему этому, Роза, — говорила я себе. — Краскам. Вкусу шоколада».

Конечно, я всегда любила шоколад. Чтобы получать от него удовольствие, не обязательно попадать в ситуацию, когда твоя жизнь висит на волоске.

В кафе Сидни прильнула к своему ноутбуку, едва прикоснувшись к плюшке и приканчивая четвертую чашку кофе. Мы уселись рядом с ней.

— Что ты... Эй! Ты играешь в «Минера»! — Я попыталась придвинуться к экрану, но она отвернула его от меня. — Предполагалось, что ты ищешь какую-нибудь связь с любовницей Эрика.

— Уже нашла.

Мы с Дмитрием изумленно переглянулись.

— Но не знаю, насколько это будет полезно.

— Все будет полезно, — заявила я. — Что ты нашла?

— Пытаясь отследить банковские отчеты о переводах — и, поверьте, это совсем неинтересно, — я в конце концов обнаружила кое-какую информацию. Новый банковский счет, переведенный из другого банка пять лет назад. Старый счет по-прежнему открыт на имя некой Джейн До, но в нем есть ссылка на ближайшего родственника на случай, если что-нибудь случится с владелицей счета.

Я затаила дыхание. Финансовые операции для меня — пустой звук, но здесь намечалось что-то более интересное.

— И там указано настоящее имя этого родственника?

Сидни кивнула.

— Соня Карп.

ДВЕНАДЦАТЬ

Мы с Дмитрием замерли — это имя поразило нас обоих. Сидни, переводя взгляд с одного лица на другое, сухо улыбнулась.

— Как я понимаю, вы знаете, кто это?

— Конечно! — воскликнула я. — Она была моей учительницей, а потом сошла с ума и стала стригоем.

Сидни кивнула.

— Знаю.

Глаза у меня просто полезли на лоб.

— Ведь это не она... не у нее была связь с отцом Лиссы?

О боже! В аттракционе моей жизни это был бы один из самых неожиданных виражей. Я даже не могла до конца понять, что он означал бы.

— Непохоже, — ответила она. — Счет был открыт за несколько лет до того, как на нее оформили доверенность, — это произошло, когда ей исполнилось восемнадцать. Значит, если предположить, что счет был открыт примерно в то время, когда родился ребенок, Соня тогда была слишком молода. Скорее всего, она просто родственница.

Мое потрясение обернулось возбуждением, и то же самое происходило с Дмитрием.

— У вас должны быть записи о ее семье, — сказал он. — А если нет, то у мороев они наверняка имеются. У нее была сестра?

Сидни покачала головой.

— Нет. Естественно, такой вопрос напрашивается сам собой. К несчастью, у нее просто масса родственников. Ее родители оба выходцы из огромных семей, поэтому у нее полно двоюродных сестер. Даже некоторые ее тети попадают в нужную возрастную категорию.

— Но мы же можем поискать среди них? — спросила я, чувствуя трепет предвкушения.

Честно, я не ожидала такого улова; это было немного, но, безусловно, уже кое-что. Если Соня Карп состоит в родственных отношениях с любовницей Эрика, это можно отследить.

— Говорю же, их очень много. — Сидни пожала плечами. — В смысле, да, мы можем. Понадобится немало времени, чтобы найти записи всех и обнаружить среди них интересующую нас женщину. Или даже выяснить, не знает ли кто-нибудь из них, кто она такая.

— Один человек точно знает, кто эта Джейн До, — задумчиво заметил Дмитрий. Мы обе вопросительно посмотрели на него. — Соня Карп.

Я вскинула руки.

— Да, но с ней мы не сможем поговорить. Это дело пропащее. Майкл Теннер потратил больше года, пытаясь найти ее, но ничего не добился. Если он не смог, то куда уж нам.

Дмитрий отвернулся и устремил взгляд в окно. В его карих глазах светилась печаль, мысли явно были где-то далеко. Я не понимала, что происходит, но мир, снизошедший на него в библиотеке — где Дмитрий улыбался и делился со мной мечтами об обычной, нормальной жизни, — сейчас исчез. И даже больше — сам тот Дмитрий исчез. Он снова выглядел так, словно нес на своих плечах всю тяжесть мира. Наконец он вздохнул и посмотрел на меня.

— Это потому, что у Майкла не было нужных связей.

— Майкл был ее другом, — возразила я. — У него больше связей, чем у кого-либо другого.

Дмитрий никак не среагировал на мой комментарий, становясь все более печальным. Я видела, что в его душе происходит тяжелая внутренняя борьба. Наконец он, видимо, принял решение.

— Твой телефон здесь принимает? — спросил он Сидни.

Она кивнула, достала из сумки телефон и протянула ему. Он подержал его с таким видом, будто само прикосновение причиняло боль, снова вздохнул, встал и направился к двери. Мы с Сидни посмотрели друг на друга и последовали за ним. Она немножко отстала — чтобы бросить на стол купюру и прихватить ноутбук. Я вышла наружу как раз в тот момент, когда Дмитрий закончил набирать номер и приложил телефон к уху. Тут подошла Сидни, и спустя мгновение на том конце линии ответили.

— Борис? — спросил Дмитрий.

Это все, что я поняла, потому что дальше он быстро заговорил по-русски. Слушая его, я испытала странное ощущение. Конечно, чужой язык сбивал с толку... но было и еще кое-что. По спине пробежал озноб, от страха участился пульс. Этот голос... я узнала этот голос. Это был голос Дмитрия — и в то же время не его. Это был голос из моих ночных кошмаров, холодный и жестокий.

Дмитрий играл роль стригоя.

На самом деле «играл роль» — это мягко сказано. «Выдавал себя за стригоя» подходило лучше. Как бы то ни было, получалось у него чертовски убедительно.

Сидни стояла с хмурым видом, но вряд ли она переживала то, что я.

Она никогда не видела его в качестве стригоя, у нее не было этих жутких воспоминаний. Конечно, изменение манеры поведения бросалось в глаза, но, внимательно приглядевшись к Сидни, я поняла, что она в основном следит за разговором. Ну конечно, она же знает русский язык!

— Что он говорит? — прошептала я.

Она еще больше насупилась — то ли от услышанного, то ли потому, что я отвлекала ее.

— Такое... Такое впечатление, будто он говорит с кем-то, с кем уже давно не разговаривал. Дмитрий обвиняет его в том, что тот ослабил рвение в его отсутствие.

Она замолчала — наверное, переводила в уме. В какой-то момент в голосе Дмитрия зазвенел гнев, и мы обе вздрогнули. Я вопросительно посмотрела на Сидни.

— Возмущается тем, что его власть подвергается сомнению. Не могу сказать... Сейчас вроде бы тот человек старается подольститься к нему.

Мне хотелось знать каждое слово, но, конечно, для нее было трудно одновременно и слушать, и переводить. Голос Дмитрия стал спокойнее — хотя в нем по-прежнему kloкотала угроза, — и из потока непонятных слов я выхватила «Соня Карп» и «Монтана».

— Он спрашивает о госпоже Ка... о Соне? — пробормотала я.

Она уже давно не была моей учительницей; теперь я могла называть ее по имени.

— Да, — ответила Сидни, не сводя взгляда с Дмитрия. — Он просит... ну, велит этому человеку найти кого-то и выяснить, не может ли тот отыскать Соню. Этот человек... — Она снова замолчала, вслушиваясь. — Похоже, что тот, кого он просит найти, знает многих людей в тех местах, где ее в последний раз видели.

Учитывая контекст, под «людьми», конечно, подразумевались стригои. Дмитрий быстро приобрел вес среди них, подчиняя других своей воле. Большинство стригоев действуют в одиночку, очень редко собираясь группами, но даже эти изолированные особи осознают опасность, исходящую со стороны наиболее влиятельных персон. Дмитрий задействовал свои контакты. Если кто-то из стригоев и слышал о его трансформации — и тем более поверил в нее, — быстро эта новость распространиться не могла, по причине отсутствия у них серьезной организации. Дмитрий делал вот что: пытался найти кого-то, знающего того, кто, возможно, знал, где сейчас Соня.

Дмитрий снова заговорил более громко, гневно и — если это возможно — более зловеще. Я внезапно почувствовала себя так, будто угодила в

ловушку, и даже у Сидни сделался испуганный вид.

— Он говорит этому Борису, что, если тот не получит ответов к завтрашней ночи, Дмитрий найдет его и разорвет на части и... — Ей не было нужды заканчивать — достаточно было заглянуть в ее широко распахнутые глаза. — Используй свое воображение. Это ужасно!

В тот момент я порадовалась, что не слышу всего разговора на английском.

Дмитрий отключился, вернул Сидни телефон, и маска злобы на его лице растаяла. Это снова был мой Дмитрий, Дмитрий-дампир. С удрученным видом он привалился к стене кафе, глядя в небо. Я понимала — он пытается успокоиться и утихомирить разбушевавшиеся в душе эмоции. Он только что сделал то, что поможет нам в поисках... но какой ужасной ценой для себя! Пальцы у меня свело от желания обнять его или хотя бы похлопать по плечу, чтобы он знал, что не одинок. Но я сдержалась, подозревая, что ему это не понравилось бы.

Наконец он снова посмотрел на нас, по-видимому сумев совладать с собой — по крайней мере, внешне.

— Я отправил кое-кого расспросить о ней, — устало сказал он. — Может, сработает, может, нет. Стригои не из тех, кто имеет свою базу данных. И все же время от времени они наблюдают друг за другом, хотя бы в интересах самосохранения. Скоро выяснится, есть какой-нибудь успех или нет.

— Я... Потрясающе! Спасибо тебе, — запинаясь, сказала я.

Я понимала — он не нуждается в благодарности, но мне это казалось необходимым.

— Нужно возвращаться к хранителям... если вы не думаете, что и здесь достаточно безопасно.

— Я предпочла бы держаться подальше от цивилизации. — Сидни зашагала к пикапу. — Кроме того, я хочу вернуть себе ключи от моей машины.

Поездка обратно, казалось, продолжалась в десять раз дольше. Настроение Дмитрия заполнило всю кабину, его уныние действовало почти удушающе. Даже Сидни чувствовала это. Она снова пустила его за руль, и я не могла решить, хорошо это или плохо. Может, дорога отвлечет его от муки возвращения в прошлое стригоя? А если наоборот — боль отвлечет его от дороги и мы свалимся в канаву?

По счастью, мы без приключений доехали обратно. На парковке нас ждали двое хранителей — моройка и парень-человек; вид у обоих был воинственный. Меня по-прежнему поражала готовность обеих рас к бою; и

еще я задавалась вопросом, есть что-нибудь между ними или нет.

В лагере уже ярко пылал общинный костер, и вокруг сидели люди; одни ели, другие просто общались. За завтраком я выяснила, что этот костер горит всегда для тех, кто хочет пообщаться, но многие семьи предпочитали проводить время в своих домах.

В доме Раймонда мы нашли лишь Сару и Джошуа. Она мыла посуду, он сидел в кресле, но явно был встревожен. Едва заметив меня в двери, он вскочил, сияя улыбкой.

— Роза! Вы вернулись. Мы уже начали беспокоиться... В смысле, не потому, что с вами могло что-то случиться, с вашими-то умениями... но из-за того, что, может, вы просто уехали от нас.

— Без ключей от нашей машины? Ну уж нет.

Сидни положила ключи от пикапа на стол; на ее лице читалось облегчение, когда она увидела там свои и схватила их.

Сара предложила нам перекусить, но мы отказались, поскольку купили кое-какую закуску на заправке в Рубисвилле.

— Ладно, если не хотите есть, посидите с другими у костра. Может, сегодня вечером Джесс Макхейл споет, если ее уговорят достаточно выпить, но, пьяная или трезвая, она обладает самым изумительным голосом, который я когда-либо слышала.

Я переглянулась с Дмитрием и Сидни. Признаться, мне было интересно посмотреть, как у этих дикарей проходят вечеринки, пусть даже народные песни при лунном свете не самое любимое из моих развлечений.

Я подозревала, что Дмитрий вполне удовольствуется возможностью уединиться в нашей комнате, но, когда Сидни заявила, что пойдет к костру, он автоматически ответил:

— Я тоже.

Я мгновенно поняла, чем он руководствовался. Воспоминания о днях со стригоями мучили его. Разговор со стригоем мучил его. И возможно — нет, определенно, — он хотел бы спрятаться и постараться отделаться от всего этого; но это же был Дмитрий. Он всегда защищал тех, кто в этом нуждался, и хотя сидеть у костра и слушать песни в общем не представляло угрозы для жизни, все же это была в какой-то мере опасная ситуация для такого сугубо штатского человека, как Сидни. Он не мог этого допустить. Вдобавок он понимал, что в присутствии нас обоих она будет чувствовать себя в большей безопасности.

Я собралась сказать, что пойду с ними, но Джошуа опередил меня.

— Ты еще хочешь посмотреть мою пещеру? Пока не совсем стемнело, будет лучше видно, чем при свете факела.

Я и думать забыла о нашем последнем разговоре с Джошуа и хотела отказаться. Однако заметила в глазах Дмитрия что-то похожее на осуждение. Ага, значит, ему не по душе, если я уйду куда-то с молодым, симпатичным парнем. Что это? Естественное беспокойство по поводу хранителей? Ревность? Нет, последнее отпадало. Уже установлено — и не раз, — что Дмитрий не хочет со мной никаких романтических отношений. Раньше он даже вступался за Адриана. Может, это отголоски позиции бывшего приятеля? В Рубисвилле во мне возродилась вера, что мы с Дмитрием можем быть друзьями, но этого не произойдет, если он сочтет, что может контролировать меня и мою личную жизнь. Мне приходилось встречать девушек, чьи «бывшие» так себя вели. Нет уж, я буду общаться с тем, с кем пожелаю.

— С удовольствием, — ответила я. Дмитрий помрачнел.

И мы с Джошуа ушли. Я понимала — в этом решении немалую роль играет желание отстоять свою независимость. Дмитрий сам говорил, что мы равны, и, однако, во время этого нашего бегства зачастую принимал решения самостоятельно, без моего участия. Приятно было в виде исключения хоть в чем-то иметь превосходство. Кроме того, Джошуа мне нравился, и было интересно узнать больше о том, как здесь живут люди. Сидни, наверное, не хотела, чтобы я уходила, но Дмитрий и сам позаботится о ней.

По дороге мы с Джошуа проходили мимо множества высыпавших из своих жилищ хранителей, и я то и дело ловила на себе взгляды. Джошуа повел меня не в сторону дома своего отца, а в противоположную, в обход небольшой горы. Конечно, после стольких лет жизни рядом со Скалистыми горами, все Аппалачи казались мне «маленькими». Такой вот горный снобизм.

На самом деле гора была не так уж мала, и мы уходили все дальше и дальше от селения хранителей. Лес стал гуще, солнце клонилось к горизонту, и сгущались сумерки.

— Я вроде как буду жить на окраине, — извиняющимся тоном сказал Джошуа. — Нас становится все больше и больше, а в центре города места не так уж много. — Слово «город» показалось мне некоторым преувеличением; хорошо, хватило ума промолчать. Да, я определенно становлюсь снобом. — Помогают пещеры, так что места еще достаточно.

— Они естественные?

— Некоторые. Другие остались от заброшенных горных выработок.

— Здесь красиво, — сказала я. Мне нравились все эти лиственные деревья. Может, я и скучала по Монтане, но листья, без сомнения, приятнее

на вид, чем сосновые иголки. — И по крайней мере, уединение тебе обеспечено.

— Это точно. — Он улыбнулся. — Ты, наверное, считаешь такую жизнь примитивной. Или вообще первобытной.

Его замечание удивило меня. Хранители так истово защищали свой образ жизни! Казалось немыслимым, чтобы кто-то из них хотя бы подумал, будто чужак может поставить его образ жизни под сомнение. Или чтобы мнение этого чужака вообще кого-то интересовало.

— Здесь просто все по-другому, — дипломатично ответила я. — По сравнению с тем, к чему я привыкла.

На мгновение сердце сжала тоска по всем людям и местам, от которых я сейчас была оторвана. Лисса. Адриан. Остальные наши друзья. Двор. Академия Святого Владимира. Я постаралась стряхнуть с себя это настроение. Сейчас не время хандрить, да и с Лиссой я смогу «увидеться» позже, пусть на свой лад.

— Я бывал в человеческих городах. И в других местах, где живут порченые. Мне понятно, почему тебе там нравится... Я не возражал бы против электричества, — смущенно добавил Джошуа.

— Почему вы не используете его?

— Как? Мы просто слишком далеко, и никто не знает, что мы здесь. Люди с лилиями говорят, что так нам легче скрываться.

До меня раньше не доходило, что они просто терпят эти условия, поскольку вынуждены прятаться. Интересно, насколько они в действительности привержены так называемым старым устоям? И еще интересно, какую роль в их затворничестве играет влияние алхимиков?

— Вот мы и пришли, — прервал мои раздумья Джошуа и сделал жест в сторону темного провала на уровне земли.

Отверстие было достаточно велико, чтобы мог войти взрослый.

— Мило.

Раньше я заметила, что некоторые пещеры расположены выше и их обитатели либо карабкаются по склону, цепляясь голыми руками, либо используют самодельные лестницы. Вход с уровня земли воспринимался как роскошь.

Джошуа, казалось, удивился.

— Правда?

— Правда.

Дневной свет остался позади нас. Джошуа зажег факел, и мы двинулись внутрь. Вначале приходилось слегка пригибаться, но чем дальше мы углублялись, тем выше становился потолок. В конце концов мы

вышли в обширное сферическое помещение. Полом служила плотно утрамбованная земля, стенами — грубо обработанный камень. Пещера явно имела естественное происхождение, но чувствовалось, что для ее облагораживания прикладывались немалые усилия. Пол чистый, ровный; камни, прежде лежащие на нем, аккуратно сложены в углу. Имелось уже и кое-что из мебели: небольшое деревянное кресло и матрац, на котором едва мог поместиться один человек.

— Тебе, наверное, кажется, что здесь тесно, — сказал Джошуа.

Что правда, то правда; хотя пещера была больше моей комнатки в общежитии Академии.

— Ну... да. Кстати, сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Как и мне, — сказала я, и это, по-видимому, очень его обрадовало. — В восемнадцать лет иметь собственную пещеру... это круто.

Было бы еще круче, если бы здесь имелось электричество, Интернет и сантехника, но вряд ли стоило упоминать об этом.

Его голубые глаза сияли; ничего не скажешь, они очень красиво контрастировали со смуглой кожей. Я тут же выбросила из головы эти мысли. Я здесь не в поисках бойфренда. Но по-видимому, так думала я одна.

— Ты можешь остаться, если хочешь, — внезапно заявил Джошуа. — Порченые никогда не найдут тебя здесь. Мы можем пожениться, а потом, когда появятся дети, построить спальный этаж, как у моих родителей, и...

Слово «пожениться» заставило меня попятиться к выходу в таком ужасе, словно я была младенцем, на которого напал стригой. С той лишь разницей, что в случае возможного нападения были определенные признаки, предупреждающие меня о нем.

— Тихо, тихо, притормози немного! — Чего-чего, а этого я никак не ожидала. — Мы же только что познакомились!

Слава богу, он не подходил ближе.

— Знаю, но иногда бывает и так.

— Что, женятся люди, едва знающие друг друга?

— Конечно. Такое все время происходит. И, серьезно, лично я уже успел понять, что ты мне нравишься. Ты потрясающая. Красивая и, похоже, прекрасный боец. То, как ты держишься... — Он покачал головой с выражением благоговения на лице. — Никогда не видел ничего подобного.

Жаль, что он был такой симпатичный и вежливый. Когда тобой восхищается какой-нибудь страшила, от этого гораздо легче отмахнуться.

Припомнились слова Сидни о том, что здесь меня будут считать очень привлекательной.

— Джошуа, ты мне правда нравишься, но... Я слишком молода для замужества.

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Ты же говоришь, тебе восемнадцать?

Понятно, возраст здесь не аргумент. В общине Дмитрия детей имеют люди и моложе меня. Не удивлюсь, если здесь женятся еще в подростковом возрасте. Я попробовала зайти с другой стороны.

— Я вообще не уверена, что хочу выйти замуж.

Он понимающе кивнул.

— Умно. Мы сначала могли бы просто пожить вместе, посмотреть, как будем ладить. — Серьезное выражение его лица сменилось улыбкой. — Но я человек спокойный. В любом споре буду уступать тебе.

Против воли я засмеялась.

— Тогда пусть так будет и в этом случае. Признаюсь, я просто не готова... ни к чему такому. Кроме того, я уже встречаюсь с парнем.

— С Дмитрием?

— Нет, с другим. Он остался при дворе порченных.

Неужели я это сказала? Просто ушам своим не верила.

Джошуа насупился.

— В таком случае почему он не здесь, чтобы защищать тебя?

— Потому что... Ну, он не такой. И я сама могу о себе позаботиться. — Меня раздражало, если кто-то считал, будто я нуждаюсь в защите. — И послушай, даже если бы его не было, я вскоре уеду. У нас с тобой ничего не может быть.

— Понимаю. — Джошуа выглядел разочарованным, но, похоже, в целом воспринял мой отказ нормально. — Может, ты вернешься, когда уладишь все свои дела.

Я хотела сказать ему, что ждать меня бессмысленно, а нужно просто жениться на ком-нибудь (пусть даже это выглядело нелепо в его возрасте), но потом осознала бессмысленность такого рода советов. Ничто не мешает Джошуа фантазировать на тему того, что сейчас он женится на ком-нибудь, а потом добавит меня к своему гарему; как Сара и Паулетта. Поэтому я просто сказала:

— Может быть.

Стараясь сменить тему разговора, я поискала взглядом, на что можно отвлечься. И только сейчас обратила внимание на вырезанный на кресле узор в виде переплетенных листьев.

— Очень красиво.

— Спасибо. — К моему облегчению, Джошуа, не возвращаясь к прежней теме, подошел к креслу и любовно провел рукой по искусной резьбе. — Моя работа.

— Правда? — искренне удивилась я. — Это... Это замечательно.

— Если тебе нравятся такие вещи... — Он двинул рукой, и я испугалась, что, может, он захочет обнять меня или поцеловать. Вместо этого он достал из кармана рубашки красивый деревянный браслет с резьбой. Несложный извилистый узор, но одновременно сам браслет узкий и изящный — просто чудо какое-то. Дерево было отполировано до блеска. — Вот.

Он протянул мне браслет.

— Это для меня?

Я провела пальцем по ровному краю.

— Если хочешь. Я сделал его сегодня, пока вы были в отъезде. Это тебе на память обо мне.

Может, если я приму подарок, это будет воспринято как поощрение? Нет, решила я. Я ясно дала понять, как отношусь к ранним бракам, а он так явно нервничал, что меньше всего мне хотелось задеть его чувства. Я надела браслет на запястье.

— Я не забуду тебя. Спасибо.

Судя по тому, каким довольным он выглядел, то, что я приняла браслет, компенсировало мой отказ. Он продемонстрировал мне еще кое-какие детали своей пещеры, а потом согласился со мной, что пора возвращаться. Мы услышали плывущие среди деревьев звуки музыки задолго до того, как добрались до костра, и, хотя она была совсем не в моем вкусе, мне приятно было ощущать в атмосфере что-то теплое и дружелюбное. Я никогда не бывала в летнем лагере и вообразила, что, наверное, эта община похожа на него.

Сидни и Дмитрий сидели рядышком поодаль от других. Они помалкивали и лишь смотрели, а все остальные пели, хлопали и болтали. Я снова поразилась тому, как, оказывается, легко вампиры, люди и морои могут вступать в близкие отношения друг с другом. Смешанные пары были повсюду, и одна — человеческая женщина и морой — открыто целовалась. При этом он каждый раз кусал ее в шею и отпивал немного крови. Я отвела взгляд.

Сидни при виде меня просияла, явно обрадованная. Лицо Дмитрия было непроницаемым. Как всегда, множество глаз были прикованы ко мне, и, что удивительно, на лицах многих парней явственно читалась ревность.

Надеюсь, они не думали, что мы с Джошуа проводили время в его пещере голыми. Не хотелось, чтобы у меня сложилась такая репутация.

— Мне нужно поговорить с Сидни, — сказала я ему, перекрывая шум.

Лучше держаться от него подальше, пока не начали распространяться слухи, решила я, да и Сидни явно хотела, чтобы я была рядом. Джошуа кивнул, я отошла от него, но успела сделать всего два шага, как на меня обрушился внезапный удар.

Я не была готова и едва успела повернуть голову таким образом, что удар пришелся в щеку, а не в нос. Мгновенно включились все полученные во время обучения навыки. Я отступила в сторону и заняла боевую позицию. Музыка и пение смолкли, я повернулась лицом к нападающему...

Ангелина.

Она стояла в той же позе, что и я, сжав кулаки и сверля меня взглядом.

— Хорошо. Пора выяснить, какая ты на самом деле крутая, — заявила она.

По-моему, пора было кому-то — скажем, ее родителям — вмешаться, оттащить ее от меня и наказать за то, что она ударила гостью. К моему изумлению, никто не попытался остановить ее. Дмитрий мгновенно вскочил, увидев, что мне угрожает опасность. Я понадеялась, что он оттянет Ангелину, но несколько хранителей бросились к нему, говоря что-то, чего я не могла слышать. Физически они не пытались остановить его, но, как бы то ни было, он остался на месте. Надо будет выяснить, что такое они ему сказали; но не сейчас — потому что Ангелина снова бросилась на меня. Приходилось действовать на свой страх и риск.

Ангелина была невысока, даже для дампирки, но необычайно сильна. И быстра, хотя не настолько, чтобы нанести мне второй удар. Я увертывалась, стремясь сохранять дистанцию, — не бороться же с ребенком!

Наверное, в драке она могла причинить кое-какой вред, но ее действия отличала небрежность или, может быть, незавершенность. Типичная задира — много пыла, но никакого настоящего умения, которое дается только правильным обучением.

— Ты в своем уме? — воскликнула я, уклоняясь от очередного удара. — Прекрати! Я не хочу причинять тебе вред.

— Ага, ты как раз хочешь, чтобы все так думали? Пока никто не увидел тебя в бою, все будут верить, что твои знаки настоящие.

— Они и есть настоящие!

Намек на то, что татуировки поддельные, пробудил мой темперамент, но я по-прежнему не желала ввязываться в нелепую потасовку.

— Докажи это! — Она снова кинулась на меня. — Докажи, что ты такая, как говоришь.

Это напоминало танец — не подпускать ее близко. Я могла развлекаться таким образом всю ночь. Из толпы слышались крики, зрители требовали, чтобы мы «не тянули».

— Я ничего не обязана доказывать, — отрезала я.

— Значит, ты соврала. — Сейчас она дышала тяжело; ей наш «танец» давался труднее, чем мне. — Вы, порченные, все врете.

— Неправда.

Почему Дмитрий не вмешивается? Уголкем глаза я посмотрела на него. И что же? Вместо того чтобы помочь мне, он улыбался!

Ангелина продолжала словесные нападки, одновременно норовя дотянуться до меня.

— Вы все вруны. Вы все слабые. В особенности ваши королевские морои. Они хуже всех.

— Ты их совсем не знаешь.

Может, она и была в состоянии продолжить разговор, но силы ее явно иссякали. Не будь я уверена, что она ударит меня в спину, так проявила бы великодушие — просто повернулась и ушла.

— Я знаю достаточно, — заявила она. — Знаю, что они эгоистичны, испорчены и не заботятся даже о самих себе. Вообще ни о ком. Все они такие.

Вообще-то я была согласна с Ангелиной — в отношении некоторых королевских мороев; но мне не нравились такие обобщения.

— Не рассуждай о том, чего не понимаешь! — взорвалась я. — Они вовсе не все такие.

— Нет, все! — Она явно радовалась, что сумела разозлить меня. — Чтоб они сдохли!

Этого замечания было недостаточно, чтобы я бросилась в атаку, и все же на какое-то время я утратила бдительность, совсем чуть-чуть. Со стригоем такого я себе никогда не позволила бы, но эту воинственную девицу недооценила. Она выбросила вперед ногу и ударила меня в колено. Это было все равно что бросить горящую спичку в бензин. Последовал взрыв.

Я слегка пошатнулась, и она решила развить успех. У меня не оставалось другого выбора, как только нанести ей удар, прежде чем она снова атакует меня. Слышались возбужденные крики вроде: «Наконец-то дошло до дела!» Теперь я нападала, пытаюсь одолеть ее. Без сомнения, я по-прежнему была сильнее, но в попытке добраться до нее подошла слишком

близко. Она осыпала меня градом ударов, ничего серьезного, зато в итоге мне удалось прижать ее к земле. Я рассчитывала, что на этом все кончится, но не успела полностью обездвижить ее, как она оттолкнула меня, и мы опрокинулись. Теперь она попыталась навалиться на меня, но я, конечно, не могла этого допустить и была вынуждена нанести ей удар по лицу, гораздо сильнее предыдущего.

«Теперь-то уж точно конец», — подумала я.

От удара она отлетела от меня, и я начала подниматься, но маленькая дрянь схватила меня за волосы и с силой дернула вниз. Мне удалось вывернуться — хотя, не сомневаюсь, какая-то часть волос осталась у нее в руке, — и на этот раз я прочно пригвоздила ее к земле, навалившись всем своим весом. Я понимала, что ей больно, но, честно говоря, мне было плевать. Она начала все это. Кроме того, ее действия вышли за пределы самозащиты. Таскать противника за волосы — грязная игра.

Ангелина предприняла несколько попыток вырваться, но, когда стало ясно, что у нее ничего не получается, толпа разразилась свистом и приветственными криками. Спустя несколько мгновений мрачное, взбешенное выражение исчезло с лица Ангелины, уступив место смирению. Я настороженно смотрела на нее — второй раз ей не застать меня врасплох.

— Отлично, — сказала она. — Теперь все в порядке. Действуй.

— А? С чем все в порядке?

— Можешь выходить замуж за моего брата.

ТРИНАДЦАТЬ

— Это не смешно!

— Ты права, — заявила Сидни. — Это не смешно. Это очень смешно.

Мы вернулись в свою комнату в доме Раймонда. У костра продолжалось буйное празднество, и нам понадобилось немало времени, чтобы вырваться оттуда. В особенности после того, как мы узнали о существовании у хранителей ужасного обычая. По крайней мере, мне он показался ужасным. Выяснилось, что если какая-то пара хочет вступить в брак, то жених и невеста оба должны сразиться с ближайшим родственником другого, причем с родственником того же пола. Ангелина заметила интерес Джошуа ко мне с первого момента нашего появления, а когда увидела браслет, то предположила, что мы с ним о чем-то договорились. Следовательно, именно ей, как его сестре, предстояло выяснить, достойна ли я стать его женой. Она по-прежнему не питала ко мне теплых чувств и доверия, но поскольку я проявила себя как умелый боец, это подняло меня в ее глазах, и она вроде как одобрила нашу «помолвку». Понадобилось долго убеждать всех — в том числе и Джошуа, — что никакой помолвки не было. А если бы она и впрямь состоялась, поняла я, то Дмитрию пришлось бы выступить в роли моего родственника и драться с Джошуа.

— Прекрати! — проворчала я.

Дмитрий прислонился к стене, скрестил на груди руки и смотрел, как я потираю скулу в том месте, куда пришелся удар кулака Ангелины. Ничего страшного, но синяк назавтра обеспечен. И Дмитрий улыбался!

— Говорил я тебе, что не стоит поощрять его, — спокойно сказал он.

— А, оставь! Ты понятия не имел, чем это обернется. Просто не хотел, чтобы я...

Я проглотила остальные слова, не стала открывать, что было у меня на уме. Что Дмитрий ревнует. Или что им владеют собственнические чувства. Или... ну, не знаю. Я просто видела, что мое дружеское обращение с Джошуа раздражает его... а возмущение нападением Ангелины забавляет. Я резко повернулась к Сидни, которая забавлялась не меньше Дмитрия. Никогда прежде не видела, чтобы она столько улыбалась.

— Тебе было известно об этом обычае?

— Нет, — призналась она, — но меня это не удивляет. Говорила же — они дикари. Многие самые обычные проблемы улаживаются здесь с

помощью подобных драк.

— Глупо. — Я дотронулась до макушки; жаль, что нет зеркала, хотелось взглянуть, много ли волос выдрала Ангелина. — Хотя... Она оказалась неплоха. Нуждается в полировке, да, но совсем неплоха. Они все тут такие крутые? И люди, и морои?

— Так мне кажется.

Я задумалась. Раздраженная и смущенная из-за происшедшего, я тем не менее вынуждена была признать, что устои хранителей не лишены положительных моментов. Какая ирония в том, что у этого сборища отсталых, затерянных в лесах людей хватает ума учить сражаться всех, независимо от расы, — в отличие от моего просвещенного народа.

— Вот почему стригои не беспокоят их, — пробормотала я.

И осознала, что именно сказала, только заметив, как погасла улыбка Дмитрия. Лицо его омрачилось, он устремил взгляд за окно.

— Я должен снова связаться с Борисом и выяснить, что он нашел. — Он перевел взгляд на Сидни. — Это займет немного времени, и вам не обязательно идти со мной. Можно мне взять твой автомобиль? Мне нужно отъехать совсем недалеко.

Она потянулась за ключами. Еще раньше мы выяснили, что телефон Сидни ловит сигнал на расстоянии примерно десяти минут езды от деревни. Дмитрий был прав; никакой необходимости сопровождать его в этой короткой поездке не было. После моей драки с Ангелиной мы с Сидни находились в относительной безопасности. Теперь никто не осмелится связываться со мной. И все же... Мне не нравилась мысль, что, заново переживая свои стригойские дни, Дмитрий будет один.

— И все же лучше тебе поехать с ним, — сказала я Сидни и быстро добавила: — Мне нужно проверить, как там Лисса. — Отчасти так оно и было — меня по-прежнему беспокоило то, что рассказал моим друзьям Джо. — Обычно я могу одновременно отслеживать происходящее вокруг, но будет лучше, если ты уйдешь. А вдруг к тому же и алхимики объявятся?

Моя логика, без сомнения, хромала, хотя возможный приезд ее коллег по-прежнему нависал над нами.

— Вряд ли они приедут в темноте, — ответила она, — но мне как-то не хочется находиться рядом, когда ты будешь сидеть, уставившись в пространство.

Она ни словом не обмолвилась об этом, и я тем более ничего не сказала, но спорю — ей не хотелось, чтобы ее машину вел кто-то другой.

Дмитрий повторил, что Сидни нет никакой нужды идти с ним, но, по-видимому, не чувствовал, что может командовать ею так, как мной. В итоге

они ушли, и я осталась одна. Я тревожилась за Дмитрия, какое бы раздражение ни вызывали его недавние насмешки. Я видела, как трудно дался ему прошлый звонок, и хотела сейчас быть рядом, чтобы успокоить его. Впрочем, вряд ли он позволил бы мне это, и то, что согласился взять с собой Сидни, воспринималось даже как маленькая победа.

Когда они ушли, я решила и в самом деле «навестить» Лиссу. Вообще-то я выдвинула эту идею просто как предлог, но, честно говоря, альтернатива вернуться к костру меня совсем не привлекала. Я была по горло сыта поздравлениями, да и Джошуа, похоже, воспринял мое «может быть» и то, что я приняла его браслет, действительно как помолвку. Он, конечно, симпатичный, но его обожание... Нет, это было невыносимо.

Я уселась со скрещенными ногами на постели Ангелины и открыла себя нашей связи с Лиссой. Она шла по коридору здания, поначалу показавшегося мне незнакомым. Однако спустя несколько мгновений я сориентировалась. Это было то самое здание, где располагался спа-салон... а в задней части находилось пристанище цыганки Ронды. Неужели Лисса хочет услышать предсказание судьбы? Это казалось странным. Однако, разглядев, кто ее сопровождает, я поняла, что она преследует совсем другую цель.

Это были ее обычные спутники: Адриан и Кристиан. Сердце у меня екнуло при виде Адриана — в особенности после инцидента с Джошуа. Последний навеянный духом сон продолжался так недолго...

Кристиан держал Лиссу за руку, его теплое прикосновение действовало на нее успокаивающе. Он выглядел уверенным и решительным, хотя на лице его держалась привычная ехидная полуулыбка. Лисса явно нервничала и старалась взять себя в руки, готовясь к чему-то пугающему ее, хотя она и считала это необходимым.

— Это здесь? — спросила она, остановившись перед какой-то дверью.

— По-моему, да, — ответил Кристиан. — Служащая в приемной сказала, что дверь красная.

Лисса постучала. Ничего. Либо комната была пуста, либо стук Лиссы проигнорировали. Только она успела снова вскинуть руку, как дверь отворилась. Там стоял Эмброуз, великолепный как всегда — даже в джинсах и простой голубой тенниске. Одежда облегала тело, подчеркивая эффектную мускулатуру.

— Привет, — сказал он, заметно удивленный.

— Привет, — ответила Лисса. — Можно поговорить с тобой?

Эмброуз слегка повел головой в сторону комнаты.

— Прямо сейчас я вообще-то занят.

Позади него Лисса разглядела массажный стол и лежащую лицом вниз моройку. Нижнюю половину ее тела прикрывало полотенце, но спина была оголена и блестела от масла. В комнате горели ароматические свечи, негромко играла спокойная музыка.

— Класс! — воскликнул Адриан. — Времени не теряешь. Тетя всего несколько часов как в могиле, а ты уже нашел ей замену.

Раньше в тот же день, перед восходом солнца, Татьяна наконец была упокоена. Похороны проходили гораздо менее пышно, чем в случае первой попытки.

Эмброуз бросил на Адриана острый взгляд.

— Она моя клиентка. Это работа. Ты, наверное, забыл — некоторым приходится работать, чтобы жить.

— Пожалуйста, — попросила Лисса, поспешно загородив собой Адриана. — Это не займет много времени.

Эмброуз устремил на них долгий взгляд, вздохнул и оглянулся.

— Лорайн? Мне нужно выйти. Я скоро вернусь.

— Хорошо, — откликнулась она и повернулась лицом к нему. Старше, чем я ожидала, где-то за сорок. Ну, если платишь за массаж, почему бы не иметь массажиста вдвое младше себя? — Поторопись.

Он наградил ее ослепительной улыбкой и закрыл дверь; улыбка мгновенно растаяла.

— В чем дело? Мне не нравится выражение ваших лиц.

Эмброуз вел жизнь, радикальным образом отличающуюся от обычной жизни вампиров, но прошел то же обучение, что любой страж. Он был наблюдателен и всегда настороже в ожидании потенциальной угрозы.

— Мы... хотели поговорить с тобой о... — Лисса заколебалась; одно дело — рассуждать о расследованиях и допросах, но совсем другое — реально осуществлять их. — Об убийстве Татьяны.

Эмброуз вскинул брови.

— А-а, понимаю. Не знаю, что и сказать, кроме одного: я уверен, это сделала не Роза. Думаю, ты в это тоже не веришь, несмотря на то что болтают. Все только и говорят, как ты потрясена и расстроена, и все сочувствуют тому, что такая опасная, злобная «подруга» сумела обмануть тебя.

Щеки Лиссы вспыхнули. Публично осуждая меня и отрекаясь от нашей дружбы, она добилась того, что сумела избежать неприятностей. Она действовала так по совету Эйба и Таши и понимала, что это правильно. Но все равно испытывала чувство вины. Кристиан выступил в ее защиту:

— Прекрати. Речь совсем не о том.

— А о чем же тогда? — спросил Эмброуз. Лисса снова вмешалась, опасаясь, что Кристиан и Адриан могут расстроить Эмброуза и разговаривать с ним станет труднее.

— Эйб Мазур сказал, что в зале суда ты то ли говорил с Розой, то ли как-то иначе общался с ней.

Эмброуз, похоже, был изумлен, и я накинула ему очков за убедительность.

— Общался с ней? В каком смысле? Мазур думает, что я... приставал к ней перед всеми этими людьми?

— Не знаю. Он просто заметил что-то, вот и все.

— Я пожелал ей удачи, — все еще с обиженным видом сказал Эмброуз. — Что тут такого?

— Да, конечно ничего. — Лисса сочла важным поговорить с Эмброузом до того, как это сделает Эйб, опасаясь, что последний может прибегнуть к угрозам и даже физическому насилию. Теперь же она засомневалась, получится ли у нее что-нибудь. — Послушай, мы просто пытаемся выяснить, кто на самом деле убил королеву. Ты был близок с ней. Если ты знаешь хоть что-то — что угодно, — что может помочь нам, мы будем очень признательны.

Эмброуз с любопытством разглядывал их. И внезапно понял.

— Вы думаете, что это сделал я! Вот о чем речь. Просто ушам не верю! Меня уже подозревали в этом стражи... но вы? Мне казалось, вы знаете меня лучше.

— Мы вообще не знаем тебя, — прямо заявил Адриан. — Нам известно лишь, что ты имел доступ к моей тете. — Он кивнул на дверь. — И очевидно, довольно быстро утешился.

— Я ведь сказал, что это моя работа, помнишь? Я делаю ей массаж, вот и все. Ничего постыдного и непристойного. — Эмброуз огорченно покачал головой и провел рукой по каштановым волосам. — В моих отношениях с Татьяной тоже не было ничего постыдного. Я любил ее и никогда в жизни не причинил бы ей вреда.

— Разве статистика не утверждает, что большинство убийств совершают близкие люди? — спросил Кристиан.

Лисса сердито воззрилась на него и Адриана.

— Прекратите! Вы оба! — Она посмотрела на Эмброуза. — Никто тебя ни в чем не обвиняет. Но ты много времени проводил с ней. И, по словам Розы, тебя огорчил возрастной закон.

— Когда я впервые услышал о нем, да. И даже тогда я сказал Розе, что

тут что-то не так... и, очевидно, мы не все знаем. Татьяна никогда не подвергла бы жизнь дампиров опасности без серьезной причины.

— Например, представить себя в выгодном свете перед всеми этими ужасными королевскими мороями? — съязвил Кристиан.

— Выбирай слова! — предостерег его Адриан.

Лисса не могла решить, что раздражает ее сильнее: то, что оба ее спутника сговорились пререкаться с Эмброузом, или то, что они пикируются друг с другом.

— Нет! — Голос Эмброуза зазвенел в тесном коридоре. — Она не хотела делать этого, но если бы она отказалась, произошло бы кое-что похуже. Есть люди, которые хотели — и сейчас хотят — силой заставить всех дампиров сражаться, не считаясь с их желаниями. Татьяна продвигала возрастной закон как способ помешать этому.

Воцарилась тишина. Мне это уже было известно из записки Татьяны, но для моих друзей стало шокирующей новостью. Заметив, что добился определенного успеха, Эмброуз продолжил:

— Она была открыта для самых разных мнений. Хотела исследовать возможности стихии духа. Одобряла желание мороев учиться боевым искусствам, чтобы самим сражаться со стригоями.

Это высказывание, по-видимому, задело Адриана. Похороны, прошедшие совсем недавно, наверняка трудно дались ему. Каково это — слышать, что человек, которого ты любил, делился своими мыслями не с тобой, а с другими?

— Я, естественно, не вступал с ней в интимные отношения, в отличие от тебя, — заявил он, — но тоже неплохо знал ее. Она ни слова не говорила обо всем этом.

— Публично — да, — согласился Эмброуз. — И даже неофициально. Только несколько человек знали. У нее была маленькая группа мороев, тайно обучавшихся боевым искусствам. Ей хотелось знать, насколько морои могут продвинуться в этом направлении. Возможно ли это вообще — научить их защищать себя. Но она понимала — многим это не понравилось бы, поэтому потребовала, чтобы и морои, и их инструктор держали все в секрете.

Адриан не отвечал, углубившись в себя. По большому счету ничего плохого в словах Эмброуза не было, но мысль, что тетя многое скрывала от него, все еще причиняла Адриану боль. Лисса тем временем жадно впитывала новую информацию, анализируя и оценивая ее.

— Кто они? Эти морои, которые проходили обучение?

— Не знаю, — ответил Эмброуз. — Татьяна об этом не

распространялась. Имена знал лишь их инструктор.

— И это был? — спросил Кристиан.

— Грант.

Кристиан и Лисса удивленно посмотрели друг на друга.

— Мой Грант? — спросила Лисса. — Тот, которого Татьяна приставила ко мне?

Эмброуз кивнул.

— Она ему доверяла.

Лисса смолкла, но я отчетливо различала ее мысли. Она была приятно удивлена, когда Грант и Серена — стражи, заменившие при ней Дмитрия и меня, — предложили обучать ее и Кристиана основам самозащиты. Она полагала, что просто ей достались прогрессивно мыслящие стражи, понятия не имея, кем, оказывается, был Грант — первопроходцем в деле обучения мороев боевым навыкам.

Что-то во всем этом было очень важное, в этом мы обе были уверены, но ни она, ни я не могли понять, что именно. Лисса ломала над этим голову, не высказав возражений, когда Адриан и Кристиан продолжили расспрашивать Эмброуза. Тот все еще чувствовал себя обиженным, но отвечал с завидным терпением. Он имел алиби, и его привязанность к Татьяне казалась несомненной. Лисса верила ему, хотя Адриан и Кристиан все еще были настроены скептически.

— Все спрашивают меня о ее смерти, — сказал Эмброуз, — но никто ни одного вопроса не задал Блейку.

— Блейку? — переспросила Лисса.

— Блейк Лазар. У нее с ним тоже...

— Была связь?

Кристиан закатил глаза.

— С ним? — с видом отвращения воскликнул Адриан. — Немыслимо! Она никогда не опустилась бы так низко.

Лисса мысленно перебирала членов семьи Лазар, но не могла вспомнить, кому принадлежит это имя — их было слишком много.

— Кто он?

— Идиот, — ответил Адриан. — По сравнению с ним я достойный член общества.

Эмброуз не сдержал улыбки.

— Согласен. Но он красивый идиот, а Татьяна таких любила.

Я услышала волнение в его голосе, когда он произнес ее имя.

— Она и с ним спала? — спросила Лисса.

Адриан вздрогнул, услышав такое, но, с другой стороны, теперь перед

ними открывался целый мир новых возможностей. Чем больше любовников, тем больше подозреваемых.

— И как ты к этому относишься? — задала еще один вопрос Лисса.

Улыбка Эмброуза исчезла, он бросил на нее острый взгляд.

— Ревновал, но не настолько, чтобы убить ее, если ты на это намекаешь. Мы достигли определенного понимания. Мы с ней были близки — да, у нас была «связь», но оба встречались и с другими людьми.

— Постой, — сказал Кристиан; чувствовалось, что он откровенно забавляется. Конечно, убийство Татьяны — дело нешуточное, но сейчас перед ними определенно разворачивалась мыльная опера. — Ты тоже спал с другими? Это как-то не укладывается в голове.

Лисса, напротив, все яснее и яснее понимала, что убийство Татьяны вполне могло быть преступлением по страсти, а вовсе не политическим. Как говорил Эйб — кто был вхож в ее спальню, тот и подозреваемый. А женщина, делившая любовника с Татьяной? Это казалось, возможно, самым убедительным мотивом — если бы только мы знали этих женщин.

— Кто? — спросила Лисса. — В смысле, с кем еще ты встречался?

— Ни с кем, кто мог бы убить ее, — твердо ответил Эмброуз. — Имен я вам называть не буду. Я имею право на личную жизнь — как и они.

— Нет, если одна из них заревновала и убила мою тетю, — проворчал Адриан.

Джошуа презирал Адриана за то, что тот «не защищает» меня, но сейчас, отстаивая честь своей тети, Адриан выглядел не менее агрессивно, чем любой страж или хранитель. Это придавало ему сексуальности.

— Я абсолютно уверен, что ни одна из них не убивала ее, — сказал Эмброуз. — И Блейк тоже, хотя я и презираю его. У него не хватило бы ума проделать все это и подставить Розу. — Стиснув зубы, явно огорченный, он кивнул на дверь. — Послушайте, я не знаю, как еще убедить вас. Мне нужно возвращаться. Сожалею, если от меня мало толку, но что еще я могу сказать? Поверьте, я был бы рад, если бы вы выяснили, кто ее убил. — Боль вспыхнула в его глазах, и он опустил взгляд, как будто хотел скрыть свою любовь к Татьяне. — Я хочу, чтобы вы это выяснили, и готов помочь, чем могу. Однако мое мнение — ищите политические мотивы. Не романтические.

У Лиссы по-прежнему оставался миллион вопросов. Может, Эмброуз и верил, что убийца не имел отношения к ревности и интимным отношениям, но она — нет. Она предпочла бы узнать имена других женщин, с которыми он встречался, но не хотела слишком сильно давить. Может, применить принуждение, мелькнула у нее мысль. Но нет. Она не станет снова

пересекать черту, в особенности имея дело с тем, кого считала другом. По крайней мере, пока.

— Ладно, — с явной неохотой сказала она. — Спасибо за помощь.

Эмброуза, похоже, удивила ее вежливость, и он смягчился.

— Я подумаю и, может, выясню что-нибудь полезное для вас. Ее апартаменты и имущество все еще под замком, но мне это не мешает проникнуть туда. Я дам вам знать.

Лисса искренне улыбнулась.

— Спасибо. Это было бы замечательно...

Прикосновение к руке вернуло меня в унылую маленькую комнату в Западной Виргинии. На меня смотрели Дмитрий и Сидни.

— Роза?

Создалось впечатление, что Дмитрий уже не в первый раз окликает меня. Я заморгала, возвращаясь в реальность.

— Вы уже здесь? Ты звонил тому стригою?

Он никак не среагировал на это слово, но я знала, как оно ему ненавистно.

— Да. Я получил сведения от Бориса.

Сидни обхватила себя руками.

— Совершенно безумный разговор. Частично на английском. Еще страшнее, чем в прошлый раз.

Я непроизвольно вздрогнула — и порадовалась, что не присутствовала при нем.

— Узнал что-нибудь?

— Борис назвал имя стригоя, который знает Соню и, скорее всего, знает, где она, — ответил Дмитрий. — Когда-то я встречался с ним. Но не у всех стригоев есть телефонные номера, и Борис смог сообщить мне только адрес. Единственный способ вступить с ним в контакт — это встретиться лично.

— Где это? — спросила я.

— Лексингтон, Кентукки.

— Ох, ради бога! — простонала я. — Почему не Багамы? Не Кукурузный дворец?

Дмитрий постарался скрыть улыбку. Если мне удалось хоть немного поднять ему настроение... Что же, и на том спасибо.

— Если мы выедем прямо сейчас, то доберемся еще до утра.

Я оглянулась.

— Трудный выбор. Оставить все это ради электричества и канализации?

Даже Сидни улыбнулась.

— И никаких больше предложений руки и сердца.

Я вскочила.

— Когда выезжаем?

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Хранители отреагировали на наш отъезд неоднозначно. Как обычно, они радовались отъезду чужаков, в особенности поскольку с нами была Сидни. Но после сражения с Ангелиной они воспринимали меня в некотором роде как супергероиню. К тому же их увлекала идея того, что я могу выйти здесь замуж и влиться в их семью. Увидев меня в действии, некоторые женщины положили глаз и на Дмитрия. Я была не в том настроении, чтобы смотреть на их заигрывания с ним, — тем более что в соответствии с их правилами уходаживания мне пришлось бы сражаться с предполагаемой невестой.

Естественно, мы не стали в подробностях делиться с хранителями своими планами, но сказали, что, весьма вероятно, нас ждет столкновение со стригоями, что вызвало бурную реакцию. В основном восхищение и благоговейный ужас; наша репутация яростных воинов выросла до небес. Что меня поразило — это реакция Ангелины.

— Возьмите меня с собой. — Она схватила меня за руку, когда я зашагала по лесной тропинке к машине.

— Прости, — ответила я, все еще не в силах забыть недавнюю схватку. — Мы должны сделать это сами.

— Я могу пригодиться! Ты одолела меня... но ты же видела, на что я способна. Я могу справиться со стригоем.

Несмотря на всю ее свирепость, Ангелина понятия не имела, что ее ожидает при встрече с настоящим стригоем. Те немногие хранители, у которых были знаки молнии, мало рассказывали о своих столкновениях со стригоями, но, судя по их мрачным лицам, они понимали. Ангелина нет. Она даже не отдавала себе отчета в том, что любой новичок из Академии Святого Владимира наверняка одолел бы ее. У нее был потенциал, это правда, но он нуждался в серьезной доработке.

— Может, ты и справишься бы, — сказала я, щадя ее чувства. — Но это просто невозможно — чтобы ты поехала с нами.

Я могла бы солгать ей, сказав неопределенно «может быть, когда-нибудь», но не стала этого делать, а то Джошуа мог бы подумать, что мы вроде как наполовину обручены.

Я ожидала, что она снова начнет хвастаться своей боевой доблестью. В лагере ее считали одним из лучших бойцов, да и внешность у нее была приятная, так что поклонников хватало. Это на нее действовало, конечно, и

ей нравилось рассуждать о том, что она может одолеть кого угодно. И снова мне припомнилась Джил. Ей тоже нужно было еще учиться и учиться сражаться, но она сгорала от желания ввязаться в настоящий бой. Правда, она спокойнее и осторожнее Ангелины, и следующее заявление Ангелины застало меня врасплох.

— Пожалуйста! Дело не только в стригоях! Я хочу посмотреть мир. Мне просто необходимо увидеть хоть что-нибудь, кроме этого лагеря! — Она понизила голос, чтобы не услышали остальные. — Я только дважды бывала в Рубисвилле, а говорят, это ничто по сравнению с другими городами.

— Пожалуй, — согласилась я.

Я даже не воспринимала его как город.

— Возьмите меня с собой, пожалуйста! — снова начала умолять она, на этот раз дрожащим голосом.

Внезапно мне стало жаль ее. Джошуа тоже проявлял интерес к внешнему миру, но несравнимый с тем, что испытывала она. Он шутил, что электричество — это было бы приятно, но я знала, что он счастлив и без достижений современной техники. Ангелине же действительно было тяжело застрять здесь навсегда. Еще я очень хорошо представляла, каково это — чувствовать себя загнанной в ловушку, и потому искренне сожалела, что вынуждена отказать ей.

— Не могу, Ангелина. Нам предстоит действовать на свой страх и риск. Мне очень жаль, правда-правда.

Ее голубые глаза увлажнились, и она умчалась в лес, не желая, чтобы я видела ее слезы. Я чувствовала себя ужасно и, пока мы прощались, все время думала о ней. Это так сильно занимало меня, что я даже позволила Джошуа обнять меня.

Каким облегчением было снова отправиться в путь! Я радовалась, что больше не надо общаться с хранителями, и горела желанием действовать, чтобы начать наконец помогать Лиссе. Лексингтон — первый шаг к этому. До него было шесть часов езды, и Сидни, по своему обыкновению, никому не желала уступать место за рулем. Мы с Дмитрием пробовали протестовать, но без толку, и в конце концов сдались. К тому же перед встречей со стригоями не мешало бы отдохнуть и поберечь силы. По указанному адресу Донована — стригоя, который якобы знал Соню, — можно было найти только ночью. Это означало, что в Лексингтон необходимо приехать до рассвета — чтобы не упустить его, когда он, пережидая светлое время, уберется в свое логовище. Это также означало, что нам предстояло встретиться с ним в темноте. Решив, что по дороге

мало что может произойти — в особенности когда покинем Западную Виргинию, — мы с Дмитрием посчитали, что можем позволить себе немного подремать.

Хотя негромкое гудение мотора успокаивало, я спала беспокойно, часто просыпаясь, и после нескольких часов такого состояния впала в подобие транса, приведшего меня к Лиссе. Я попала в исключительно удачный момент — происходило одно из самых значительных событий в жизни мороев. Вот-вот должен был начаться процесс выдвижения кандидатов для избрания нового монарха. Это — первый в длинной череде шагов к цели, и все собравшиеся были сильно возбуждены, что неудивительно, учитывая, как редко происходят выборы монарха. Никто из моих друзей не рассчитывал в ближайшее время стать свидетелем такого события, а в сложившихся обстоятельствах... В общем, эти выборы вызывали особый интерес. На кону стояло будущее мороев.

Лисса сидела на краешке кресла в одном из королевских танцевальных залов, огромном, со сводчатым потолком и золотыми украшениями повсюду. Я бывала в этом ослепительно сверкающем помещении с фрескам и изящной лепкой. Наверху сияли люстры. Именно здесь происходил прием по поводу окончания Академии, когда новоиспеченные стражи старались выставить себя в выгодном свете, чтобы получить хорошее назначение. Сейчас эта комната напоминала зал Совета — с длинным столом с одной стороны и двенадцатью креслами позади него. Напротив стола тянулись ряды кресел — на них во время заседаний Совета размещались зрители. Разница состояла в том, что сейчас кресел было примерно вчетверо больше обычного, почему, по-видимому, и потребовался этот зал. Все кресла были заняты, многие присутствующие даже стояли. В толпе сновали возбужденные стражи, следя за тем, чтобы не возникало скопления у дверей.

Кристиан сидел рядом с Лиссой, а рядом с ним устроился Адриан. Я приятно удивилась, обнаружив также сидящих неподалеку Эдди и Мию. Мия — наша моройская подруга; она оставила Академию Святого Владимира, жила сейчас с отцом при дворе и почти так же активно отстаивала право мороев обучаться боевым искусствам, как Таша. Моего дорогого отца нигде видно не было. Все они молчали — трудно разговаривать, перекрывая гул столь большого скопления людей; кроме того, мои друзья с огромным волнением ожидали дальнейшего. Никто из них не предвидел, что соберется так много народу. Эйб оказался прав, говоря, что после похорон Татьяны события начнут развиваться быстро; так оно и происходило.

— Вам известно, кто я такая?

Громкий голос, прорвавшийся сквозь общий гул, привлек внимание Лиссы. Она повела взглядом вдоль ряда и через несколько мест за Адрианом увидела двух мороев, мужчину и женщину, сидевших бок о бок и глядевших на очень сердитую женщину. Уперев руки в боки, та стояла перед ними, в розовом бархатном платье, выглядевшем нелепо рядом с джинсами и теннисками. Не говоря уж о том, что в нем можно было не упариться только в непосредственной близости от кондиционера.

Злобное выражение искажало ее лицо.

— Я — Марселла Бадика. — Никакой реакции со стороны пары не последовало, и она добавила: — Принц Бадика — мой брат, и наша последняя королева была моей троюродной сестрой. Все сиденья заняты, а такой человек, как я, не может стоять у стены вместе с остальными.

Морои переглянулись.

— Наверное, вам следовало прийти сюда пораньше, леди Бадика, — ответил мужчина.

Марселла от ярости тяжело задышала.

— Вы не расслышали, кто я такая? Не умеете отличать вышестоящих? Я настаиваю, чтобы вы освободили мне место.

Пара по-прежнему не проявляла никаких признаков волнения.

— Это заседание открыто для всех, и места не распределены, насколько я в курсе, — сказала женщина. — Мы имеем такое же право на них, как и вы.

Марселла в ярости повернулась к стоящему неподалеку стражу. Он лишь пожал плечами. Его дело — защищать ее, но не вытаскивать из кресел других, в особенности тех, кто не нарушает никаких правил. Марселла высокомерно фыркнула, резко повернулась и ушла, без сомнения, с целью прицепиться еще к какому-нибудь бедняге.

— Очаровательно, — заметил Адриан.

Лисса улыбнулась и принялась снова изучать собравшихся. Глядя ее глазами, я начала замечать кое-что удивительное. Я не могла сказать точно, кто есть кто, но здесь собрались не только королевские особы — как это обычно происходило на заседаниях Совета. Присутствовало также множество простых людей — вроде той пары, которая сидела неподалеку от моих друзей. Большинство мороев двор не волновал. Они жили во внешнем мире, вели там борьбу за существование, предоставляя королевским мороям развлекаться при дворе и принимать законы. Но только не сегодня. Выборы нового лидера затрагивали всех мороев.

Толчея и суматоха продолжались еще какое-то время, а потом один из

стражей объявил, что зал больше никого вместить не может. Оставшиеся снаружи были в ярости, но их крики стали не слышны, когда стражи закрыли двери. Вскоре после этого на свои места расселись одиннадцать членов Совета, а двенадцатое кресло — к моему изумлению — занял отец Адриана, Натан Ивашков. Глашатай громко призвал всех к вниманию. Его назначили на эту должность именно из-за необыкновенно звучного голоса, хотя меня всегда удивляло, почему в подобных ситуациях они просто не используют микрофон. Опять древние традиции, надо полагать. И конечно, превосходная акустика.

Когда зал успокоился, заговорил Натан:

— В отсутствие нашей любимой королевы...

Он выдержал скорбную паузу — как дань уважения покойной.

Будь на его месте кто-то другой, я могла бы заподозрить его в притворстве, в особенности если учесть, как он всегда раболепствовал перед Татьяной. Но нет. Натан любил свою раздражительную тетю так же искренне, как Адриан.

— ...И вследствие ужасной трагедии я буду председательствовать на предстоящих заседаниях и выборах.

— Что я говорил? — пробормотал Адриан, не испытывающий к отцу никаких теплых чувств. — Очаровательно.

Натан бубнил что-то о важности предстоящих событий, то и дело ссылаясь на морейские традиции. Однако было ясно, что, как и я, все в зале жаждут перейти к главному событию: выдвижению кандидатов. Он, похоже, тоже осознал это, быстренько закруглился с формальностями и приступил к делу.

— Каждая семья, если пожелает, может выдвинуть одного претендента на корону. Он будет подвергнут испытаниям, как и все монархи с начала времен.

Я подумала, что упоминание о «начале времен» — преувеличение, довольно смелое и вряд ли санкционированное.

— Единственное исключение — Ивашковы, поскольку два монарха подряд не могут быть из одной и той же семьи. Кандидат должен отвечать следующим требованиям: соответствующий возраст и выдвижение тремя королевскими морями.

Он перешел к тому, что произойдет, если от какой-то семьи будет выдвинуто больше одного кандидата, но я знала, что вероятность такого события равна нулю. Каждая семья хотела добиться как можно лучшего результата, а это возможно лишь в том случае, если все будут согласованно выдвигать одного кандидата.

Удостоверившись, что все его поняли, Натан сделал широкий жест в сторону аудитории.

— Приступаем к процедуре выдвижения кандидатов.

Несколько мгновений ничего не происходило. Очень похоже на школу, когда учитель говорит что-то вроде «Кто готов отвечать первым?» и все ждут, чтобы кто-нибудь другой начал действовать.

Поднялся мужчина, которого я не знала.

— Выдвигаю принцессу Ариану Селски.

Принцесса Ариана заседала в Совете; ожидаемый выбор. Она вежливо кивнула мужчине. Встал второй мужчина, предположительно из этой же семьи, и тоже выдвинул ее кандидатуру. Третье и последнее выдвижение исходило еще от одного Селски — и оказалось очень неожиданным. Это был брат Арианы, путешествующий по миру и почти никогда не появляющийся при дворе, — и одновременно человек, которого охраняет моя мать. Значит, Джанин Хэзевей почти наверняка тоже здесь. Мне захотелось, чтобы Лисса нашла ее взглядом, но та была слишком сосредоточена на происходящем. После всех своих злоключений мне вдруг отчаянно захотелось увидеть мать.

Поскольку три выдвижения состоялись, Натан провозгласил:

— Принцесса Ариана Селски зарегистрирована в качестве кандидата. — Он записал что-то на лежащем перед ним листе бумаги. — Продолжим.

Дальше дело пошло быстро. Многие выдвигали принцев и принцесс, но наряду с ними уважаемых и высокопоставленных членов семей. Рональд, кандидат от семьи Озера, не заседал в Совете; я его не знала.

— Тетя Таша не считает его идеальным кандидатом, — пробормотал Кристиан Лиссе. — Но признает, что он не дурак.

Я мало знала и о большинстве других кандидатов. Двое, типа Арианы Селски, производили хорошее впечатление. Двое показались мне отталкивающими. Десятым кандидатом стал Руфус Тарус, кузен Даниэллы. Она вышла замуж за Ивашкова, но родом была из семьи Тарус и, похоже, очень обрадовалась, когда выдвинули ее кузена.

— Терпеть его не могу. — Адриан состроил гримасу. — Вечно он донимает меня советами насчет того, как с пользой распорядиться своей жизнью.

Натан записал имя Руфуса и скатал свой листок. Несмотря на то что внешне соблюдались старинные традиции, я подозревала, что секретарь фиксировал все, что здесь говорилось, на своем ноутбуке.

— Это подводит черту... — начал Натан.

— Выдвигаю принцессу Василису Драгомир.

Голова Лиссы дернулась влево, и, глядя ее глазами, я узнала знакомую фигуру. Таша Озера. Она говорила громко и уверенно, поводя по сторонам взглядом льдисто-голубых глаз и как будто подзадоривая кого-нибудь выступить против.

Зал замер. Ни перешептываний, ни скрипа кресел — просто абсолютная тишина. Судя по выражению лиц, вторым по уровню произведенного потрясения был кандидат семьи Озера; первой, конечно, Лисса.

Натан не сразу смог среагировать.

— Это не...

Внезапно поднялся сидящий рядом с Лиссой Кристиан.

— Я выдвигаю ее вторым.

И не успел он сесть, как встал Адриан.

— А я — третьим.

Взгляды присутствующих обратились на Лиссу и ее друзей, а потом все как один повернулись к Натану Ивашкову. И снова он не сразу обрел дар речи.

— Это, — заговорил он наконец, — незаконно. В соответствии с ее текущим статусом в Совете семья Драгомир, к сожалению, не имеет права выдвигать кандидата.

Вскочила Таша, никогда не боявшаяся выступать перед любым количеством людей и при самом неудачном для нее раскладе сил. Более того, уверена, она жаждала ввязаться в схватку. Произносить речи и бросать вызов системе — в этом она была хороша.

— При выдвижении кандидата на должность монарха не учитывается позиция в Совете и не требуется кворум семьи.

— Это бессмысленно, — ответил Натан.

В зале послышались одобрительные перешептывания.

— Загляните в свод законов, Нат... в смысле, лорд Ивашков, — вступил в разговор мой отец.

Вот оно наконец — явление героя. Эйб стоял, прислонившись к стене рядом с дверью, в шикарном черном костюме с рубашкой и галстуком одинакового оттенка изумрудно-зеленого цвета. Рядом с ним стояла моя мать, с еле заметной улыбкой на губах. На мгновение зрелище их, стоящих бок о бок, захватило меня. Мать: идеальный образец превосходного стража и притом красивая женщина. Отец: всегда добивается того, чего хочет, неважно, какими средствами. Удивительно, я начала понимать, от кого унаследовала свою причудливую индивидуальность.

— К кандидату не предъявляется никаких требований относительно того, из скольких членов состоит его семья, — оживленно продолжал Эйб. — Необходимо одно: чтобы его выдвинули трижды.

Натан сердито взмахнул рукой в сторону своего непутевого сына и Кристиана.

— Они не из ее семьи!

— Этого и не требуется, — возразил Эйб. — Они должны просто быть из любой королевской семьи. Так оно и есть. Кандидатура принцессы полностью соответствует закону — при условии, что она согласна.

Теперь все головы повернулись к Лиссе — как будто присутствующие только сейчас заметили ее. С того момента, как все это началось, она сидела совершенно неподвижно — слишком велико было потрясение. В голове у нее царил полная сумятица. С одной стороны, она вроде как не могла даже понять, что, собственно, происходит. С другой стороны, ее одолевало множество вопросов.

Что это, шутка? Или, может быть, галлюцинация, созданная с применением духа? Или какой-то трюк? Если да, то почему инициаторами являются ее собственные друзья? Почему они так поступают с ней? И ради всего святого, не могут ли все перестать разглядывать ее?

Вообще внимание не пугало ее. Она родилась и выросла с ним и, наподобие Таши, могла бесстрашно выступать перед любой толпой и делать смелые заявления — но только если действительно соглашалась с ними и, очень важно, была к этому готова. Но сейчас была явно не та ситуация. Меньше всего Лисса ожидала и хотела того, что произошло. В таких условиях она не могла заставить себя реагировать или даже задуматься о том, какой именно дать ответ. Она продолжала сидеть молча, в каком-то оцепенении.

Потом что-то выдернуло ее из транса. Рука Кристиана; он переплел свои пальцы с ее и мягко пожал их. Тепло и энергия потекли от Кристиана к ней и вернули Лиссу к жизни. Она медленно оглядела зал, встречаясь с устремленными на нее взглядами. Заметила решимость в глазах Таши, лукавый взгляд моего отца и даже надежду в лице моей матери. Последнее, пожалуй, пугало больше всего. Как может Джанин Хэзевей — всегда такая правильная, отнюдь не склонная прикалываться — быть согласна со всем этим? Как друзья могут быть согласны со всем этим? Они больше не любят ее?

«Роза, — подумала она. — Жаль, что тебя нет здесь, чтобы подсказать мне, как поступить».

Мне тоже было жаль. Черт бы побрал эту одностороннюю связь!

Она доверяла мне больше, чем кому-либо на свете, но потом осознала, что доверяет и всем своим друзьям тоже — за исключением, возможно, Эйба, что вполне понятно. И раз они делают это, то, конечно — конечно! — на то должна быть причина. Верно?

Для нее все происходящее не имело смысла, и тем не менее она почувствовала, что поднимается с места. И несмотря на страх и смятение, ее голос зазвенел по всему залу необъяснимо отчетливо и уверенно:

— Я согласна с выдвижением моей кандидатуры.

ПЯТНАДЦАТЬ

Неприятно было наблюдать, что Виктор Дашков оказался прав. Но, увы, он всегда прав.

После заявления Лиссы затаивший дыхание зал взорвался. Невольно возникал вопрос — протекают ли когда-нибудь заседания Совета мирно или это просто совпадение, что я снова стала свидетельницей жарких дискуссий? То, что происходило сегодня, очень напоминало день, когда принимался дампирский возрастной закон. Крики, споры, присутствующие вскакивали со своих мест... Стражи, обычно стоявшие вдоль стены, сейчас сновали среди публики, следя за тем, чтобы никто не переходил границ словесной перепалки.

С той же быстротой, с какой Лисса очутилась в центре всеобщего внимания, зал, казалось, забыл о ней. Она села, и Кристиан снова взял ее за руку. Она сжимала его ладонь с такой силой, что я побоялась, как бы у него не оказался перекрыт кровоток. Лисса смотрела в пространство, все еще не успокоившись. Ничего не видела и не слышала — зато я воспринимала все через ее глаза и уши. Никто не обращал на моих друзей внимания, пока к ним не подошла Даниэлла и не стала ругать Адриана за то, что он выдвинул не члена их семьи. Он проигнорировал ее замечания — как обычно, — и она в гневе удалилась, осознав, как и многие из нас, что нет смысла пытаться его урезонить.

Можно было бы ожидать, что в зале, где каждый желает победы своего кандидата, все будут оспаривать правомочность выдвижения Лиссы. Однако это оказалось не так — в особенности потому, что далеко не все здесь принадлежали к королевским семьям. Как я уже говорила, морои со всего мира съехались сюда, поскольку предстоящие события должны были в большой степени повлиять на их будущее. И многие из них с интересом поглядывали на эту девушку Драгомир, принцессу, оставшуюся единственной в своем роду, к тому же якобы могущую творить чудеса. Они не выкрикивали ее имя, но многие отстаивали ту точку зрения, что она имеет право представлять свою семью. Я подозревала, что кто-то из простого народа поддерживал ее просто в пику королевским мороям. Молодая пара, на которую вначале так напирала леди Бадика, была не единственной, кем помыкали вышестоящие.

Больше удивляло то, что часть королевских особ встали на сторону Лиссы. Значит, безусловно, преданные своим семьям, не все они были

настолько бессердечными и эгоистичными, чтобы занимать позицию молчаливого соглашательства. Многие оказались не лишены представления о том, что плохо, а что хорошо, и считали, что если закон на стороне Лиссы, то она имеет все права. Вдобавок некоторые королевские морои просто любили и уважали ее. В частности, Ариана защищала право Лиссы быть выдвинутой, несмотря на то что это создавало ей же конкуренцию. Ариана хорошо знала законы и, без сомнения, понимала, что брешь в них, позволяющая Лиссе стоять на своем, не сработает, когда дело дойдет до голосования. Тем не менее Ариана защищала Лиссу, за что я прониклась к ней еще большим уважением. Я надеялась, что именно Ариана станет королевой — она была умна и справедлива; именно в этих качествах правителя нуждались морои.

Конечно, не одна Ариана знала законы детально. Другие тоже заметили прореху в них и заявляли, что бессмысленно выдвигать кандидата, за которого нельзя голосовать. При обычных обстоятельствах я бы согласилась с этим. Дебаты бушевали вокруг, а мои друзья, словно в центре урагана, тихонечко сидели и помалкивали. После долгих споров проблема была решена так, как это делается в большинстве случаев: путем голосования. Одиннадцать членов Совета определили будущее Лиссы. Шестеро из них проголосовали за нее, и, таким образом, она стала официальным кандидатом. Думаю, что некоторые из голосовавших за нее на самом деле не хотели ее выдвижения, но взяло верх уважение к закону.

Многие морои не стали даже дожидаться официального заявления Совета. Они сочли, что вопрос улажен, тем самым подтвердив правоту Виктора: они побуйствуют и успокоятся, а хуже будет, когда — если — Лисса выдержит испытания и дело дойдет до голосования. На данный момент собравшиеся начали расходиться с явным чувством облегчения — не только потому, что устали от криков, но и страстно желая поделиться с другими сенсационными новостями.

Лисса продолжала в основном помалкивать, когда вместе с друзьями вышла наружу. Быстро проходя мимо зевак, она сохраняла спокойствие и королевскую осанку — как будто уже стала королевой. Однако когда в конце концов они оказались в ее комнате и заперлись, последовал взрыв.

— Что, черт побери, у вас с головами? — закричала она. — Что вы вытворяете со мной?

Здесь присутствовали все мои друзья и заговорщики: Адриан, Кристиан, Эдди, Таша, Эйб и моя мама. Реакция обычно сдержанной Лиссы так потрясла всех, что сразу никто не нашелся что ответить. Лисса воспользовалась этим и продолжала развивать наступление.

— Вы подставили меня! Втянули в самую гущу политического кошмара! По-вашему, мне это понравится? Вы и впрямь думаете, что я хочу стать королевой?

Первым, естественно, пришел в себя Эйб.

— Ты не будешь королевой, — нехарактерным для него успокаивающим тоном заговорил он. — Люди, ссылающиеся на другую часть закона, правы: в самом деле, голосование за тебя невозможно. Для этого нужно иметь семью.

— Тогда в чем смысл?

Она была в ярости и имела все права на это. Однако ее вспышка, этот бьющий через край гнев... Он был неадекватен ситуации. Используемый ею дух предъявлял права на свою долю «прибыли», усугубляя ее огорчение.

— Смысл — во всем том безумии, которое ты только что видела в зале Совета, — ответила Таша. — Бесконечные споры по поводу того или иного толкования законов позволят нам выиграть время, необходимое для того, чтобы найти убийцу Татьяны и спасти Розу.

— Тот, кто убил ее, заинтересован в троне, — подхватил объяснения тети Кристиан; он положил руку на плечо Лиссы, но она отстранилась. — Либо для себя лично, либо для кого-то из близких. Чем на больший срок задержится осуществление их планов, тем больше у нас времени.

Огорченная Лисса запустила пальцы в свои длинные волосы. Я попыталась оттянуть ее ярость на себя и немного преуспела в этом. Она уронила руки вдоль тела, но была все еще раздражена.

— Интересно, как я смогу заниматься поисками убийцы, когда буду вынуждена проходить эти идиотские испытания? — спросила она.

— Ты не будешь его искать, — ответил Эйб. — Мы этим займемся.

Она широко распахнула глаза.

— Это не входило в наш план! Не могу я заниматься всеми этими королевскими глупостями, когда Роза нуждается во мне. Я хочу помогать ей!

В этом было что-то почти комическое. Почти. Ни Лисса, ни я не могли сидеть сложа руки, когда считали, что другая нуждается в помощи. Обе жаждали занимать активную позицию, делать все, что можем, для урегулирования ситуации.

— Ты и помогаешь ей. — Рука Кристиана снова дернулась, но больше он не пытался прикоснуться к Лиссе. — Просто не тем способом, как собиралась, но в итоге это ей поможет.

Тот же аргумент все продолжали твердить и мне, и он разозлил ее не

меньше, чем меня; я снова потянула на себя волну индуцированной духом неуравновешенности.

Обвиняющий взгляд Лиссы скользнул по всем лицам.

— Кому, интересно, пришла в голову эта идея?

Снова последовало неловкое молчание.

— Розе, — ответил наконец Адриан.

Лисса вперила в него сердитый взгляд.

— Не может быть! Никогда в жизни она так со мной не поступила бы!

— И тем не менее. Я разговаривал с ней во сне. Это ее идея, и... это хорошая идея. Кроме того, вспомни, ты тоже поставила ее в не очень-то легкую ситуацию. Она снова и снова твердила, как возненавидела этот городишко.

— Ладно! — воскликнула Лисса, игнорируя те слова, которые касались моего положения. — Допустим, Роза действительно изложила тебе эту «блестящую» идею. Но почему никто не потрудился рассказать о ней мне? Вам не кажется, что было бы лучше предупредить меня?

И снова это очень напоминало мои жалобы на то, что план бегства из тюрьмы держали от меня в секрете.

— На самом деле нет, — ответил Адриан. — Мы представляли себе твою реакцию и то, что в случае предупреждения у тебя будет время, чтобы как-нибудь отвертеться. Мы, в общем-то, пошли на риск, рассчитывая, что, захваченная врасплох, ты согласишься.

— Это и в самом деле было рискованно, — согласилась она.

— Но получилось же? — вмешалась в разговор Таша. — Мы не сомневались, что ты не подведешь нас. — Она подмигнула Лиссе. — И если уж на то пошло, думаю, ты была бы замечательной королевой.

Лисса метнула на нее острый взгляд, а я снова потянула на себя кипящую в ней тьму. Не всю, конечно, но достаточно, чтобы боевой дух покинул ее. Зато меня неожиданно охватил гнев, но я сумела затолкать его в дальний уголок сознания. Лисса внезапно ощутила сильную усталость; и я тоже.

— Первое испытание завтра, — сказала она. — Если я провалю его, то выхожу из игры и ваш план рухнет.

Кристиан снова попытался обнять ее, и на этот раз она не отстранилась.

— Ты его не провалишь.

Больше Лисса ничего не говорила, и на всех лицах отразилось облегчение. Никто, конечно, ни на миг не поверил, что она в восторге от всего этого, но, по крайней мере, теперь можно было надеяться, что она не

отзовет свою кандидатуру; на большее они не рассчитывали.

За все время разговора моя мать и Эдди не произнесли ни слова. Как истинные стражи, они оставались в тени, пока морои улаживали свои дела. Когда с этим было покончено и буря миновала, моя мать решила, что пора предложить свою помощь.

— Один из нас все время будет находиться рядом с тобой.

Она кивнула на Эдди.

— Зачем? — удивилась Лисса.

— Затем, что нам точно известно — есть кто-то, кто не остановится перед убийством ради достижения своих целей, — ответила Таша. Она кивнула на Эдди и мою маму. — Эти двое и Майкл — единственные стражи, которым мы доверяем.

— Правда? — Эйб лукаво взглянул на Ташу. — Я удивлен, что ты не упоминаешь о своем особом «друге», тоже страже.

— Что за особый друг? — спросил Кристиан, мгновенно уловив намеки.

Таша, к моему изумлению, залилась краской.

— Просто знакомый парень.

— Который провожает тебя щенячьим взглядом, — продолжал Эйб. — Как его звать? Эван?

— Этан.

Моя мать, раздраженная таким нелепым оборотом разговора, постаралась положить ему конец; это было тем более уместно, что Кристиану тоже явно было что сказать.

— Оставь ее в покое, — предостерегла Эйба мама. — У нас нет времени на такие вещи. Этан — хороший парень, но чем меньше посторонних в курсе наших дел, тем лучше. Поскольку Майкл состоит на службе, безопасность Лиссы будем обеспечивать мы с Эдди.

Я была согласна с каждым ее словом, но внезапно до меня дошло: тот, кто привлек к этому делу мою мать — скорее всего, Эйб, — просветил ее насчет всей развернутой нами в последнее время противозаконной деятельности. Либо он был в высшей степени убедителен, либо она очень сильно любит меня. Подозреваю, верно и то и другое. Когда морои бывают при дворе, стражи не должны сопровождать их повсюду, что означало — пока лорд Селски остается здесь, мама более или менее свободна. Эдди все еще не получил назначения и, следовательно, тоже мог распоряжаться своим временем.

Лисса начала говорить, но тут что-то выдернуло меня в реальность, разорвав контакт с ней.

— Прошу прощения, — сказала Сидни. Она резко затормозила, и именно это вернуло меня обратно. — Этот псих подрезал меня.

Сидни, конечно, была не виновата, но я рассердилась и готова была закричать на нее. Но потом, сделав несколько глубоких вдохов, напонила себе, что это просто побочное действие духа и что я ни в коем случае не должна поддаваться эмоциям. Постепенно я успокоилась, но где-то в глубине души понимала, что не могу постоянно продолжать откачивать из Лиссы тьму. В конце концов, я не вечно смогу контролировать ее воздействие.

Вернувшись в себя, я выглянула в окно. Горы остались позади, теперь мы находились в городском районе, и хотя плотного движения не было (конечно, ведь сейчас была середина человеческой ночи), на дороге все равно присутствовало больше машин, чем нам попадалось в последнее время.

— Где мы? — спросила я.

— В пригороде Лексингтона, — ответила Сидни.

Она поехала к ближайшей заправке. Там мы не только пополнили запас топлива, но и внесли в GPS-навигатор адрес Донована. Ехать предстояло примерно пять миль.

— Не самая лучшая часть города, насколько я в курсе, — сказал Дмитрий. — Донован держит салон татуировок, открытый только по ночам. Вместе с ним работают еще двое стригоев. К ним заходят подвыпившие юнцы, припозднившиеся гуляки... в общем, те, кто может исчезнуть, и никто этого не заметит. Стригои любят таких.

— Неужели полиция не обращает внимания на то, что каждый раз, как люди заходят туда с целью сделать татуировку, они исчезают? — удивилась я.

Дмитрий хрипло рассмеялся.

— Самое «смешное», что они не убивают всех, кто к ним заходит. Некоторым действительно делают татуировку и отпускают. Еще они подторговывают контрабандными наркотиками.

Я с любопытством посмотрела на него.

— Тебе многое известно.

— Это был мой бизнес — много знать; стригои ведь тоже должны как-то защищаться. Когда-то я встречался с Донованом, от него в основном все это и узнал. Мне было неизвестно одно — где точно он работает.

— Хорошо, ты рассказал о нем. Что будем делать?

— Выманю его наружу. Пошлю подставного клиента с сообщением от меня, что нам нужно встретиться. Игнорировать меня он не решится...

ну, так было раньше... неважно. Как только он выйдет, мы отвезем его туда, куда нам удобно.

— Я могу сделать это, — предложила я.

— Нет, — отрезал Дмитрий.

— Почему?

Может, он считает, что это слишком опасно?

— Потому что они мгновенно узнают в тебе дампирку; возможно, по запаху, даже еще не увидев. Стригои никогда не сотрудничают с дампирами — только с людьми.

В машине воцарилось напряженное молчание.

— Нет! — воскликнула Сидни. — Я не стану этого делать!

Дмитрий покачал головой.

— Мне это тоже не нравится, но у нас нет выбора. Он подумает, что ты работаешь со мной, и не причинит тебе вреда.

— Да? А что произойдет, если он не поверит мне?

— Не думаю, что он пойдет на такой риск. Скорее всего, он выйдет вместе с тобой, чтобы самому убедиться, держа в уме, что, если ты солгала, они просто убьют тебя.

Это, похоже, мало помогло — она застонала.

— Ее нельзя посылать туда, — сказала я. — Они поймут, что она алхимик. Они тоже не сотрудничают со стригоями.

Странно, но Дмитрий не учел этого. Мы снова замолчали, а потом совершенно неожиданно выход предложила Сидни.

— Когда я была на заправке, — медленно заговорила она, — то заметила у них в магазинчике полку с косметикой. Думаю, татуировку можно скрыть под пудрой.

Так мы и сделали. Единственная пудра, которую продавали на заправке, не совсем точно совпадала с тоном кожи Сидни, но мы сумели замазать ею татуировку в виде лилии на ее щеке, а волосы зачесали вперед, что тоже немного помогло. Сделав все, что было в наших силах, мы поехали к Доновану.

Это действительно оказалась сильно запущенная часть города. В нескольких кварталах от салона татуировок нам попалось что-то вроде ночного клуба, но в остальном вокруг было пустынно. Я, однако, на эту удочку не попала. В этом месте точно не стоило гулять ночью в одиночку: только и жди ограбления или чего еще похуже.

Мы ознакомились с районом, и Дмитрий нашел место, показавшееся ему удачным, — узкий проулок через два здания от салона. На одной его стороне возвышалась покосившаяся проволоочная ограда, другую

представляла собой стена невысокого кирпичного здания. Дмитрий проинструктировал Сидни, каким путем привести к нам стригоя. Она внимательно выслушала его, кивая головой, но я видела в ее глазах страх.

— Ты должна выглядеть так, будто испытываешь благоговение, — объяснил он ей. — Люди, которые служат стригоям, боготворят их и жаждут угодить. Проводя со стригоями много времени, они не так уж боятся их. Отчасти страх, конечно, присутствует, но ты выглядишь слишком испуганной.

Она нервно сглотнула.

— С этим я ничего не могу поделать.

Я сильно переживала за нее. Она считала всех вампиров злобными созданиями, а сейчас мы посылали ее в гнездо худших из них, подвергая огромному риску. Я знала также, что за всю свою жизнь она видела лишь одного живого стригоя, и, что бы ни говорил Дмитрий, встретиться сразу с несколькими — для нее настоящая психическая травма. Если она при виде Донована оцепенеет, все пойдет прахом. Повинуясь порыву, я обняла ее. К моему удивлению, она не сопротивлялась.

— Ты справишься, — сказала я. — Ты сильная... а они слишком боятся Дмитрия. Порядок?

Сделав несколько глубоких вдохов, Сидни кивнула. Мы еще немного подбодрили ее, а потом она свернула за угол здания и исчезла из виду. Я посмотрела на Дмитрия.

— Не исключено, что мы послали ее на смерть.

— Знаю, — с мрачным видом ответил он, — но теперь ничего уже не поделаешь. Лучше займи свою позицию.

С его помощью я забралась на крышу низкого здания. В том, как он поднимал меня, не было ничего интимного, но я ощутила знакомое электрическое покалывание по всему телу — как обычно, когда мы соприкасались. И еще не могла не отметить, с какой легкостью мы действуем вместе. Едва я оказалась наверху, Дмитрий зашагал к противоположной стороне здания, которое обходила Сидни, и спрятался за углом. Теперь оставалось только ждать.

Это было мучительно — и не только потому, что нам предстояла схватка. Я не могла перестать думать о Сидни, о том, что она сейчас делала по нашей просьбе. Моя работа состояла в том, чтобы защищать невинных людей от зла, а не швырять их в самую его гущу. Что, если наш план не сработает? Спустя несколько минут я наконец услышала шаги и бормотание; одновременно меня окатила волна знакомой тошноты. Удалось! Мы вытащили стригоя из его логова.

Как оказалось, не одного. Четыре фигуры обогнули угол здания, Сидни впереди. Когда они остановились, я заметила Донована. Он был выше всех — бывший морой — с темными волосами и бородой, что напомнило мне Эйба. Дмитрий дал мне описание, чтобы я раньше времени не убила его. Приспешники Донована держались позади, все заметно настороже. Я напряглась, крепко сжимая в правой руке кол.

— Беликов? — хрипло окликнул Дмитрия Донован. — Где ты?

— Здесь, — ответил Дмитрий... этим холодным, ужасным голосом стригоя.

Он появился с противоположной стороны здания, держась в тени. Донован слегка расслабился — но даже в темноте понял, что с Дмитрием что-то не так. Донован мгновенно напрягся, внезапно почувствовав угрозу, пусть даже и не понимал ее природу. В то же мгновение один из его спутников вздернул голову.

— Дампиры!

Его насторожили не изменения во внешнем виде Дмитрия, а наш запах, и я мысленно произнесла молитву благодарности за то, что они заметили это так поздно.

Затем я прыгнула с крыши. Было довольно высоко, но не настолько, чтобы расшибиться. К тому же я рухнула прямо на одного из сопровождающих Донована, свалив его на землю. Я нацелилась колом ему в сердце, но сработали быстрые стригойские рефлексy. Я была легче, и ему не составило труда отпихнуть меня. Что ж, я ожидала этого и сумела устоять на ногах. Краем глаза я заметила, что, следуя нашим инструкциям, Сидни припала к земле и торопливо покидает поле боя. Мы боялись, что она может попасть под «перекрестный огонь», и велели бежать к машине и быть готовой отъехать, если дела пойдут плохо.

Конечно, со стригоями всегда непросто. Донован и второй стригой вместе навалились на Дмитрия, справедливо разглядев в нем главную угрозу. Мой же противник, судя по его клыкастой улыбке, вообще не видел во мне опасности. Он кинулся на меня, и я увернулась, но сначала хорошенько врезала ему по колену. Мой удар не причинил ему особого вреда, но нарушил равновесие. Я снова замахнулась колом и снова была отброшена, сильно ударившись о землю. Цемент оцарапал голые ноги, сдирая кожу. Я очень пожалела, что решила сменить запачканные и порванные джинсы на шорты, которые привезла мне Сидни. Все же, не обращая внимания на боль, я вскочила и бросилась на стригоя со скоростью, которой он не ожидал. И наконец мой кол пронзил его сердце. Удар оказался не настолько силен, как мне хотелось бы, но я сумела загнать

кол глубже и прикончить стригоя. Даже не дожидаясь, когда он упадет, я выдернула кол и развернулась к остальным.

Только что закончившаяся схватка протекала молниеносно, но теперь открывшееся глазам зрелище заставило меня остановиться. Точнее, лицо Дмитрия. Ужасающе жестокое. Примерно таким оно было, когда он защищал меня во время моего ареста — это выражение сурового, воинственного бога, свидетельствующее о том, что он может одолеть хоть самого черта. Но сейчас... сейчас его ярость поднялась на совершенно новый уровень. Здесь присутствовало что-то личное, поняла я. Сражение с этими стригоями было не просто способом найти Соню и помочь Лиссе. Это нечто вроде искупления, попытки стереть свое прошлое, уничтожив вставшее непосредственно на его пути зло.

Я вступила в схватку как раз в тот момент, когда он заколол второго сподвижника Донована. Прижал его к кирпичной стене и пронзил сердце явно с избыточной силой. Я явственно представила, как кол прошел сквозь сердце и вонзился в кирпичную стену, хотя вряд ли такое возможно. Он всецело сосредоточился на этом убийстве и не заметил, как Донован воспользовался мгновенным преимуществом. Дмитрию повезло, что я уже была свободна и прикрывала ему спину.

Я со всего маху врезалась в Донована, оттолкнув его от Дмитрия. Краем глаза я заметила, как Дмитрий выдернул кол и снова оттолкнул тело к стене. Тем временем мне удалось отвлечь внимание Донована. Сейчас передо мной стояла трудная задача — увертываться от него, но не убивать.

— Дмитрий! — закричала я. — Помоги мне!

Не знаю, что он там делал, но спустя несколько мгновений он возник рядом со мной, вскинул кол, с ревом прыгнул на Донована и свалил его на землю. Я вздохнула с облегчением, но вдруг заметила, что кол Дмитрия нацелен прямо в сердце Донована.

— Нет! — Я рухнула на землю, стараясь одновременно удержать Донована и оттолкнуть руку Дмитрия. — Он нам нужен! Не убивай его!

Судя по выражению лица Дмитрия, я даже не была уверена, слышал ли он меня. Его глазами смотрела сама смерть. Он жаждал убить Донована, и внезапно это желание стало для него важнее всего.

По-прежнему прижимая Донована к земле одной рукой, другой я дала Дмитрию пощечину, не по той стороне лица, куда врезала ему раньше. Не думаю, что в своей адреналиновой ярости он ощутил боль, но удар все же заметил.

— Не убивай его! — повторила я.

На этот раз мой призыв дошел до него. К сожалению, наши разборки

дали Доновану пространство для маневра. Он начал вырываться и почти преуспел в этом, но потом мы с Дмитрием вместе прижали его к земле. Невольно вспомнились те моменты, когда я допрашивала стригоев в России. Тогда требовалась целая группа дампиров, чтобы удержать одного стригоя, но Дмитрий, казалось, обладал сверхъестественной мощью.

— Сначала надо его допросить...

Я оборвала себя, увидев, что делает Дмитрий. Схватив Донована за плечи, он встряхнул его с такой силой, что тот ударился головой о бетон.

— Где Соня Карп? — взревел Дмитрий.

— Не... — начал Донован, но своим увиливанием почти исчерпал терпение Дмитрия.

— Где она? Я знаю — тебе это известно!

— Я...

— Где она?

На лице Донована возникло выражение, которого я никогда не видела ни у одного стригоя: это был страх. Прежде я считала, что эта эмоция им просто недоступна; или если доступна, то возникала лишь в сражениях друг с другом. Какой может быть страх, если имеешь дело с жалкими дампирями?

Но, ох, Донован боялся Дмитрия! И я тоже, честно говоря.

Глаза с красными ободками были широко распахнуты и полны отчаяния и ужаса. Донован выпалил несколько слов, и почему-то я не сомневалась, что он не врет, — слишком велик был его страх. И конечно, было ясно, что ничего подобного он не ожидал.

— Париж! Она в Париже!

— Господи! — воскликнула я. — До Парижа нам не доехать!

Донован покачал головой — насколько это было возможно, учитывая, что Дмитрий продолжал его трясти.

— Это маленький городок... в часе езды отсюда. Крошечное озеро. Рядом с ним голубой дом.

Расплывчатые указания.

— Тебе известен адрес...

Дмитрий, по-видимому, посчитал, что выданной информации нам хватит. Не успела я договорить, как он загнал кол в сердце Донована. Стригой издал ужасный, душераздирающий вопль — и умер. Я вздрогнула. Сколько времени пройдет, прежде чем кто-то, слышавший все это, вызовет полицию?

Дмитрий выдернул кол и снова вонзил его в Донована. И еще раз. Несколько мгновений я просто в ужасе смотрела на него, потом схватила за

руку и принялась трясти, хотя, по-моему, с тем же успехом могла трясти стоящее рядом кирпичное здание.

— Он мертв, Дмитрий! Он мертв! Прекрати! Пожалуйста.

На лице Дмитрия все еще сохранялось это ужасающее выражение — ярость, приправленная отчаянием. Именно отчаяние подсказывало ему, что если он уничтожит Донована, то, может быть, уничтожит все плохое в своей жизни.

— Он мертв! Прекрати, пожалуйста! Он мертв!

В конце концов каким-то чудом мне удалось докричаться до Дмитрия. Его движения замедлились, а потом он и вовсе замер. Сжимающая кол рука упала вдоль тела, взгляд был устремлен на то, что осталось от Донована... Зрелище было не из приятных. Ярость на лице Дмитрия полностью уступила место отчаянию и безнадежности.

Я мягко потянула его за руку.

— Все кончено. Достаточно.

— Нет, недостаточно, Роза, — прошептал он; печаль в его голосе убивала меня. — Никогда не будет достаточно.

— Сейчас достаточно.

Я притянула его к себе. Не сопротивляясь, он выронил кол и уткнулся лицом мне в плечо. Я тоже бросила кол, обняла Дмитрия, притянула ближе к себе. Он крепко обхватил меня руками. Ему так нужен был контакт с живым существом! Он об этом не догадывался, но я-то понимала.

— Ты единственная... — Он прижался ко мне. — Единственная, кто понимает. Я не могу объяснить никому... только тебе. Только тебе я могу рассказать, что чувствую...

На мгновение я закрыла глаза, потрясенная его словами. Может, он и поклялся в верности Лиссе, но это не означало, что он полностью открыл ей свое сердце. С давних пор мы всегда действовали согласованно, всегда понимали друг друга. И все это никуда не делось; неважно, были мы вместе или нет; неважно, встречалась ли я с Адрианом. До встречи со мной Дмитрий всегда глубоко запрятывал свои чувства. Я думала, теперь он снова замкнулся, но, по-видимому, он все еще доверял мне, чтобы открыть то, что разъедало его изнутри.

Я открыла глаза и встретила с его мрачным взглядом.

— Все в порядке, — сказала я. — Я здесь. И всегда буду с тобой.

— Знаешь, они мне снятся. Все невинные люди, которых я убил. — Его взгляд переместился к телу Донована. — Мне кажется... Может, если я уничтожу очень много стригоев, ночные кошмары прекратятся. И я наконец поверю, что мне среди них не место.

Я взяла Дмитрия за подбородок и повернула лицом к себе, в сторону от Донована.

— Нет. Ты должен уничтожать стригоев, потому что они зло. Потому что это наше дело. А если хочешь, чтобы ночные кошмары прекратились, ты должен жить. Это единственный способ. Сегодня мы могли умереть, но уцелели. Может, умрем завтра, не знаю. Имеет значение одно: сейчас мы живы.

Я говорила бессвязно и сама это понимала, но со времени его возвращения мне никогда не приходилось видеть, чтобы Дмитрий так сильно пал духом. Он признавался, что пребывание в состоянии стригоя убило почти все его эмоции. Это было не так, осознала я. Все, что составляло его внутреннюю суть, никуда не делось, просто выходило наружу взрывами — в моменты гнева и отчаяния, вот как недавно. Или когда он защищал меня от стражей. Прежний Дмитрий был жив, просто оказался заперт внутри, и я не знала, как помочь ему выйти наружу. Это как бы... ну, не соответствовало моей природе. Из нас двоих слова мудрости и понимания всегда находил Дмитрий, не я. Тем не менее сейчас он меня слышал. Мне удалось завладеть его вниманием. Что я должна сказать? Как донести до него свои мысли?

— Помнишь, что ты говорил раньше, в Рубисвилле? — спросила я. — Жизнь складывается из мелочей. Нужно научиться ценить все эти мелочи. Вот единственный способ исправить то, что стригои сделали с тобой. Единственный способ вернуться к настоящему себе. Ты сам сказал, что сбежал со мной потому, что хотел снова ощутить мир. Его красоту.

Дмитрий снова дернулся в сторону Донована, и снова я помешала ему.

— В этом нет никакой красоты. Только смерть, — сказал он.

— Это справедливо только в том случае, если ты позволишь этому взять над собой верх, — сказала я в отчаянии, остро чувствуя, что наше время истекает. — Найди что-нибудь одно. Что-нибудь прекрасное. Что угодно. Что-нибудь такое, что даст тебе почувствовать — ты больше не один из них.

Теперь он пристально всматривался в мое лицо. Меня охватила паника. Я ничего не добилась. А между тем нужно было убираться отсюда, независимо от того, в каком он состоянии. Он пойдет со мной, без сомнения. Это я уже усвоила — что боевые инстинкты Дмитрия продолжают действовать. Если я скажу, что надвигается опасность, он мгновенно среагирует, насколько бы ни погрузился в самобичевание. Но мне не хотелось этого делать. Не хотелось, чтобы он уходил отсюда в таком отчаянии. Будет лучше, если он покинет это место, на один шаг

приблизившись к тому человеку, которым может быть. И еще мне очень хотелось избавить его от ночных кошмаров.

Это, однако, лежало за пределами моих возможностей. Я не доктор. Увы.

Я уже готова была сказать ему, что нужно уходить, когда он внезапно заговорил. Еле слышно, почти шепотом.

— Твои волосы.

— Что?

Может, они горят или еще что-нибудь в этом роде? Я коснулась выбившегося локона. Нет, ничего страшного, просто они в беспорядке. Перед сражением я связала волосы, чтобы никакой стригой не мог вцепиться в них, как это сделала Ангелина. Во время схватки, однако, многие пряди выбились.

— Твои волосы, — повторил Дмитрий, широко распахнув глаза, почти с благоговением. — Твои волосы прекрасны.

Ну, вряд ли — по крайней мере, сейчас. Конечно, учитывая, что мы находились в темном проулке, где валялись мертвые тела, выбирать ему было особенно не из чего.

— Понимаешь? Ты не такой, как они. Стригои не воспринимают красоту, только смерть. Ты нашел что-то прекрасное. Одну прекрасную вещь.

Неуверенно, медленно он провел пальцами по моим выбившимся прядям.

— И этого достаточно?

— На данный момент — да. — Я поцеловала его в лоб. — На данный момент — да.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Сидни вообще-то постоянно занималась уничтожением мертвых тел, и тем не менее она была потрясена тем, как мы выглядели после боя. Может, для нее мертвые стригои просто объекты, а Дмитрий и я — живые люди, и вид у нас был, мягко говоря, не ахти.

— Надеюсь, вы не испачкаете машину, — сказала она, избавившись от тел.

Мы уже снова были в пути. Я восприняла ее слова как самую удачную — для Сидни — попытку пошутить, чтобы таким образом скрыть неловкость от лицезрения нашей рваной, окровавленной одежды.

— Мы едем в Париж? — спросила я и посмотрела на Дмитрия.

— В Париж? — удивилась Сидни.

— Пока нет, — ответил Дмитрий, откинув голову на спинку сиденья.

Сейчас он снова держал себя в руках. Всякие признаки недавнего упадка душевных сил исчезли, и я не собиралась рассказывать, что произошло перед тем, как мы сходили за Сидни. Вроде бы мелочь... но такая важная. И очень личная. Сейчас он выглядел просто усталым.

— Мы должны дождаться дня, — продолжил он. — К Доновану нужно было приехать именно сейчас, но если у Сони есть дом, она, весьма вероятно, проводит там все время. Для нас безопаснее появиться днем.

— Почему вы так уверены, что он не солгал? — спросила Сидни.

Сейчас она вела машину не к какому-то пункту назначения, а просто стараясь уехать из города и его окрестностей как можно быстрее, до того, как в полицию поступят сообщения о криках и драке.

Я с содроганием вспомнила ужас на лице Донована.

— Не думаю, что он солгал.

Больше Сидни вопросов не задавала, только поинтересовалась, в каком направлении ехать. Дмитрий предложил найти другой отель, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть перед тем, что нас ожидало завтра. По счастью, в Лексингтоне, в отличие от предыдущего городка, был большой выбор мест для постоя. Роскошь нам не требовалась, но большой современный отель, который мы выбрали, оказался чистым и стильным. Сидни оформила нас и завела внутрь через боковую дверь — чтобы своим видом мы не напугали гостей, которые могли встретиться даже посреди ночи.

Мы взяли один номер с двумя двуспальными постелями. Никаких

обсуждений не было, но, думаю, после недавнего столкновения со стригоями все испытывали потребность держаться вместе. Дмитрий был измотан сильнее, чем я, — после того как он снова и снова вонзал кол в Донована, — поэтому я настояла, чтобы он шел в душ первым.

— Ты отлично справилась, — сказала я Сидни, пока мы ждали. Я сидела на полу (который был гораздо чище, чем в нашем прошлом номере), потому что не хотела пачкать постель. — Ты просто бесстрашная.

Она криво улыбнулась.

— Ну как всегда. Тебя поколотили и едва не убили, но хвалишь ты меня.

— Да это же обычное дело для меня! А вот пойти туда одной, как сделала ты... Это было ужасно. И меня не так уж сильно поколотили.

Плывать я хотела на свои раны; и Дмитрий тоже. Сидни, глядя на меня, понимала мою позицию. Ноги были поцарапаны сильнее, чем я осознавала, и кровоточили; это произошло, когда я грохнулась на бетон. Одна щиколотка ныла после прыжка с крыши, все тело покрывали синяки и порезы. Откуда взялись они, я понятия не имела.

Сидни покачала головой.

— Как вам удастся избежать гангрены, выше моего понимания.

На самом деле мы обе знали, что дело тут в природной естественной сопротивляемости организма дампира, наследующего лучшие особенности обеих рас. Морои в целом отличались отменным здоровьем, хотя иногда подхватывали заболевания, редкие для их расы. Виктор тому пример. Страдая хроническим заболеванием, он когда-то принудил Лиссу исцелить его. Сила ее магии вернула ему здоровье, но лишь на время, и болезнь снова медленно подкрадывалась к нему.

После Дмитрия душ приняла я, а потом Сидни достала свою аптечку и занялась нашими ранами. Продезинфицировав и перевязав их, удовлетворенная, она открыла ноутбук и вывела на экран карту города Парижа в штате Кентукки. Все мы сгруппировались у экрана.

— Множество речек и ручьев, — бормотала она, прокручивая изображение. — А озер что-то не видно.

Я ткнула пальцем в крошечное голубое пятнышко, помеченное как «озеро Эплвуд».

— Вот это не оно?

— Может быть. А-а, вон и еще одно. Или... О! Вот это?

Она кивнула на другое голубое пятно, побольше: озеро Мартин.

Дмитрий прикрыл рукой глаза и зевнул.

— Вероятнее всего. Если же нет, не думаю, что это займет много

времени — объехать все остальные.

— Это и есть ваш план? — спросила Сидни. — Просто ездить по округе и искать голубой дом?

Мы с Дмитрием переглянулись. Сидни, может, недавно и повела себя храбро, но я знала — ее представление о плане отличается от нашего. По ее мнению, план требует систематизированного подхода, должен быть хорошо продуман и иметь ясную цель. И конечно, разработан в деталях.

— Этот план повесомее всех наших последних задумок, — заметила я.

Солнце должно было взойти примерно через час. Мне не терпелось отправиться на поиски Сони, но Дмитрий настоял на том, чтобы отдыхать до полудня. Он занял одну постель, мы с Сидни другую. Я не чувствовала, что нуждаюсь в отдыхе, но тело со мной не согласилось, и я заснула почти мгновенно.

И, как почти всегда в последнее время, меня затащило в чужой сон. Я надеялась, что это Адриан, который пришел, чтобы закончить наш последний разговор. Вместо этого вокруг меня материализовалась оранжерея, где стояла арфа и удобная мебель с подушками. Я вздохнула, оказавшись лицом к лицу с братьями Дашковыми.

— Замечательно, — сказала я. — Еще одно селекторное совещание. Мне и впрямь нужно заблокировать ваш номер.

Виктор слегка поклонился мне.

— Вы милы, как всегда, Роза.

Роберт снова смотрел в пространство. Приятно, что некоторые вещи никогда не меняются.

— Чего вы хотите? — спросила я.

— Ты знаешь, чего мы хотим. Мы здесь, чтобы тебе было легче помочь Василисе.

Я ни на мгновение ему не поверила. У Виктора в голове созрел какой-то план, но я надеялась, что его схватят прежде, чем он успеет всерьез навредить кому-то.

— Ты уже нашла второго Драгомира? — задал он вопрос.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Прошел всего день!

Сказав это, я испытала потребность пересчитать — казалось, будто прошло десять лет. Увы. Всего один день с тех пор, как я разговаривала с Виктором.

— И? — подтолкнул меня Виктор.

— Мы, по-вашему, кудесники?

Он задумался.

— Вроде того.

— Спасибо, конечно, за доверие, но это не так легко, как кажется. Более того, учитывая, какую «дымовую завесу» тут напустили, это совсем нелегко.

— Но хоть что-нибудь вы узнали?

Я не отвечала.

Его глаза вспыхнули, и он сделал шаг вперед. Я мгновенно отступила назад.

— Вы что-то узнали.

— Может быть.

Меня снова охватила неуверенность. Действительно ли Виктор, с его склонностью к заговорам и манипулированию, знает что-то полезное для нас? В прошлый раз он не сообщил мне ничего, но теперь мы лучше информированы. Как он говорил? Если мы найдем хоть какую-то ниточку, он поможет распутать ее?

— Роза. — Виктор обращался ко мне таким тоном, словно я дитя; он частенько так разговаривал с Робертом. Я насупилась. — Я уже говорил тебе: не имеет значения, доверяешь ли ты мне или тому, какими намерениями я руководствуюсь. На данный момент у нас с гобой одна цель. Не позволяй своим сомнениям сбить тебя с пути.

Забавно! Схожим принципом я руководствуюсь большую часть своей жизни. Живи в настоящем. Вмешивайся в ситуацию и не думай о последствиях. И вот теперь я колебалась и пыталась принять обдуманное решение. Наконец я предпочла рискнуть, еще раз понадеявшись на то, что от Виктора может быть толк.

— Нам известно, что мать... мать брата или сестры Лиссы — родственница Сони Карп. Вы знаете, кто она такая?

— Конечно. Она стала стригоем — якобы потому, что сошла с ума. Однако и ты, и я знаем, что все там намного сложнее.

Я неохотно кивнула.

— Она была пользователем духа. Об этом никто не догадывался.

Роберт так быстро повернул голову, что я чуть не подскочила от неожиданности.

— Кто пользователь духа?

— Бывший пользователь духа, — ответил Виктор, мгновенно сменив тон на успокаивающий. — Она стала стригоем, чтобы избавиться от него.

Внезапная напряженность Роберта снова растворилась в мягкой мечтательности.

— Да... Такой соблазн всегда существует... Убивать, чтобы жить;

жить, чтобы убивать. Бессмертие и свобода от всяких цепей, но, ох, какая утрата...

Он бормотал сбивчиво, почти как безумный, но его слова до жути напоминали то, что иногда говорил Адриан. Мне это совсем не нравилось. Сделав вид, что Роберта тут просто нет, я перевела взгляд на Виктора.

— Известно вам что-нибудь о ней? О ее родственницах?

Он покачал головой.

— У нее огромная семья.

Я в отчаянии вскинула руки.

— И какой от вас толк? Вы продолжаете вести себя так, будто много знаете, но фактически сообщаете только то, что мы и без вас выяснили! Вы не помогаете нам!

— Помощь может принимать разные формы, Роза. Вы нашли Соню?

— Да... Ну, не совсем. Мы знаем, где она. Рассчитываем завтра встретиться с ней и расспросить.

Судя по выражению лица Виктора, он считал это вопиющей глупостью.

— Не уверен, что она будет охотно сотрудничать с вами.

Я пожала плечами.

— Дмитрий может быть очень убедителен.

— Я слышал об этом, — сказал Виктор. — Однако Соня Карп — не впечатлительный подросток.

Я подумала, не врезать ли ему, но побоялась, что Роберт снова воздвиг свое силовое поле. Виктор, казалось, не замечал моей злости.

— Скажи мне, где вы. Мы приедем к вам.

И снова дилемма. Что такого особенного могут сделать братья? Однако вдруг появится возможность снова захватить его? Кроме того, если он явится лично, может, прекратит вторгаться в мои сны.

— Мы в Кентукки, — ответила я наконец. — Париж, Кентукки.

Я рассказала ему об озере и голубом доме.

— Мы будем там завтра, — заявил Виктор.

— В таком случае где вы сейчас...

Но, как и в прошлый раз, Роберт резко оборвал сон, не дав мне договорить. Интересно, во что я впуталась? Не успела я это обдумать, как перенеслась в другой сон. Господи! Меня охватило ощущение дежавю. Все жаждут поговорить со мной во сне. По счастью, как и в прошлый раз, вторым ко мне явился Адриан.

На этот раз мы встретились в зале, где недавно проходил Совет. Не было ни кресел, ни людей, и мои шаги по деревянному полу отдавались

эхом. Помещение, которое казалось таким огромным и исполненным могущества, когда здесь собрались люди, сейчас навевало зловещее чувство одиночества.

Адриан стоял около высокого сводчатого окна. Я обняла его, и он одарил меня своей шаловливой улыбкой. По сравнению с грязью и кровью реального мира он выглядел чистым и непорочным.

— Ты все сделал как надо. — Я быстро поцеловала его в губы. — Добился выдвижения Лиссы.

Осознав, что в идее Виктора о выдвижении Лиссы есть здоровое зерно, я была вынуждена долго убеждать в этом Адриана во время нашей прошлой встречи во сне.

— Знаешь, собрать их всех и уговорить действовать вместе... Это оказалось не так уж трудно. — Ему, похоже, было приятно мое восхищение, но потом его лицо омрачилось. — Лисса, правда, не в восторге от этого. Черт возьми, позже она высказала нам все свое возмущение.

— Я видела. Ты прав, ей это не понравилось... но тут еще добавилась и тьма как побочный эффект. Я немного оттянула ее на себя, но да... Это было скверно.

Я вспомнила, как ее гнев ненадолго вспыхнул во мне. Дух не наносил мне таких мощных ударов, как ей, но это был лишь вопрос времени. В конце концов, если я буду годами перекачивать в себя тьму, она меня одолеет. Я взяла Адриана за руку и устремила на него умоляющий взгляд.

— Ты должен позаботиться о ней. Я буду делать все, что в моих силах, но мы с тобой знаем, какой стресс и тревогу может вызывать использование духа. Я очень боюсь, как бы не дошло до того, что было раньше. Хотелось бы мне самой быть там и оберегать ее. Пожалуйста... помоги ей.

Он заправил выбившийся локон мне за ухо. В его темно-зеленых глазах вспыхнуло беспокойство. Сначала я подумала, что он волнуется за Лиссу.

— Конечно, — ответил он. — Буду делать все, что могу. Но, Роза... со мной это тоже будет происходить? Это то, что меня ждет? Как ее и остальных?

Побочный эффект при пользовании стихией духа никогда не проявлялся у Адриана так сильно, как у Лиссы; в основном потому, что он гораздо меньше применял этот дар, но еще и благодаря усиленному «лечению» алкоголем. Я не знала, сколько это может продолжаться. По-моему, отсрочить безумие может немного: самодисциплина, антидепрессанты и связь с «отмеченными поцелуем тьмы». Последнее от

Адриана не зависело, а ни к чему остальному он не имел склонности.

Странно, но в момент, когда стало понятно, как он уязвим, я вспомнила о том, что недавно произошло с Дмитрием. Оба они, такие сильные и уверенные каждый на свой лад, нуждались в моей поддержке.

«И ты сильная, Роза», — прозвучал шепот в моей голове.

Адриан смотрел в пространство.

— Знаешь, иногда... иногда я почти верю, что безумие — это выдумки. Я никогда не ощущал того, что другие... типа Лиссы или старого Влада. Но временами... — Он помолчал. — Ну, не знаю. Я чувствую, будто нахожусь совсем рядом, Роза. Совсем рядом с краем. Как будто стоит сделать один неверный шаг, и меня затянет туда, откуда я не смогу вернуться. Потеряю себя.

Он уже говорил нечто в этом духе раньше, когда впадал в странное, промежуточное состояние и рассуждал не совсем логично. Это было самое заметное проявление того, как воздействует на него стихия духа. Мне всегда казалось, что он не осознает эти моменты; и, конечно, не задумывалась я и о том, что это может для него значить.

Он снова перевел взгляд на меня.

— Когда выпиваю... я не беспокоюсь об этом. Не беспокоюсь о том, что могу сойти с ума. Но потом мне приходит в голову... Может, это уже случилось? Может, я не в своем уме, но, когда я пьян, никто не замечает разницы.

— Ты не сумасшедший, — сказала я, притянув его к себе. Было так приятно чувствовать его теплое прикосновение. — С тобой все в порядке. Ты сильный.

Он прижался щекой к моему лбу.

— Ну, не знаю. Думаю, ты — моя сила.

Слышать это было приятно, но что-то в его словах тревожило меня.

— Это не совсем так, — сказала я, плохо представляя, как выразить словами свои чувства. Знаю, можно помочь близкому человеку. Можно поддержать его, придать ему сил. Однако сделать за него все нельзя. Нельзя разрешить все его проблемы. — Ты должен найти силу в своей...

Будильник в номере отеля зазвенел, оставив меня в огорчении из-за разлуки с Адрианом и из-за того, что я не успела высказать свою мысль. Что ж, с этим ничего не поделаешь. Оставалось надеяться, что он и сам справится.

И Сидни, и я чувствовали вялость и с трудом разлепили глаза. Для нее это было в порядке вещей, поскольку сейчас весь ее режим дня — и, соответственно, сна — полностью нарушился. Но я? Я устала морально.

Столько людей нуждаются во мне, но, ох, как это трудно — помочь всем.

Естественно, Дмитрий уже встал и был готов отправиться в путь. Он проснулся раньше нас. Ночного упадка духа как не бывало. Единственное, что его мучило, — желание выпить кофе, но он терпеливо ждал, пока мы встанем, — не хотел оставлять нас спящими и беззащитными. Я прогнала его, и двадцать минут спустя он вернулся с кофе и коробкой пончиков. Еще он зашел в магазин скобяных товаров на той стороне улицы и купил металлическую цепь — для использования, «когда мы найдем Соню». От этого я как-то забеспокоилась. К этому времени мы с Сидни были уже готовы выходить, и я решила придержать свои вопросы. Мне очень не хотелось снова влезать в шорты — в особенности учитывая, в каком состоянии были ноги, — но я так рвалась добраться до Сони и не собиралась задерживаться, чтобы зайти в магазин.

Однако я решила, что пора кое-что объяснить моим товарищам.

— Между прочим, вскоре к нам может присоединиться Виктор Дашков, — небрежно начала я.

К чести Сидни, она не завела машину в кювет.

— Что? Тот тип, который сбежал?

Судя по выражению глаз Дмитрия, он тоже был поражен, но, как обычно, сохранял внешнее спокойствие.

— Зачем Виктор Дашков присоединится к нам? — медленно спросил он.

— Хм, это в некотором роде забавная история...

После такого вступления я как можно короче изложила им все, начиная с характеристики и биографии Роберта Дору и заканчивая последними явлениями братьев в моих снах. Очень расплывчато высказалась по поводу «таинственного» побега Виктора несколько недель назад, хотя что-то подсказывало мне, что Дмитрий, тем сверхъестественным способом, которым мы угадывали мысли друг друга, уже сложил разрозненные куски вместе. Мы с Лиссой говорили ему, сколько усилий потратили, чтобы узнать, как возродить его к жизни, но никогда не рассказывали всего. В особенности мы избегали говорить о том, что касалось побега Виктора, затеянного с той целью, чтобы он помог нам найти своего брата.

— Послушайте, поможет он нам или нет, но это возможность схватить его, — торопливо добавила я. — Разве не здорово?

— Этим мы займемся позже.

Такой тон Дмитрия был хорошо мне знаком — он часто прибегал к нему в Академии. Обычно это сулило предстоящий конфиденциальный

разговор со мной, можно сказать, допрос с пристрастием.

Пока мы ехали в Париж, вокруг разворачивался прекрасный Кентукки. Холмистая зеленая местность; наверное, было бы приятно жить здесь в маленьком домике. Мелькнула мысль — может, Соня этим и руководствовалась? Но потом я одернула себя. Совсем недавно я говорила Дмитрию, что стригои не замечают красоты. Может ли быть, что это ошибка? И что великолепный пейзаж имеет для нее значение?

Я нашла ответ на свой вопрос, когда навигатор вывел нас к озеру Мартин. Вокруг него были разбросаны несколько домов, и только один из них был голубым. Остановившись на приличном расстоянии, Сидни, насколько удалось, прижала машину к обочине, заросшей деревьями и высокой травой. Мы выбрались на дорогу и пошли по тропинке, по-прежнему соблюдая дистанцию.

— Этот дом, конечно, голубой... — заметила прагматичная Сидни. — Но она ли тут живет? Не вижу никакого почтового ящика.

Я внимательно разглядывала двор. Перед крыльцом росли кусты роз, усыпанные розовыми и алыми цветами. С крыши свисали корзины с белыми цветами, названия которых я не знала, по шпалерам вились голубые ипомеи. Деревянную ограду разглядеть почти не удавалось, так густо оплели ее оранжевые цветы в форме воронок.

И тут в сознании вспыхнул образ. Госпожа Карп в своем классе поливает цветы, которые, казалось, росли невероятно быстро. Школьницей, больше озабоченной тем, как бы увильнуть от выполнения домашних заданий, я не слишком задумывалась об этом. Уже позже, глядя, как Лисса, экспериментирующая со стихией духа, заставляет растения расти и расцветать, я поняла, что происходило в классе госпожи Карп. И теперь, даже лишенная энергии духа и одержимая злом, Соня Карп по-прежнему ухаживала за своими цветами.

— Да, это ее дом, — убежденно сказала я.

Дмитрий направился к крыльцу, изучая каждую деталь. Я двинулась следом, но потом остановилась.

— Что ты делаешь? — негромко спросила я. — Она может тебя увидеть.

Он обернулся ко мне.

— Эти затемняющие занавески такие плотные, что ничего увидеть изнутри дома невозможно. Они также наводят на мысль, что дневное время она проводит на первом этаже, не в подвале.

Я была согласна с его рассуждениями.

— Удачно для нас.

Когда в прошлом году меня и моих друзей захватили стригои, нас держали в подвале, и не только потому, что стригои всячески стремятся избегать солнца. Подвал — это также место, откуда сложнее удрать. Стригою очень легко держать свою жертву в подвале. Чем больше дверей и окон, тем лучше для нас.

— Пойду осмотрю другую сторону, — сказал Дмитрий и двинулся в обход двора.

Я подбежала к нему и схватила за руку.

— Давай лучше я. Я чувствую стригоев... не потому, что она может оказаться снаружи, но... просто на всякий случай.

Видя, что он колеблется, я начала злиться: он что, не верит в мою способность? Все-таки он сказал:

— Ладно. Будь осторожна.

Я как можно бесшумнее прокралась вокруг дома и вскоре обнаружила, что деревянная ограда мешает разглядеть задний двор. Если я перелезу через нее, это может привлечь внимание Сони. Что делать? Ага. Рядом с оградой я заметила большой валун. Я забралась на него, взялась руками за верх ограды, подтянулась и заглянула во двор, стараясь делать это как можно незаметнее.

Это было все равно что смотреть на райский сад. Цветы перед домом теперь казались просто его преддверием. Снова розы, магнолии, яблони, ирисы и миллиард других неизвестных сортов. Задний двор поражал буйством красок. Оценив все, что требовалось, я заторопилась обратно к Дмитрию. Сидни по-прежнему стояла около машины.

— Стеклянная дверь в сад и два окна, — сообщила я. — Все занавешено. Деревянный шезлонг, лопата и тачка.

— А вилы?

— К сожалению, нет, но рядом с оградой лежит огромный валун. Можно использовать его, чтобы забраться во двор. Нигде в ограде не видно калитки. Соня тут как в крепости.

Он кивнул; не сговариваясь, мы поняли, что делать. Достали цепь из машины, вручили ее Сидни и велели ждать снаружи — с жесткой инструкцией уезжать, если мы не вернемся через полчаса. Мне неприятно было говорить такое — а Сидни, судя по выражению ее лица, неприятно слышать, — но это было необходимо. Если мы не справимся с Соней за это время, то не справимся с ней вообще — и не выйдем оттуда живыми. Если сумеем одолеть ее, то просигналим Сидни, и она с цепью войдет в дом.

Золотисто-карие глаза Сидни были полны тревоги, когда она смотрела, как мы идем к дому. Этой ночью я чуть не поддразнила ее — почему это

она беспокоится о злобных созданиях ночи? — но вовремя остановила себя. Может, она и ненавидела всех других вампиров и мороев в мире, но на каком-то отрезке нашего пути прониклась симпатией ко мне и Дмитрию. И насмехаться над этим не стоило.

Дмитрий залез на валун, осмотрел двор, буркнул несколько последних инструкций, взял меня за руки и перебросил через ограду. Благодаря его весу этот маневр прошел для меня легко и бесшумно, насколько это возможно. Сам он тут же последовал за мной, приземлившись с негромким стуком.

Без промедления мы рванули к дому. Если Соня что-то слышала, то тем более терять времени не следовало. По дороге Дмитрий схватил лопату и дважды с силой ударил ею в стеклянную дверь. Первый удар пришелся где-то на уровне моей головы, второй ниже. С каждым ударом стекло шло трещинами. Почти одновременно со вторым ударом я ткнула туда же тачкой. Поднять ее и швырнуть было бы гораздо результативнее, но такую тяжесть высоко не поднимешь. Стекло в месте удара осыпалось, образовалась дыра, достаточно большая, чтобы мы оба смогли пролезть в нее. Правда, нам пришлось согнуться, в особенности Дмитрию.

Лучше всего было бы напасть одновременно с обеих сторон дома, но как-то не верилось, что Соня бросится удирать через переднюю дверь. Тошнота начала накатывать на меня, едва мы оказались во дворе, и это ощущение усилилось, когда мы оказались в гостиной. К этому времени я уже вполне научилась игнорировать тошноту и сосредотачиваться на предстоящем. Мы стремительно ворвались внутрь, но реакцию стригоев нам было не превзойти.

Соня Карп ждала нас в полной боевой готовности, всячески стараясь избегать хлынувшего в гостиную солнечного света. Впервые увидев Дмитрия-стригоя, я в потрясении замерла на месте, что и позволило ему захватить меня. На этот раз я мысленно взяла себя в руки, зная, что испытаю схожее потрясение, увидев свою бывшую учительницу в облике стригоя. Так и оказалось. Как и в случае с Дмитрием, многие черты прежней Сони не изменились: золотисто-каштановые волосы, высокие скулы... Однако ее красоту портили теперь мертвенно-бледная кожа, красные глаза и присущее всем стригоям выражение жестокости.

Если она и узнала нас, то не подала вида и с рычанием набросилась на Дмитрия. Такова обычная тактика стригоев: сначала уничтожить того, кто представляет большую опасность; меня ужасно злило, что в качестве таковой они всегда воспринимали Дмитрия. Чтобы высвободить руки для лопаты, он сунул кол за пояс; лопатой стригоя не убьешь, но, используя ее

вес и инерцию, можно держать противника на расстоянии вытянутой руки. В ответ на первую атаку Сони он ударил ее лопатой в плечо, и хотя она не упала, но была вынуждена восстановить равновесие, прежде чем напасть снова. Они кружили друг перед другом, словно волки, готовые вцепиться врагу в горло. Одновременно она оценивала свои шансы: один бросок, и огромная, невероятная сила позволит ей свалить его, с лопатой или без нее.

Соня, однако, меня в расчет не принимала. Я воспользовалась этим и врезалась ей в бок, однако краем глаза она заметила мое приближение и среагировала мгновенно, швырнув меня на пол и по-прежнему не сводя взгляда с Дмитрия. Жаль, что у меня не было лопаты — я могла бы с безопасного расстояния заехать ей по спине. У меня был лишь кол, но действовать им требовалось с осторожностью — чтобы не убить ее. Я быстро оглядела противоестественно нормальную гостиную, но не обнаружила ничего, что можно было бы использовать как оружие.

Дмитрий был обманут ее ложным выпадом, и она тут же бросилась вперед, стремясь воспользоваться преимуществом ситуации. Отшвырнула его к стене, прижала к ней и выбила из руки лопату. Он боролся, пытаясь освободиться, но ее пальцы уже нащупывали его горло. Можно было попытаться оттолкнуть ее, и, скорее всего, нашими общими усилиями Дмитрий сумел бы освободиться. Я, однако, хотела, чтобы все кончилось как можно скорее, и решила применить другую тактику.

Я бросилась к ней и вонзила кол в правую лопатку, надеясь, что это достаточно далеко от сердца. Прикосновение зачарованного серебра очень болезненно для стригоев, она вскрикнула и оттолкнула меня с силой, поразительной даже для стригоя. Я упала на спину, стукнувшись головой о кофейный столик. Перед глазами все поплыло, но инстинкты и адреналин позволили мне вскочить.

Мое нападение дало Дмитрию ту краткую передышку, в которой он нуждался. Ударом он свалил Соню на пол, схватил мой кол и приставил к ее горлу. Она закричала, замолотила руками; я бросилась ему на помощь, зная, как это трудно — удерживать стригоя.

— Сидни... — пробормотал он. — Цепь...

Игнорируя пляшущие перед глазами звезды и темные точки, со всей возможной быстротой я бросилась к передней двери и распахнула ее. Это и был сигнал. Я тут же вернулась к Дмитрию. Он уже едва-едва удерживал Соню. Рухнув рядом с ней на колени, я присоединилась к нему. В его глазах снова пылала жажда боя — чувствовалось, что больше всего ему хочется прикончить ее прямо здесь и сейчас. Однако я заметила и кое-что другое. Казалось, он лучше контролирует себя; похоже, мои слова в проулке

оказали на него действие. Тем не менее я сочла нужным предостеречь его:

— Она нужна нам... Помни, она нужна нам.

Он еле заметно кивнул. Появилась Сидни, волоча за собой цепь. При виде открывшегося ей зрелища она широко распахнула глаза, на мгновение остановилась, но тут же кинулась к нам.

«Со временем мы сделаем из нее воина», — подумала я.

Мы с Дмитрием приступили к следующему этапу. Место, где лучше всего связать Соню, было уже намечено: тяжелое кресло с откидной спинкой в углу. Подняв хозяйку дома — тоже нелегкая задача, поскольку она по-прежнему неистово вырывалась, — мы затолкали ее в кресло. Потом, прижимая кол к ее горлу, Дмитрий с великим трудом удерживал ее, а я схватила цепь и начала обматывать Соню — сначала ноги, потом туловище, с прижатыми к нему руками. По счастью, Дмитрий купил длинную цепь, и я торопливо намотала ее вокруг кресла как придется, преследуя единственную цель — чтобы Соня не могла вырваться.

Когда наконец вся цепь была использована, Соня оказалась весьма прилично зафиксирована на месте. Могла ли она вырваться? Наверняка. Но с приставленным к шее серебряным колом? Это будет потруднее. С учетом обоих этих факторов... Все-таки сейчас она была блокирована надежно; мы сделали все, что смогли.

Мы с Дмитрием посмотрели друг на друга. Голова у меня кружилась, но я старалась справиться с этим неприятным ощущением, понимая, что до конца еще далеко.

— Теперь самое время допросить ее, — мрачно сказала я.

СЕМНАДЦАТЬ

Допрос протекал без особого успеха.

Конечно, мы угрожали ей и даже использовали кол как орудие пыток, но без особого результата. После случая с Донованом Дмитрий сдерживался, стараясь не впасть снова в исступленную ярость. В общем и целом так было благотворнее для него, но не способствовало запугиванию Сони с целью добиться от нее ответов. К тому же у нас не было к ней единственного конкретного вопроса. Требовалось выяснить несколько обстоятельств. Знает ли она о существовании второго Драгомира? Состоит ли в родстве с его матерью? Где мать и ребенок? Все еще осложнилось, когда Соня осознала, что нужна нам и мы не собираемся убивать ее.

Так продолжалось около часа, мы начали уставать. По крайней мере, я. Чувствуя, что мне трудно держаться прямо, я прислонилась к стене рядом с креслом. Какое-то время все молчали, даже Соня прекратила выкрикивать угрозы. Она просто ждала, не теряя бдительности и, без сомнения, планируя бегство; скорее всего, в расчете на то, что мы окончательно выдохнемся раньше ее. Это молчание пугало больше всяких угроз. Обычно стригои, с которыми я сталкивалась, именно словами пытались утратить меня. Я не представляла себе, какими действенными могут быть молчание и злобный взгляд.

— Что с твоей головой, Роза? — внезапно спросил Дмитрий.

Видимо, на мгновение я отключилась, потому что не сразу поняла, что он обращается ко мне.

— А?

Откинув со лба волосы, я коснулась его рукой. Пальцы стали липкими от крови, что пробудило смутные воспоминания о том, как я стукнулась о стол. Голова по-прежнему кружилась, но, по-прежнему игнорируя это, я пожала плечами.

— Со мной все в порядке.

Дмитрий бросил на Сидни быстрый взгляд.

— Уложи ее и обработай рану. Не давай ей заснуть, пока мы не поймем, нет ли сотрясения мозга.

— Нет, я не могу оставить тебя один на один с ней... — запротестовала я.

— Все будет нормально, — заверил он меня. — Хорошенько отдохни, тогда лучше сможешь помочь мне потом. Проку от тебя будет немного,

если ты хлопнешься в обморок.

Я по-прежнему возражала, но прекратила, когда Сидни мягко взяла меня за руку. Я совсем лишилась сил. Меня, правда, не порадовало, что она отвела меня в спальню. Было что-то жуткое в том, чтобы лежать в постели стригоя — пусть даже накрытой стеганым одеялом с бело-голубым цветочным узором.

— Черт возьми! — пробормотала я, положив голову на подушку, пока Сидни обрабатывала рану. Несмотря на мои недавние возражения, отдохнуть и в самом деле было очень приятно. — Никак не могу отделаться от ощущения, насколько это странно... что стригой живет в таком... нормальном месте. Как тебе это?

Сидни обхватила себя руками и смущенно огляделась по сторонам.

— Знаешь, рядом со стригоем вы кажетесь не такими уж плохими.

— Ну вот, нашлось хоть что-то хорошее, — заметила я.

Несмотря на ее шутливый тон, я понимала, что ей страшно. Глаза мои начали закрываться, но Сидни хлопнула меня по плечу, и я встрепенулась.

— Не спи, — проворчала она. — Разговаривай со мной.

— Это не сотрясение мозга, — пробормотала я. — Но, наверное, не стоит особо надеяться, что Соня заговорит.

Сидни села у изножья постели и состроила гримасу.

— Без обид, ладно? Я и не думала, что она расколется.

— Заговорит как миленькая, посидев несколько дней без крови.

Сидни побледнела.

— Несколько дней?

— Ну, сколько понадобится, чтобы...

Благодаря связи с Лиссой я ощутила всплеск эмоций и замерла. Сидни вскочила. Ее взгляд заметался по сторонам, как будто в комнату ворвалась целая шайка стригоев.

— Что с тобой? — воскликнула она.

— Я должна посмотреть, как там Лисса.

— Тебе нельзя спать.

— Это не сон.

С этими словами я покинула спальню Сони и проникла в сознание Лиссы.

Она ехала в фургоне с пятью другими королевскими кандидатами. В восьмиместном фургоне сидели также водитель-страж и рядом с ним, на пассажирском сиденье, еще один страж, который как раз в этот момент оглянулся на Лиссу и ее спутников.

— Каждого из вас высадят по отдельности на окраине леса, с картой и

компасом. Ваша цель — добраться до обозначенного на карте места и переждать там дневное время. Потом мы приедем за вами.

Лисса и другие кандидаты обменялись взглядами и потом, как один, посмотрели за окна фургона. Был почти полдень, сверху лился солнечный свет. «Переждать дневное время» — эта перспектива выглядела не очень приятной, но невыполнимой не казалась. Лисса машинально поскребла маленькую повязку на руке, но тут же остановила себя. Ее мысли сказали мне о том, что было под этой повязкой: вытатуированное на коже крошечное, едва различимое изображение. Оно имело сходство с татуировкой Сидни: кровь и земля плюс малая толика принуждения. В среде мороев на принуждение наложено табу, но сейчас была особая ситуация. Заклинание татуировки препятствовало кандидату в монархи рассказать другим, не вовлеченным в процесс проверок, в чем они состояли. Это было первое испытание.

— В местности какого типа вы собираетесь нас посадить? — спросил Маркус Лазар. — Все мы в разной физической форме. Несправедливо, если некоторые будут иметь преимущество.

Говоря все это, он не сводил взгляда с Лиссы.

— Это не долгая прогулка, — с серьезным видом ответил страж. — Любой кандидат любого возраста способен ее совершить. И, по правде говоря, одно из требований к будущему королю или королеве — определенный запас жизненных сил. С возрастом приходит мудрость, но кроме того, монарх должен быть здоров. Не как спортсмен, конечно, — поспешно добавил страж, увидев, что Маркус снова открыл рот. — Однако это не лучший вариант для мороев — избрать больного монарха, который спустя год умрет. Грубо, но справедливо. И вы должны уметь проявлять выносливость в дискомфортных ситуациях. Если вы не в состоянии выдержать день на солнце, то заседания Совета точно не для вас. — Может, он хотел, чтобы это прозвучало как шутка? Вряд ли. На его лице не было улыбки. — Однако это ни в коем случае не гонки. Пусть дорога до места назначения займет столько времени, сколько потребуется. На карте обозначены места, где спрятаны определенные предметы. С их помощью — если вы сумеете расшифровать их смысл — будет легче выдержать испытание.

— Можно использовать магию? — спросила Ариана Селски.

Она была уже немолода, но выглядела крепкой и готовой к проверке на выносливость.

— Да, если сумеете, — ответил страж.

— Будет ли нам угрожать какая-либо опасность? — спросил другой

кандидат, Рональд Озера. — Помимо солнца?

— Это, — загадочно ответил страж, — вам предстоит выяснить самим. Но если вы пожелаете выйти из испытания, то в любой момент... — Он достал сумку с сотовыми телефонами и раздал их, а потом карты и компасы. — Позвоните по запрограммированному номеру, и мы приедем за вами.

Никому не было нужды спрашивать, что за этим стоит. Позвонить по указанному номеру означало, что вам не придется весь долгий день терпеть солнечный свет. Это также означало, что вы провалили испытание и выбываете из числа претендентов на трон. Лисса посмотрела на свой телефон и даже слегка удивилась, обнаружив, что сигнал есть. Они покинули двор около часа назад и теперь уже сильно углубились в сельскую местность. Деревья впереди навели Лиссу на мысль, что они приближаются к месту назначения.

Значит, испытание на физическую выносливость. Не совсем то, чего она ожидала. Проверки, которым подвергался будущий монарх, с давних пор держались под покровом тайны, что делало их почти мистическими. Это испытание, в частности, носило чисто практический характер, и Лисса понимала его суть — в отличие, по-видимому, от Маркуса. Это не было спортивное соревнование, и страж специально подчеркнул, что будущий монарх должен обладать физической выносливостью определенного уровня. Взглянув на обратную сторону своей карты, где перечислялись подсказки, Лисса осознала, что это также проверка их способности делать умозаключения. В общем-то, самые простейшие исходные качества — но существенно важные для правителя нации.

Одного за другим их высаживали в разных стартовых точках. Беспокойство Лиссы нарастало.

«Не о чем тревожиться, — мысленно убеждала она себя. — Я просто должна переждать солнечный день».

Она оказалась предпоследней; после нее в фургоне осталась только Ариана. Когда дверь открылась, Ариана хлопала Лиссу по плечу.

— Удачи, дорогая.

Лисса слабо улыбнулась ей. Для нее эти испытания были лишь уловкой, а вот для Арианы они по-настоящему важны, и Лисса молилась, чтобы та успешно выдержала их.

Когда фургон отъехал и Лисса осталась одна, ею овладела тревога. Внезапно простой тест на выносливость показался пугающим и трудным. Она была предоставлена самой себе, что случалось с ней редко. Большую часть ее жизни рядом была я, и даже когда я уехала, ее окружали друзья. Но

сейчас? Только она, карта и сотовый телефон. Причем сотовый телефон был ее врагом.

Подойдя к краю леса, она внимательно изучила карту. Изображение большого дуба обозначало начало, от него следовало двигаться на северо-запад. Скользя взглядом по деревьям, Лисса заметила три клена, ель и... да, вон он, дуб. Подходя к нему, она не смогла сдержать улыбки. Если у кого-то из кандидатов ориентир тоже носили ботанический характер, а он не разбирался в растениях и деревьях... Что ж, больше ему не быть кандидатом.

Компас был классический — не оснащенный цифровой навигацией. Лисса в жизни не работала с таким компасом, и мне ужасно захотелось оказаться рядом и помочь. Однако я напрасно тревожилась. Лисса — девушка сообразительная и легко во всем разобралась. Направляясь на северо-запад, она вошла в лес. Хотя ясно обозначенной тропки не наблюдалось, негустой подлесок особо не препятствовал движению.

В лесу хорошо то, что деревья отчасти закрывают солнце — не идеальные условия для мороев, но все лучше, чем оказаться в пустыне. Пели птицы, вокруг все пышно зеленело. Отыскивая взглядом следующий ориентир, Лисса постаралась расслабиться и внушить себе, что просто совершает приятную прогулку.

Однако... это было трудно; ее одолевали мысли. Теперь Эйб и остальные взяли на себя расследование убийства. В данный момент все они спали — была середина моройской ночи, — но Лисса не знала, когда вернется, и злилась из-за того, что испытание отнимает у нее время. Нет — впустую расходует ее время. В конце концов она приняла логику тех, кто ее выдвигал, но идея по-прежнему ей не нравилась. Она предпочла бы активно помогать друзьям.

Увлеченная этими размышлениями, она чуть не проскочила мимо следующего ориентира: ствола давным-давно упавшего дерева, полусгнившего, покрытого мхом. Звездочка на карте помечала его как место, к которому относится очередная подсказка. Она перевернула карту и прочла:

Я расту и уменьшаюсь. Я бегу и ползу.
Иди на мой голос, хотя я его не имею.
Я никогда не покидаю это место, но всегда в пути —
Плыву по небу и стелюсь по земле.
В яме у меня есть тайник, хотя богатства нет.
Ищи его по запаху гнили, и ты поможешь себе.

Гм.

Мне ничего не приходило в голову, но Лисса лихорадочно соображала. Перечитывала стихотворение снова и снова, обдумывала отдельные слова и то, как каждая строчка сочетается со следующей. «Я никогда не покидаю это место». Это отправная точка, решила она. Оглянувшись, изучая деревья, но потом отвергла это предположение. Деревья в любой момент могут спилить и увезти отсюда. Стараясь не отходить слишком далеко от упавшего ствола, она кружила поблизости в поисках чего-то неизменного. Теоретически все может быть перемещено. Что остается на месте?

«Иди на мой голос».

Она остановилась и закрыла глаза, прислушиваясь к звукам вокруг. В основном птицы. Шелест листьев. И...

Она открыла глаза и быстро пошла вправо. Звук, который она уловила, становился все громче, напоминая бормотание... Нет, журчание! И вот оно! Между деревьями струился ручеек, едва заметный. Слишком маленький для русла вокруг него.

— Спорю, ты растешь, когда идет дождь, — пробормотала Лисса.

Она снова перечитала стихотворение-подсказку, и ее быстрый ум расставил все на свои места. Ручей неизменно пребывал здесь — но и постоянно двигался, тек. Он был то шире, то уже. Журчание его звучало как голос. Он бежал там, где становился глубже, и стелился, встречаясь с препятствиями. А испаряясь, он плыл по воздуху. Лисса нахмурилась, поняв, что не разгадала загадку до конца.

— Но ты не пахнешь гнилью.

Лисса снова внимательно огляделась; подсказку о гниении можно применить к любому растению. Ее взгляд скользнул мимо большого клена и тут же вернулся. У основания дерева росло множество коричневых и белых грибов, некоторые уже усохли и почернели. Она подошла к ним, опустила на колени и увидела то, что искала: маленькую дыру в земле. Наклонившись ближе, она заметила яркое пятно: красный, затягивающийся шнурком мешок.

С победоносным видом Лисса вытащила его и встала. Это был холстяной мешок с длинными узкими лямками, позволяющими носить его на плече. Открыв мешок, она заглянула внутрь и обнаружила самую замечательную вещь на свете: бутылку воды. До сих пор Лисса не осознавала, как ей жарко и хочется пить. Кандидатам было велено надеть прочную обувь и практичную одежду, но запрещено брать с собой любые

припасы. Найти бутылку воды — это ли не счастье?

Сидя на бревне, она передохнула, стараясь экономно расходовать воду. Хотя карта давала еще несколько подсказок и обещала новые награды, Лисса понимала, что вряд ли может рассчитывать на столь же полезную находку. Передохнув несколько минут, она убрала воду, повесила мешок на плечо и пошла на запад, согласно указанию карты.

Жара допекала все сильнее, пришлось сделать еще несколько остановок, каждый раз отпивая немного воды. Она все время напоминала себе, что это не гонки и нужно относиться к этому проще. Используя еще несколько подсказок, она обнаружила, что карта не масштабирована, поэтому длина каждого отрезка пути непонятна. Тем не менее она была довольна, что разгадывает пока каждую загадку, хотя «награды» все больше ее озадачивали.

Одна из них представляла собой связку палочек; Лисса подумала было, что ошиблась, — если бы не тот факт, что кто-то, очевидно имеющий отношение к цивилизации, связал их вместе. Она сунула их в мешок, где уже лежал аккуратно сложенный кусок зеленого брезента. К этому времени она истекала потом и закатала рукава хлопчатобумажной рубашки, хотя это мало помогло. Теперь перерывы для отдыха участились. Ее нежной коже всерьез угрожал солнечный ожог, поэтому она испытала огромное облегчение, когда следующая подсказка привела ее к флакону солнцезащитного крема.

После двух часов сражения с летней жарой Лисса ужасно устала и у нее не осталось энергии возмущаться тем, что она не принимает участия в событиях при дворе. Ее заботило одно — поскорее завершить испытание. Оставалось всего две подсказки — уже хорошо, решила Лисса. Конец близок, а потом надо просто ждать, пока ее подберут. Внезапно ее озарило. Брезент. Он нужен для защиты от солнца, и она может использовать его в конце пути.

Эта мысль ободрила ее, как и следующая находка: снова вода и мягкая широкополая шляпа, защищающая лицо от солнца. К сожалению, то, что на карте выглядело как короткий отрезок пути, на деле оказалось вдвое длиннее, чем она предполагала. К тому времени, когда она наконец добралась до следующей подсказки, ей больше хотелось напиться, чем искать оставленное стражами.

Мое сердце рвалось к ней. Как же мне хотелось ей помочь! Это моя работа — защищать ее. Она не должна быть одна. Или должна? Может, это тоже входило в проверку? В мире, где королевских мороев всегда окружают стражи, такое одиночество должно угнетать очень сильно. Морои

выносливы, обладают прекрасной восприимчивостью, но не приспособлены к сильной жаре и сложной местности. Я, скорее всего, с легкостью прошла бы этот путь. Правда, я не была уверена, что обладаю дедуктивным мышлением, которое помогло Лиссе расшифровать подсказки.

Ее последней «наградой» оказались кремень и огниво, хотя Лисса не могла даже предположить, что это такое. Я-то сразу сообразила, но терялась в догадках, зачем ей разводить костер в такую жару. Пожав плечами, она сунула и то и другое в мешок и продолжила путь.

Вот тут-то и начало заметно холодать.

Она не сразу осознала это, в основном потому, что солнце по-прежнему ослепительно сияло в небе. Сознание подсказывало, что такое сочетание невозможно, но гусиная кожа и стучащие зубы говорили обратное. Она опустила рукава рубашки и ускорила шаг, жалея, что внезапный холод почему-то не сопровождается облачным покровом. Быстрая ходьба немного помогла ей согреться. Но потом пошел дождь.

Сначала повис туман, он сменился моросью и закончился мощными потоками воды. Волосы и одежда Лиссы моментально промокли, отчего она мерзла еще больше. И однако... солнце продолжало сиять, его лучи раздражали чувствительную кожу, но, увы, не грели.

«Магия, — поняла она. — Эта погода создана с помощью магии».

Очевидно, это тоже входило в испытание. Видимо, пользователи воды и воздуха объединенными магическими усилиями противостояли жаркой, солнечной погоде. Вот зачем ей нужен брезент — чтобы укрываться от солнца и дождя. Возникла мысль достать его и использовать наподобие плаща, но Лисса решила отложить это до конечной точки. Правда, она понятия не имела, как далеко до этой точки идти. Двадцать футов? Двадцать миль? Промокшая, она дрожала в ознобе. Ужасно!

Сотовый телефон в мешке — вот ее билет на выход. До конца дня было еще очень далеко. Сколько ей предстояло ждать окончания испытания? Все, что от нее требуется, — это сделать один-единственный звонок... и ее вытащат отсюда, и она снова окажется при дворе и будет заниматься тем, чем должна. Нет. В душе ее вспыхнул огонек решимости. Больше это испытание не имело отношения к морейскому трону — оно стало вызовом ей самой. Она всегда жила в уютной атмосфере защищенности, создаваемой усилиями других. Она вынесет это на свой страх и риск — и пройдет испытание.

Эта решимость помогла ей добраться до конца пути, обозначенного на карте, — окруженной деревьями полянки. Два невысоких деревца росли

достаточно близко друг к другу, и у Лиссы возникла мысль с помощью брезента устроить себе что-то вроде укрытия. Замерзшими, негнуцимыми пальцами она достала брезент из мешка и полностью развернула; по счастью, он оказался больше, чем она предполагала. Пока она возилась с ним, сооружая что-то вроде навеса, настроение начало подниматься. Закончив, она заползла под него, радуясь тому, что, по крайней мере, больше не под дождем.

Однако это не изменило того факта, что она насквозь промокла и что влажная земля раскисла и превратилась в грязь. Брезент не защищал и от холода. Ей стало обидно — ведь стражи говорили, что использовать магию во время испытания не позволено. Тогда она не думала, что магия ей понадобится, но сейчас отчетливо понимала, что пользователь воды, скажем, мог бы помешать дождю замочить себя. А еще лучше быть пользователем огня. Жаль, что с ней нет Кристиана. Его огонь и его объятия — это было бы приятно. В таких ситуациях от пользователя духа мало толку, разве что она переохладится и будет вынуждена исцелять себя (что всегда срабатывало хуже, чем на других людях). Нет, решила она. В этом испытании все преимущества на стороне пользователей воды и огня.

И тут ее осенило.

Костер!

Лисса выпрямилась. До этого момента она не осознавала, чем были кремь и огниво, но сейчас в сознании зашевелилось смутное воспоминание о том, как развести костер. Напрямую ее никогда этому не учили, но она точно знала: если ударить этими предметами друг о друга, возникнет искра... Вот только где взять сухое дерево? Все вокруг так промокло...

Разве что связка палочек у нее в мешке. Громко рассмеявшись, она развязала шнурок, достала их и там, куда не попадал дождь, расположила в позиции, пригодной, как ей казалось, для разжигания костра. И после этого задумалась, как нужно действовать с помощью кремня и огнива. В кино люди вроде бы просто ударяли ими друг о друга и высекали искру. Это она и сделала.

Ничего не произошло.

Она попыталась еще три раза; хорошее настроение пошло на убыль, сменившись разочарованием, которое усугублялось воздействием стихии духа. Я оттянула от нее немного тьмы — ровно столько, чтобы она смогла сосредоточиться. С четвертой попытки искра вылетела и погасла — но, по крайней мере, Лисса поняла принцип. Прошло довольно много времени, прежде чем она наловчилась высекать искры, но, попадая на дерево, они не

поджигали его. Ее настроение то падало, то подскакивало: надежда сменялась отчаянием.

«Не сдавайся! — хотелось мне сказать ей; я оттянула на себя еще чуточку негативных эмоций. — Только не сдавайся!»

Руки чесались преподать ей урок разжигания костра, но это находилось за пределами моих возможностей.

Наблюдая за Лиссой, я начала понимать, как сильно недооценивала ее ум. Я знала, что она в этом смысле человек выдающийся, но всегда воображала, что в подобной ситуации она окажется беспомощной. А вот и нет. Она смогла сообразить. Крошечная искра не могла поджечь деревянную палочку, для этого требовалось более сильное пламя. Нужно было что-то, что искра могла воспламенить. Но что? Ничего такого в промокшем лесу не было.

Ее взгляд упал на торчащую из мешка карту. Поколебавшись совсем немного, она разорвала ее и сложила обрывки поверх палочек. Судя по всему, она достигла конца пути, и карта большей ей не понадобится. Впрочем, сейчас было поздно думать об этом. Лисса надергала с подкладки мешка немного пушистой ткани и высыпала клочки на бумагу. И снова взяла кремь и огниво.

Выскочила искра, кусок бумаги мгновенно вспыхнул; но быстро сгорел, испуская клубы дыма. Лисса предприняла вторую попытку, наклонившись вперед и легонько дуя на бумагу, когда искра упала на нее. Возникло крошечное пламя, захватило соседний клочок и... снова погасло. Собрав всю свою решимость, Лисса попыталась в последний раз.

— Давай, давай... — бормотала она, как будто могла подчинить себе огонь.

На этот раз искра превратилась в маленькое пламя, а потом в пламя побольше, которое быстро пожирало все ее бумаги и пушинки. Я молилась, чтобы оно перекинулось на деревьяшки, но это случилось, только когда вся растопка почти подошла к концу. Лисса продолжала потихоньку дуть, и наконец костер разгорелся.

Его огня не хватило, чтобы противостоять пронизывающему холоду, но какое-то тепло костер давал. Лисса улыбнулась, и чувство гордости, которого она давно не испытывала, охватило её. В итоге она расслабилась, повела взглядом по промокшему лесу и увидела, как в отдалении мелькнуло еле различимое цветное пятно. Призвав на помощь стихию духа, она смогла лучше разглядеть, что это такое. Точно — спрятавшись вдали среди деревьев, стараясь не производить ни малейшего шума, стояли двое; она отчетливо видела их интенсивно окрашенные ауры. Лисса расплылась

в улыбке. Стражи. Или пользователи воды и огня, управляющие погодой. Никто из кандидатов на самом деле не оставался тут один. Рональд Озера мог по этому поводу не беспокоиться — хотя ведь он-то этого не знал. Только Лисса. Может, магия духа не так уж и бесполезна даже здесь.

Дождь начал стихать, тепло костра действовало успокаивающе. Сколько еще ждать? Она не знала, но почему-то казалось, что проблем с этим не будет...

— Роза? — Чей-то голос зывал ко мне, выдергивая из приключений Лиссы в дикой местности. — Роза, проснись... или как это назвать.

Я заморгала и сфокусировала взгляд на лице Сидни, находящемся всего в нескольких дюймах от моего.

— Что? С какой стати ты беспокоишь меня?

Она вздрогнула и резко отодвинулась, ничего больше не говоря. Пока я была с Лиссой, тьма, которую я из нее оттянула, не давала о себе знать, однако сейчас на меня нахлынули гнев и раздражение.

«Дело не в тебе, дело не в Сидни, — убеждала я себя. — Дело в тьме. Успокойся».

Нет, дух не возьмет надо мной власть! Я сделала глубокий вдох. Я сильнее. По крайней мере, я на это надеялась.

Сражаясь со своими негативными эмоциями, я оглянулась и вспомнила, что нахожусь в спальне Сони Карп. Все мои проблемы вернулись. В соседней комнате сидит связанная стригойка, которую мы едва одолели и которая, похоже, не настроена отвечать на наши вопросы.

Я перевела взгляд на Сидни, по-прежнему выглядевшую испуганной.

— Извини... Я не хотела набрасываться на тебя. Это просто от неожиданности.

Какое-то время она всматривалась в мое лицо, а потом кивнула. Ее страх ушел, и стало ясно, что она сильно обеспокоена.

— Что случилось? — спросила я.

Пока мы живы и Соня в ловушке, ничего такого уж плохого произойти не может.

Сидни отступила и скрестила на груди руки.

— Здесь Виктор Дашков и его брат.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Я вскочила с постели, радуясь, что твердо стою на ногах. Голова болела, но больше не кружилась; похоже, удалось избежать сотрясения мозга. Глянув на будильник в спальне Сони, я поняла, что провела с Лиссой несколько часов. Ее испытание длилось гораздо дольше, чем я осознавала.

Зрелище в гостиной показалось мне почти комическим. Там действительно стояли во плоти Виктор и Роберт. На этот раз, кажется, даже Роберт мысленно был с нами. Виктор оглядывался по сторонам, как обычно оценивая обстановку; внимание Роберта полностью сосредоточилось на Соне. От изумления глаза у него чуть не вылезли на лоб. Дмитрий по-прежнему стоял рядом с Соней, приставив кол к ее горлу. По выражению его лица было очевидно, что он рассматривает братьев как новую опасность и полон решимости противостоять сразу обоим, что было в принципе невозможно. Когда я вошла, его глаза выражали облегчение.

Соня сидела совершенно спокойно, но щурила глаза, что мне совсем не нравилось. Наверняка задумала что-то.

Вся ситуация выглядела напряженной и угрожающей, но я отчасти испытала удовлетворение, разглядывая Виктора воочию. Встречи во сне вводят в заблуждение. Как я могла во сне изменить свой облик, так и Виктор старался во время этих визитов выглядеть сильнее и здоровее, чем в реальной жизни. Возраст, болезнь и жизнь в бегах плохо сказались на нем. Под глазами залегли темные тени, седые волосы выглядели более редкими, чем месяц назад. Он казался осунувшимся и усталым, но я знала — он по-прежнему опасен.

— Значит, вы все-таки сумели найти нас, — заключила я, уперев руки в бока.

— В этом городе одно озеро, — ответил Виктор. — И один голубой дом. Может, вам этих сведений было мало, но мы не испытывали трудностей.

— Раз вы такие умные, что планируете делать дальше? — спросила я, стараясь говорить как можно спокойнее.

Тем временем мысли бешено проносились в голове — я обдумывала собственный план. Мне хотелось захватить Виктора и Роберта. Но как? Мы с Дмитрием не могли действовать сообща, поскольку наше внимание было распределено между братьями и Соней. Жаль, что у нас только одна цепь. Одолеть их физически недостаточно — необходимо связать им руки, чтобы

они не могли прибегнуть к магии.

— А раз вы такие умные, — парировал мой выпад Виктор, — надо полагать, вам уже удалось выудить у нее нужную информацию?

Я кивнула на Соню.

— Она не слишком общительна.

Виктор перевел на нее взгляд.

— Соня Карп. Ты изменилась с тех пор, когда мы в последний раз виделись.

— Я убью вас всех! — огрызнулась Соня. — И съем одного за другим. Обычно я начинаю с людей, потом перехожу к мороям, но... — Полным ярости взглядом она скользнула по мне и Дмитрию. — Думаю, я приберегу вас двоих напоследок, чтобы продлить ваши страдания. — Она помолчала и добавила (это прозвучало почти комически): — Вы больше всех надоели мне.

— Что, все стригои проходят через лагерь новобранцев, где их обучают одним и тем же угрозам? — Я снова посмотрела на Виктора. — Видите? Не так-то просто. Мы уже что только не испробовали. Били ее, пытали. Сидни перечисляла имена всех ее родственниц. Никакой реакции.

Виктор в первый раз обратил пристальное внимание на Сидни.

— А-а... Это и есть ваш домашний алхимик.

Сидни не двигалась, хотя, без сомнения, пришла в ужас, оказавшись лицом к лицу с тем, кто был не только вампиром, но и опасным преступником. Я накинула ей очков за то, что она не дрогнув встретилась с ним взглядом.

— Молоденькая, — удивился Виктор. — Хотя, если задуматься, так и должно быть, а иначе вам не удалось бы манипулировать ею, втянув в свои авантюры.

— Я здесь по собственному выбору, — ответила Сидни, сохраняя спокойствие и уверенность. — Никто мной не манипулирует.

Шантаж Эйба в данный момент не имел отношения к делу.

— Послушайте, если ваша единственная цель — мучить меня своими дурацкими замечаниями, могли бы продолжать встречаться со мной во сне! — взорвалась я. — Не можете предложить ничего толкового? Тогда убирайтесь отсюда, а мы будем дожидаться, пока от голода Соня ослабеет.

«Только не воображайте, — подумала я, — что и впрямь сможете убратся отсюда. Я собираюсь хорошенько стукнуть вас головами друг о друга и оттащить к стражам».

— Почему же? Мы в состоянии помочь. — Виктор легко коснулся плеча брата. Тот вздрогнул и вскинул на него взгляд. — Ваши методы

обречены на неудачу. Если хотите получить ответ, существует единственный способ...

И тут Соня сделала свой ход. Дмитрий по-прежнему оставался рядом с ней, но одновременно следил взглядом за остальными. И конечно, я полностью сосредоточилась на Викторе. Это был самый удобный момент, на какой Соня могла рассчитывать.

С безумной стригойской силой она рванулась из кресла. Цепь была много раз обмотана вокруг нее, но резкое движение и мощь позволили порвать ее в двух местах. Остальная часть все еще обхватывала ее, но я понимала — даже одной бреши достаточно, чтобы в конечном счете Соня сумела вырваться. Дмитрий мгновенно навалился на нее, спустя секунду то же сделала и я. Она билась в кресле, стремясь стряхнуть с себя цепь. Если ей удастся освободиться, нам придется туго. Наши с Дмитрием взгляды встретились — ясное дело, он точно так же оценивал ситуацию. Прежде всего, как нам снова обуздать Соню? Цепь, наверное, можно восстановить, но для этого нужно размотать ее и начать все сначала, что казалось за гранью возможного. Мы оба также понимали, что второй раз одолеть ее не получится, а теперь к тому же рядом находились те, кто не мог оказать ей сопротивления. Соня наверняка попытается использовать их к своей выгоде.

Нам оставалось только попытаться удержать ее, но сделать это было бы гораздо легче на плоской поверхности вроде пола, а не на громоздком кресле. Вдобавок оно сотрясало от ее резких движений, и мы всячески старались прижать его к полу. Я еще раньше положила на пол кол, но Дмитрий по-прежнему держал свой в руке и сейчас оцарапал им кожу Сони. Она дико завопила. Может, нам удастся вымотать ее? Вряд ли. Мы выдохнемся раньше. Голова у меня по-прежнему болела — очевидное доказательство того, что я не в лучшей форме.

Периферийным зрением я заметила стремительное движение в стороне — Роберт Дору устремился к нам с серебряным колом в руке! Зрелище было настолько странное и неожиданное, что я промешкала и не сразу предупредила о новой опасности Дмитрия. Когда же я вышла из ступора, было уже слишком поздно.

— Нет! — закричала я, увидев, что Роберт вскинул кол. — Не убивайте ее!

Дмитрий обернулся и тоже увидел Роберта, но что он мог поделать? Удерживая Соню, мы с Дмитрием предоставили Роберту прекрасную возможность — ее грудь была открыта для прямого удара.

«Что делать?» — лихорадочно пыталась сообразить я.

Чтобы остановить Роберта, я должна отпустить Соню. А если я не сумею остановить его, рухнет наш единственный шанс выяснить, кто...

Слишком поздно. Кол вошел в грудь Сони с изумившей меня силой. Лиссе было очень трудно заколоть Дмитрия, и я ожидала чего-то в этом роде от Роберта, который был старше ее и совсем не казался сильным. Ничего подобного. Правда, ему пришлось использовать обе руки, однако кол жестко вошел в грудь Сони и пронзил ей сердце.

Она жутко закричала. Внезапно вспыхнул яркий, ослепительный белый свет; одновременно невидимая сила отбросила меня прочь. Я ударилась о стену, но почти не почувствовала боли. Маленький дом задрожал. Одной рукой я попыталась ухватиться за что-нибудь и встать, но безуспешно. Защищаясь от света, я закрыла глаза, но под веками все равно вспыхивали звезды. Время остановилось. Мое сердце остановилось.

А потом... все прекратилось. Все. Свет. Дрожь. Я могла дышать. Тишина и спокойствие, как будто все случившееся мне просто почудилось.

Я заморгала, открыла глаза и постаралась оценить ситуацию. Неуклюже поднялась на ноги и увидела, что и Дмитрий встает. Похоже, его тоже отшвырнуло, но не шмякнуло о стену — он успел выставить перед собой руки. Роберт распростерся на полу, над ним склонился Виктор. Сидни стояла, будто окаменев.

А Соня?

— Невероятно... — прошептала я.

Соня по-прежнему сидела в кресле, плотно вжавшись в его спинку — по-видимому, под воздействием той же силы, которая разбросала нас. Цепи все еще опутывали ее, но она больше не вырывалась. На коленях у нее лежал кол Роберта, и Соня, сумев просунуть между петлями цепи руку, коснулась его. Ее глаза удивленно расширились — глаза глубокого лазурного цвета.

Роберт вернул Соню Карп к жизни. Она больше не была стригоем.

Когда Лисса спасла Дмитрия, я через нашу связь почувствовала взрыв магии невероятной силы; то есть какой-то опыт в этом смысле у меня был. Однако увидеть все своими глазами... Это было потрясающе, немыслимо, неправдоподобно. Виктор был занят Робертом, но остальные не могли отвести изумленных взглядов от Сони. Я вглядывалась, пытаюсь найти хоть малейший признак того, кем она была совсем недавно.

И ничего не находила. Бледная, как у всех морюев, кожа излучала тепло жизни и, казалось, приобрела легкий оттенок цвета — не как у стригоев, полностью лишенных пигмента. Глаза покраснели — но лишь потому, что быстро наливались слезами. И выражение этих глаз... Ни

злости, ни жестокости. Не глаза того, кто только что угрожал поубивать всех. Глаза, полные изумления, страха и смятения. Я не могла оторвать от нее взгляда.

Чудо. Еще одно чудо. Даже после возвращения к жизни Дмитрия в глубине души я считала, что никогда больше не стану свидетельницей ничего подобного. Чудеса ведь потому и чудеса, что случаются раз в жизни. Ходило много разговоров о том, чтобы с помощью духа спасти стригоев повсеместно, но эти разговоры быстро стихли, когда другая драма — убийство королевы — приковала к себе внимание двора. Этому способствовало и то, что пользователей духа очень мало; кроме того, все понимали, как нелегко морю заколоть стригоя. Если прошедшие обучение стражи погибали, сражаясь с ними, разве морей мог подступить к стригю? Теперь ответ был у меня перед глазами: кто-то должен удерживать стригоя. Тогда морей сможет нанести удар, в особенности двумя руками. Открывающиеся возможности потрясали. Роберт был очень силен в магии, но физически стар и немощен. И однако, если он сумел, значит, это под силу любому пользователю духа? К примеру, Адриану? Или Лиссе, еще раз?

Чудо. Вот оно, живое, дышащее чудо — Соня Карп.

Внезапно она закричала.

Поначалу это был скорбный вопль, но громкость звука быстро нарастала. Я растерялась, не зная, как реагировать. А вот Дмитрий знал. Кол выпал из его руки, он бросился к Соне и начал выпутывать ее из цепи. Она забарахталась при его прикосновении, но в ее движениях больше не было сверхъестественной силы не-мертвого монстра, жаждущего мщения; она выглядела отчаянно испуганной, не больше того.

Я очень старательно намотала цепь, но Дмитрий сумел снять ее за несколько секунд. Как только Соня освободилась, он сел в то же кресло и притянул ее к себе; она уткнулась лицом ему в грудь и разрыдалась. Дмитрий тоже плакал после своего возвращения. Перед моим внутренним взором возник странный образ новорожденных младенцев. Может, плач — естественная реакция того, кто только что родился или, в данном случае, возродился?

Внезапно какое-то движение привлекло мое внимание. Широко распахнув глаза, Сидни устремилась к Дмитрию — чтобы остановить его.

— Что ты делаешь? — воскликнула она. — Не отпускай ее!

Дмитрий не обращал внимания на Сидни, и я удержала ее, потянув назад.

— Все в порядке, все в порядке, — сказала я. На протяжении всей этой

операции Сидни была стабилизирующим фактором, и я не могла допустить, чтобы от волнения она утратила контроль над собой. — Она больше не стригой. Посмотри на нее. Она морой.

Сидни медленно покачала головой.

— Это невозможно. Я видела, как она вела себя совсем недавно.

— То же самое произошло и с Дмитрием. В точности то же самое. Ты ведь не считаешь его стригоем? Ты доверяешь ему.

Я отпустила Сидни, и она осталась на месте, настороженно глядя на Соню.

Я поглядела на братьев и поняла, что, возможно, с ними дело обстояло хуже, чем казалось. Роберт, однозначно не стригой, был почти так же мертвенно-бледен, как они. Глаза пусты, из приоткрытого рта сочилась слюна. Скорее всего, возвращение стригоя к жизни обошлось ему дороже, чем я предполагала. Вроде бы он заколот Соню как профессионал, но, очевидно, возникли побочные эффекты. Виктор, пытаясь поддержать брата, бормотал успокаивающие, подбадривающие слова. А на лице Виктора... Я никогда не видела у него такого выражения сострадания и ужаса. Это плохо вязалось с его однозначно мерзким, отталкивающим образом, прочно закрепившимся в моем сознании. Сейчас он выглядел как обычный человек.

Он поднял на меня взгляд, изогнув губы в горькой улыбке.

— Что, никаких саркастических реплик? А ведь ты должна быть счастлива. Мы дали вам то, что вы желали. Вы собирались задать Соне Карп вопросы? — Он кивнул на нее. — Так спрашивайте. Ее ответы дорого обошлись нам.

— Нет! — воскликнул Дмитрий; он по-прежнему прижимал Соню к себе, но лицо его посуровело. — Вы с ума сошли? Не понимаете, что произошло?

Виктор вскинул брови.

— Почему же? Я заметил.

— Она не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы! Она в шоке. Оставьте ее в покое.

— Нечего вести себя так, будто она тут пострадавшая сторона! — взорвался Виктор.

Он повернулся к брату, помог ему встать и подвел к кушетке. Ноги Роберта дрожали, а потом и вовсе подогнулись; он не сел, а рухнул. Виктор обхватил его рукой.

— С тобой все будет хорошо. Все наладится.

— Правда? — неуверенно спросила я. Выглядел Роберт... очень

скверно. Да, вряд ли пользователи духа смогут спасти стригоев в массовом порядке. — Он уже делал это и оправился. И Лисса чувствует себя прекрасно.

— Тогда Роберт был много моложе... как и Василиса сейчас. — Виктор похлопал брата по плечу. — Это не какое-то простое заклинание. Сделать это даже раз — уже грандиозный поступок. А дважды? Мы с тобой знаем, как работает дух, и этот подвиг высасывает силы из тела и разума. Роберт принес вам огромную жертву.

Да, так оно и было, судя по всему.

— Спасибо, Роберт, — сказала я.

Слова с трудом срывались с моих губ. Но Роберт, казалось, их не слышал.

Дмитрий встал, с легкостью держа на руках Соню. Она все еще плакала, правда, уже тише.

— Ей нужно отдохнуть, — угрюмо сказал он. — Поверьте мне, вы понятия не имеете, что сейчас творится у нее внутри.

— Ох, нет, я верю тебе, — ответила я.

— Идиоты! — бросил Виктор. — Вы оба!

Просто чудо, что взгляд Дмитрия не пришил его к стене.

— Пока никаких расспросов.

Я кивнула в знак согласия. Когда Лисса обратила Дмитрия, она тоже яростно защищала его. Конечно, Соню изменил не он, но он единственный здесь представлял себе, что она пережила. Я знала — тогда ему было трудно приспособиться к новому состоянию, он чувствовал себя потерянным, сбитым с толку. И это без учета последующей депрессии.

Он быстро прошагал мимо нас, неся Соню в спальню. Проводив их взглядом, Сидни посмотрела на кушетку, где Виктор по-прежнему обнимал брата. Потом она удивленно поглядела на меня.

— Я слышала... но не верила.

— Да я и сама все еще не верю, — сказала я. — Это против всех правил Вселенной.

К моему удивлению, она дотронулась до маленького золотого крестика у себя на шее.

— Некоторые правила выходят далеко за границы Вселенной.

Виктор встал, по-видимому удовлетворенный тем, что Роберт отдыхает. Я напряглась. Чудеса чудесами, но он оставался преступником, которого я намеревалась захватить. Он сделал шаг ко мне и заговорил, понизив голос:

— Прошу прощения за то, что прерываю лекцию по метафизике, но

тебе стоит прислушаться ко мне. Будь начеку, Роза. От тебя очень многое зависит. Не позволяй своему любимчику помешать вам выяснить то, что известно Соне.

— Но он прав! — воскликнула я. — Прошло всего пять минут! То, что она пережила... что они оба пережили... это грандиозно. Полное изменение жизни, буквально. Он тоже не сразу пришел в себя, даже не сразу осознал, что спасен. Освоившись с этой мыслью, Соня поможет нам.

— Ты уверена? — Он прищурился. — Она и впрямь думает, что спасена? Не забывай: Беликова превратили в стригоя против воли. С ней другой случай.

— Ч-что вы хотите сказать? Что она снова попытается стать стригоем?

— Я говорю вот что: поторопитесь с получением ответов. И не оставляйте ее одну.

Виктор удалился на кухню и вскоре вернулся со стаканом воды. Роберт жадно выпил ее, после чего крепко уснул. Я вздохнула и прислонилась к стене рядом с Сидни, чувствуя себя совершенно измотанной.

— Что теперь? — спросила Сидни.

Я покачала головой.

— Не знаю. Будем ждать, наверное.

Чуть позже вернулся Дмитрий и бросил взгляд на Роберта.

— Она тоже спит. Трансформация... Это очень тяжело.

Вид у него был измученный; хотелось бы знать, какие воспоминания одолевают его сейчас. О том, как он вернулся к жизни? О том, как был стригоем?

— Не думаю, что стоит оставлять Соню одну, — сказала я, заметив краем глаза ухмылку Виктора. — Кто-то должен оставаться с ней на случай, если она проснется. Возможно, она не будет понимать, что происходит.

Дмитрий несколько мгновений молча, пристально вглядывался в мое лицо. Он слишком хорошо меня знал, чтобы догадаться — на уме у меня что-то еще. По счастью, обнаружить брешь в логике моих рассуждений ему не удалось.

— Ты права. Не возражаешь посидеть с ней? — спросил он Сидни.

Я старалась подыскать нужные слова. Нет-нет, не Сидни! С ней должен быть тот, кто способен дать ей отпор — на всякий случай. Сидни, видимо, догадалась о возникшей у меня проблеме и избавила от необходимости лгать Дмитрию — или от того, чтобы сказать ему правду о своих тревогах.

— Она незнакома со мной, и неизвестно, как поведет себя, когда

проснется и увидит меня. Кроме того... — На лице Сидни возникло выражение отвращения, столь характерное для алхимиков. — Я, по правде говоря, не могу чувствовать себя спокойно с тем, кто пять минут назад был монстром.

— Она не стригой! — воскликнул Дмитрий. — Она полностью, абсолютно морой!

Даже меня немного напугала резкость в его голосе, однако его реакция не удивила меня. Ему самому было очень нелегко убедить всех, что он снова стал прежним.

— Знаю, в это трудно поверить, — добавил он уже мягче, — но она действительно изменилась.

— Я побуду с ней, — предложила я.

— Нет-нет. — Дмитрий покачал головой. — Сидни права в одном: Соня может почувствовать себя сбитой с толку. Лучше побыть с ней тому, кто хорошо понимает, что произошло.

Я хотела было возразить, что по-настоящему Соня знает только меня, но потом решила, что, пожалуй, останусь с братьями. Сейчас они выглядели безвредными, но я не доверяла им. Дмитрий, по-видимому, тоже. Он подошел ко мне и прошептал на ухо:

— Не спускай с них глаз. Сейчас Роберту плохо, но он может оправиться быстрее, чем мы думаем.

— Знаю.

Он сделал несколько шагов, но потом остановился, обернулся и посмотрел на меня задумчиво и даже с каким-то благоговением.

— Роза?

— Да?

— То же самое... То же самое было и когда Лисса изменила меня?

— Более или менее.

— Я не отдавал себе отчета... Это было... — Казалось, он с трудом подыскивает слова, что было очень не похоже на него. — То, как свет залил комнату... То, как Соня изменилась... Увидеть, как из смерти возникает жизнь... Это было...

— Прекрасно?

Он кивнул.

— Обретенную таким образом жизнь... нельзя тратить впустую.

— Да, нельзя, — согласилась я.

Я заметила — что-то в нем изменилось. Совсем немного, ну как тогда, в проулке, но я понимала, что ужас его прежнего стригойского существования давит на него чуточку меньше.

Больше он ничего не добавил. Я провожала его взглядом, пока он уходил. Поскольку делать было нечего, Сидни уселась на полу, скрестив ноги и положив на колени книгу. Закрытую — чувствовалось, что мысли алхимика витают где-то далеко. Виктор тем временем опустился в кресло и откинулся на спинку. Он выглядел не так плохо, как Роберт, но чувствовалось, что оба брата сильно устали. Это хорошо. Чем дольше они будут оставаться не в форме, тем лучше для нас. Я принесла из кухни кресло и тоже села. Все было спокойно.

Я чувствовала себя сиделкой, в какой роли, собственно, и выступала. День выдался долгим, за окнами скоро стемнеет. Это тревожило меня. Судя по всему, у Сони есть знакомые стригои; что, если они заглянут сюда? Она не была среди них изгоем, иначе откуда бы Донован знал о ней? Я должна быть особенно бдительна, а ведь усталость сказывалась и на мне. Братья уже спали. Сидни, видимо следуя своему человеческому расписанию, нашла одеяло, подушку и устроила что-то вроде постели на полу.

А я? Сейчас я застряла где-то между человеческим и вампирским графиком жизни; Дмитрий, по-моему, тоже. На самом деле мы жили по расписанию «делай, что должно», в котором долгому сну места не было.

Внезапно по связи до меня докатилась волна возбуждения и изумления. Эти чувства не указывали ни на какую опасность, но любопытство подтолкнуло меня проверить, как там Лисса. Я знаю — даже в те моменты, когда я проникаю в ее сознание, мое тело остается настороже. Почему бы не посмотреть, как Лисса завершила испытание?

Конечно же, прекрасно. Она ехала назад, ко двору, усталая, но довольная собой. И не одна она. Все ее спутники, похоже, ощущали то же самое... все, за исключением Эйвы Дроздовой. Она единственная не выдержала и воспользовалась телефоном, чтобы попросить о помощи. Лиссу это удивило. После утреннего нытья Маркуса Лазара казалось более вероятным, что именно он сдастся. Но нет, этот хоть и немолодой человек справился; следовательно, он будет участвовать и в дальнейших испытаниях. Эйва старалась не встречаться ни с кем взглядом, с унылым видом уставившись в окно. Место в Совете оставалось за ней, но королевой ей однозначно не быть.

Лисса сочувствовала ей, но не очень. Испытания для того и предназначены — чтобы отобрать лучших. Кроме того, у Лиссы были и свои проблемы. Бодрствование в светлое время дня нарушало нормальный вампирский режим, и сейчас ей больше всего хотелось вернуться, уйти в свою комнату и несколько часов спокойно поспать.

Вместо этого по возвращении она обнаружила, что их ожидает целая

толпа.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Парковка находилась на окраине двора, поэтому Лисса была поражена, увидев, что все пространство заполнено взволнованными мороями. Между ними, словно призраки, сновали стражи — прямо как во время выдвижения кандидатов, — по возможности поддерживая порядок. Пока фургоны пробивались к гаражам, толпа продолжала расти, люди заглядывали в окна, стараясь разглядеть кандидатов.

Лисса с ужасом смотрела на толпу, опасаясь вылезать из машины. Ариана успокаивающе улыбнулась ей.

— Это нормально. Их интересует одно — кто выбыл, а кто нет. А вот кто больше всех сгорит от любопытства.

Она кивком указала в сторону переднего фургона, и через ветровое стекло Лисса разглядела шесть других кандидатов. Поскольку испытание в лесу было подготовлено только для шести человек, группу разделили пополам. Остальные кандидаты пройдут проверку завтра.

Лисса привыкла к тому, что королевские морои соблюдают порядок и правила приличия, и такое их возбуждение удивило ее. Конечно, в толпе были и прибывшие ко двору простые морои. Все толкались, заглядывали через головы друг друга в попытке выяснить результаты, выкрикивали имена некоторых кандидатов. Мне даже показалось странным, что это не сопровождается песнями и размахиванием флагов.

Лиссу и ее спутников, вышедших из фургона, встретили приветственными криками, быстро прокатившимися по всей толпе. Почти сразу стало ясно, кто выдержал испытание, а кто нет. Толпа еще больше наэлектризовалась. Лисса застыла на месте, растерянно оглядываясь по сторонам. Одно дело — деловито обсуждать с друзьями преимущества ее выдвижения, и совсем другое — внезапно почувствовать на себе, что на самом деле означают выборы.

Она была сосредоточена на нескольких вещах: моя безопасность, поиски убийцы, прохождение испытаний. Сейчас, глядя на толпу, она осознала, что выборы значительнее ее, значительнее всего, что она могла себе представить. Для собравшихся здесь это была не шутка и не жульничество, чтобы использовать брешь в законе и оттянуть время. На кону буквально стояла их жизнь. Морои и дампирь, живущие в других странах, подчинялись законам этих стран, но одновременно подчинялись здешнему правительству, чья власть распространялась далеко за пределами

двора, по всему миру, на всех мороев и дампилов, считающих себя членами нашего сообщества. Да, монарха выбирали мы, но потом наше будущее формировал именно он.

В конце концов стражи позволили членам королевских семей пробиться сквозь толпу и забрать своих кандидатов. У Лиссы никого не было. Джанин и Эдди, вопреки тому, что заявляли раньше, не могли проводить с ней сутки напролет все семь дней в неделю; и семьи у нее не было. Она медленно шла сквозь хаос, ошеломленная этим моментом осознания. В душе ее сражались противоречивые эмоции. Она обманывала всех, но только сейчас ощутила, что это низко; возникло желание немедленно пойти и снять свою кандидатуру. В то же время внезапно ей захотелось быть достойной этих выборов, захотелось идти с гордо поднятой головой, успешно выдержать испытания, пусть даже она участвует в них по своим, скрытым мотивам.

Наконец сильная рука легла ей на плечо. Кристиан.

— Давай выбираться отсюда. — Он потянул ее за собой, проталкиваясь сквозь толпу. — Эй, не хотите немного помочь принцессе?

Последние слова были обращены к стоящим неподалеку стражам.

Впервые на моих глазах он повел себя как королевский морой, опирающийся на власть, данную ему по праву рождения. Для меня он был ехидным, циничным Кристианом. По правилам же морейского сообщества и поскольку ему уже исполнилось восемнадцать, формально его можно было рассматривать как лорда Озера. Я совсем забыла об этом; но стражи — нет. Они ринулись к Лиссе, помогая Кристиану пробираться сквозь толпу. Лица вокруг нее слились в неясное пятно, шум — в глухой рев. И все же иногда что-то доходило до сознания. Люди выкрикивали ее имя, говорили о возвращении дракона, который был символом семьи Драгомир.

«Все это на самом деле, — билось у нее в голове. — Это реальность».

Стражи успешно вывели Лиссу из толпы и, убедившись, что ей ничто не угрожает, оставили ее на пути к дому, где она жила. Она любезно поблагодарила их за помощь. Наконец они с Кристианом оказались в ее комнате, и она рухнула на постель, все еще не придя в себя окончательно.

— О господи! Просто безумие какое-то.

Кристиан улыбнулся.

— Что именно? То, как вас встречали? Или само испытание? Не совсем понимаю, о чем ты.

Лисса оглядела себя. По дороге домой ей дали бумажные полотенца, но одежда все еще оставалась влажной и мятой. Туфли и джинсы были в грязи, а на что похожи волосы, даже думать не хотелось.

— Да, мы... — Слова застряли у нее в горле — и не потому, что она внезапно раздумала произносить их. — Не могу рассказать. Заклинание не позволяет.

— Какое заклинание? — спросил он.

Лисса закатала рукав, приподняла повязку и продемонстрировала ему крошечную татуировку в виде точки.

— Это заклинание принуждения, лишаящее возможности рассказывать об испытании. Вроде того, что у алхимиков.

Кристиан явно был впечатлен.

— Здорово! А я никогда не верил, что заклинания алхимиков работают.

— Видимо, работают. Очень странное ощущение. Я хочу рассказать, но просто... не могу.

— Все в порядке. — Он откинул в сторону пряди ее влажных волос. — Ты выдержала, вот что важно. Думай лучше об этом.

— Единственное, о чем я могу думать в данный момент, — это душ... В некотором роде забавно. Учитывая, как я промокла.

Тем не менее она не двигалась, уставившись на дальнюю стену.

— Да что тебя беспокоит? — мягко спросил Кристиан. — Испугалась толпы?

Она перевела на него взгляд.

— Нет, дело не в этом. Конечно, впечатление от этого скопления было пугающее. Но просто я внезапно поняла... Ну, не знаю. Поняла, что я — часть очень значительного процесса, который продолжается с...

— С начала времен? — поддразнил ее Кристиан, цитируя нелепое высказывание Натана.

— Почти. — На губах Лиссы возникла улыбка и тут же угасла. — Дело не только в традициях, Кристиан. Выборы — ключевая составляющая жизни нашего общества. Прочно укоренившаяся. Мы можем обсуждать возрастной закон, или необходимость учиться сражаться, или что угодно еще. Но это нечто древнее. И влекущее за собой очень серьезные последствия. Далеко не все собравшиеся там американцы, многие съехались из самых разных стран. Я иногда забываю, что, каким бы ни был двор, он правит морями повсюду. То, что происходит здесь, оказывает воздействие на весь наш мир.

— И как ты вписываешься во все это?

Лисса, погрузившись в свои мысли, не могла воспринимать Кристиана так объективно, как я. Он знал Лиссу, понимал и любил ее. Между ними существовало созвучие, очень похожее на то, что было у нас с Дмитрием. Временами, однако, он не мог понять мысли Лиссы. Он никогда не

признавался в этом, но я знаю, что отчасти он любит ее потому, что Лисса — в отличие от меня, натуры импульсивной, — всегда казалась воплощением спокойствия и разумности. А потом она вдруг делала что-то совершенно неожиданное. Такие моменты восхищали его — хотя иногда и пугали, потому что он никогда не знал точно, какую роль в ее действиях играет стихия духа. Сейчас был как раз такой случай. Кристиан знал, что эта история с выборами сильно действует на нее, и, как и я, предполагал, что может стать еще хуже.

— Я хочу воспринимать эти испытания серьезно, — объяснила Лисса. — Это... Это позор — относиться к ним иначе. Оскорбление нашего сообщества. Моя первоначальная цель — выяснить, кто подставил Розу, — неизменна, но в то же время... Я хочу пройти через эти проверки как реальный кандидат на королевский трон.

Кристиан на мгновение заколебался — большая редкость для него.

— Ты хочешь стать королевой?

Это выдернуло Лиссу из философских мечтаний на тему традиций и чести.

— Нет! Конечно нет. Мне всего восемнадцать. Я еще даже не имею права пить спиртное.

— Что никогда не мешало тебе делать это.

Теперь Кристиан стал более похож на самого себя.

— Серьезно! Я хочу учиться в университете. Хочу вернуть сюда Розу. И не хочу править морями.

Озорные искорки вспыхнули в голубых глазах Кристиана.

— Знаешь, тетя Таша любит шутить на тему того, что ты на самом деле была бы лучшей королевой, чем остальные, но иногда... Иногда мне кажется, что она не шутит.

Лисса застонала и растянулась на постели.

— Она мне нравится, но необходимо держать ее под контролем. Если кто и в состоянии добиться, чтобы этот закон изменили, так это она и ее активисты.

— Да не беспокойся. У этих ее «активистов» есть одна особенность — они так многим недовольны, что обычно их внимание быстро рассеивается. — Кристиан тоже лег и притянул Лиссу к себе. — Но если уж на то пошло, я тоже думаю, что ты была бы замечательной королевой, принцесса Драгомир.

— Смотри, испачкаешься.

— Подумаешь! — Он обнял ее, не обращая внимания на влажную и грязную одежду. — Большую часть своего детства я прятался на пыльном

чердаке и у меня была одна-единственная белая рубашка. Ты всерьез думаешь, что меня заботит эта тенниска?

Она рассмеялась и поцеловала его, на мгновение выкинув из головы все тревоги и просто наслаждаясь ощущением его губ. Учítывая, что они лежали на постели, я задумалась — не пора ли удалиться? Спустя несколько мгновений Лисса оторвалась от него и удовлетворенно вздохнула.

— Знаешь, иногда я думаю, что люблю тебя.

— Иногда? — с притворным возмущением спросил он.

Она взъерошила ему волосы.

— Все время. Но я не должна давать тебе расслабляться.

— Думаю, у тебя получается.

Он снова потянулся к ее губам, но замер, услышав стук в дверь. Лисса слегка отодвинулась, но не размыкала объятий.

— Не отвечай, — попросил Кристиан.

Лисса нахмурилась, выскользнула из его рук, встала и подошла к двери. Немного не дойдя до нее, она сказала:

— Это Адриан.

— Тем более не открывай, — настаивал Кристиан.

Не обращая на него внимания, Лисса открыла дверь, и, конечно, там стоял мой беспечный бойфренд. За спиной Лиссы Кристиан пробормотал:

— Не. Вовремя. Как. Всегда.

Адриан оглядел Лиссу и перевел взгляд на развалившегося на постели Кристиана.

— Ха! — Он вошел внутрь. — Вот, значит, как ты намерена решить свою семейную проблему. Куча маленьких Драгомиров. Хорошая идея.

Кристиан поднялся и подошел к нему.

— Именно. Ты помешал осуществлению официального задания Совета.

Адриан был одет как обычно, в джинсы и черную тенниску, хотя на нем они выглядели так, будто это одежда от дизайнера. Скорее всего, так и было. Господи, я соскучилась по нему! Я соскучилась по всем моим друзьям.

— Что случилось? — спросила Лисса.

Кристиан, похоже, воспринял появление Адриана как личное оскорбление, а вот Лисса понимала — он не пришел бы сюда без серьезной причины, в особенности так рано утром, по моройским понятиям. Хотя, как обычно, на его губах играла ленивая улыбка, в ауре ощущались волнение и напряженность. У него явно были какие-то новости.

— Я заманил его, — сообщил Адриан.

— Кого? — удивилась Лисса.

— Этого идиота Блейка Лазара.

— Что значит «заманил»? — так же недоуменно спросил Кристиан. — Установил полицейскую засаду на теннисном корте или что-то в этом роде?

— Хотелось бы. Он помешан на «Горящей стреле». Я только что оплатил ему порцию этого коктейля, так что, если поторопитесь, он будет там. Я сказал, что пошел покурить.

Втянув исходящий от Адриана запах, Лисса почувствовала, что он действительно только что курил. И скорее всего, выпивал.

— Ты так рано заходил в бар?

Адриан пожал плечами.

— Для людей это совсем не рано.

— Но ты не...

— Брось, кузина. — Цвета ауры Адриана не выглядели приглушенными, как у сильно пьяного, но да, он определенно выпил несколько порций. — Если красавчик Эмброуз прав насчет тети Татьяны, то этот парень может назвать имена других ревнивых женщин.

— Почему ты сам у него не спросил? — поинтересовался Кристиан.

— Потому что это неправильно и тяжело для меня — задавать вопросы насчет личной жизни тети. Тогда как Блейк будет счастлив поболтать с очаровательной принцессой.

Лиссе очень хотелось в постель, но возможность выяснить что-то полезное для меня породила новый всплеск энергии.

— Хорошо, дай мне только переодеться и расчесать волосы.

Переодеваясь в ванной, она слышала, как Адриан говорит Кристиану:

— Ну и грязная у тебя рубашка! Мог бы и принарядиться для встречи с принцессой.

Спустя примерно пятнадцать минут троица быстро пересекала двор, направляясь в сторону маленького бара в одном из административных зданий. Я бывала там и поначалу подумала, что это довольно странное место для такого заведения. Однако после всей этой возни с документами решила, что если бы была обречена на такую работу всю жизнь, то наверняка захотела бы иметь под рукой место, где можно быстро «приободриться».

Бар был тускло освещен — для создания настроения и для удобства мороев. Время действительно было по морейским меркам раннее, и в баре сидели всего двое клиентов. Адриан подал знак барменше; видимо, это был условный сигнал, потому что она тут же начала разливать спиртное.

— Эй, Ивашков! Куда ты подевался?

Оглянувшись на голос, Лисса заметила парня, одиноко сидящего за угловым столиком. Подходя к нему вслед за Адрианом, она разглядела, что парень молод — примерно ровесник Адриана — с вьющимися черными волосами и яркими зеленовато-голубыми глазами, по цвету похожими на галстук, в котором я видела Эйба в последний раз. Как будто кто-то взял потрясающие краски глаз Адриана и Кристиана и смешал их. Его стройное, мускулистое тело произвело впечатление даже на Лиссу, имеющую бойфренда; парень показался ей очень сексуальным.

— Да вот, искал компанию поприятнее, — ответил Адриан, отодвигая кресло.

Тут морой разглядел его спутников и вскочил. Взял руку Лиссы, наклонился и поцеловал ее.

— Принцесса Драгомир! Это честь для меня — наконец встретиться с вами. Издалека вы казались прекрасной. Но вблизи? Божественной!

— Это, — многозначительно представил его Адриан, — и есть Блейк Лазар.

— Рада познакомиться с тобой, — сказала Лисса.

Блейк просиял.

— Могу я называть вас Василисой?

— Можешь называть меня Лиссой.

— И можешь наконец отпустить ее руку, — добавил Кристиан.

Блейк оглядел его и еще на несколько мгновений задержал руку Лиссы — по-видимому, очень гордый этими лишними секундами.

— Тебя я тоже видел. Озера. Криспин.

— Кристиан, — поправила его Лисса.

— Ага. — Блейк, продолжая разыгрывать из себя джентльмена, подвинул ей кресло. — Прошу вас, садитесь. — Кристиану он такого предложения не сделал, и тот, помедлив мгновение, сел рядом с Лиссой. — Что будете пить? За мой счет.

— Ничего, — ответила Лисса.

В этот момент барменша принесла выпивку для Адриана и Блейка.

— Никогда не слишком рано. Спросите Ивашкова. Ты начинаешь пить, едва выбравшись из постели?

— У меня на ночном столике стоит бутылка скотча, — обычным своим легкомысленным тоном заявил Адриан.

Лисса вгляделась в его ауру, ярко-золотистую, как у всех пользователей духа, но слегка мутную от алкоголя. Также она была окрашена красным — еще не злость, но уже раздражение. Лисса вспомнила, что и Адриан, и

Эмброуз плохо отзывались об этом парне.

— И что же привело сюда вас и Кристофера? — спросил Блейк.

Допив стакан чего-то янтарного цвета, он поставил его рядом с новым.

— Кристиан, — сквозь зубы процедил Кристиан.

— Раньше мы говорили о моей тете, — сказал Адриан, сумев сохранить тот же легкий тон.

Как сильно ни желал он обелить меня, обсуждать детали убийства Татьяны ему было явно неприятно. Улыбка Блейка слегка привяла.

— Да, это большая печаль для вас обоих. — Эти слова были адресованы Адриану и Лиссе; с таким же успехом Кристиана вообще могло не существовать. — Сочувствую также и по поводу Хэзевей, — добавил он, обращаясь к одной Лиссе. — Я слышал, как вы были огорчены. Кто мог ожидать, что такое произойдет?

Лисса поняла, что он имеет в виду ее притворное возмущение и огорчение из-за меня.

— Наверное, никогда по-настоящему не знаешь людей, даже близких, — с горечью сказала она. — На самом деле был миллион признаков. Я просто не обращала на них внимания.

— Ты, наверное, тоже переживаешь, — заметил Кристиан. — Говорят, вы с королевой были близки. Ну, типа того.

Улыбка Блейка вернулась.

— Да... Мы очень хорошо знали друг друга. Мне недостает ее. Может, некоторым она казалась холодной, но, поверьте, она умела хорошо проводить время. — Блейк глянул на Адриана. — Тебе это наверняка известно.

— Не в том смысле, как тебе. — Адриан сделал глоток из стакана. Думаю, он нуждался в этом, чтобы сдержать раздражение, и, честно говоря, я не осуждала его. На самом деле я восхищалась его самообладанием, потому что на его месте давно врезала бы Блейку. — Или Эмброузу.

Улыбка исчезла, Блейк нахмурился.

— Ему? Этой кровавой шлюхе мужского пола? Он не заслуживал того, чтобы даже находиться рядом с ней. Прямо не верится, что ему позволили остаться при дворе.

— На самом деле он считает, что это ты убил королеву, — сказала Лисса и поспешно добавила: — Что, конечно, совершенно нелепо. Ведь все улики указывают на Розу.

Ну точно этого Эмброуз не говорил, но Лиссе хотелось увидеть реакцию Блейка.

— Что он считает? — Да, теперь не осталось и намека на улыбку. Без

нее Блейк неожиданно стал выглядеть не таким уж привлекательным. — Лживый подонок! У меня есть алиби, и ему это известно. Он просто злится, потому что меня она любила больше.

— Тогда почему она держала его при себе? — спросил Кристиан с почти ангельским выражением лица. — Тебя, что ли, было недостаточно?

Блейк вперил в него злобный взгляд и одним глотком опустошил новый стакан. Словно по мановению волшебной палочки, рядом мгновенно возникла барменша с очередной порцией спиртного. Блейк кивком поблагодарил ее.

— Нет, меня было больше чем достаточно. Больше чем достаточно для дюжины женщин, но я не ходил на сторону, как он.

Каждое упоминание о личной жизни Татьяны явно причиняло Адриану боль. Тем не менее он сдерживался и продолжал играть свою роль.

— По-видимому, ты имеешь в виду, что у Эмброуза были другие девушки?

— Ага. Правда, «девушки» — это сильно сказано. Все они женщины в возрасте и, если честно, думаю, платят ему. Правда, у твоей мамы нет нужды платить кому бы то ни было. Она и сейчас что надо. Понимаешь, я в том смысле, что она могла быть с ним и без этого, но раз уж так повелось...

На мгновение все оторопели, не понимая, что имеет в виду Блейк. Первым сообразил Адриан.

— Что ты сказал?

— Ох! — Блейк как будто удивился, хотя трудно было сказать, насколько искренне. — Я думал, ты знаешь. Твоя мама и Эмброуз... Ну кто осудит ее? При том, какой у тебя отец. Хотя, строго между нами, думаю, она могла найти кого-нибудь и получше.

Лисса заметила, что аура Адриана запылала красным.

— Сукин сын! — По натуре Адриан не боец, но все когда-нибудь бывает в первый раз — а Блейк перешел черту. — Мама не изменяет папе. И даже если бы изменяла... Ей, черт побери, не пришлось бы платить за это.

Блейк выглядел безмятежным; может, действительно стоило бы врезать ему? Лисса положила руку Адриану на плечо и мягко сжала его.

— Успокойся.

Я ощутила легкое покалывание успокаивающего принуждения. Адриан тоже немедленно почувствовал его и отодвинулся, одарив Лиссу взглядом, отчетливо говорящим, что такая помощь ему не нравится.

— Мне казалось, ты не любишь отца, — продолжал Блейк, даже не

догадываясь о том, что его откровения могут кого-то огорчить. — Кроме того, нечего злиться на меня. Я-то с ней не спал. Просто говорю, что слышал. Если уж тебе так хочется обвинять кого-то в убийстве, обвиняй Эмброуза.

Лисса вмешалась в разговор, чтобы помешать Адриану ответить.

— Сколько у него было женщин? Ты знаешь, у кого еще была связь с Эмброузом?

— Знаю только трех. — Называя имена, Блейк загибал пальцы. — Марта Дроздова и Мирабель Конта. Поймите. Это два. Я имел в виду, что с Даниэлой получается три. Но вместе с королевой их было четыре. Да, четыре.

Математические ошибки Блейка Лиссу не волновали, хотя они подтверждали справедливость того, что Адриан охарактеризовал его как идиота. Марта Дроздова — довольно известная королевская морейка, в престарелом возрасте увлекавшаяся путешествиями по миру. По мнению Лиссы, большую часть года она проводила не в Америке и уж тем более не при дворе. Когда и зачем она могла убить Татьяну? В это плохо верилось. Что касается Мирабель Конты... Она тоже пользовалась славой, но, скорее, дурной. Она переспала с половиной мужчин при дворе, и холостых, и женатых. Лисса плохо знала ее, но Мирабель не производила впечатления женщины, стремящейся иметь связь с одним-единственным мужчиной.

— То, что Эмброуз спал с другими женщинами, еще не повод, чтобы убивать королеву, — заметила Лисса.

— Конечно, — согласился Блейк. — Как я уже говорил, ясно, что это сделала девчонка Хэзевей. — Он помолчал. — Чертовски жаль. Она такая сексуальная. Господи, это тело! Как бы то ни было, если Эмброуз убил Татьяну, то не из-за всех этих женщин, с которыми он спал, а из-за ревности ко мне. Потому что она больше любила меня.

— Почему бы Эмброузу просто не убить тебя? — спросил Кристиан. — В этом больше смысла.

Ответить Блейк не успел — Адриан был еще в плену прежней темы. Его глаза вспыхнули от гнева.

— Моя мать не спала ни с кем. Она даже с отцом не спит.

До Блейка по-прежнему не доходило, как сильно он задел Адриана.

— Да что ты, я видел их. Они были очень увлечены друг другом. Я ведь говорил, твоя мать такая крутая...

— Прекрати! — прервала его Лисса. — От твоих объяснений только хуже!

Адриан стиснул свой стакан.

— От всего только хуже! — Ясное дело, все пошло совсем не так, как он рассчитывал, когда постучал в дверь Лиссы. — И я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать всякую чушь!

Адриан прикончил спиртное, вскочил и кинулся к выходу, бросив барменше купюру.

— Бедняга. — Блейк снова излучал спокойствие и самоуверенность. — Ему здорово досталось — тетя, мама, подружка-убийца. Вот почему по большому счету нельзя доверять женщинам. — Он подмигнул Лиссе. — К присутствующим это не относится, конечно.

Лисса, как и Адриан, испытывала к нему отвращение. Хмурое лицо Кристиана свидетельствовало о том, что его обуревают те же чувства. Пора уходить, пока кто-нибудь действительно не врезал Блейку.

— Что ж, приятно было поболтать с тобой, но нам нужно идти.

Блейк одарил ее восхищенным щенячьим взглядом.

— Но ты только что пришла! Я надеялся, что мы сможем лучше узнать друг друга. — Не стоило говорить, что он понимает под этим. — О, и Крескин тоже.

На этот раз Кристиан даже не потрудился поправлять его, просто взял Лиссу за руку.

— Нам пора.

Блейк пожал плечами и взмахом руки заказал еще выпивки.

— Что ж, в любой момент, когда возникнет желание расширить свое знание мира, просто найди меня.

Кристиан и Лисса направились к двери.

— Надеюсь, последнее замечание относится к тебе, не ко мне, — пробормотал Кристиан.

— Расширить свое знание такого мира мне совсем не хочется. — Лисса состроила гримасу.

Они вышли, и она оглянулась в поисках Адриана. Увы. Он ушел, и она не осуждала его.

— Понятно, почему Эмброуз и Адриан недолюбливают его, — задумчиво произнесла Лисса. — Он такой...

— ...козел? — подсказал Кристиан, сворачивая к ее дому.

— Наверное.

— Настолько, что способен убить?

— Честно? Нет. — Лисса вздохнула. — Знаешь, я согласна с Эмброузом... У Блейка не хватило бы ума совершить убийство. Да и мотива у него нет. Я могу сказать, лжет человек или нет, по его ауре, и он, казалось, был честен. Ты вроде бы пошутил, но, если уж совершать

убийство из ревности, почему бы этим парням и впрямь не поубивать друг друга? Это гораздо легче.

— У обоих был доступ к Татьяне, — напомнил ей Кристиан.

— Знаю. Но если здесь замешаны любовь и секс... Скорее это сделал тот, кто ревновал к королеве. Женщина.

Повисло долгое, многозначительное молчание — ни один из них не хотел выражать словами то, что, по-видимому, было у обоих на уме. Наконец заговорил Кристиан:

— К примеру, Даниэлла Ивашкова?

Лисса покачала головой.

— Как-то не верится. Она не похожа на убийцу.

— Убийцы всегда не похожи на убийц. Вот почему это сходит им с рук.

— Ты что, изучал криминологию?

— Нет. — Он открыл перед Лиссой дверь. — Просто сопоставляю некоторые факты. Нам известно, что мать Адриана испытывала личную неприязнь к Татьяне. Теперь выясняется, что они делили одного парня.

— У нее есть алиби, — с каменным выражением лица сказала Лисса.

— У всех есть алиби. И насколько нам известно, некоторые из них оплачены. Собственно, именно Даниэлла заплатила за одно.

— Все равно не могу поверить. По крайней мере, пока не появятся новые доказательства. Эмброуз клялся, что убийство политическое, не на личной почве.

— Эмброуз и сам остается в списке.

Они вошли в комнату Лиссы.

— Это тяжелее, чем я думала.

Кристиан обнял ее.

— Знаю. Но мы будем действовать вместе и во всем разберемся. Правда... возможно, нам нужно кое-что утаить. Может, я принимаю все это слишком близко к сердцу, но, мне кажется, будет лучше, если мы никогда не откроем Адриану, что у его матери был превосходный мотив убить его тетю.

— Думаешь?

Она прислонила голову к его груди и зевнула. Кристиан подвел ее к постели.

— Ложись-ка.

— Мне нужен душ.

— Сначала поспи, потом примешь душ. — Он откинул одеяло. — Я посплю с тобой.

— Поспишь или переспишь? — прозаично спросила она, залезая в постель.

— На самом деле посплю. Тебе необходимо отдохнуть. — Он улегся рядом и уткнулся лицом ей в плечо. — Конечно, позже, если ты захочешь выполнить официальное задание Совета...

— Клянусь, если ты заговоришь о «маленьких Драгомирах», то будешь спать в коридоре.

Я была уверена, что сейчас последует запатентованная острота Кристиана, но тут в дверь снова постучали. Он умоляюще посмотрел на Лиссу.

— Не отвечай. Я серьезно на этот раз.

Однако Лисса ничего не могла с собой поделать.

Она вырвалась из его объятий и сползла с постели.

— Это не Адриан...

— Значит, ничего важного.

— Этого мы не знаем.

Она открыла дверь и увидела... мою мать. Джанин Хэзевей ворвалась в комнату, острым взглядом обшаривая ее в поисках возможной угрозы.

— Прости, что меня не было, когда ты вернулась, — сказала она Лиссе. — Мы с Эдди хотели сменять друг друга, но нас обоих еще раньше вызвали по делу. — Она оглядела смятую постель, Кристиана на ней, но, не склонная к романтике, вывод сделала прагматический. — Как раз вовремя. Я посчитала, что ты захочешь отдохнуть после испытания. Не беспокойся — я покараулю и позабочусь, чтобы ничего не произошло.

Кристиан и Лисса с грустью посмотрели друг на друга.

— Спасибо, — сказала Лисса.

ДВАДЦАТЬ

— Тебе нужно поспать.

От негромкого голоса Сидни я вздрогнула, что доказывало — даже пребывая в сознании Лиссы, я остаюсь настороже. Я вернулась в темную гостиную Сони. Все было тихо и спокойно.

— Ты выглядишь как ходячий мертвец, — продолжала она, — и уж поверь мне, я знаю, что говорю.

— Я должна оставаться на страже.

— Я покараулю. А ты поспи.

— Ты не прошла такого обучения, как я, и можешь упустить что-нибудь.

— Даже я не упущу, если в дверь начнет ломиться стригой, — обиделась она. — Послушай, я понимаю — вы, ребята, жутко крутые. Нет нужды убеждать меня в этом. Но я предчувствую, что дальше могут возникнуть сложности, и не хочу, чтобы в решающий момент ты отрубилась. Если ты сейчас отдохнешь, то позже сможешь сменить Дмитрия.

Только упоминание о Дмитрие заставило меня уступить. Мы действительно должны сменять друг друга. В результате, пусть и с неохотой, я устроилась на полу, на постели Сидни, снабдив девушку таким количеством инструкций, что она закатила глаза. Уснула я почти мгновенно, но почти столь же быстро проснулась (по крайней мере, так мне показалось), услышав звук закрываемой двери.

Я резко села, уверенная, что это стригой вломился в комнату. Но сначала меня на мгновение ослепил льющийся в окна солнечный свет, а когда я смогла что-либо различить, то увидела Сидни, изумленно воззрившуюся на меня. Роберт сидел на кушетке, потирая глаза. Виктор исчез. Я в тревоге посмотрела на Сидни.

— Он в ванной, — сказала она, не дожидаясь моего вопроса.

Именно этот звук меня и разбудил. Я вздохнула с облегчением и встала, дивясь тому, что даже нескольких часов сна хватило для восстановления энергии. Если бы еще и поесть, я была бы готова к чему угодно. У Сони, естественно, еды не было, но я пошла на кухню и налила себе стакан воды. Пока я пила, в глаза мне бросилось, что братья Дашковы чувствовали себя здесь как дома: куртки висели на крючках, на кухонной стойке лежали ключи от машины. Я быстро схватила их и окликнула

Сидни.

Она вошла, и я сунула ей ключи, стараясь не звенеть ими.

— Ты ведь разбираешься в автомобилях? — пробормотала я.

Судя по тому, какой взгляд она на меня бросила, подобный вопрос звучал нелепо и оскорбительно.

— Отлично. Съездишь в магазин? Нам нужна еда. А когда вернешься, можешь сделать так, чтобы... мм... с их двигателем что-нибудь случилось? Чтобы они не могли уехать отсюда. Только так, чтобы это не бросалось в глаза? В смысле, не резать шины.

Она сунула ключи в карман.

— Запросто. Что покупать? Я задумалась.

— Что-нибудь с сахаром. И кофе для Дмитрия.

— Вопрос о кофе даже не стоит.

На кухню вошел Виктор. Судя по характерному для него беспечному выражению лица, он не слышал, как я инструктировала Сидни насчет его машины.

— Сидни едет в магазин, — сообщила я, рассчитывая отвлечь его до того, как он заметит отсутствие ключей. — Вам что-нибудь нужно?

— «Кормилец» — вот что было бы прекрасно, но, не считая этого, Роберт питает слабость к «Чириоуз». ^[5] И яблокам. — Он улыбнулся Сидни. — Никогда не думал, что доживу до дня, когда алхимик будет у меня на посылках. Очаровательно!

Сидни открыла рот, явно собираясь отбрызнуть его, но я покачала головой.

— Поезжай уже.

Она ушла, а Виктор вернулся к Роберту. Учítывая, что без машины братья в светлое время дня не могли никуда подеваться, я решила, что пора проведать Дмитрия. К моему удивлению, Соня не спала. Со скрещенными ногами она сидела на постели рядом с ним, они что-то негромко обсуждали. После сражения и сна волосы у нее были растрепаны, но никаких царапин или синяков не наблюдалось. То же самое после трансформации было и с Дмитрием — от ужасных ожогов не осталось и следа. Энергия возвращения из состояния стригоя исцеляет все раны. Со своими ободранными ногами и псевдосотрясанием мозга я была бы не против, чтобы и меня трансформировали из стригоя.

Когда я вошла, Соня отвернулась от Дмитрия. Целая гамма чувств скользнула по ее лицу: страх, изумление, узнавание.

— Роза? — произнесла она неуверенно, как будто сомневалась, не галлюцинация ли это.

Я заставила себя улыбнуться.

— Рада снова встретиться с вами.

Но не стала добавлять: «Теперь, когда вы не станете пытаться высосать из меня жизнь».

Она перевела взгляд на свои руки, изучая их с таким видом, будто это было нечто удивительное и волшебное. Конечно, если ты был монстром, может, увидеть свои «прежние руки» и впрямь чудесно. На следующий день после трансформации Дмитрий не выглядел таким слабым, но определенно был не в себе. И тогда же у него началась депрессия. А что она? Может, жаждала снова стать стригоем, как предположил Виктор?

Я не знала, что сказать, — все это было странно и вызывало ощущение неловкости.

— Сидни поехала за продуктами, — запинаясь, сообщила я Дмитрию. — Перед этим она покараулила, чтобы я могла поспать.

— Знаю. — Он еле заметно улыбнулся. — Я заглядывал к вам.

Щеки мои вспыхнули — от смущения, что я проявила слабость и он видел это.

— Ты тоже можешь отдохнуть, — предложила я ему. — Позавтракаем, и я прослежу за обстановкой. У меня есть серьезные основания полагать, что у Виктора будут заморочки с машиной. А Роберт, оказывается, обожает «Чириоуз», так что, если ты тоже захочешь, считай, тебе не повезло. Он вряд ли с кем-нибудь поделится.

Улыбка Дмитрия стала шире. Соня неожиданно вскинула голову.

— Здесь есть другой пользователь духа, — с тревогой сказала она. — Я его чувствую. Я его помню. — Она переводила взгляд с Дмитрия на меня. — Это опасно. Мы опасны. Вам нельзя находиться рядом с нами.

— Все в порядке, — ответил Дмитрий тем мягким тоном, который я слышала редко — лишь когда он разговаривал со мной в самые безнадежные моменты. — Не волнуйся.

Соня покачала головой.

— Нет. Ты не понимаешь. Мы... Мы способны делать ужасные вещи — с собой, с другими. Вот почему я стала стригоем — чтобы остановить это безумие. И я добилась своего, вот только... это было еще хуже, некоторым образом. То, что я делала...

Вот оно — то же чувство раскаяния и сожаления, которое испытывал Дмитрий. Отчасти опасаясь, что сейчас он брякнет, что для нее тоже нет прощения, я торопливо заговорила:

— Это были не вы. Вами управляла другая сила.

Она уткнулась лицом в ладони.

— Но я сама выбрала эту судьбу. Сама!

— Это все стихия духа, — сказала я. — Ей противостоять трудно. Как вы сами сказали, под ее воздействием пользователь духа может делать ужасные вещи. Вы не способны были рассуждать здраво. Лисса все время страдает от этого.

— Василиса? — Соня устремила взгляд в пространство и, по-моему, погрузилась в воспоминания.

Несмотря на ее бессвязную речь, мне не казалось, что сейчас она так же неуравновешенна, как перед своим превращением в стригоя. Говорят, исцеление может уменьшить безумие, порожденное стихией духа; наверное, совершенная Робертом обратная трансформация частично избавила ее от тьмы.

— Да, конечно. Василиса тоже страдает от этого. — Она в панике посмотрела на меня. — Ты помогаешь ей? Избавляешь ее от тьмы?

— Конечно, — ответила я, стараясь говорить так же мягко, как Дмитрий. Однажды мы с Лиссой сбежали из Академии, отчасти как раз из-за предостережений Сони. Мы уехали, но потом вернулись и... ну, сумели остановить то, что преследует ее.

Не думаю, что в данный момент Соне следовало знать, что Лиссу преследовал тот самый человек, который сейчас сидел в гостинной. Я решила перейти к делу.

— И вы тоже можете помочь Лиссе. Нам необходимо знать...

— Нет, — прервал меня Дмитрий, без намека на мягкость. — Пока нет.

— Но...

— Пока нет!

Я сердито взглянула на него, но говорить ничего не стала. Мне очень хотелось дать Соне оправиться, но время не позволяло. Часы тикали, и необходимо было выяснить, что известно Соне. По-моему, будь Дмитрий на ее месте, он и после трансформации вполне мог сообщить нужную нам информацию. Конечно, до обращения он, в отличие от нее, не был эмоционально нестабилен. И тем не менее. Мы не можем вечно торчать в Кентукки.

— Можно мне взглянуть на мои цветы? — спросила Соня. — Выйти из дома и взглянуть на мои цветы?

Мы с Дмитрием посмотрели друг на друга.

— Конечно, — ответил он.

Мы направились к двери, и я не удержалась от вопроса:

— Почему вы выращивали цветы, когда были... тем, кем были?

Она остановилась.

— Я всегда выращивала цветы.

— Помню. Они были великолепны. И те, которые растут здесь, тоже. Вы... Вы просто хотели иметь красивый сад, даже будучи стригоем?

Казалось, она растерялась. Я уже пожалела, что задала этот вопрос, когда она наконец заговорила:

— Нет. Я не думала о красоте. Они были... не знаю. Что-то, чем можно занять руки. Я всегда выращивала цветы и хотела проверить, могу ли делать это по-прежнему. Это как... проверка моего мастерства, так мне кажется.

Мы с Дмитрием снова переглянулись. Вот как. Красота в ее мире отсутствовала. В точности как я говорила ему. Стригой известны своей самонадеянностью, и, похоже, цветы были просто демонстрацией ее возможностей. И еще это было привычное занятие; вспомнить хотя бы, что и стригоем Дмитрий читал вестерны. Став стригоем, человек лишается понятия о доброте и этике, но прежние привычки остаются.

Мы отвели Соню в гостиную, прервав разговор братьев. Соня и Роберт замерли, оценивая друг друга. Виктор одарил нас своей понимающей улыбкой.

— Выяснили, что нам нужно?

Дмитрий бросил на него взгляд сродни тому, какого удостоилась я, попытавшись расспросить Соню.

— Пока нет.

Оторвав взгляд от Роберта, Соня быстро устремила к выходу на задний двор, но остановилась, увидев плохо залатанную дверь.

— Вы сломали мою дверь.

— Побочный эффект, — вздохнула я, периферийным зрением заметив, как Дмитрий закатил глаза.

Соня открыла дверь и вышла наружу, но тут же замерла и удивленно посмотрела вверх, на безоблачное голубое небо и утреннее солнце, заливающее все вокруг золотистым светом. Выйдя следом за ней, я почувствовала ласкающее кожу тепло. Ночная прохлада еще ощущалась, но, похоже, нас ожидал жаркий день.

Все остальные тоже вышли, но Соня ничего не замечала. Она вскинула руки, как будто стремясь заключить солнце в объятия.

— Это так прекрасно. — Она посмотрела на меня. — Правда? Ты когда-нибудь видела такую красоту?

— Прекрасно, — повторила я.

Почему-то меня охватило ощущение счастья и одновременно печали.

Она пошла по саду, осматривая каждое растение, каждый цветок.

Прикасалась к лепесткам, вдыхала аромат.

— Такие разные... — Она разговаривала сама с собой. — Такие разные при свете солнца... — Некоторые в особенности привлекли ее внимание. — Эти не раскрываются ночью! Видите? Видите краски? Чувствуете запах?

Вопросы не были обращены ни к кому конкретно. Мы смотрели как загипнотизированные. Наконец она уселась в кресло, со счастливым видом оглядываясь и явно испытывая избыток ощущений, — конечно, ведь эта красота ничего не значила для нее, когда она была стригоем. Поняв, что это может затянуться, я еще раз предложила Дмитрию немного передохнуть. К моему удивлению, он согласился.

— Это разумно. Как только Соня заговорит, мы отправимся в путь. — Он улыбнулся. — Сидни превращается в настоящего боевого командира.

— Все равно она тут не главная, — поддразнила я его. — Она всего лишь солдат.

— Верно. — Он легко скользнул рукой по моей щеке. — Прошу прощения, капитан.

— Генерал, — поправила я его, чувствуя, как перехватывает дыхание.

Он скрылся в доме, перед этим по-доброму попрощавшись с Соней. Трудно сказать, слышала ли она. Братья принесли из кухни два кресла и уселись в тени. Я предпочла устроиться на земле. Все молчали. Странное было ощущение — хотя и не самое странное из тех, которые мне приходилось испытывать.

Когда чуть позже вернулась Сидни, я ненадолго ушла переговорить с ней и обнаружила, что ключи Виктора снова лежат на стойке — хороший знак. Разгрузив продукты, Сидни вручила мне коробку с дюжиной пончиков.

— Надеюсь, этого тебе хватит, — заметила она.

Я состроила гримасу и взяла пончики.

— Выйди во двор, когда тут закончишь. Там что-то вроде пикника обреченных... вот только гриля нет.

Она недоуменно посмотрела на меня, но, когда позже оказалась в саду, кажется, поняла, что я хотела сказать. Роберт вынес в сад миску «Чириоуз», но Сидни и Виктор ничего не ели. Я дала Соне пончик, впервые сумев отвлечь ее внимание от сада. Она подняла его в руке, поворачивая так и эдак.

— Не знаю, смогу ли. Не знаю, смогу ли съесть его.

— Конечно сможете. — Припомнилось, с каким неуверенным видом Дмитрий поначалу рассматривал еду. — Он с шоколадной глазурью.

Вкусно!

На пробу она откусила чуть-чуть, долго жевала и наконец проглотила. На мгновение закрыла глаза и вздохнула.

— Такой сладкий.

Она продолжала есть, все такими же крошечными кусочками. Чтобы съесть половину пончика, у нее ушла целая вечность, и потом она остановилась. К этому моменту я умяла три пончика, и меня все больше снедало нетерпеливое желание заняться делом. Частично все еще сказывалось воздействие стихии духа, но главным образом мне страстно хотелось помочь Лиссе.

— Соня, — начала я по возможности любезно, в полной мере отдавая себе отчет в том, как разозлился бы Дмитрий из-за того, что я нарушаю его инструкции, — нам нужно кое-что обсудить с вами.

— Мм...

Она не сводила взгляда с пчел, парящих вокруг жимолости.

— У вас есть родственница, которая... ну... какое-то время назад родила ребенка?

— Конечно, — ответила она. Одна пчела перелетела на розу, и Соня не отрываясь следила за ней. — И не одна.

— Формулируй вопрос четче, Розмари, — заметил Виктор.

Я прикусила губу, понимая, что, если разозлюсь, Соня начнет нервничать. И Роберт, скорее всего, тоже.

— Это был тайный ребенок. На его имя был открыт счет, и вы там указаны как доверенное лицо. Деньги на счет переводил Эрик Драгомир.

Соня резко повернулась ко мне, и в ее глазах больше не было мечтательной рассеянности. Несколько мгновений она молчала, а когда заговорила, голос звучал холодно и жестко — не как у стригоя, но определенно недружелюбно.

— Мне ничего об этом не известно.

— Ложь, — проронил Роберт.

— Это даже я понимаю, безо всяких потусторонних сил, — усмехнулась Сидни.

Я проигнорировала их обоих.

— Соня, мы знаем, что вам это известно, и для нас действительно очень важно найти этого малыша... ну, ребенка. — Мы делали кое-какие предположения относительно его возраста, но стопроцентной уверенности не было. — Вы говорили раньше, что беспокоитесь о Лиссе. Это поможет ей. Она должна узнать, что есть другой член ее семьи.

Соня снова переключила внимание на пчел, но я видела, что она

больше не наблюдает за ними.

— Я ничего не знаю.

В ее голосе ощущалась дрожь, и что-то подсказывало мне, что, наверное, не стоит на нее давить. Не поймешь — то ли она испугана, то ли вот-вот взорвется.

— Тогда почему там указано твое имя? — настаивал Виктор.

— Я ничего не знаю, — повторила она таким голосом, от которого на деревьях могли образоваться сосульки. — Ничего.

— Хватит лгать! — взорвался Виктор. — Ты что-то знаешь и расскажешь нам.

— Эй! — воскликнула я. — Потихе. У вас тут нет права допрашивать.

— Ты явно не справляешься.

— Просто заткнитесь, ладно? — Я перевела взгляд на Соню и улыбнулась. — Пожалуйста. У Лиссы неприятности. Это поможет ей. Вроде бы вы говорили, что хотите помочь ей?

— Я обещала... — едва слышно сказала Соня.

— Обещали что?

«Терпение, терпение».

Я должна сохранять спокойствие. Не могу позволить себе сорваться.

Она зажмурилась и запустила руки в волосы — прямо как ребенок в приступе раздражения.

— Обещала не рассказывать. Обещала не рассказывать никому...

Я с трудом сдержалась, чтобы не встряхнуть ее хорошенько.

«Терпение, терпение. Не расстраивай ее».

— Мы не стали бы просить вас нарушить обещание, если бы это не было так важно. Вы могли бы связаться с этим человеком... — Интересно, кто потребовал от нее такое обещание? Любовница Эрика? — И спросить, не согласится ли он поговорить с нами...

— О, ради бога! — раздраженно воскликнул Виктор. — Это нелепо и никуда нас не приведет. — Он посмотрел на брата. — Роберт?

До сих пор Роберт помалкивал, но, услышав команду брата, наклонился вперед.

— Соня?

Явно сильно взволнованная, она взглянула на него... и внезапно лицо ее стало бесстрастным.

— Расскажи нам то, о чем тебя спрашивают. — Голос Роберта звучал ровно, успокаивающе... и в то же время зловеще. — Расскажи, кто этот ребенок и где он. Расскажи, кто его мать.

На этот раз я вскочила. Роберт применил принуждение, чтобы

добиться у нее ответа. Взгляд Сони оставался неотрывно прикован к нему, однако тело ее начало дрожать. Рот приоткрылся, но не слышалось ни звука. Мысли вихрем проносились у меня в голове. Принуждение позволило бы добыть необходимые сведения, но что-то подсказывало: это неправильно.

Мои размышления прервала Соня, вскочившая почти так же быстро, как я. Она продолжала смотреть на Роберта, но уже совсем иначе — не взглядом остолбеневшего, загипнотизированного человека. Ей удалось преодолеть принуждение, и теперь она уже не была слабой и испуганной. Она дрожала от ярости. Я магическими чувствами не обладаю, но, проведя столько времени рядом с Лиссой, прекрасно знаю, каковы бывают последствия использования духа. Соня готова была вот-вот взорваться.

— Как ты посмел... — прошипела она. — Как ты посмел применять ко мне принуждение?

Внезапно выющиеся и другие растения рядом с Робертом ожили и начали быстро расти. Потянувшись к нему, они обвились вокруг ножек его кресла и дернули. Кресло опрокинулось вместе с Робертом. Виктор кинулся на помощь брату, но тот уже принялся действовать по своему усмотрению. На удивление быстро придя в себя, он прищурился, посмотрел на Соню, и ее отбросило назад, ударив о деревянную ограду. Такие трюки под силу пользователям воздуха, но ее отбросил не воздух. Это было проявление телекинетической магии духа; по-видимому, Роберт владел и этой магией, а не только мог проникать во сны. Замечательно.

Мне уже приходилось видеть сражение пользователей духа, между Эйвери Лазар и Лиссой. Скверное дело, поскольку оно не ограничивалось внешними физическими приемами. Эйвери сумела проникнуть в сознание Лиссы — и мое. Я понятия не имела, какими в точности умениями обладают Роберт и Соня, но хорошо кончиться это в принципе не могло.

— Дмитрий! — завопила я и бросилась к Соне.

Я точно не представляла себе, что собираюсь делать, понимая лишь, что неплохо бы ее свалить. Насколько мне известно, для применения магии духа необходимо, чтобы его обладатель смотрел в глаза своей жертве.

И конечно, когда я сумела прижать ее к земле, она вырывалась, но без особого энтузиазма, добиваясь одного — иметь возможность смотреть на Роберта. Внезапно он закричал и в ужасе оглядел себя. Соня сумела вызвать у него видения. Его лицо застыло. Видимо, он понимал, что это иллюзия, и спустя несколько мгновений сумел разрушить заклинание, как она раньше справилась с его принуждением.

Роберт силой разума бросил в Соню кресло, и в этот момент во двор

выскочил Дмитрий. Поскольку я прижимала Соню к земле, кресло врезалось мне в спину. Дмитрий быстро сориентировался в происходящем и бросился к Роберту, рассчитывая применить к нему ту же тактику, что и я к Соне. Виктор подумал, что теперь его брату угрожает физическая опасность, и попытался остановить Дмитрия, но тщетно. Растения снова потянулись к Роберту, и я поняла, что удерживать Соню не имеет особого смысла.

— Тащи его в дом! — крикнула я Дмитрию. — Подальше от нее!

Он уже и сам догадался и поволок Роберта к двери. Виктор пытался помешать ему, но у Дмитрия хватило сил справиться с обоими братьями. Как только объект воздействия пропал из поля зрения Сони, вся энергия, казалось, оставила ее. Больше она не сопротивлялась и распростерлась на земле. Это хорошо — я боялась, что с исчезновением Роберта она бросится на меня. Все еще оставаясь настороже, я помогла Соне сесть. Она прислонилась ко мне, словно тряпичная кукла, и расплакалась. Еще один надлом.

После этого оставалось свести к минимуму причиненный урон. Чтобы наши пользователи духа находились порознь, Дмитрий отвел Роберта в спальню и оставил с ним Виктора. Роберт выглядел таким же измотанным, как и Соня, и Дмитрий решил, что может без опаски оставить братьев одних. Соня рухнула на кушетку в гостиной, мы с Дмитрием попытались успокоить ее, но потом отступились; лишь Сидни предпочла быть рядом и держала Соню за руку.

Я кратко пересказала, что произошло; Дмитрий выслушал меня с недоверчивым видом.

— Говорил же я, что еще не время! — воскликнул он. — О чем только ты думала? Она слишком слаба!

— По-твоему, это можно назвать слабостью? И между прочим, пока я с ней разговаривала, все шло прекрасно! А вот когда вмешались Виктор и Роберт, все полетело в тартарары.

Сдерживая ярость, Дмитрий сделал шаг ко мне.

— Они ни в коем случае не должны были вмешиваться. Ты, со своей безрассудностью, затеяла этот разговор не вовремя, не думая о последствиях.

Я тоже разозлилась окончательно.

— Я пыталась сдвинуть дело с мертвой точки! Если быть рассудительной означает ждать у моря погоды, бесконечно занимаясь врачеванием, тогда я готова совсем свихнуться.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — проворчал он. Сейчас

мы стояли совсем близко друг к другу, и я остро ощущала, как схлестнулись наши воли. — Это может отбросить нас назад.

— Это продвигает нас вперед! Она знает об Эрике Драгомире. Проблема в том, что она пообещала никому не рассказывать об этом младенце.

— Да, я обещала, — внезапно заговорила Соня. Мы с Дмитрием как один повернулись к ней, только сейчас осознав, что наш спор могли видеть и слышать обе женщины. — Обещала.

Ее голос звучал совсем слабо, в нем слышались умоляющие нотки.

Сидни сжала ей руку.

— Мы понимаем. Все в порядке. Это правильно — держать обещание.

Соня подняла на нее благодарный взгляд.

— Спасибо тебе. Спасибо.

— Но в то же время, — осторожно продолжила Сидни, — я слышала, вы беспокоились о Лиссе Драгомир.

— Я не могу... — простонала Соня, снова охваченная страхом.

— Понимаю, понимаю. Но что, если есть способ помочь ей, не нарушая обещания?

Соня во все глаза смотрела на Сидни. Дмитрий бросил на меня вопросительный взгляд, но я пожала плечами и тоже удивленно уставилась на Сидни. Если бы меня спросили, кто может подобрать ключик к безумной женщине, которая в прошлом была не-мертвым монстром, Сидни Сейдж оказалась бы последней в этом списке.

Соня по-прежнему непонимающе смотрела на Сидни.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Что именно вы обещали? Не рассказывать никому, что у Эрика Драгомира есть любовница и ребенок?

Соня кивнула.

— И не рассказывать, кто они такие?

Снова кивок.

Сидни одарила Соню самой теплой, дружеской улыбкой, которую я когда-либо видела на ее лице.

— Вы обещали не рассказывать, где они? — Соня кивнула, и улыбка Сидни слегка угасла. Потом глаза ее сверкнули. — А вы обещали не приводить никого туда, где они находятся?

Соня заколебалась — наверняка прокручивала в уме каждое слово. Потом она медленно покачала головой.

— Нет.

— Значит... вы можете отвести нас к ним — не говоря, где они. При

этом вы не нарушите обещания.

До чего же запутанная, абсурдная логика! Вполне в моем духе.

— Может быть... — все еще неуверенно пролепетала Соня.

— Вы не нарушите обещания, — повторила Сидни. — И всерьез поможете Лиссе.

— И Майклу тоже, — вмешалась я в разговор.

При упоминании бывшего любовника Соня вздрогнула.

— Майкл? Ты знаешь его?

— Он мой друг. И друг Лиссы.

У меня чуть не вырвалось, что, найдя этого безвестного Драгомира, мы можем отвезти Соню к Майклу. Однако, вовремя вспомнив, как низко ценит себя Дмитрий после трансформации, я решила пока не прибегать к этой тактике. Кто знает, как Соня отнесется к идее воссоединения с возлюбленным. Я решила зайти с другой стороны.

— Он тоже старается помочь Лиссе, но не может. Никто из нас не может — слишком мало информации.

— Майкл...

Соня снова смотрела на свои руки, по ее щекам струились слезы.

— Вы не нарушите своего обещания, — продолжала Сидни с такой настойчивостью, как будто сама была пользователем духа и прибегала к принуждению. — Просто отведите нас туда. Этого хотели бы и Майкл, и Лисса. Это будет правильный поступок.

Не знаю, какой аргумент оказался самым убедительным. Возможно, упоминание о Майкле; или идея «правильного поступка». Может, Соня, как перед тем Дмитрий, жаждала искупить свои стригойские преступления и восприняла это предложение как шанс. Сглотнув, она посмотрела на меня и прошептала:

— Я отведу вас туда.

— Значит, вскоре отправляемся в путь, — объявила Сидни. — Нужно подготовиться.

Мы с Дмитрием все еще стояли рядом друг с другом, но наш взаимный гнев постепенно рассеивался. Явно гордясь собой, Сидни продолжала успокаивать Соню.

Дмитрий смотрел на меня с легкой улыбкой. Осознавал ли он, как мы близки? И что чувствовал при этом? Догадаться по выражению его лица не представлялось возможным. Что касается меня, я остро ощущала нашу близость, опьяняющее воздействие тепла его тела и запаха. Черт! Почему любая наша схватка усиливает мое влечение к нему?

Он кивнул в сторону Сидни; его улыбка стала шире.

— Ты ошибалась. Вот кто настоящий генерал.

Я улыбнулась в ответ, от всей души надеясь, что он не догадывается, как мое тело реагирует на нашу близость.

— Может быть. Ладно. Тогда ты полковник.

Он вскинул брови.

— Да? Ты понизила себя в должности? Полковник на одну ступень ниже генерала. Кто же тогда ты?

Я достала из кармана ключи от автомобиля и с триумфальным видом потрясла ими.

— Водитель, — сказала я.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Увы, за руль меня не пустили.

«Генерала» Сидни тоже, что ужасно разозлило ее, хотя Дмитрий быстренько объяснил ей причину.

Все началось, когда Виктор обнаружил, что у них «неполадки с двигателем». Естественно, его это не обрадовало. Правда, он никого не обвинял, но, думаю, все — даже Соня и Роберт — догадывались, что эта неисправность не случайна. В результате всем предстояло набиться в компактный универсал, не рассчитанный на такое число людей, что и заставило Дмитрия выдвинуть творческий план рассаживания. И конечно, согласно этому плану, один из пассажиров должен был ехать в багажном отсеке. Он был приличного размера, но когда Сидни поняла, что это место предназначается ей, она обвинила Дмитрия в том, что мало ему было забрать у нее ключи — он решил еще и унижить ее.

Я не высказывалась по этому поводу, но, по-моему, посадить ее в багажное отделение было очень разумно. Выдвинутая Дмитрием схема рассаживания должна была свести к минимуму возможность возникновения опасных ситуаций внутри машины. Дмитрий за рулем, Роберт сидит рядом с ним, а я между Виктором и Соней на заднем сиденье. В каждом ряду по стражу, братья разделены, как и пользователи духа. Я стала возражать, что, если сяду за руль, с точки зрения безопасности ситуация будет той же самой, но Дмитрий ответил, что вести машину мне рискованно — вдруг я внезапно ускользну в сознание Лиссы. Что касается Сидни... ну, она не представляла угрозы, но и борцом тоже не была, так что ей самое место сзади как «мертвому грузу».

И кстати, о «мертвом грузе»...

— Нам нужно прямо сейчас избавиться от Виктора и Роберта, — прошептала я Дмитрию, когда мы загружали в машину продукты и свой скудный багаж (тем самым еще больше ужимая пространство Сидни, к ее возмущению). — Они свое дело сделали. И они опасны. Пора сдать их стражам.

Братья хотели вместе с нами продолжать поиски родственника Лиссы. И мы согласились, но не из великодушия. Просто пока не могли позволить себе выпустить их из поля зрения.

— Согласен. — Дмитрий слегка нахмурился. — Только пока нам никак это не сделать. Если мы их свяжем и оставим на обочине дороги, они

вполне смогут освободиться и поехать дальше автостопом. И сами мы не можем доставить их к стражам по очевидным причинам.

Я положила сумку в машину и прислонилась к бамперу.

— Сидни может сдать их.

Дмитрий кивнул.

— Это, наверное, лучший выход, но мне не хочется расставаться с ней, пока мы не добрались... туда, куда едем. Нам может понадобится ее помощь.

Я вздохнула.

— Значит, тащим их с собой.

— Боюсь, что да. — Он бросил на меня предостерегающий взгляд. — Знаешь, оказавшись в тюрьме, они запросто могут рассказать о нас властям.

— Да. — У меня тоже мелькала эта мысль. — Наверное, это нужно отложить на потом. Сначала будем разбираться с безотлагательными проблемами.

Удивительно, но Дмитрий улыбнулся. Видимо, собирался сделать очередное мудрое замечание.

— Ведь это всегда было нашей стратегией.

Рассевшись, мы тронулись в путь. По счастью, Виктор не начал свою обычную надоедливую болтовню; наверное, предположила я, ослабел из-за потребности в крови. Соня и Роберт, по-видимому, испытывали то же самое. Это могло вырасти в проблему, если мы в самое ближайшее время не найдем «кормильца», но я не знала, что тут поделать. Сидни, похоже, ничего этого не осознавала — и слава богу. Если бы я была человеком среди голодных вампиров, то уж точно психовала бы. Еще и поэтому ехать в заднем отсеке для нее было безопаснее.

Указания Сони были достаточно расплывчаты и касались лишь самого необходимого. Она выдавала информацию маленькими порциями и часто сообщала о повороте, только когда мы оказывались совсем рядом с ним. Мы понятия не имели, куда едем и долгая ли предстоит дорога. Изучив карту, она велела Дмитрию ехать на север по шоссе 1-75. Когда мы спросили, сколько придется ехать, она ответила:

— Недолго. Несколько часов. Может, чуть больше.

И с этим таинственным объяснением она откинулась на спинку сиденья и замолчала. Лицо у нее было измученное, печальное, и я попыталась представить, что она чувствует. Всего день назад она была стригоем. Может, все еще пытается осмыслить происшедшее? Или перед ее внутренним взором маячат лица жертв, как было с Дмитрием, и ее терзает

чувство вины? А может, она хочет снова стать стригоем?

Я оставила ее в покое. Сейчас не время заниматься врачеванием. Я тоже откинулась на спинку сиденья, призывая себя к терпению. Внезапно наша связь с Лиссой возобновилась — она проснулась. Я удивленно взглянула на часы на приборной доске. Для людей — вторая половина дня; морой при дворе должны сейчас спать. Но нет, что-то разбудило ее.

У порога стояли два стража с бесстрастными физиономиями.

— Вы должны пойти с нами, — сказал один. — Наступило время следующего испытания.

Лисса удивилась. Она знала, что следующее испытание состоится скоро, но относительно деталей была не в курсе. Прошлая поездка тоже происходила во время моройской ночи, но Лиссу, по крайней мере, об этом предупредили. Эдди стоял тут же, несколько часов назад сменив мою мать. Кристиан, зевая, сел на постели. Они не предавались никаким утехам — не в присутствии же Эдди или моей мамы, — но Лиссе было приятно, что он рядом.

— Могу я переодеться? — спросила она.

— Поторопитесь, — ответил страж.

Она схватила то, что подвернулось под руку, и бросилась в ванную, нервничая и чувствуя себя сбитой с толку. Когда она вернулась, Кристиан уже надел джинсы и потянулся за тенниской. Эдди тем временем пытался составить мнение о стражах, и я догадывалась, о чем он думал, поскольку те же мысли бродили и у меня в голове. Этот ночной вызов выглядел официальным, однако Эдди не знал этих стражей и не вполне доверял им.

— Можно сопровождать ее? — спросил он.

— Только до места испытания, — ответил второй страж.

— А мне можно? — поинтересовался Кристиан.

— Только до места испытания.

Ответ стража удивил меня — я не думала, что он даже это разрешит. С другой стороны, может, это обычное дело, что кандидат в монархи следует к месту экзамена в сопровождении свиты; даже в случае неожиданного испытания посреди ночи. Хотя, как выяснилось, и не такого уж неожиданного. Территория двора фактически была безлюдна, но, когда Лисса и остальные вошли в маленькое, старое кирпичное здание немного на отшибе, в коридорах вдоль стен стояли группки мороев. По-видимому, слух уже распространился.

Они уважительно уступали дорогу. Некоторые — скорее всего, сторонники других семей — бросали на нее хмурые взгляды, но в основном собравшиеся улыбались Лиссе и снова выкрикивали

приветственные слова о «возвращении дракона». Другие старались коснуться ее руки, как будто рассчитывая таким образом позаимствовать у нее везение или силу. Толпа была гораздо меньше той, которая встречала вернувшихся с первого испытания. И Лисса в результате нервничала меньше, но ее решимость отнестись к испытаниям серьезно осталась непоколебимой. Лица зрителей светились благоговением и любопытством; ничего удивительного — а вдруг она будет их следующей правительницей?

Дверь в конце коридора знаменовала собой конец ее пути. И Кристиан, и Эдди без слов поняли, что дальше им дороги нет. Оглянувшись на них через плечо — было приятно еще раз взглянуть на лица близких, — Лисса вслед за стражем вошла внутрь.

После эпопеи первого испытания она ожидала чего-то столь же устрашающего, а обнаружила старую моройку, удобно расположившуюся в кресле посреди почти пустой комнаты. Сложив на коленях руки, женщина держала в них что-то, завернутое в ткань, и при этом напевала с довольным видом. Говоря «старую», я именно это и имею в виду. Многие морои доживают до ста с лишним лет, но сидящая явно давно перешагнула эту границу. Ее бледная кожа была испещрена морщинами, седые волосы совсем истончали. Увидев Лиссу, она улыбнулась и кивнула на пустое кресло, рядом с которым стоял столик со стеклянным графином, полным воды. Стражи вышли, оставив женщин одних.

Лисса огляделась, но не заметила больше никакой мебели, только простую дверь напротив той, через которую вошла. Она села и посмотрела на старую женщину.

— Здравствуйте. Я Василиса Драгомир.

Улыбка женщины стала шире, от чего обнажились желтоватые зубы; один из клыков отсутствовал.

— Ваша семья всегда отличалась хорошими манерами, — прокаркала она. — Большинство тех, кто входит сюда, требуют сразу перейти к делу. Но я помню твоего деда. Тоже вел себя очень вежливо во время испытания.

— Вы знали моего дедушку? — воскликнула Лисса. Он умер, когда она была совсем маленькой. Потом до нее дошло, что еще означают слова женщины. — Его кандидатуру выдвигали на выборах короля?

Женщина кивнула.

— Выдержал все испытания. Я была уверена, что он победит на выборах, но в последний момент он снял свою кандидатуру. После этого пришлось бросать монетку, чтобы сделать выбор между Татьяной Ивашковой и Джейкобом Тарусом. Они шли прямо ноздря в ноздря. Тарусы до сих пор таят из-за этого неприязнь.

Лисса ничего об этом не знала.

— Почему дедушка снял свою кандидатуру?

— Потому что твой брат только что появился на свет. Фредерик решил, что стоит посвятить себя не нации, а семье.

Это Лисса могла понять. Сколько Драгомиров насчитывала тогда их семья? Ее дедушка, ее отец и Андрей — ну и мать, но только по мужу. У Эрика Драгомира братьев и сестер не было. Лисса мало что знала о своем дедушке, но на его месте она тоже предпочла бы тратить время на сына и внука, а не выслушивать бесконечные речи, как приходилось Татьяне.

Пока эти мысли мелькали в сознании Лиссы, старая женщина внимательно наблюдала за ней.

— Это... Это и есть испытание? — спросила Лисса, прерывая затянувшееся молчание. — Просто разговор?

Старая женщина покачала головой.

— Нет. Вот оно, испытание.

Она развернула то, что держала на коленях. Это оказался сосуд... не то потир, не то кубок; я не могла судить с уверенностью. Красивый, серебряный, он, казалось, сиял собственным светом. Бока украшали кроваво-красные рубины, сверкающие при каждом повороте сосуда. Женщина любовно разглядывала его.

— Ему уже больше тысячи лет, а все еще блесит.

Она взяла графин и налила в кубок воды, пока мы с Лиссой осмысливали услышанное. Тысяча лет? Я не специалист по металлам, но даже мне известно, что за это время серебро должно было потускнеть. Женщина протянула бокал Лиссе.

— Отпей. И если захочешь прекратить, скажи «хватит».

Лисса протянула руку к бокалу, совершенно сбита с толку этими инструкциями. Что она может захотеть прекратить? Пить? Однако едва пальцы коснулись серебра, она поняла. Почти. Покалывание пробежало по всему телу; хорошо знакомое покалывание.

— Он зачарован, — догадалась она.

Старая женщина кивнула.

— Насыщен магией всех четырех стихий и еще одним, давно забытым заклинанием.

«И магией духа тоже», — подумала Лисса.

Она занервничала. Заклинания стихий производят разные эффекты. Заклинания земли, к примеру, — вроде той татуировки, которую ей сделали, — часто бывают связаны с легким принуждением. Комбинация энергии всех четырех стихий на колах и магических защитных кольцах

создает мощный заряд жизни, блокирующий не-мертвых. Но стихия духа... Заклинания с использованием стихии духа вызывают непредсказуемые последствия самого широкого спектра. Вода, без сомнения, активизировала это заклинание, но у Лиссы возникло чувство, что магия духа в нем играет ключевую роль. И хотя это была та сила, которая пылала в ее крови, она по-прежнему пугала ее. Чары в этом кубке были сложными, очень сложными, выходящими далеко за пределы ее мастерства, и она боялась того, что они могут повлечь за собой. Старая женщина не мигая смотрела на нее.

Спустя мгновение Лисса преодолела нерешительность и выпила.

Мир вокруг исчез, а потом снова материализовался во что-то совершенно другое. Мы обе понимали, что это такое: навеянный магией духа сон.

Лисса была уже не в комнате и вообще не в помещении. Ветер трепал ее длинные волосы, и она то и дело отводила их от лица. Рядом стояли другие люди, и она быстро узнала собор и кладбище при нем. Лисса была во всем черном, включая длинное шерстяное пальто, защищающее от холода. Все собрались вокруг могилы, и тут же находился священник в официальном сером облачении, под стать пасмурному дню.

Лисса сделала несколько шагов вперед, стремясь разглядеть, чье имя высечено на могильной плите. То, что она увидела, потрясло меня больше, чем ее:

«РОЗМАРИ ХЭЗЕВЕЙ».

Великолепным, изящным шрифтом на граните было высечено мое имя. Под ним — боевая звезда, свидетельствующая о том, что я убила бесчисленное число стригоев. Еще ниже — три строчки текста на русском, румынском и английском. Я без всякого перевода знала, что значит каждая строчка — стандартная надпись для могилы стража:

«НАВЕКИ В СТРОЮ».

Священник произнес подобающие слова и благословил меня, хотя я до сих пор не знаю, верую или нет. Это, однако, было не самое странное — учитывая, что я наблюдала за собственными похоронами. Когда священник закончил, заговорила Альберта. Восхваление достижений покойного также норма на похоронах стража — и Альберта очень преуспела в этом. Находилась я там, так расплакалась бы. Закончила она описанием моего последнего сражения, в котором я погибла, защищая Лиссу.

Это не слишком удивило меня. В том смысле, что все происходящее и так казалось чистой воды безумием. Хотя, рассуждая здраво, если бы это и впрямь были мои похороны, то, скорее всего, умереть я могла, защищая Лиссу.

Лисса моих чувств не разделяла. Новость обрушилась на нее как удар. Внезапно она ощутила жуткую пустоту в душе — как будто исчезла какая-то очень важная часть ее самой. Наша связь работает лишь в одну сторону, однако Роберт клялся, что потеря того, с кем он был связан, ощущалась очень болезненно. Сейчас Лисса чувствовала то же самое — ужасную боль одиночества. Она лишилась чего-то, наличие чего даже никогда не осознавала. Слезы выступили у нее на глазах.

«Это сон, — убеждала она себя. — Всего лишь сон».

Однако она никогда прежде не оказывалась в созданных духом снах, разве только экспериментировала с Адрианом, и в этих случаях сны воспринимались как телефонные звонки.

Когда скорбящие разошлись, Лисса почувствовала на своем плече руку. Кристиан. Исполненная благодарности, она бросилась в его объятия, стараясь не разрыдаться, — он казался таким реальным, таким надежным. Безопасным.

— Как это произошло? — спросила она. — Как вообще такое могло произойти?

Кристиан отпустил Лиссу и устремил на нее взгляд кристально-голубых глаз, серьезных и печальных.

— Ты же знаешь. Те стригой пытались убить тебя. Она пожертвовала собой.

Лисса ничего такого не помнила, но это не имело значения.

— Не могу... Не могу поверить, что это произошло.

Болезненная пустота внутри все разрасталась.

— Есть и другие плохие новости, — сказал Кристиан.

Она изумленно посмотрела на него.

— Что может быть хуже?

— Я покидаю...

— Покидаешь... что? Двор?

— Да. Покидаю все. — Его лицо становилось все печальнее. — Покидаю тебя.

У Лиссы лицо вытянулось от изумления.

— Что... Что случилось? Что я сделала не так?

— Ничего. — Он сжал ей руку и отпустил ее. — Я люблю тебя. И всегда буду любить. Но ты та, кто есть. Последняя Драгомир. Всегда будет

что-то, призывающее тебя... а я буду стоять на твоём пути. Тебе нужно восстановить свою семью. Я не тот, кто тебе нужен.

— Конечно тот! Единственный! Единственный, с кем я вижу своё будущее.

— Это тебе сейчас так кажется, но подожди немного. Найдётся кто-нибудь и получше. Помнишь шутку Адриана? Насчёт «маленьких Драгомиров»? Спустя несколько лет ты сможешь иметь детей и тогда захочешь, чтобы их было побольше. Драгомиры снова должны стать крепкой семьёй. А я? Я не готов взвалить на себя такую ответственность.

— Ты будешь прекрасным отцом.

— Ага, — усмехнулся он, — а для тебя буду очень ценным приобретением — принцесса замужем за стригойским отродьем.

— Меня это не волнует, тебе прекрасно известно! — Она вцепилась в его рубашку, заставляя повернуться к себе. — Я люблю тебя. И хочу, чтобы ты был частью моей жизни. Все, что ты сказал, абсолютная чепуха. Ты боишься? Дело в этом? Тебя пугает значимость моей фамилии?

Он отвёл взгляд.

— Скажем так: носить её — нелегко.

Она встряхнула его.

— Не верю! Ты не боишься ничего! И никогда не отступаешь!

— Сейчас отступаю. — Он мягко отодвинулся от неё. — Я правда люблю тебя. Поэтому и делаю это. Ради твоего блага.

— Ты не можешь сейчас... — Лисса махнула рукой в сторону моей могилы, но он уже уходил. — Не можешь! Её нет. Если ты тоже уйдёшь, не останется никого...

Однако Кристиан затерялся в тумане, которого несколько минут назад тут не было. Лисса осталась одна около моей могильной плиты. И впервые в жизни была поистине одинока. Она чувствовала себя одинокой, когда погибла её семья, но я стала для неё якорем спасения — всегда рядом, всегда защищая её. Когда появился Кристиан, чувство одиночества почти покинуло её — его вытесняла из сердца любовь.

Но теперь... теперь нас обоих не стало. Не стало её семьи. Пустота в душе угрожала поглотить Лиссу, и это было больше, чем просто утрата нашей связи. Остаться совсем одной — это ужасно, ужасно! Не к кому бежать, не на кого положиться; никого не заботит, что с ней происходит. В лесу она тоже была одна, но сейчас всё совсем иначе. Совсем иначе.

Оглянувшись, она пожалела, что не может оказаться рядом со мной в могиле и покончить с этой пыткой. Но... подождите. Она действительно может покончить с ней. «Скажи "хватит"», — напутствовала её старая

женщина. Больше ничего не требуется, чтобы прекратить эту муку. Это же сон, навеянный магией духа. Более реалистичный и всепоглощающий, чем она когда-либо видела, но в конце все спящие просыпаются. Одно слово, и сон растает, как любой ночной кошмар.

И она едва не произнесла это слово, но... разве она не хотела довести дело до конца? Разве не поклялась пройти испытания? Неужели она сдастся под давлением всего лишь сна? Сна о том, каково это — остаться совсем, совсем одной? Это казалось не таким уж значительным, но только сейчас до нее в полной мере дошло: «Я никогда не была действительно одна». Она не знала, сможет ли вынести одиночество, но, с другой стороны, если бы это был не сон — и, господи, он казался таким реальным! — то не было бы никакого магического «хватит». Если она не в состоянии справиться с одиночеством во сне, то никогда не будет способна преодолеть его бодрствуя. И хотя ей было очень страшно, она решила, что не отступит. Что-то побуждало ее идти в туман, и она углубилась в него... одна.

Туман должен был вывести ее в церковный сад, но мир вокруг снова изменился, и она оказалась на заседании Совета. На открытом заседании, с морейской аудиторией в зале. На этот раз Лисса сидела не среди зрителей, а за столом Совета с его тринадцатью креслами. И она занимала место Драгомиров. В кресле монарха расположилась Ариана Селски.

«Ну, точно сон», — подумала Лисса.

Она заседала в Совете, и королевой была Ариана. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Как обычно, шли жаркие дебаты на хорошо знакомую тему: возрастной закон. Некоторые члены Совета заявляли, что он безнравственен. Другие возражали, что угроза со стороны стригоев слишком велика. Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер.

Ариана повернулась к Лиссе.

— Что думает по этому поводу семья Драгомир?

Ариана не выглядела доброй, как в фургоне, но и не вела себя враждебно, как Татьяна. Она занимала нейтральную позицию — как и положено королеве, возглавляющей Совет и собирающей необходимую информацию. Все взгляды в зале обратились на Лиссу.

По какой-то причине все вразумительные идеи выскочили у нее из головы. Язык словно увяз во рту. Каково ее отношение к возрастному закону? Она отчаянно старалась подыскать ответ.

— Я... Мне кажется, это плохой закон.

Ли Селски, занявший место этой семьи после того, как Ариана стала

королевой, презрительно фыркнул:

— Нельзя ли немного поподробнее, принцесса?

Лисса нервно сглотнула.

— Снижение возраста стражей не поможет защитить нас. Мы должны... Мы должны учиться защищать себя самостоятельно.

На нее смотрели с изумлением и презрением.

— Скажите на милость, — спросил Говард Зеклос, — как вы собираетесь добиться этого? Каков ваш план? Обязательное обучение для всех возрастов? Введение соответствующей программы в школах?

И снова она должна была подыскивать слова. Каков ее план? Они с Ташей много раз обсуждали эту проблему. Таша практически вдалбливала свои идеи в голову Лиссы — в надежде, что та добьется, чтобы ее голос был услышан. И вот она сидит здесь, в Совете, и может способствовать переменам, которые улучшат жизнь мороев. Все, что от нее требуется, — это высказать свою точку зрения. Столько людей рассчитывают на нее, столько людей жаждут услышать, что она скажет о проблеме, которая так сильно ее волнует! Но куда подевались все слова? Почему Лисса не может вспомнить их? Наверное, она молчала слишком долго, потому что Говард жестом презрения вскинул руки.

— Я понял. Это было идиотизмом с нашей стороны допустить такую незрелую девушку в Совет. Ничего полезного она не может предложить. Род Драгомиров кончился на ней, и нам придется смириться с этим.

«Род Драгомиров кончился на ней». То, что ею заканчивается их род, тяжким грузом давило на Лиссу с тех пор, как умерли ее родители и брат. Последняя в роду, из которого вышло немало величайших королей и королев. Она снова и снова клялась себе, что будет достойна своего рода, что возродит гордость семьи. И вот теперь все окончилось провалом.

Даже Ариана, которая, как казалось Лиссе, поддерживает ее, выглядела разочарованной. В зале раздались свист и призывы убрать эту онемевшую девочку из Совета. Люди кричали, чтобы она уходила, а потом кое-что и похуже:

— Дракон мертв! Дракон мертв!

Лисса снова попыталась заговорить, но что-то заставило ее оглянуться. У стены, на которой висели двенадцать семейных гербов, возник, точно из-под земли, какой-то мужчина и снял герб Драгомиров с изображением дракона и надписью на румынском языке. Крики в зале стали громче, унижение Лиссы росло, сердце у нее упало. Она вскочила с одним желанием — убежать отсюда и спрятаться где-нибудь от позора. Однако ноги почему-то понесли ее к стене, где висели гербы. С силой, которая для

нее самой стала неожиданностью, она вырвала у мужчины герб с драконом.

— Нет! — Она перевела взгляд на зрителей и подняла герб, бросая им вызов, предупреждая попытки отнять его и лишить ее права заседать в Совете. — Это. Мое. Слышите? Это мое!

Она так и не узнала, услышали ли ее люди в зале, потому что внезапно они исчезли, точно так, как перед этим кладбище. Стало тихо. Она сидела в медицинском кабинете Академии Святого Владимира. Знакомая обстановка странно успокаивала: раковина с оранжевым куском мыла, шкафы с аккуратными этикетками на них и даже информационные плакаты на стене типа «СТУДЕНТЫ, ПРАКТИКУЙТЕ БЕЗОПАСНЫЙ СЕКС!».

Также приятно ей было увидеть школьного врача, доктора Олендзки. Она была не одна. Рядом с Лиссой, сидящей на медицинской кушетке, стояли психиатр по имени Дейдра и... я. Увидеть себя самое было совсем уж странно, хотя после сцены похорон я вроде бы начала свыкаться со всем этим.

Смешанные чувства обуревали Лиссу — чувства, не поддающиеся контролю. Радость при виде нас. Безысходность. Смущение. Сомнения. Она, казалось, была неспособна сконцентрировать внимание ни на одной эмоции или мысли. В Совете и то было проще — там она всего лишь не могла выразить мысли словами. Тогда с разумом у нее все было в порядке — она просто не сумела сформулировать свою точку зрения. Сейчас ни о какой формулировке и речи не шло. В голове царила полная неразбериха.

— Понимаешь? — спросила доктор Олендзки; Лисса подозревала, что она уже не в первый раз задает свой вопрос. — Мы не можем это контролировать. Лекарства больше не помогают.

— Поверь, мы меньше всего хотим, чтобы ты причинила вред себе. Но теперь, когда под ударом оказались другие... ты понимаешь, почему мы вынуждены были принять меры.

Это произнесла Дейдра. Я всегда считала ее немного несерьезной, как и применяемый ею метод психотерапии, основанный исключительно на вопросах и ответах. Однако сейчас в ее словах не было и намека на скрытый юмор. Сейчас Дейдра была убийственно серьезна.

Все сказанное казалось Лиссе совершенно лишенным смысла, но слова о «причинении вреда себе» что-то в ней пробудили. Она посмотрела на свои запястья, обнаженные и... в шрамах от порезов. Когда воздействие стихии духа становилось невыносимым, она резала себе руки — как единственный выход, ужасный способ избавиться от того, что распирало изнутри. Разглядывая эти порезы сейчас, Лисса заметила, что они стали больше и глубже — такие бывают при попытке суицида. Она подняла

взгляд.

— Кому... Кому я причиняла вред?

— Не помнишь? — спросила доктор Олендзки.

Лисса покачала головой, в поисках ответа переводя отчаянный взгляд с одного лица на другое. Наконец ее взгляд остановился на мне; лицо у меня было мрачнее и серьезнее, чем у Дейдры.

— Все в порядке, Лисса, — сказала я. — Все будет хорошо.

Эти слова не удивили меня — естественно, именно их я и произнесла бы. Я всегда утешала Лиссу. Всегда заботилась о ней.

— Это неважно, — мягким, успокаивающим голосом заговорила Дейдра. — А важно позаботиться о том, чтобы никто больше не пострадал. Ты ведь не хочешь никому причинить вред?

Конечно, Лисса этого не хотела, но ее смятенный разум где-то блуждал.

— Не разговаривайте со мной как с ребенком! — почти закричала она.

— Я и не собиралась, — ответила Дейдра, образец терпения. — Мы просто хотим помочь тебе. Хотим, чтобы ты была в безопасности.

Сейчас над всеми эмоциями Лиссы возобладала тревога. Нигде не безопасно, в этом она была уверена... но больше ни в чем. Может, еще в чем-то, связанном с каким-то сном. Сон, сон...

— В «Тарасто» о тебе хорошо позаботятся, — подхватила доктор Олендзки. — Там будет удобно и спокойно.

— «Тарасто»? — в унисон воскликнули мы с Лиссой.

Другая Роза сжала кулаки и вперила во врачей сердитый взгляд — снова типичная для меня реакция.

— Вы не запрете ее туда! — выкрикнула эта Роза.

— По-твоему, нам этого хочется? — спросила Дейдра, и это был первый случай, когда у меня на глазах ее спокойствие поколебалось. — Конечно нет. Но дух... Но то, что он делает... У нас нет выбора...

В сознании Лиссы вспыхнули образы нашей поездки в «Тарасто». Холодные, мрачные коридоры. Стоны и жалобы. Крошечные камеры. Она вспомнила психиатрическое отделение, где были заперты пользователи духа. Заперты навсегда.

— Нет! — Она прыгнула с постели. — Не отправляйте меня в «Тарасто»!

Она оглянулась по сторонам в надежде найти способ сбежать, но это было невозможно: между нею и дверью стояли врачи. Может, прибегнуть к магии? Ее сознание потянулось к духу в поисках какого-нибудь заклинания.

Вторая Роза схватила ее за руку; наверное, ощутила движение духа и

захотела удержать Лиссу.

— Есть другой способ, — заявило мое «второе я» Дейдре и доктору Олендзки. — Я могу оттягивать на себя побочные эффекты магии духа — нестабильность и тьму, — как это делала Анна для святого Владимира. Здоровый ум вернется к Лиссе.

Все посмотрели на меня. Ну, на вторую меня.

— Но тогда то же самое случится с тобой? — спросила доктор Олендзки. — Оно никуда не денется.

— Плевать! — упрямо заявила я. — Сажайте в «Тарасто» меня, но только не ее. Я могу выдержать столько, сколько понадобится.

Лисса разглядывала меня, не веря собственным ушам. Сумбур в ее голове окрасился радостью. «Да! Вот оно, спасение».

Она не сойдет с ума. Ее не отправят в «Тарасто». Потом где-то в глубине сознания мелькнуло воспоминание...

— Анна покончила жизнь самоубийством, — пробормотала Лисса. Ее ощущение реальности по-прежнему оставалось зыбким, но эта здравая мысль мгновенно успокоила мятущийся разум. — Помощь святому Владимиру свела ее с ума.

Мое «второе я» не смотрело в глаза Лиссы.

— Это просто легенда. Я возьму у тебя тьму. Отправляйте меня в тюрьму.

Лисса не знала, как поступить. Она не хотела в «Тарасто». Эта тюрьма вспоминалась как кошмарный сон. И вот она я, предлагаю ей способ спасения — как всегда. Лисса жаждала этого. Она не хотела сходить с ума, как другие пользователи духа. Приняв мое предложение, она будет свободна.

Тем не менее... Находясь на грани или нет, она продолжала любить меня. Слишком многим я уже пожертвовала ради нее. Как может она пойти на это? Что она за друг, если готова обречь меня на такую жизнь? «Тарасто» пугала Лиссу. Жизнь в клетке пугала Лиссу. Но мысль о том, что все это выпадет на мою долю, пугала еще больше.

Благополучного выхода нет. Ах, вот бы все это просто исчезло! Если хорошенько зажмуриться... Подождите. Она вспомнила. Это сон. Она попала в сон, навеянный духом. Чтобы проснуться, нужно лишь...

Сказать «хватит».

Сейчас сделать это было легче — простой выход, идеальное решение. Никакой «Тарасто» для одной из нас. Потом она почувствовала, как давление на сознание ослабело, хаос эмоций начал стихать. Она широко распахнула глаза, поняв — это результат того, что я уже начала вытягивать

из нее тьму. «Хватит» было забыто.

— Нет!

Дух внутри нее пылал, и она воздвигла между нами стену, отгораживаясь от меня.

— Что ты делаешь? — воскликнула другая Роза.

— Спасая тебя, — ответила Лисса. — Спасая себя. — Она перевела взгляд на врачей. — Я понимаю, что вы просто вынуждены это сделать. Все нормально. Отправляйте меня в «Тарасто» — туда, где я никому не смогу причинить вреда.

«Тарасто». Там по коридорам бродят настоящие ночные кошмары. Больничная палата начала таять, и Лисса взяла себя в руки, готовясь оказаться в следующей части сна: в холодной каменной камере, с цепями на стенах. Услышать вопли несчастных, разносящиеся по коридорам...

Однако когда мир вокруг сформировался снова, это оказалась не «Тарасто», а лишь пустая комната, старая женщина и серебряный кубок. Лисса огляделась. Сердце бешено колотилось, ощущение времени нарушилось. То, в чем она недавно участвовала, заняло словно целую вечность. И одновременно возникло странное чувство, будто со времени разговора со старой женщиной прошло не больше нескольких секунд.

— Что... Что это было? — спросила Лисса.

Во рту у нее пересохло, ужасно хотелось сделать глоток воды... но кубок был пуст.

— Твои страхи, — мерцая глазами, ответила старая женщина. — Все твои страхи, один за другим.

Лисса дрожащими руками поставила кубок на стол.

— Это было ужасно. С такими проявлениями магии духа я никогда прежде не сталкивалась. Он проник в мое сознание, рылся в нем. И это было так реально! Временами я верила, что все на самом деле.

— Но ты не сказала «хватит».

Лисса нахмурилась, вспомнив, как близка была к этому.

— Не сказала.

Старая женщина с улыбкой разглядывала ее, не говоря ни слова.

— Все... Все кончилось? — чувствуя себя сбитой с толку, спросила Лисса. — Можно мне идти?

Женщина кивнула. Лисса встала, переводя взгляд с одной двери на другую: с той, через которую вошла, на ту, что находилась в противоположной стене. Автоматически Лисса повернулась к первой двери. Вообще-то ей совсем не хотелось видеть стоящих в коридоре людей, но она поклялась себе, что придаст лицу горделивое выражение,

приличествующее подлинной принцессе. Да и не так уж много их там было — по сравнению с той толпой, которая собралась после первого испытания. Она сделала несколько шагов, и тут старая женщина заговорила снова:

— Нет. Эта дверь для тех, кто не выдержал испытания. Тебе туда.

Она кивнула в сторону второй двери. Лисса подошла к ней. Дверь выглядела так, будто выходила прямо наружу, и это было совсем неплохо. Мир и тишина. Чувствуя, что надо что-то сказать на прощание, но не находя слов, Лисса повернула ручку, переступила порог и...

...Оказалась в толпе, приветствующей возвращение дракона.

ДВАДЦАТЬ ДВА

— Ты выглядишь такой счастливой.

Я замигала и увидела глядевшую на меня Соню. Наш автомобиль с ровным гудением мчался по шоссе, за окном расстилались равнины Среднего Запада с редкими деревьями. Соня не выглядела такой пугающе безумной, как когда-то в Академии или даже недавно в своем доме; скорее, она казалась сбитой с толку, что было вполне ожидаемо. Я ответила не сразу, но потом решила, что причин отмалчиваться нет.

— Лисса прошла второе монархическое испытание.

— Естественно, прошла, — заметил Виктор, не глядя на меня.

Судя по его тону, он считал пустой тратой времени сообщать о том, что само собой разумеется.

— С ней все хорошо? — спросил Дмитрий. — Она не пострадала?

Раньше в душе вспыхнул бы огонек ревности; теперь это воспринималось как наше общее беспокойство за Лиссу.

— Все нормально, — ответила я, хотя не была уверена, что так оно и есть.

Физически она не пострадала, но после всего пережитого наверняка останутся шрамы другого типа. То, что обнаружилось за второй дверью, тоже стало для нее сюрпризом. Она-то думала, что всего несколько человек в такой поздний час собрались, чтобы взглянуть на кандидатов. Ничего подобного. Оказывается, все ждали победителей у заднего выхода. Держась данного себе обещания, Лисса совладала с собой и прошептывала с высоко поднятой головой, улыбаясь своим сторонникам и просто зрителям, как будто и впрямь уже была королевой.

Меня клонило в сон, но победа Лиссы не давала уснуть; я то и дело улыбалась, вспоминая о ней. Было что-то утомительное в пути, протяженность которого оставалась неясной. Виктор закрыл глаза и привалился к окну. Сидни я видеть не могла, как ни выворачивала голову, но, надо думать, она тоже решила вздремнуть или, по крайней мере, просто прилечь. Я зевнула, спрашивая себя, рискну ли заснуть. Дмитрий уговаривал меня сделать это, когда мы покидали дом Сони, понимая, что благодаря Сидни я ухватила не больше пары часов.

Откинув голову на спинку сиденья, я закрыла глаза и мгновенно уснула. Неожиданно нахлынувшая тьма подсказывала, что это чужой сон, и сердце подскочило — от страха и от радости. После того как я вместе с

Лиссой пережила ее последнее испытание, сны, навеянные духом, внезапно стали вызывать жуткое ощущение. В то же время это был шанс увидеть Адриана и... так оно и оказалось.

Только вот возникли мы в совершенно неожиданном месте: в саду Сони. Я так очарованно смотрела на ясное голубое небо и красочные цветы, что едва не проглядела Адриана — в своем темно-зеленом шерстяном свитере он терялся на фоне зелени. По мне, он выглядел великолепнее всех других чудес сада.

— Адриан!

Я бросилась к нему, он легко подхватил меня и закружил. Снова поставив меня на землю, огляделся и одобрительно кивнул.

— Нужно чаще позволять тебе выбирать место. У тебя хороший вкус. Конечно, это неудивительно — ведь ты встречаешься не с кем-нибудь, а со мной.

— Что значит «выбирать место»? — спросила я, обхватив его руками за шею.

— Когда я мысленно потянулся к тебе и почувствовал, что ты спишь, я призвал сон, но о месте не стал задумываться, оставив его выбор твоему подсознанию. — Он раздраженно дернул за свой свитер. — Правда, вот оделся не по обстановке. — Свитер замерцал и сменился легкой серой тенниской с абстрактным рисунком. — Так лучше?

— Гораздо.

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

— Я скучал по тебе, маленькая дампирка. Ты все время можешь подглядывать за Лиссой и нами, но у меня есть только эти сны, и, честно говоря, я не могу понять, по какому расписанию ты живешь.

До меня дошло, что со своим «подглядыванием» я знала о происходящем при дворе больше, чем он.

— Лисса прошла второе испытание.

Да, я оказалась права — судя по выражению его лица. Он не знал об испытании — наверное, спал.

— Когда?

— Только что. Очень было тяжелое, но она выдержала.

— То-то радуется, надо полагать. Это позволяет нам выиграть время, чтобы все подозрения с тебя были сняты и ты смогла вернуться домой. Не уверен, правда, что на твоём месте я так уж рвался бы домой. — Он снова оглядел сад. — В Западной Виргинии лучше, чем я думал.

Я засмеялась.

— Это не Западная Виргиния... которая тоже не так уж плоха по-

своему. Это сад Сони Карп.

Неужели я только что это сказала? Я так радовалась встрече с ним, чувствовала себя так непринужденно... и проболталась. Лицо Адриана приняло очень, очень серьезное выражение.

— Ты сказала «Соня Карп»?

Что делать? Легче всего солгать. Я могла бы придумать, что была здесь давным-давно, еще в школе, когда она отвела нас на экскурсию в свой дом. Правда, это было не очень надежно, к тому же у меня на лице наверняка просто написано чувство вины. Я попалась, и никакая ложь не обманет Адриана.

— Да.

— Роза, Соня Карп — стригой.

— Уже нет.

Адриан вздохнул.

— Так и знал — то, что ты сидишь где-то тихо как мышка, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Что произошло?

— Мм... Роберт Дору обратил ее.

— Роберт. — Губы Адриана искривила презрительная усмешка. Пользователи духа плохо переносят друг друга. — Чувствую, мы вступаем на территорию безумия, и поэтому позволю себе предположить, что Виктор Дашков тоже с вами.

Я кивнула, отчаянно желая, чтобы кто-нибудь разбудил меня, избавив от дальнейших расспросов Адриана. Проклятье! Как могла я так опростоволоситься?

Адриан отпустил меня и принялся описывать вокруг небольшие круги.

— Значит, так. Ты, Беликов, алхимик, Соня Карп, Виктор Дашков и Роберт Дору вместе болтаетесь в Западной Виргинии.

— Нет, — ответила я.

— Нет?

— Мы... ну... не в Западной Виргинии.

— Роза! — Адриан остановился и зашагал ко мне. — Тогда где вы, черт побери? Твой старик, Лисса... да что там, все думают, что ты в полной безопасности.

— Так и есть, — заносчиво заявила я. — Просто не в Западной Виргинии.

— Тогда где?

— Не могу сказать. — Ужасно неприятно было так отвечать ему и смотреть, как изменяется выражение его лица. — Отчасти именно из соображений безопасности. Отчасти потому, что я... и сама не знаю.

Он взял меня за руки.

— Немыслимо! Ты не можешь просто сбежать по какой-то сумасбродной прихоти. Если тебя найдут, то убьют без раздумий.

— Это не сумасбродная прихоть! Мы занимаемся очень важным делом, от которого будет польза всем нам.

— Но рассказать мне о нем ты не можешь.

— Лучше, чтобы ты не ввязывался. — Я сжала его руки. — И не знал деталей.

— И между тем я могу спокойно спать, лишь зная, что тебя прикрывает элитная команда.

— Адриан, пожалуйста! Просто поверь мне. Поверь, что у меня есть серьезная причина, — умоляюще сказала я.

Он отпустил мои руки.

— Я верю, что ты думаешь, будто у тебя есть серьезная причина. Просто не могу представить себе ни одной, ради которой стоит рисковать жизнью.

— Некоторые вещи стоят того, — ответила я, удивляясь собственной серьезности.

Перед глазами заплескали сверкающие точки — как на экране начинающего барахлить телевизора. Мир вокруг начал выцветать.

— Что происходит? — воскликнула я.

Он нахмурился.

— Кто-то будит меня. Наверное, мама проверяет в сотый раз.

Я потянулась к нему, он таял прямо на глазах.

— Адриан! Пожалуйста, не рассказывай никому! Никому!

Не знаю, услышал ли он меня, потому что сон закончился. Я проснулась в автомобиле и чуть не выругалась, но побоялась проболтаться о том, какую глупость совершила. Подняв взгляд, я чуть не подскочила, увидев, что Соня напряженно наблюдает за мной.

— Ты была во сне духа, — сказала она.

— Как вы узнали?

— По твоей ауре.

Я состроила гримасу.

— Поначалу ауры — это вроде как было круто, но теперь... Теперь разговоры о них начинают раздражать.

Она негромко рассмеялась — впервые после того, как «вернулась».

— Они могут о многом рассказать, если уметь их читать. Ты была с Василисой?

— Нет. Со своим бойфрендом. Он тоже пользователь духа.

Она широко распахнула глаза.

— Это с ним ты была?

— Да. В чем дело? Что не так?

Казалось, она недоумевала. Спустя несколько мгновений Соня бросила взгляд на передние места, где сидели Дмитрий и Роберт, а потом снова посмотрела на меня, так пристально, что мороз побежал по коже.

— Ничего. Все нормально.

Я насмешливо фыркнула.

— Бросьте! Похоже, вы...

— Вот! — Соня резко наклонилась вперед и указала рукой. — Вот этот выезд.

Мы находились почти рядом с «этим выездом», и Дмитрию пришлось сделать просто невероятный маневр — почти как когда мы удирали в Пенсильвании, — чтобы свернуть туда. Машина кренилась и подпрыгивала. Сзади вскрикнула Сидни.

— Не помешает предупредить меня в следующий раз чуть пораньше, — заметил Дмитрий.

Соня не слышала его, полностью сосредоточившись на дороге, на которую мы свернули. Зажегся красный свет, и я разглядела жизнерадостный указатель:

«ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС В ЭНН-АРБОР, МИЧИГАН».

Искра жизни, которую я заметила в Соне несколько мгновений назад, угасла; она снова вела себя почти как робот. Несмотря на хитроумные доводы Сидни, эта поездка, похоже, все еще вызывала у Сони сильное чувство неловкости и беспокойства. Она винила себя в предательстве.

— Мы приехали? — нетерпеливо спросила я. — И сколько времени мы были в пути?

Сама я не могла этого сказать — сначала вроде бы не спала, но потом наблюдала за Лиссой и встречалась с Адрианом.

— Шесть часов, — ответил Дмитрий.

— Поверни налево вон там, — сказала Соня. — А теперь на том углу вправо.

Напряженность в машине нарастала. Теперь все бодрствовали. Сердце у меня забилося чаще. Какой дом? Может, один из вон тех? Поездка в глубь района продолжалась, казалось, целую вечность. Я вздохнула с облегчением, когда Соня внезапно сказала:

— Здесь.

Дмитрий свернул на подъездную дорожку красивого кирпичного дома с прекрасно подстриженной лужайкой.

— Ваша родственница все еще живет здесь? — спросила я Соню.

Ответом мне было молчание — похоже, мы снова затронули данное ею обещание. Никаких объяснений.

— Видимо, есть единственный способ выяснить это. — Я отстегнула ремень безопасности. — План тот же?

Раньше мы с Дмитрием обсудили, кто пойдет, а кто останется, если Соня приведет нас куда надо. То, что братья не пойдут, было очевидно. Вопрос состоял в том, кто будет сторожить их, и было решено, что Дмитрий, а мы с Сидни пойдём с Соней, чтобы встретиться с ее родственницей, которая, ясное дело, будет ошеломлена этим визитом.

— Тот же, — ответил Дмитрий. — В дом идешь ты. У тебя вид не такой угрожающий.

— Эй!

Он улыбнулся.

— Я сказал только «вид».

В общем-то он был прав. Даже сейчас Дмитрия окружала устрашающая аура могущества. Три женщины, направляющиеся к двери дома, вряд ли напугают его обитателей — в особенности если выяснится, что родственница Сони переехала. Черт, меня не покидало чувство, что она сознательно привела нас не туда, куда нужно.

— Поосторожнее, пожалуйста, — попросил Дмитрий, когда мы вылезали из машины.

— Ты тоже, — ответила я.

Он снова одарил меня улыбкой, на этот раз более теплой.

Чувства, которые эта улыбка расшевелила во мне, улетучились, пока мы с Соней и Сидни шли по подъездной дорожке. Грудь стеснило. Вот оно. Или нет? Неужели мы близки к тому, ради чего затеяли эту поездку? Неужели найдем второго Драгомира, как ни мало на это шансов? Или меня с самого начала водили за нос?

Нервничала не я одна; Сидни и Соня тоже были напряжены. Мы поднялись на крыльцо. Я набрала в грудь побольше воздуха и позвонила в дверь.

Несколько мгновений спустя дверь открыл мужчина — и это был морой. Многообещающий знак.

Он оглядел нас одну за другой, без сомнения удивляясь, что делают у его порога морой, дампир и человек.

— Чем могу помочь? — спросил он.

Внезапно я растерялась. У нас был глобальный план: найти любовницу Эрика и ее ребенка. Что конкретно мы будем говорить, когда (если) это и впрямь произойдет, терялось в тумане. Сейчас я рассчитывала, что ответит одна из моих спутниц, но, как выяснилось, в этом не было нужды. До моря, видимо, дошло.

— Соня? — пораженно воскликнул он. — Это ты?

Из-за его спины девчоночий голос спросил:

— Эй, кто там?

Кто-то втиснулся рядом с ним, кто-то высокий, стройный и... очень знакомый. Дыхание у меня перехватило. Эти волны непокорных светло-каштановых волос, эти светло-зеленые глаза — глаза, которые должны были давным-давно заставить меня задуматься. Я утратила дар речи.

— Роза! — воскликнула Джил Мастрано. — Что ты здесь делаешь?

ДВАДЦАТЬ ТРИ

Последовавшее затем молчание, казалось, длилось целую вечность. Все были в замешательстве, но по разным причинам. Джил с нарастающим изумлением переводила взгляд с одного лица на другое. Улыбка медленно угасла, и в конце концов Джил выглядела такой же сбитой с толку, как все мы.

— Что происходит? — спросил новый голос, и рядом с дочерью возникла Эмили Мастрано.

Она с любопытством посмотрела на меня и Сидни, а потом потрясенно открыла рот, заметив третью женщину.

— Соня!

Эмили, запаниковав, рывком задвинула Джил себе за спину; она не обладала быстротой стража, но я поразилась, насколько сильно у нее чувство долга.

— Эмили? — еле слышно, готовым вот-вот сорваться голосом сказала Соня. — Это... я... настоящая я...

Эмили постаралась втянуть внутрь и мужчину, но остановилась, взглядевшись в лицо Сони. И в конце концов осознала очевидное. В Соне не осталось ничего от стригоя. К тому же она спокойно стояла под лучами солнца. Эмили открыла рот, но не смогла произнести ни слова. И посмотрела на меня.

— Роза... Что происходит?

Меня удивило, что она рассматривает меня как вроде бы авторитетную персону, ведь мы встречались с ней всего раз, и, честно говоря, я сама не была уверена, что именно происходит. Мне удалось обрести голос не с первой попытки.

— Думаю... Думаю, нам нужно войти...

Взгляд Эмили снова обратился к Соне. Джил пыталась протолкаться вперед, но Эмили продолжала загораживать собой дверь, все еще неуверенная, насколько безопасно иметь с нами дело. И я не могла осуждать ее за это. Наконец она медленно кивнула и отступила в сторону.

Взгляд Сидни метнулся к машине, где дожидались Виктор, Роберт и Дмитрий.

— А как насчет их? — спросила она меня.

Я заколебалась. Ужасно хотелось, чтобы Дмитрий был со мной, когда разорвется бомба, но, наверное, их появление для Эмили было бы уже

чересчур. Морою необязательно вращаться в королевских кругах, чтобы знать, кто такой Виктор Дашков и как он выглядит. Доказательство тому — наша поездка в Лас-Вегас. Я покачала головой.

— Обождут.

Когда мы оказались в гостинной, выяснилось, что мужчина, открывший дверь, — муж Эмили, Джон Мастрано. Эмили спросила, не хотим ли мы чего-нибудь выпить — словно это был самый обычный визит, — но, судя по выражению ее лица, она все еще не до конца пришла в себя. Двигаясь, точно робот, с бледным, прямо как у стригоя лицом, она подала нам стаканы с водой.

Когда все сели, Джон положил руку на плечо Эмили. На нас он по-прежнему посматривал с подозрением, но по отношению к ней был сама любовь и забота.

— Что происходит?

Эмили по-прежнему пребывала в оцепенении.

— Не... знаю. Моя кухня здесь... Но я не понимаю, как... — Ее взгляд перебегал по нашим лицам. — Как такое возможно? — закончила она дрогнувшим голосом.

— Это сделала Лисса? — воскликнула Джил, до которой, без сомнения, дошли слухи о совершенном Лиссой чуде. Она не понимала, что происходит, нервничала, но одновременно приходила во все большее возбуждение. — Я слышала, что случилось с Дмитрием. Это правда? Лисса может исцелять стригоев. Она спасла его. Она спасла... — Джил повернулась к Соне, энтузиазма у нее немного поубавилось. Интересно, какие рассказы она слышала о Соне? — Она спасла вас.

— Это сделала не Лисса, — ответила я. — Это сделал... мм... другой пользователь духа.

Джил просияла.

— Адриан?

Черт, я совсем забыла, что она равнодушна к нему.

— Нет... другой. Это неважно. Соня... Ну, она снова моройка. Правда, еще не совсем освоилась с этим. Слегка не в себе.

Соня пила воду, но тут повернулась ко мне с кривой улыбкой.

— Я сама могу говорить за себя, Роза.

— Извините, — сказала я.

Эмили перевела недоуменный взгляд на Сидни; их представили друг другу, но не более того.

— А ты почему здесь? — Она имела в виду, почему здесь человек. — Ты «кормилица»?

— Нет! — Сидни, сидящая рядом со мной, вскочила. Я никогда не видела ее исполненной такого гнева и отвращения. — Повторите это еще раз, и я уйду отсюда! Я алхимик.

Они непонимающе смотрели на нее. Я потянула Сидни в кресло.

— Успокойся. Не думаю, что им известно, кто такие алхимики. — В глубине души я была рада этому. Впервые столкнувшись с алхимиками, я чувствовала себя так, будто все в мире, кроме меня, знают о них. Было приятно обнаружить, что и другие не в курсе. Стараясь не усложнять ситуацию, я объяснила Эмили: — Сидни помогает нам.

Она снова перевела взгляд на кухню, и глаза у нее повлажнели. Эмили Мастрано была одной из самых сногшибательных женщин, которых я когда-либо встречала. Даже слезы ее красили.

— Это действительно ты? Они вернули тебя мне. О господи! — Эмили поднялась, подошла к Соне и крепко обняла ее. — Я так скучала по тебе! А теперь просто не могу поверить.

Я сама чуть не расплакалась, но потом напредила себе, что у нас тут другое дело. Я не хуже ее понимала, как потрясающе все это было. Мы только что перевернули мир семьи Мастрано вверх дном, и... я была на грани того, чтобы еще больше осложнить им жизнь. Хотелось бы, чтобы у них было больше времени освоиться со всем этим, отпраздновать чудо возвращения Сони. Однако часы — в частности, моей жизни — продолжали тикать.

— Мы вернули ее вам, да... — заговорила я. — Но это не единственная причина, зачем мы здесь.

Наверное, было что-то в моем тоне, заставившее Эмили насторожиться, отойти от Сони и сесть рядом с мужем. Почему-то мне показалось, что она понимает, зачем мы здесь. Я видела в ее глазах страх — как будто она годами боялась этого визита, как будто раз сто представляла его себе.

Я устремилась вперед.

— Нам известно об... Эрике Драгомиде.

— Нет. — В голосе Эмили странным образом смешались резкость и отчаяние. Ее упрямство очень напоминало поведение Сони, когда она поначалу отказывалась помогать нам. — Нет. Никаких разговоров на эту тему.

Едва увидев Джил, я узнала эти глаза и поняла, что мы там, куда так стремились. Слова Эмили, которая, что важно, ничего не отрицала, подтверждали это.

— Придется, — настаивала я. — Это очень серьезно.

Эмили посмотрела на Соню.

— Ты же обещала! Обещала никому не рассказывать!

— Я и не рассказывала, — ответила Соня.

Чувствовалось, что ее снова обуревают сомнения.

— Что происходит? — требовательно спросил Джон.

В его взгляде разгорался гнев — ему явно не нравилось, что незваные гости огорчают его жену. Я продолжала обращаться к Эмили.

— Это необходимо обсудить. Пожалуйста, нам требуется ваша помощь. Нам требуется ее помощь.

Я кивнула в сторону Джил.

— Что ты имеешь в виду? — воскликнула Джил.

Видя реакцию матери, она тоже встревожилась.

— Речь идет о твоём...

Я смолкла. Я бросилась искать родственника Лиссы — сестру, как теперь было ясно, — мало задумываясь о последствиях. А могла бы догадаться, что вся эта история наверняка держится в тайне от всех — включая саму девочку. Я не брала в расчет, каким потрясением может стать для нее это открытие. И ведь это не просто какая-то незнакомая девочка. Это Джил. Моя подруга. Девочка, которую все мы воспринимали как младшую сестру и за которой считали своим долгом приглядывать. Что я собираюсь обрушить на ее голову? Бросив взгляд на Джона, я поняла, что все может быть еще хуже. Что, если она считает его своим отцом? Такое потрясение для семьи — и в ответе за него я.

— Замолчи! — Эмили снова вскочила. — Уходите отсюда! Все вы! Я не желаю вас видеть!

— Миссис Мастрано... — начала я. — Невозможно просто делать вид, что ничего нет. Нужно взглянуть правде в глаза.

— Нет! — Она указала на дверь. — Вон отсюда! Уходите, или... Я позвоню в полицию! Или стражам! Ты... — До нее внезапно дошло то, о чем она не подумала под впечатлением от появления Сони. Виктор — не единственный преступник, которого разыскивают стражи. — Ты беглянка! Убийца!

— Нет! — воскликнула Джил, подавшись вперед. — Я говорила тебе, мама. Говорила еще раньше, что это ошибка...

— Уходите! — повторила Эмили.

— Уйдем мы или нет, истинная ситуация от этого не изменится, — ответила я, стараясь сохранять спокойствие.

— Может, кто-нибудь будет настолько любезен и объяснит мне, что, черт побери, происходит? — Лицо Джона побагровело от гнева. — Если в

течение тридцати секунд я не получу ответа, то сам позвоню стражам и в полицию.

Я смотрела на Джил и никак не могла заставить себя заговорить, не могла подыскать нужных слов, не могла выразить свою мысль тактично. У Сидни, однако, такой проблемы не возникло.

— Он не твой отец, — напрямую сказала она, кивнув на Джона.

Последовала непродолжительная пауза. Джил выглядела почти разочарованной — словно надеялась услышать нечто более волнующее.

— Знаю. Он мой отчим. Хотя я... ну... считаю его отцом.

Эмили снова рухнула на кушетку и уткнулась лицом в ладони. Похоже, она плакала, но я не сомневалась — в любой момент она может вскочить и позвонить по меньшей мере в полицию. Нужно действовать быстро, как бы мучительно это ни было.

— Правильно. Он не твой биологический отец. — Говоря, я не сводила взгляда с Джил. «Эти глаза. Почему я никогда не обращала внимания на эти глаза?» — Твой настоящий отец Эрик Драгомир.

Эмили пронзительно вскрикнула.

— Нет, — умоляюще сказала она. — Пожалуйста, замолчи.

Гнев Джона сменился смятением.

— Что?

— Это... Нет. — Джил медленно покачала головой. — Это немыслимо. Мой отец просто... просто сбежал от нас.

В каком-то смысле это соответствовало действительности.

— Это был Эрик Драгомир, — повторила я. — Ты тоже член этой семьи. Сестра Лиссы. Ты... — Только сейчас Джил в полной мере предстала передо мной в новом свете. — Ты из королевской семьи.

Джил, всегда исполненная энергии и оптимизма, открывала для себя мир с наивной надеждой, что придавало ей очарования. Сейчас ее лицо приняло мрачное, серьезное выражение; она выглядела старше своих пятнадцати лет.

— Нет. Ты шутишь. Мой папа был бедняком. Я не... Роза, прекрати!

— Эмили... — заговорила Соня, и я вздрогнула при звуке ее голоса — властного, серьезного. Соня была моложе Эмили на... На сколько? Лет на десять, предположила бы я. Однако она смотрела на Эмили так, словно та была капризным ребенком. — Эмили, пора раскрыть тайну. Ты должна рассказать ей. Ради бога, ты должна рассказать Джону!

Эмили посмотрела Соне в глаза.

— Не могу. Ты знаешь, что произойдет... Я не могу так поступить с ней.

— Никто из нас не знает, что произойдет, — стояла на своем Соня. — Но все может обернуться гораздо хуже, если ты перестанешь контролировать ситуацию.

Эмили долго смотрела ей в глаза, но наконец опустила взгляд. Печаль на ее лице разбивала мне сердце. И не только мне.

— Мама? — Голос Джил дрожал. — Что происходит? Все это какая-то путаница.

Эмили вздохнула и посмотрела на нее.

— Нет. Ты дочь Эрика Драгомира. Роза права. — Джон издал странный, придушенный звук, но не прерывал жену. Она снова сжала его руку. — То, что я говорила вам обоим на протяжении многих лет... в основном правда. Наши отношения продолжались очень недолго. Они захватили нас обоих, но лишь на короткий срок. — Она перевела взгляд на Джона, и выражение его лица смягчилось. — Я рассказывала тебе...

Он кивнул.

— А я отвечал, что прошлое не имеет для меня значения, никак не влияет на мои чувства к тебе и отношение к Джил. Но я никогда даже представить себе не мог...

— Я тоже. — Она вздохнула. — Когда мы впервые встретились, я даже не знала, кто он такой. Это произошло, когда я жила в Лас-Вегасе и только-только начала работать танцовщицей шоу в «Часе колдовства».

Глаза у меня чуть не выскочили из орбит; по счастью, никто вроде бы этого не заметил. «Час колдовства». Разыскивая Роберта, мы с друзьями заходили в это казино, и какой-то мужчина пошутил, что отец Лиссы интересовался девушками из шоу. Я знала, что сейчас Эмили работает в балете в Детройте; вот почему они жили в Мичигане. Но никогда бы мне и в голову не пришло, что она начинала в Лас-Вегасе как танцовщица шоу в блестящем платье и с перьями в волосах. Хотя... почему бы и нет? Надо же где-то начинать, и ее высокая, грациозная фигура хорошо соответствовала танцам любого типа.

— Он был такой милый... и такой грустный, — продолжала Эмили. — Его отец только что умер, и он старался развеять свою печаль. Я понимала, как эта смерть опустошила его, но только сейчас... ну, по-настоящему понимаю это. Это была не первая потеря в его семье, становившейся все меньше. — Она на мгновение задумалась. — Он был хороший человек и, по-моему, любил свою жену. Однако был так мрачен, так подавлен... Не думаю, что он просто использовал меня. Я ему нравилась, хотя допускаю, что в других обстоятельствах между нами ничего не произошло бы. Как бы то ни было, расстались мы по-хорошему, я собиралась строить свою жизнь

дальше, пока... не появилась Джил. Я связалась с Эриком, считая, что он должен знать, но сразу же дала понять, что ничего не жду от него. И в тот момент, уже зная, кто он такой, я не хотела ничего. Я рассуждала так: если я позволю ему, он захочет познакомиться с тобой, играть какую-то роль в нашей жизни. — Теперь Эмили снова смотрела на Джил. — Но я понимала, каков этот мир. Жизнь при дворе — это интриги и ложь. В итоге единственное, что я приняла от него, — это деньги, но и то против воли. Я не хотела ощущать себя так, будто шантажирую его, — но одновременно стремилась к тому, чтобы твое будущее было обеспечено.

— Вы, по-видимому, не прибегали к этим деньгам, — без раздумий выпалила я.

И тут же пожалела о сказанном. Дом у них был очень приятный и... не бедный, но отнюдь не соответствовал тем деньгам, которые лежали на принадлежащем им банковском счету.

— Да, — ответила Эмили. — Они в моем распоряжении на случай непредвиденных обстоятельств, но главным образом предназначены для Джил, для ее будущего. Чтобы она могла делать то, что пожелает.

— Что ты имеешь в виду? — ошеломленно спросила Джил. — О каких деньгах речь?

— Ты наследница Эрика Драгомира, — ответила я. — И член королевской семьи.

— Я ни то ни другое. — Сейчас, в смятении скользая взглядом по нашим лицам, она напоминала оленя, готового умчаться. — Это какая-то ошибка. Вы все заблуждаетесь.

Эмили встала, подошла к Джил, опустилась на колени около ее кресла и сжала руку дочери.

— Все это правда. Мне жаль, что ты в таких обстоятельствах узнала об этом. Однако это ничего не меняет. Наша жизнь останется прежней.

Страх, смятение и множество других эмоций промелькнули на лице Джил. Она наклонилась и уткнулась лицом в плечо матери.

— Хорошо.

Трогательный момент, и снова я чуть-чуть не расплакалась. Я по себе знала, что такое семейная драма и проблемы с родителями. Как и прежде, я желала им того, о чем говорила Эмили, — но это было невозможно.

— Ваша жизнь не может остаться прежней, — сказала я. — Джил... должна отправиться ко двору.

Эмили резко вскинула голову. Мгновение назад ее переполняли печаль и боль, но сейчас их сменил гнев. Она вперила в меня яростный взгляд голубых глаз.

— Нет! Она туда не поедет. Никогда.

Джил уже бывала при дворе, но мы с Эмили обе понимали, что я не имею в виду кратковременную туристическую поездку. Джил должна занять подобающее ей место, обрести подлинную себя. Ну, может, «подлинную» не самое подходящее слово. Быть членом королевской семьи, пусть и незаконнорожденным, — это не соответствовало ее натуре; по крайней мере, пока. Она осталась такой же, какой была всегда, изменилось лишь имя. Но это изменение должно быть обнародовано и признано всеми, и, когда это произойдет, моройский двор испытает потрясение.

— Это необходимо, — настаивала я. — Двор гнивает, и семья Драгомир должна сыграть свою роль в улаживании ситуации. В одиночку, без семейного кворума, Лисса бессильна. Все остальные королевские морои не станут считаться с ней и примут ужасные законы, от которых всем нам станет только хуже.

Эмили все еще стояла на коленях рядом с дочерью, как бы защищая ее от меня.

— Именно поэтому Джил туда не поедет. Именно поэтому я не позволила Эрику признать ее. Я не хочу, чтобы Джил принимала во всем этом участие. Двор — это губительное место. Убийство Татьяны — доказательство тому. — Эмили бросила на меня острый взгляд, как бы напоминая, что я по-прежнему главная подозреваемая. — Все эти королевские морои... порочны. Не хочу, чтобы Джил стала такой же. И не позволю ей стать такой же.

— Не все королевские морои такие, — возразила я. — Лисса совсем другая. Она пытается изменить систему.

Эмили с горечью улыбнулась мне.

— И как, по-твоему, к ее реформам отнесутся остальные? Уверена, есть королевские морои, которые не хотят, чтобы ее семья снова заняла свое место, и будут рады, если она замолчит навсегда. Я уже сказала: Эрик был хороший человек. Иногда мне не кажется совпадением, что в его семье все умирали один за другим.

— Это абсурдно! — воскликнула я.

Хотя, по правде говоря, уже не была в этом абсолютно уверена.

— Правда? — Эмили сверлила меня взглядом, словно догадавшись о моих сомнениях. — Что, по-твоему, они сделают, если объявится еще один Драгомир? Те, кто находится в оппозиции к Василисе? Как, по-твоему, они поступят, если между ними и новым возвышением ее семьи будет стоять один-единственный человек?

В ее горьких словах определенно был смысл. Я бросила взгляд на

Джил, и внутри у меня возникло тошнотворное ощущение пустоты. К чему я ее подталкиваю? Милая, невинная Джил, жаждущая приключений и все еще неспособная разговаривать с парнями не краснея. Она очень хотела учиться сражаться — отчасти это был юношеский порыв, отчасти желание защитить мороев. Если она войдет в королевский мир, технически это тоже поможет им — хотя не тем способом, как она рассчитывала. И безусловно, ей придется погрузиться в мрачную, зловещую атмосферу двора.

Эмили, похоже, восприняла мое молчание как знак согласия. Выражение торжества и одновременно облегчения промелькнуло на ее лице, но тут же исчезло, когда заговорила Джил:

— Я сделаю это.

Все в изумлении уставились на нее. До этого момента я рассматривала ее с чувством жалости, как жертву. Теперь ее храбрость и решимость поразили меня. По ее лицу было заметно, что она еще не оправилась от потрясения и испуга, но теперь в ее взгляде и тоне чувствовалась жесткость, которой я никогда прежде не видела.

— Что? — воскликнула Эмили.

— Я сделаю это, — еще тверже заявила Джил. — Помогу Лиссе и... Драгомирам. Вместе с Розой поеду ко двору.

Между мной и двором стоял миллион препятствий, но я решила, что сейчас не стоит упоминать об этом. И как ни удивительно, испытала чувство облегчения, когда гнев Эмили переместился с меня на дочь.

— Никуда ты не поедешь! Я не допущу, чтобы ты даже рядом оказалась.

— Ты не можешь делать выбор за меня! — воскликнула Джил. — Я не ребенок.

— Но определенно и не взрослая, — возразила Эмили.

Эти двое заспорили; вскоре Джон тоже вступил в семейную баталию на стороне жены. В разгар перепалки Сидни наклонилась ко мне и пробормотала:

— Спорю, затеяв поиски вашей «спасительницы», ты никогда не думала, что самым трудным окажется добиться от ее мамы позволения не соблюдать комендантский час.

Увы, в ее шутке было слишком много истины. Мы нуждались в Джил, и я уж точно не предвидела подобного осложнения. Что, если Эмили настоит на своем? Она твердо хранила секрет происхождения Джил на протяжении долгого времени... скажем, пятнадцати лет. У меня возникло чувство, что Джил способна и сбежать ко двору, если другого выхода не останется. И я способна помочь ей в этом.

Снова совершенно неожиданно в разговор вступила Соня:

— Эмили, ты не слышала, что я говорила? Это все равно рано или поздно случится, с твоего согласия или без него. Не позволишь Джил уехать сейчас, она уедет на следующей неделе. В следующем году. Через пять лет. Суть в том, что в итоге это все равно произойдет.

Эмили обмякла в кресле, сраженная отчаянием.

— Нет, я этого не хочу.

На лице Сони проступила горечь.

— К несчастью, жизнь не очень волнуют наши желания. Решайся сейчас, пока ты еще можешь предотвратить беду.

— Пожалуйста, мама, — умоляюще проговорила Джил.

Взгляд ее нефритовых — как у всех Драгомиров! — глаз был с любовью обращен на мать. Да, она могла послушаться и удрать, но не хотела поступать так, если можно обойтись без этого.

А Эмили смотрела в пространство с безнадежностью во взгляде. Она проиграла. И хотя она препятствовала осуществлению моих планов, я знала, что ею руководят любовь и забота — те самые черты, которые, наверное, и привлекли к ней Эрика.

— Ладно, — сказала она наконец и вздохнула. — Джил может ехать... но я поеду тоже. Без меня ты в этом ужасном месте не окажешься.

— И без меня, — добавил Джон.

Он явно все еще чувствовал замешательство, но был полон решимости поддержать жену и падчерицу. Джил с благодарностью посмотрела на них, снова напомнив мне, что я только что перевернула мир этой семьи с ног на голову. Я не предполагала, что нас будут сопровождать Эмили и Джон, но упрекать их я не могла и не видела, какой вред они могут причинить своим присутствием. Кроме того, Эмили была нужна нам, чтобы рассказать всем об Эрике.

— Спасибо, — сказала я. — Огромное вам спасибо.

Джон устремил на меня пристальный взгляд.

— Мы пока не разобрались с тем фактом, что у нас в доме преступная беглянка.

— Роза не делала этого! — убежденно воскликнула Джил. — Ее подставили.

— Да, это правда. — Я заколебалась, не решаясь высказать то, что было у меня на уме. — Скорее всего, те же люди настроены против Лиссы.

Эмили побледнела, но я чувствовала, что правильнее быть честной, даже если от этого ее страхи вернутся.

— Я верю тебе. Верю, что ты не делала этого. Не знаю почему, но...

верю. — Слабая улыбка тронула ее губы. — Нет, знаю почему. Из-за того, о чем я говорила прежде об этих вероломных людях при дворе. Они на такое способны, ты — нет.

— Уверена? — в тревоге спросил Джон. — Вся эта история с Джил мне не нравится. Стоит ли давать приют преступнице?

— Уверена, — ответила Эмили. — Соня и Джил доверяют Розе, и я тоже. Приглашаю вас всех переночевать у нас, потому что мы вряд ли можем выехать прямо сейчас.

Я открыла рот, собираясь сказать, что мы вполне могли бы отправиться в путь прямо сейчас, но Сидни ткнула меня локтем в бок.

— Спасибо, миссис Мастрано, — сказала она со всей дипломатичностью алхимика. — Это было бы замечательно.

Я не стала настаивать. Время поджимало, но я понимала, что семейство Мастрано вправе сделать кое-какие приготовления. Да и лучше путешествовать при свете дня. Согласно моим грубым прикидкам, мы могли проделать обратный путь ко двору за один день. Я кивнула в знак согласия.

— Спасибо. Мы вам очень признательны. Внезапно в памяти всплыли недавно сказанные Джоном слова: «Вся эта история с Джил мне не нравится. Стоит ли давать приют преступнице?» Я обратилась к Эмили с лучезарной улыбкой:

— Знаете, в машине нас ждут друзья...

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Меня приятно удивило, что, несмотря на недавнюю враждебность, Соня и Роберт объединили свои усилия и создали для братьев Дашковых иллюзию. Она изменила их внешний облик. Вкупе с вымышленными именами этого оказалось достаточно, чтобы семья Мастрано восприняла их просто как участников нашего странного путешествия. В атмосфере огорчения и потрясения, царившей в доме, еще двое гостей меньше всего волновали Мастрано.

По морейским понятиям, недостаточно просто приготовить обед, чтобы тебя сочли хорошим хозяином. Эмили также сумела найти «кормильца» — типа «службы доставки крови». Обычно морои, живущие среди людей, имеют доступ к тайным «кормильцам», обитающим неподалеку. Как правило, к «кормильцам» был приставлен смотритель, и морой оплачивал эту услугу. В обычных обстоятельствах он просто заходил в жилище «кормильца», однако сейчас Эмили организовала, как говорится, «доставку на дом».

Для нее это была просто любезность, какую она оказывала любым гостям-мороям — даже принесшим новости, которых она страшилась долгие годы. Ей в голову не приходило, какую нехватку крови испытывают приехавшие с нами морои. Я не возражала, чтобы братья чуточку ослабели, но Соне кровь была жизненно необходима для дальнейшего восстановления сил.

Когда появились «кормилец» и сопровождающий его смотритель, первой получила кровь именно Соня. Мы с Дмитрием оставались вне поля их зрения, наверху. Возможности Сони и Роберта в создании иллюзии были не безграничны, и от «кормильца»-мороя скрыть подлинную внешность братьев было совершенно необходимо. На нас с Дмитрием уже не оставалось сил, а поскольку мы считались особо опасными беглыми преступниками, рисковать не стоило.

Оставляя братьев без надзора, мы с Дмитрием нервничали, но они, казалось, так сильно жаждали крови, что вряд ли могли учинить что-либо. И Дмитрий, и я хотели привести себя в порядок, поскольку утром не успели принять душ. Мы подбросили монетку, и я пошла первой. Вот только, помывшись и роясь в своей одежде, я обнаружила, что ничего чистого и подходящего не осталось. Пришлось надеть платье, которое Сидни сунула в мой рюкзак. Я состроила гримасу, но потом решила, что

особой беды не будет, если я один вечер похожу в платье. Делать нам было нечего, только дожидаться завтрашнего отъезда; может, Эмили позволит мне постирать грязную одежду. Более или менее уложив волосы с помощью фена, я в конце концов снова почувствовала себя цивилизованным человеком.

Нам с Сидни предоставили одну гостевую комнату, братьям — другую. Соне предстояло ночевать в комнате Джил, а Дмитрию предложили кушетку. Конечно, как только все уснут, он будет обходить дом, а потом я сменю его. В данный момент он принимал душ, и я потихоньку прокралась в коридор и поверх перил взглянула на первый этаж. Вся семья Мастрано, Соня и братья собрались вокруг «кормильца» и смотрителя. Вроде бы все шло как надо. С чувством облегчения я вернулась в свою комнату и использовала вынужденный простой, чтобы посмотреть, как там Лисса.

Ее возбуждение, связанное с удачным прохождением второго испытания, пошло на убыль. Я ожидала, что она спит, в чем сильно нуждалась; но нет. Вместо того чтобы лечь в постель, она вместе с Эдди и Кристианом отправилась к Адриану; до меня дошло, что именно она разбудила его во время нашей последней встречи во сне. Порывшись в ее воспоминаниях, я выяснила, что происходило после того, как он проснулся и открыл им дверь.

— Что случилось? — спросил он, скользя взглядом по их лицам. — Мне приснился замечательный сон.

— Ты мне нужен, — заявила Лисса.

— Я много раз слышал это от женщин, — сказал Адриан.

Кристиан издал такой звук, будто его сейчас вырвет, однако Эдди, как истинный страж, лишь еле заметно улыбнулся.

— Я серьезно, — снова заговорила Лисса. — Я только что получила сообщение от Эмброуза — вроде бы он хочет рассказать нам что-то важное, и... Ну, не знаю. Мне все еще неясно, какую роль он играл во всем этом. Я хочу, чтобы ты тоже выслушал его и высказал свое мнение.

— Нет, это не то, что я обычно слышу от женщин.

— Просто оденься по-быстрому, идет? — сказал Кристиан.

Честно говоря, я удивлялась, что кто-то из нас вообще спит — при том, как мы все постоянно выбиваемся из режима. Как бы там ни было, Адриан быстро оделся, и, несмотря на его легкомысленные комментарии, я знала — его интересует все, имеющее отношение к восстановлению моего доброго имени. Правда, я не была уверена, не проболтается ли он о том, в какую заваруху я сама себя втянула (и о чем проговорила при встрече с ним во сне).

Мои друзья торопливо зашагали к дому, где жил и работал Эмброуз. Двор просыпался, повсюду сновали люди, и многих из них наверняка интересовали результаты второго испытания. При виде Лиссы некоторые выкрикивали приветствия.

— Сегодня ночью у меня было второе испытание, — сообщила Лисса Адриану после очередного поздравления. — Довольно неожиданное.

Мне показалось, что Адриан колеблется, не рассказать ли о том, что он уже слышал об этом — от меня; а заодно и о тех шокирующих новостях, о которых я проговорила. Но нет, он просто спросил:

— И как оно прошло?

— Я выдержала его, — ответила она. — Это все, что имеет значение.

У нее язык не поворачивался рассказать ему о толпе, которая встречала ее после окончания испытания, — о людях, поддерживающих ее не просто по формальным причинам, но потому, что они действительно верили в нее. Там были Таша, Мия и некоторые бывшие ее знакомые по Академии. Даже Даниэлла, дожидаясь, когда наступит очередь Руфуса, поздравила ее, хотя и с явной неохотой, как будто удивляясь тому, что Лисса выдержала испытание. Все пережитое вызвало сюрреалистическое ощущение, и Лисса просто хотела поскорее убраться оттуда.

Тогда Эдди отозвали на помощь другим стражам, несмотря на его громкие заявления, что он охраняет Лиссу. В результате домой ее отвели Кристиан, Таша и страж по имени Этан Мур, тот самый, насчет которого Эйб поддразнивал Ташу. Вообще-то Эйб склонен к преувеличениям, но на этот раз оказался прав. Этан выглядел таким же крутым, как любой другой страж, — но только не тогда, когда его взгляд падал на Ташу. Чувствовалось, что он преклоняется перед ней. Он ей явно тоже нравился, и она всю дорогу кокетничала с ним — к неудовольствию Кристиана. А мне показалось, что это здорово. Некоторые мужчины избегают Ташу из-за ее шрамов. Приятно видеть, что есть человек, высоко оценивающий ее характер, сколько бы Кристиан ни дулся при мысли о том, что его тетя с кем-то встречается. И, по правде говоря, я с удовольствием наблюдала «страдания» Кристиана — это для него полезно.

Доставив Лиссу домой, Этан и Таша удалились, и спустя несколько минут вернулся Эдди, ворча, что его отозвали ради какой-то «чепухи», в то время как для него есть более важные дела. Он, видимо, поднял там такой шум, что его отпустили к Лиссе. Он появился у нее за десять минут до того, как принесли записку от Эмброуза, так что все получилось очень удачно. Эдди встревожился бы, если бы не застал ее. Наверное, подумал бы, что в его отсутствие его подопечную похитили стригои.

Все это предшествовало тому, что происходило сейчас: Лисса в сопровождении троих парней отправилась на тайную встречу с Эмброузом.

— Раненько вы, — заметил он, открыв дверь после первого же стука.

Сейчас они оказались не в причудливо убранной приемной для клиентов, а в личной комнате Эмброуза. Здесь было очень мило — и напоминало комнату в нашем академическом общежитии. Гораздо более мило, чем то, с чем приходилось сталкиваться мне. Все внимание Лиссы было сосредоточено на Эмброузе, но Эдди быстрым взглядом окинул комнату. Я порадовалась, что он с ней и, похоже, не склонен доверять Эмброузу — как и любому, не входящему в ее близкий круг.

— Что случилось? — спросила Лисса, как только Эмброуз закрыл за ними дверь. — Что за срочность?

— Я должен показать тебе кое-что, — ответил он; на постели лежала груда бумаг, и он взял ту, что была сверху. — Помнишь, я говорил, что они хранят под замком все вещи Татьяны? Теперь они составили опись и вернули их на место. — Адриан переступил с ноги на ногу, явно испытывая неловкость. — У нее был сейф, где она держала важные документы — тайные, по всей видимости. И...

— И? — подтолкнула его Лисса.

— И я не хочу, чтобы кто-нибудь нашел их. Я понятия не имел, что они собой представляют, но если она хотела сохранить их в секрете... мне кажется, так и должно оставаться. Я знал комбинацию сейфа и... украл их.

Судя по выражению лица Эмброуза, его мучило чувство вины... но не за совершенное убийство.

Лисса устремила заинтересованный взгляд на кипу бумаг.

— И что?

— Ни одна из этих бумаг не имеет отношения к тому, что вы ищете... за исключением, может быть, вот этой.

Он протянул ей лист бумаги; Адриан и Кристиан сгрудились вокруг нее.

Дорогая Татьяна,

меня немного удивляют события последнего времени. Мне казалось, мы достигли понимания в том, что для безопасности нашего народа требуется нечто большее, чем включение в дело защиты более молодого поколения стражей. Мы позволили слишком большому числу стражей, в особенности женщин,

покинуть нас. Если ты предпримешь шаги, чтобы вернуть их, — и ты понимаешь, о чем я говорю, — ряды стражей заметно увеличатся. Возрастной закон абсолютно недостаточен, в особенности при том, что твой эксперимент по обучению мороев провалился.

Поразило меня и известие о том, что ты вынашиваешь планы освобождения Дмитрия Беликова из-под стражи. Не понимаю, что на самом деле происходит, но ясно одно — внешность обманчива. Возможно, ты спускаешь с привязи монстра — или по меньшей мере шпиона, — позволяя ему свободно разгуливать среди нас. Наоборот, его следует охранять тщательнее. То, что ты по-прежнему поддерживаешь изучение стихии духа, вызывает огромную тревогу и, без сомнения, грозит повлечь за собой чудовищные последствия. Наверняка существовала причина, по которой эта стихия так долго оставалась в забвении: наши предки осознавали ее потенциальную опасность и не спешили ее применять. Доказательство тому — судьба Эйвери Лазар, и твое «чудо», Василиса Драгомир, без сомнения, движется по ее стопам. Поощряя Василису, ты способствуешь деградации рода Драгомир, рода, который неминуемо должен угаснуть, отойти в историю, но с почетом, а не с позорной печатью безумия. Поддерживая ее, ты ставишь под удар и своего внучатого племянника, что было бы крайне нежелательно для всех нас.

Сожалею, что обрушиваю на тебя свое осуждение по таким существенным вопросам. Я очень высоко ценю тебя и испытываю безграничное уважение к тому, как умело ты управляла своим народом все эти долгие годы. Убежден, в самое ближайшее время ты примешь ряд адекватных решений — хотя не все разделяют мою уверенность в этом. Вышеупомянутые люди могут взять все в свои руки, и никто не знает, к чему это приведет.

Письмо было напечатано на машинке и не подписано. Поначалу Лисса не осмыслила его в целом, полностью сосредоточившись на той части, где говорилось об угасании рода Драгомир с позорной печатью безумия. Это слишком напоминало то, что она пережила во время испытания!

К реальности ее вернул Кристиан.

— Похоже, у Татьяны были враги, однако вообще-то это кажется

очевидным — учитывая, как все закончилось.

— От кого письмо? — спросил Адриан.

От тонко завуалированной угрозы в адрес тети он помрачнел и разозлился.

— Не знаю, — ответил Эмброуз. — Я же сказал, каким образом нашел его. Может, даже она не знала имени отправителя.

Лисса кивнула в знак согласия.

— Да, очень похоже на анонимное послание... но в то же время у меня такое чувство, будто это человек, которого Татьяна хорошо знала.

Адриан бросил подозрительный взгляд на Эмброуза.

— Откуда нам знать — может, ты только что сам напечатал все это, а теперь подсовываешь нам?

— Адриан! — укорила его Лисса.

Она не произнесла этого вслух, но явно надеялась, что Адриан исследует ауру Эмброуза на предмет чего-то, что она, возможно, упустила.

— Это безумие. — Кристиан похлопал по письму. — Я имею в виду часть, где говорится о том, чтобы согнать всех дампов и заставить их служить стражами. Что, по-твоему, это означает — «шаги, чтобы вернуть их», о которых Татьяне известно?

Я знала ответ на этот вопрос. «Принуждение», так писала в своей записке Татьяна.

— Не знаю, — ответила Лисса и перечитала письмо. — А что это за «эксперименты»? Речь идет о занятиях, которые Грант проводил с морями?

— Лично я именно так и подумал, — сказал Эмброуз. — Но уверенности у меня нет.

— Можно нам посмотреть остальное?

Адриан сделал жест в сторону кипы бумаг. Не знаю, чем была вызвана его подозрительность в отношении Эмброуза — естественным недоверием или тем, что он все еще тяжело переживал убийство тети.

Эмброуз отдал им бумаги. Пролистав их, Лисса согласилась с ним: ничего полезного там не было. Документы в основном представляли собой бюрократическую или личную переписку. Внезапно у Лиссы возникла мысль — как и у меня, — что, возможно, он показывает им не все. Однако выяснить, так ли это, в данный момент не представлялось возможным. Подавив зевок, она поблагодарила Эмброуза и ушла в сопровождении остальных.

Ей очень хотелось спать, но беспокойный разум продолжал анализировать письмо, что было вполне естественно.

— Это письмо доказывает, что у кого-то были причины злиться на Татьяну гораздо сильнее, чем у Розы, — заметил Кристиан, когда они покидали здание. — Тетя Таша говорит, что гнев, основанный на расчете, гораздо опаснее того, который базируется на слепой ненависти.

— Твоя тетя прямо философ, — устало заметил Адриан. — Однако пока мы по-прежнему топчемся на месте.

Эмброуз отдал письмо Лиссе, она сложила его и убрала в карман джинсов.

— Интересно, что скажет по поводу его Таша. И Эйб. — Она вздохнула. — Жаль, что Грант погиб. Хороший был парень — и, возможно, что-нибудь прояснил бы для нас.

Они подошли к боковому выходу, и Эдди открыл перед ними дверь.

— Как близки были Грант и Серена... — начал Кристиан.

Эдди заметил опасность за мгновение до Лиссы — но для чего еще он тут присутствовал, как не для того, чтобы предотвращать опасности? Мужчина — морой — поджидал среди деревьев во дворе, отделяющем дом Эмброуза от соседнего. Место было не такое уж уединенное, но находилось в стороне от основных дорог и часто бывало безлюдным.

Мужчина устремился вперед и, казалось, удивился, заметив бегущего к нему Эдди. Лисса не могла анализировать боевую ситуацию так, как я. Судя по тому, под каким углом двигался мужчина, он направлялся к Лиссе — и в руке у него был нож. Лисса в страхе замерла — естественное поведение для того, кто не обучен правильно реагировать на ситуации подобного рода. Однако, когда Кристиан рывком оттащил ее назад, она ожила и быстро отступила вместе с ним и Адрианом.

Нападающий и Эдди сцепились, и несколько мгновений ни тот ни другой не могли одержать верх. Лисса громко позвала на помощь, я же полностью сосредоточилась на сражающихся. Мужчина был силен для мороя и, судя по его маневрам, учился драться. Хотя мне показалось, что он знаком лишь с азами боевых искусств, а с точки зрения мускулатуры не идет ни в какое сравнение с любым дампиром.

Как и следовало ожидать, Эдди быстро преодолел сопротивление противника и свалил его на землю, стремясь прижать к ней его правую руку и вырвать нож. Мужчина явно обучался владению ножом — судя хотя бы по шрамам и поврежденным пальцам на левой руке. Наверное, он долго и старательно оттачивал рефлекс той руки, в которой держал нож. Даже прижатый к земле, он оказался способен пырнуть Эдди ножом, целясь, без сомнения, в горло. Эдди молниеносно среагировал, отбив лезвие рукой, но в результате порезавшись.

Морой воспользовался этим моментом: он отшвырнул Эдди и снова бросился на него; нет, парень был определенно хорош. Его намерения не вызывали сомнений. Он пришел сюда, чтобы убить. Нож жаждал крови. Стражи умеют подавлять противника и захватывать его в плен, но нас также обучали, что если ситуация развивается слишком быстро, если вопрос стоит так: «мы или они», то нужно сделать все, чтобы это были «они». Эдди управляла инстинктивная реакция, которую ему вдалбливали годами: останови того, кто пытается убить тебя. При дворе он не носил ни пистолета, ни ножа. Когда мужчина снова бросился на него, целясь острием лезвия прямо в шею, Эдди прибег к единственному оружию, способному защитить его жизнь.

Он вонзил в морю кол.

Дмитрий как-то пошутил, что необязательно быть стригоем, чтобы погибнуть от удара колом в сердце. Доказательство тому хотя бы Татьяна. Нож лишь коснулся шеи Эдди — и выпал из руки противника, даже не оцарапав кожу. От шока и боли морой широко распахнул глаза... и больше уже не видел ничего. Умер. Эдди отклонился на пятках, глядя на свою жертву с выражением того подпитываемого адреналином боевого азарта, который всегда возникает в подобной ситуации. Внезапно его внимание привлек громкий крик, и он вскочил, готовясь встретить новую опасность.

Оказалось, что это группа стражей, откликнувшихся на прозвучавший раньше крик Лиссы о помощи. Им хватило одного-единственного взгляда на место действия, чтобы сделать выводы, к которым их подталкивало многолетнее обучение. Они видели мертвого моря и вампира с окровавленным оружием в руке. Стражи набросились на Эдди, отшвырнули его к стене и отняли кол. Лисса закричала, что они ошибаются, что Эдди защищал ее жизнь, и...

— Роза!

Яростный крик Дмитрия снова вернул меня в дом Мастрано. Я сидела на постели, а он, с искаженным от страха лицом, стоял передо мной на коленях, обхватив за плечи.

— Роза, что случилось? С тобой все хорошо?

— Нет!

Я оттолкнула его и бросилась к двери.

— Я должна... должна вернуться ко двору. Немедленно. Лисса в опасности. Я нужна ей.

— Роза, Роза, да успокойся. — Он с силой сжал мою руку, не давая вырваться, и развернул лицом к себе. Его волосы все еще были мокрыми после душа, от него исходил запах мыла и влажной кожи. — Расскажи, что

произошло.

Я быстро описала ему, что видела.

— Кто-то пытался убить ее, Дмитрий! А меня там не было!

— Зато Эдди был, — сказал Дмитрий. — С ней все в порядке. Она жива.

Он отпустил меня, и я привалилась к стене. Сердце бешено колотилось, приступ паники никак не проходил, хотя я и понимала, что мои друзья в безопасности.

— И теперь у него неприятности. Эти стражи так разъярились...

— Только потому, что не знают всего. Они видели мертвое тело и оружие, вот и все. Стоит им выслушать показания свидетелей, и все будет в порядке. Эдди защищал морейскую принцессу. Это его работа.

— Но при этом он убил другого мороя, — заметила я. — Предполагается, что мы так не поступаем.

Это казалось очевидным и даже глупым, но я знала — Дмитрий понимает, что я имею в виду. Задача стража — защищать мороев. «Они на первом месте». Чтобы страж убил мороя — это немыслимо. Так же как и попытка одного мороя убить другого.

— Это была ненормальная ситуация, — сказал Дмитрий.

Я откинула голову назад.

— Да знаю я, знаю. Просто мне невыносима мысль, что она осталась без защиты. Я хочу вернуться и обеспечивать ее безопасность. Прямо сейчас. — Казалось, завтра — это все равно что через несколько лет. — Что, если на нее снова нападут?

— Найдется кому защитить ее. — Дмитрий подошел ко мне, и я удивилась, увидев, что в этой ситуации он улыбается. — Поверь, я тоже хочу защищать ее, но уехать немедленно — значит рискнуть своей жизнью зря. Подожди еще немного и, пожалуйста, действуй на свой страх и риск, но хотя бы ради чего-то стоящего.

Паника стала утихать.

— Ведь Джил — это стоящее, правда?

— Очень даже.

Я выпрямилась. До меня как будто только сейчас в полной мере дошло, чего мы добились.

— Мы сделали это, — сказала я, чувствуя, как лицо расплывается в улыбке. — Вопреки всем препятствиям, даже вопреки здравому смыслу... мы нашли сестру Лиссы. Понимаешь, что это значит? Теперь Лисса может иметь все, что дает ей титул. Черт, она может даже стать королевой — если пожелает. А Джил... Она принадлежит к старинной королевской семье. Это

ведь хорошо.

— Думаю, это зависит от Джил, — ответил Дмитрий. — И от того, каковы будут последствия всего этого.

Чувство вины за то, что, возможно, я разрушила жизнь Джил, снова вернулось; я понурилась.

— Эй, все хорошо. — Он приподнял мою голову за подбородок; его карие глаза светились теплом и нежностью. — Ты все сделала правильно. Никто даже не предпринял бы такую немыслимую попытку. Только Роза Хэзевей. Нарушив указания Эйба, ты пошла на риск — и выиграла. Оно того стоило.

— Надеюсь, Адриан тоже это поймет, — пробормотала я. — Он думает, что, покинув свое «безопасное убежище», мы совершили ужасную глупость.

Рука Дмитрия упала.

— Ты рассказала ему обо всем этом?

— О Джил — нет. Но я случайно проговорила, что мы больше не в Западной Виргинии. Он хранит это в тайне, — торопливо добавила я. — Больше никто не знает.

— В это можно верить. — Теплоты в голосе Дмитрия поубавилось. — Похоже, он... очень предан тебе.

— Да. Я полностью доверяю ему.

— И он делает тебя счастливой?

Дмитрий говорил не резко, но так настойчиво, словно при полицейском допросе.

Я припомнила свои дни с Адрианом: добродушное подшучивание, вечеринки, другие развлечения и, конечно, поцелуи.

— Да, делает. Он такой забавный! Ну, иногда он меня бесит — ладно, часто, — но не стоит думать, что он состоит из одних недостатков. Он неплохой человек.

— Я понимаю это, — сказал Дмитрий. — Более того, он хороший человек. Не всякий это разглядит, но я вижу. Он все еще на стадии становления, но движется в правильном направлении. Я понял это во время организации нашего побега. А после Сибири... — Слова, казалось, завязли у него в горле. — После Сибири он поддерживал тебя? Помогал?

Я кивнула, недоумевая, что означают эти вопросы. Как выяснилось, они были всего лишь разминкой перед главным.

— Ты любишь его?

На свете было всего несколько человек, которые могли задать мне такие сугубо личные вопросы и не получить за это оплеуху. Дмитрий

принадлежал к их числу. Мы всегда были открыты друг другу, но наши сложные взаимоотношения придавали этой теме сюрреалистический характер. Можно ли признаться в том, что любишь кого-то, человеку, которого любила прежде?

«Человеку, которого все еще любишь», — прошептал голос в голове.

Можно. Наверное. Я снова напомнила себе, что любовь к Дмитрию не может сразу исчезнуть. Она будет таять постепенно. Она должна растаять — как и его чувства ко мне. Он — мое прошлое. Адриан — мое будущее.

Пауза длилась чуть дольше, чем казалось нужным.

— Да, — ответила я наконец. — Я... люблю его.

— Хорошо. Я рад.

Дмитрий отошел к окну и выглянул в него. Его лицо особой радости не выражало. Мое смятение возросло. Почему он расстроился? В последнее время он говорил и действовал не так, как еще совсем недавно. Я подошла к нему.

— Что случилось?

— Ничего. Просто хотел убедиться, что у тебя все хорошо. — Он повернулся ко мне с явно вымученной улыбкой на губах. Он сказал правду — но не всю правду. — Ситуация изменилась, вот и все. Это заставило меня на многое взглянуть по-новому. Случай с Донованом... а потом Соня... странное ощущение. Мне казалось, все изменилось в ту ночь, когда Лисса спасла меня. Но это не так. По-настоящему исцелиться гораздо сложнее, чем я думал. — На мгновение он снова поддался печали, но потом одернул себя. — Каждый день я открываю для себя что-нибудь новое. Новые эмоции, о существовании которых забыл. Новую красоту, которую не замечал.

— А мои волосы, которые ты заметил в проулке, больше не остаются в этом списке? — поддразнила его я. — Ты тогда просто напугал меня.

Сейчас его улыбка выглядела более естественной.

— Нет, Роза. Они были прекрасны. И сейчас прекрасны.

— А это платье не сводит тебя с ума?

Я задала этот вопрос, пытаясь обратить все в шутку; на самом деле под его взглядом у меня кружилась голова.

Эти темные-темные глаза глядели на меня — по-настоящему глядели на меня; по-моему, впервые с тех пор, как он вошел в комнату. Его лицо отражало целую гамму чувств: благоговение, восхищение, печаль, сожаление. Я видела их, но не понимала, чем они вызваны.

— Что? — с ощущением неловкости спросила я. — Почему ты так смотришь на меня?

Он покачал головой, в улыбке его появился оттенок грусти.

— Потому что иногда человек может быть так погружен в детали, что они заслоняют от него целое. Дело не просто в платье или волосах. Дело в тебе. Ты прекрасна. Так прекрасна, что это причиняет мне боль.

Я почувствовала странный трепет в груди. Нервы разыгрались, на мгновение остановилось сердце... трудно объяснить. Как бы то ни было, в этот момент я больше не стояла в гостевой комнате Мастрано. Прежде Дмитрий уже говорил мне эти слова или что-то очень близкое к ним. «Так прекрасна, что это причиняет мне боль». Это случилось в хижине в Академии, где и когда мы единственный раз занимались сексом. И глядел он тогда на меня почти так же, только в его взгляде было меньше печали. Когда я слышала эти слова, замок, на который я заперла свое сердце, внезапно слетел, и все чувства и переживания прошлого вернулись, как и ощущение нашего нерасторжимого единения. Глядя на Дмитрия, я испытала сверхъестественное чувство, как будто знала его всегда. Как будто мы связаны... но не так, как с Лиссой, не связью, пришедшей извне.

— Ребята, по-моему... Ой! — Сидни остановилась в дверном проеме и слегка попятилась. — Извините. Я... Просто...

Мы с Дмитрием молниеносно отодвинулись друг от друга. Чувствуя жар и дрожь, я только сейчас заметила, что мы чуть ли не обнялись. Что произошло? Это напоминало транс. Сон.

Я постаралась успокоиться.

— Все в порядке. Что случилось?

Сидни перевела взгляд с Дмитрия на меня, явно все еще испытывая неловкость. Может, у нее самой нет никакой личной жизни, но даже она понимала, в какой ситуации застала нас.

— Я... Это... Я просто хотела поговорить с вами. Надоело то, что происходит внизу.

Я попыталась изобразить улыбку, все еще чувствуя смятение.

«Почему Дмитрий так смотрел на меня? Почему говорил все это? Он больше не хочет меня, по его же собственным словам. Он просил меня оставить его в покое».

— Конечно. Мы просто... разговаривали, — сказала я, но, по-моему, она не поверила мне. Я постаралась быть более убедительной — не столько для нее, сколько для себя. — Мы разговаривали о Джил. У тебя есть идеи, как доставить ее ко двору, учитывая, что все мы вне закона?

Пусть Сидни не эксперт в вопросе личных взаимоотношений, но разгадывать головоломки — это ее дело. Она расслабилась и переключила внимание на то, как разрешить эту проблему.

— Ну, у нее же есть мать...

Донесшийся снизу грохот заставил ее резко оборвать себя. Как один мы с Дмитрием бросились к двери, готовые разобраться с любыми учиненными Виктором и Робертом беспорядками. И оба затормозили наверху лестницы, услышав крики с требованием всем спуститься вниз.

— Стражи, — сказал Дмитрий. — Устроили облаву на дом.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

По всему дому загрохотали шаги. Не вызывало сомнений, что спустя всего несколько секунд целая армия устремится наверх, на второй этаж. Все мы попятились, и, к моему удивлению, первой среагировала Сидни.

— Уходите. Я отвлеку их.

Каким образом она могла отвлечь их? Преградить дорогу, и, хотя ее тут же отшвырнут в сторону, эти несколько лишних секунд могут многое изменить. Тем не менее мысль о том, чтобы бросить ее, была для меня невыносима. Дмитрий, однако, не колебался — в особенности когда шаги загремели по ступеням.

— Пошли! — воскликнул он и схватил меня за руку. Мы помчались по коридору в самую дальнюю спальню, ту, которая предназначалась Виктору и Роберту. Прежде чем войти туда, я крикнула Сидни:

— Отвези Джил ко двору!

Не знаю, расслышала ли она, поскольку, судя по звукам, стражи добрались до нее. Дмитрий распахнул большое окно спальни и многозначительно посмотрел на меня. Как всегда, облекать свою мысль в слова у него не было нужды.

Он спрыгнул первым — без сомнения, желая принять на себя весь удар, если что-либо угрожало нам внизу. Я тут же последовала за ним — спрыгнула на крышу первого этажа, заскользила по ней и оттуда полетела на землю. Дмитрий помог мне приземлиться, схватив за руку, — однако за мгновение до этого у меня подвернулась нога. Та самая, которая пострадала во время нападения на Донована. Я вздрогнула от прострелившей щиколотку боли, но в дальнейшем постаралась не обращать на нее внимания.

Из всех теней и укрытий на нас надвигались темные фигуры. Естественно. Стражи не ограничились тем, что взломали дверь; они также заняли позиции по всему периметру двора. Двигаясь в естественном для нас ритме, мы с Дмитрием спина к спине приняли бой. Как всегда, трудность состояла в том, чтобы выводить из строя противников, не убивая их. Нелегкая задача, но выполняемая — если очень постараться. Я не хотела убивать таких же, как я сама, людей, просто выполняющих свою обязанность. Длинное платье тоже мешало — ноги то и дело путались в ткани.

— Остальные будут здесь через минуту, — буркнул Дмитрий, свалив

на землю очередного стража. — Нужно уходить... вон туда. Калитка.

Без единого слова и продолжая отбиваться от нападающих, я последовала за ним. Только мы успели выскочить за калитку, как из дома высыпали новые стражи. Оказавшись на тихой боковой улочке позади дома Мастрано, мы бросились бежать. Вскоре, однако, стало ясно, что мне за Дмитрием не угнаться. Умом я игнорировала боль, но тело не могло заставить пострадавшую щиколотку работать как следует.

Не останавливаясь, Дмитрий обхватил меня рукой, чтобы помочь передвигаться. Свернув с улочки, мы побежали дворами, что должно было сделать преследование трудным — хотя и не невозможным.

— Нам не убежать от них, — сказала я. — Я задерживаю тебя. Ты должен...

— Не говори «бросить тебя», — прервал меня Дмитрий. — Только вместе.

Щелк, щелк. Внезапно цветочный горшок рядом с нами взорвался, разбрасывая землю и осколки.

— Они стреляют в нас, — удивленно сказала я. — Они действительно стреляют в нас!

Это они-то, обученные рукопашному бою! Я всегда считала, что пистолеты — это просто так, для форсу. Однако если речь идет об охоте на убийцу королевы и ее сообщника — честь отступает на второй план, важен только результат.

Вторая пуля со свистом пронеслась мимо, в опасной близости от нас.

— С глушителем, — сказал Дмитрий. — Но они будут осторожны, им ни к чему, чтобы местные жители подумали, будто могут оказаться под ударом. Нам нужно спрятаться. Быстро.

Пока мы буквально увертывались от пуль, но моей щиколотки надолго не хватит. Дмитрий снова резко свернул, в сторону пригорода. Оглядываться было некогда, но за спиной по-прежнему раздавались крики: преследование продолжалось.

— Вот, — сказал Дмитрий.

Перед нами вырисовывался темный дом с большим внутренним двором, похожим на двор Сони. Застекленная дверь была открыта, хотя дорогу внутрь преграждала сетка. Дмитрий подергал щеколду. Заперто. Однако сетка вряд ли могла остановить нас. Бедная, доверчивая семья. Достав кол, Дмитрий прорезал сетку сверху донизу. Мы поспешно проскользнули в щель, и он сразу же оттолкнул меня в сторону, прочь из поля зрения. Приложил палец к губам и прижал меня к своему разгоряченному телу.

Спустя несколько мгновений появились стражи, обыскивающие дворы. Некоторые продолжали двигаться в прежнем направлении — на тот случай, если мы побежали дальше. Другие задержались, обследуя все места, где можно укрыться. Между тем становилось все темнее. Сделанный Дмитрием ровный разрез не производил впечатления дыры, но все же мог привлечь внимание преследователей.

Тоже прекрасно понимая это, Дмитрий потихоньку перебрался в гостиную, стараясь держаться подальше от окон, чтобы нас не заметили. Через гостиную мы прошли в кухню и обнаружили дверь, ведущую в гараж, а в нем — красный «форд-мустанг».

— Надеюсь, в семье два автомобиля, — пробормотал он.

— А может, они отправились на прогулку и вот-вот вернутся домой, заметив по соседству такое количество стражей, — прошептала я.

— Стражи не допустят, чтобы их заметили.

Мы начали искать ключи; наконец я обнаружила, что они свисают с приборной доски, сбоку.

— Вот они.

Поскольку ключи нашла я, можно было бы рассчитывать, что Дмитрий позволит мне сесть за руль. Увы, подвела правая щиколотка. Я бросила ключи ему. Какое все-таки у мироздания нездоровое чувство юмора!

— А они не заметят нас в этом автомобиле? — спросила я после того, как Дмитрий поднял дверь гаража и выехал задним ходом. — Он... ну, гораздо ярче тех, которые мы обычно воруем.

Он вообще был потрясающий. Сидни, помешанной на машинах, он понравился бы. Я прикусила губу, испытывая чувство вины из-за того, что мы ее бросили, но постаралась выкинуть эти мысли из головы.

— Да, он такой, — согласился Дмитрий. — Но по улицам ездит много машин. Одни стражи все еще обыскивают дворы, другие охраняют семью Мастрано. Их не бесконечное количество. Они не в состоянии уследить за всем сразу, хотя, конечно, будут стараться.

И все же я затаила дыхание, когда мы выехали на дорогу. Дважды мне казалось, что я замечаю крадущиеся сбоку по обочине фигуры, но Дмитрий был прав: они не могли в оживленном пригороде проверить каждую машину. К тому же сгустившаяся тьма скрывала лица.

Дмитрий запомнил дорогу, по которой мы ехали сюда, и спустя несколько поворотов вырвался на шоссе. Он не ехал в какое-то конкретное место; у него на уме было одно — подальше отсюда. Не обнаружив никаких признаков преследования, я слегка расслабилась и вытянула пульсирующую болью ногу. В груди возникло неясное ощущение легкости,

которое всегда сопровождает мощный выброс адреналина.

— Они выдали нас? — спросила я. — Виктор и Роберт позвонили стражам, а сами смылись. Нужно было не спускать с них глаз.

— Не знаю. Возможно. Я видел их прямо перед тем, как заговорил с тобой, и, казалось, все было нормально. Они хотели поехать с нами, чтобы найти Джил, но понимали, что это лишь вопрос времени — рано или поздно мы передадим их властям. Не удивлюсь, если они разработали план бегства. Вероятно, использовали «кормильца», чтобы отвлечь внимание, позвонить стражам и избавиться от нас.

— Вот дерьмо! — Я вздохнула и откинула назад волосы, жалея, что мне нечем связать их в конский хвост. — Наоборот, нам надо было избавиться от них, когда была такая возможность. И что теперь будет?

Несколько мгновений Дмитрий молчал.

— Мастрано допросят... очень тщательно. Всех. Соню, как меня вначале, арестуют для обследования, а Сидни отправят к алхимикам.

— И что ей грозит?

— Не знаю. Хотя начальству уж точно не понравится, что она помогала беглым вампирам.

— Дерьмо! — Все шло прахом. — А что мы будем делать?

— Уберемся подальше от этих стражей. Спрячемся. Обмотаем чем-нибудь твою щиколотку.

Я искоса взглянула на него.

— Класс! Ты, оказывается, уже все спланировал.

— Вовсе нет. — Он слегка нахмурился. — Это самая легкая часть. То, что будет потом... Это потруднее.

Сердце у меня упало. Он прав. Если власти не предъявят Мастрано обвинения в укрывательстве преступников, теперь некому заставить Эмили открыто объявить о происхождении Джил. Да еще и Сидни отошлют к алхимикам... Хотя чем она может помочь? Нужно открыть правду кому-нибудь еще, поняла я. Во время следующей встречи с Адрианом я расскажу ему все, чтобы мои друзья могли сами заняться Джил. Хранить этот секрет дальше не имело смысла.

Дмитрий съехал с трассы, и я вернулась к реальности.

— Отель?

— Не совсем, — ответил он.

Мы находились в оживленном коммерческом районе, неподалеку от Анн-Арбор, так мне показалось. В одном из пригородов Детройта. Вдоль дороги выстроились рестораны и магазины, и Дмитрий подъехал к работающему круглосуточно супермаркету, обещающему «все».

Припарковавшись, он открыл свою дверцу.

— Оставайся здесь.

— Но...

Дмитрий бросил на меня многозначительный взгляд, и я оглядела себя. Оказывается, я вышла из нашего сражения в гораздо худшем виде, чем осознавала; точнее, платье висело лохмотьями. Появление в таком виде, естественно, привлекло бы внимание — как и моя хромота. Я кивнула, и он ушел.

Пока его не было, я обдумывала наши проблемы, ругая себя за то, что не изыскала способа сдать братьев, как только Роберт «вернул» Соню. И еще — я готовилась к предательству с их стороны в виде чего-нибудь вроде магической атаки, но никак не ожидала такого простого хода, как звонок стражам.

Дмитрий, никогда долго в магазинах не болтающийся, вскоре вернулся с двумя большими сумками и чем-то, перекинутым через плечо. Это «что-то» он бросил на заднее сиденье.

— Что это? — с любопытством спросила я.

Вещь была длинная, цилиндрической формы, в брезентовом чехле.

— Палатка.

— Зачем... — Я застонала. — Значит, не отель?

— В кемпинге найти нас будет труднее, в особенности автомобиль. Пока мы не можем избавиться от него, с твоей-то ногой.

— Бедные люди! — вздохнула я. — Надеюсь, они получают страховку за машину.

Мы выехали на шоссе, миновали окраину города и вскоре увидели указатели кемпингов и стоянок при них. Дмитрий свернул к кемпингу под названием «Тихие сосны», договорился со служащим в офисе и расплатился хрустящими банкнотами. Это вторая причина, почему нам нельзя в отель, поняла я. В большинстве из них требовались кредитные карточки, которых у нас не было: все они (на фальшивые имена, конечно) остались у Сидни. Отныне нам предстояло обходиться наличными деньгами.

Служащий показал нам, куда ехать по гравийной дороге. Наше место находилось на противоположном конце лагеря. Там было множество отдыхающих семейств, но никто не обращал на нас внимания. Дмитрий припарковался как можно ближе к деревьям — чтобы ни машина, ни ее номерной знак не бросались в глаза. Сколько я ни протестовала, он не позволил мне помочь ему с палаткой. Заявил, что без меня справится быстрее и что я должна поберечь ногу. Я спорила до тех пор, пока он не

начал устанавливать палатку; он делал это так быстро, что я вытаращила глаза от изумления. Никакая инструкция ему не требовалась. Думаю, он поставил рекорд.

Палатка оказалась маленькой и прочной; мы оба могли там сидеть или лежать, хотя сидя Дмитрию приходилось слегка горбиться. Оказавшись внутри, я занялась остальными его покупками. В основном это были средства первой помощи. И еще фонарик, который он включил и установил наподобие лампы.

— Дай я осмотрю твою щиколотку, — приказал он.

Я вытянула ногу. Он задрал подол платья до колена, легко прикасаясь к моей коже. И снова я вздрогнула — нахлынуло ощущение дежавю. Что-то в последнее время такое со мной случалось частенько. На память пришли все случаи, когда я ранила себя и Дмитрий помогал мне. Как будто мы вернулись в гимнастический зал Академии. Он осторожно проверил подвижность щиколотки, легко нажимая и сгибая ногу. Его пальцы всегда поражали меня. Они могли сломать человеку шею, бережно забинтовать рану и очень чувственно скользить по голой коже.

— Не думаю, что есть перелом, — заявил он в конце концов. Лишь когда он убрал руки, я осознала, какое тепло исходило от них. — Просто растяжение.

— Такие вещи случаются, если то и дело прыгать с крыш, — заметила я, пытаюсь, как обычно, скрыть неловкость за шуткой. — Знаешь, во время обучения в этом мы никогда не практиковались.

Он улыбнулся и очень плотно забинтовал мне щиколотку. А потом достал...

— Что это, замороженный горох?

Дмитрий поудобнее устроил пакет на моей щиколотке; от холода сразу стало легче.

— Проще, чем купить упаковку льда.

— Ты очень изобретателен, Беликов. Что еще у тебя припасено?

Остальное содержимое сумок состояло из одеял и кое-какой еды. Я расплылась в улыбке, увидев, что для меня он купил картофельные чипсы в сметанном соусе и плитку шоколада. Приятно, что он помнил мои вкусы. Улыбка угасла, когда обнаружилась еще одна проблема.

— Ты не купил никакой одежды?

— Одежды? — повторил он с таким видом, словно это было иностранное слово.

Я показала на свое рваное платье.

— Долго оно не выдержит. Что мне тогда делать? Соорудить из одеяла

тогу? Все вы, парни, никогда о таких вещах не думаете.

— Меня волновали твоя щиколотка и проблема выживания. Новая одежда — роскошь, не необходимость.

— И даже твой пыльник? — лукаво спросила я.

Дмитрий на мгновение замер, а потом выругался.

Носить плащ в доме Мастрано у него нужды не было — по правде говоря, и за пределами дома тоже, — поэтому он остался там.

— Не волнуйся так, товарищ, — поддразнила его я. — Он не единственный на свете.

Он расстелил одеяла на полу палатки и лег на спину. Выражение огорчения на его лице выглядело почти комически. Набеги, стрельба, преступники... все нипочем. Лишиться пыльника? Серьезная проблема.

— Мы непременно раздобудем тебе другой, — сказала я. — Ну, ты понимаешь — когда найдем Джил, восстановим мое честное имя и спасем мир.

— Всего лишь? — спросил он, и мы рассмеялись.

Но когда я растянулась рядом с ним, наши лица посерьезнели.

— И что будем делать теперь?

Самый популярный вопрос этим вечером.

— Спать. — Он выключил фонарик. — Завтра свяжемся с Эйбом, Ташей или... с кем-нибудь еще. Пусть они возьмут дело в свои руки и доставят Джил туда, куда нужно.

— У меня такое чувство, будто мы все провалили, — заговорила я на удивление тонким голосом. — Я так радовалась. Думала, мы совершили немыслимое, но все оказалось зря. Все труды псу под хвост.

— Зря? — изумленно переспросил он. — То, что мы сделали... это невероятно. Ты нашла сестру Лиссы. Еще одну Драгомир. По-моему, ты пока не до конца понимаешь все значение этого. У нас не было почти никаких шансов, но ты продолжала упорствовать, и все получилось.

— И упустила Виктора Дашкова. Снова.

— Долго он в укрытии не просидит. Он из тех, кто всегда должен контролировать ситуацию. В конце концов он проявит себя, и тогда мы... поймем его.

Я снова улыбнулась, хотя, конечно, он этого не видел.

— Надо же, из нас двоих я только себя всегда считала оптимисткой.

— Это заразно.

Потом, к моему удивлению, его рука нашла в темноте мою; наши пальцы сплелись.

— Ты все делала правильно, Роза. Просто замечательно. А теперь спи.

Больше мы никак не соприкасались, но его рука несла в себе все тепло мира. Не такой прекрасный момент, как в библиотеке, но наша привычная связь и взаимопонимание грели сильнее, чем когда-либо; удивительно приятное чувство. Естественно, я не могла спать; хотела лежать здесь и радоваться тому, что он рядом. Это не измена, решила я, подумав об Адриане. Просто счастье от ощущения нашей близости.

Тем не менее поспать следовало. Мы, как обычно, должны были отдыхать по очереди — сначала он бодрствует, потом я. У меня было такое чувство, что если я не усну, и он не станет спать, когда придет его очередь отдыхать. Я закрыла глаза, но была вынуждена бороться со своим сознанием, которое, словно белка в колесе, снова и снова бегало по кругу, стараясь понять, что делать дальше.

«Доставить Джил ко двору. Просто доставить Джил ко двору».

Только это имело значение. Нужно связаться с кем-нибудь, способным найти Джил, а мы с Дмитрием ляжем на дно, и вскоре все образуется...

— Слава богу!

Я резко обернулась, не сразу поняв, что снова угодила в чужой сон. Я находилась в саду Сони со всеми его красками и солнечным светом, и сама она сидела в кресле, с надеждой глядя на меня.

— Я боялась, что ты всю ночь не будешь спать, опасаясь нападения, — продолжала она.

— Я так и сделала бы, будь у меня выбор.

Я зашагала к ней. Меньше всего я ожидала во сне встретиться с Соней, хотя как-никак это был контакт с внешним миром. Здесь на мне было черно-белое платье, но, в отличие от того, как обстояло дело в реальности, чистое и целое.

— Дмитрий считает, что мы в безопасном месте, хотя он-то, конечно, бодрствует.

— Конечно.

Искорка веселья промелькнула в ее глазах — и погасла.

— Где вы? — спросила я. — Стражам удалось захватить вас?

— Нет, — с довольной улыбкой ответила она. — Их главной целью были вы. Чутьочку принуждения, и они меня не заметили. Я сбежала... хотя мне было ужасно неприятно бросать Эмили.

Сообщение о бегстве Сони взволновало меня; хорошая новость в самом деле.

— Но вы можете доставить Джил ко двору — теперь, когда вы свободны.

Соня окинула меня таким взглядом, будто я заговорила по-французски.

— Я не могу добраться до Джил.

Я нахмурилась.

— Что, так много охраны?

— Роза, Джил вообще не со стражами, — ответила Соня. — Ее захватили Виктор и Роберт.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

— Она... где? — воскликнула я, и даже птицы в саду смолкли. — С ними? Вот почему они позвонили стражам?

Соня сохраняла спокойствие, только чуть-чуть нахмурилась.

— Виктор и Роберт не звонили стражам. Зачем им это?

— Затем... Затем, что они хотели избавиться от Дмитрия и меня...

— Может быть, — сказала Соня. — Но не в то время, пока сами они были в доме. Виктора разыскивают так же активно, как тебя. Сбежать им помогла магия Роберта.

— Тогда кто... — Внезапно меня осенило; я застонала. — Джон и Эмили. Я могла бы и догадаться, что так легко они не уступят. Слишком уж быстро согласились принять в своем доме беглецов.

— Лично я думаю, что это сделал один Джон. Эмили, похоже, поверила, что ты невиновна... пусть ей и не нравилась цель твоего приезда. Подозреваю, она не стала бы вызывать стражей еще и потому, что это привлекло бы лишнее внимание к личности Джил. Я не удивилась бы, если бы Джон даже не предупредил ее о том, что собирается звонить им. Наверное, считал, что таким образом оказывает всем услугу.

— А вместо этого у него украли падчерицу, — сказала я. — Но зачем Виктор и Роберт похитили ее? И как, черт побери, два старика сумели справиться с девушкой-подростком?

— Думаю, они сильнее, чем кажутся, да и принуждение тут наверняка сыграло свою роль. А зачем? Трудно сказать. Однако Виктор жаждет власти. Держать при себе пропавшую Драгомир — неплохой способ добиться этого.

Я стукнула по дереву.

— Теперь нам никогда не представить ее ко двору.

— Нужно просто найти ее, — сказала Соня. — И мне это по силам — как только она уснет.

— Вы тоже умеете проникать в сны. — Надежда вспыхнула с новой силой. — Так разыщите ее побыстрее. Выясните...

— Я пробовала. Она не спит. И, спорю, они по этой самой причине не будут давать ей спать, пока не уедут от нас подальше. Конечно, я не оставлю своих попыток.

Не идеально, но лучшее, на что можно было рассчитывать в данный момент.

— А что с Мастрано и Сидни?

— Их усиленно допрашивают.

Лицо Сони вытянулось. Я понимала — она переживала из-за того, что бросила Эмили, но и я тоже переживала из-за того, что бросила Сидни.

Я мягко прикоснулась к ее плечу.

— С ними все будет хорошо. То, что вы сделали, поможет Джил.

Она кивнула.

— Как мы будем поддерживать контакт? Я не могу постоянно дожидаться, пока ты уснешь.

Отличный вопрос.

— Попробуем раздобыть сотовый телефон... Бог знает, как он нам необходим. И... почему бы вам просто не приехать к нам? Где вы, между прочим?

Может, не стоило приглашать ее к нам? Мы с Дмитрием столько претерпели, чтобы сохранить в секрете место своего пребывания, и эта последняя стычка со стражами все еще помнилась очень ярко. Мало того что наше пленение создаст очевидные проблемы — заключение в тюрьму, казнь и так далее, — мы утратим возможность помочь Джил. Тем не менее я была уверена, что Соня наш союзник и на данный момент единственная ниточка к Джил.

Рассказав Виктору, где мы, я пошла на аналогичный риск. И хотя технически он помог нам, в итоге от этого мы и пострадали. И все-таки я сообщила Соне название нашего кемпинга и насколько смогла объяснила, как до него добраться. Она обещала приехать — уж не знаю как, но, подозреваю, у нее хватит находчивости — и продолжать попытки дотянуться до Джил.

— Соня... — Я понимала, что нужно просто позволить ей закончить сон, но не могла удержаться. У нас полно важных проблем, а я лезу с такими пустяками. Плюс это очень личный вопрос. — Помните, в машине я сказала, что встречалась со своим бойфрендом? Вы тогда вроде бы удивились.

Она вперила в меня долгий, изучающий взгляд, будто всматриваясь в самую душу, что мне совсем не нравилось. Иногда возникало чувство, что иметь дело с сумасшедшей Соней было безопаснее.

— Ауры о многом говорят, Роза, и я умею их расшифровывать. Скорее всего, гораздо больше по сравнению с твоими друзьями. Твоя личная аура уникальна, хотя она немного меняется в зависимости от твоих эмоций и состояния души. Когда человек влюблен, это видно. Его аура сияет. Когда ты спала, твоя аура была яркой... но не в той степени, как можно было

ожидать при встрече с любимым человеком. Конечно, отношения никогда не бывают одинаковыми, да и сами люди пребывают на разных стадиях. Я бы не стала обращать на это внимания, вот только...

— Вот только что?

— Вот только когда ты с Дмитрием, твоя аура похожа на солнце. И его тоже. — Она улыбнулась, заметив мое потрясение. — Тебя это удивляет?

— Я... В смысле, мы расстались. Раньше мы были вместе, но после возвращения он больше не хочет меня. Вот я и решила идти дальше. — «Идти дальше», по-видимому, означает держаться с Дмитрием за руки и переживать страстные моменты близости. — Поэтому я с Адрианом. И счастлива с ним.

Это последнее прозвучало, как будто я защищаюсь. Кого я пытаюсь убедить? Соню или себя?

— Поступки и чувства редко согласуются между собой, — заявила она в духе наставлений Дмитрия. — Не пойми меня неправильно, но, по-моему, тебе есть над чем задуматься.

Замечательно. Теперь мне дает советы безумная женщина.

— Ладно. Допустим, в этом что-то есть. Я отступилась от Дмитрия всего недели две назад. Возможно, что-то от прежних чувств во мне еще сохранилось.

Возможно? Я подумала о том, как в машине всегда остро ощущаю его физическое присутствие, о моментах беззаботной гармонии в библиотеке, о том, как это здорово — работать в нашем обычном единении, когда мы понимаем друг друга без слова и даже без взгляда. И всего несколько часов назад в гостевой комнате...

Соня рассмеялась.

— Возможно? Спустя всего две недели? Роза, ты так умна во многих отношениях... и так по-детски наивна в других.

Терпеть не могу, когда ссылаются на мой возраст, но за недостатком времени позволить себе приступ гнева было бы роскошью.

— Ладно, пускай! Я все еще испытываю к нему чувства. Но не он. Вы не видели его сразу после обратной трансформации. Это было ужасно. Он впал в такую депрессию! Заявил, что хочет избегать меня любой ценой, что никогда больше никого не сможет любить. Только после начала этого безумного побега стал вести себя почти как прежний Дмитрий.

— Мы с ним обсуждали это. — Лицо Сони снова приняло серьезное выражение. — Депрессию. Я его понимаю. Быть стригоем... делать то, что мы делали... после этого не чувствуешь себя достойным жизни. Только чувство вины, тьма и тяжелейшие воспоминания о совершенном зле.

— Вы... Вы вели себя не так, как он. В смысле, иногда выглядели печальной, но в другие моменты держались так, будто... ничего не произошло. Вы уже стали прежней собой. Почему между вами такая разница?

— Ох, меня все еще терзает чувство вины, поверь. После того как Роберт изменил меня... — В тоне, каким она произнесла его имя, чувствовалась злоба. — Мне не хотелось покидать свой дом, свою постель. Я ненавидела себя за то, что творила. Хотела, чтобы меня закололи насмерть. Потом Дмитрий поговорил со мной. Сказал, что чувства вины не избежать и тот факт, что я страдаю, доказывает, что больше я не стригой. Но он добавил, что нельзя позволять чувству вины мешать мне снова вступить в жизнь. Нам, ему и мне, дарован второй шанс, который нельзя упустить. По его словам, сам он не сразу осознал это и не хочет, чтобы я повторяла его ошибки. Советовал, пока не поздно, принять жизнь, ее красоту и людей, которых я любила прежде, — как бы трудно это ни было. Страхнуть с себя стригойское прошлое, которое тяжким грузом давит на меня. Клялся, что сам он больше не позволит прошлому управлять своей жизнью — что звучит прекрасно, но, поверь мне, очень трудно осуществимо — и не допустит, чтобы его существование было лишено смысла. Кое-что он уже потерял навсегда, но остальное не выпустит из рук.

— Он говорил вам это? Я... Я даже не уверена, что все понимаю.

«Советовал, пока не поздно, принять жизнь, красоту и людей, которых я любила прежде».

— Иногда и я тоже. Как я уже говорила, это легче сказать, чем сделать. И все же я думаю, что его слова помогли мне оправиться быстрее, чем это произошло бы, будь я предоставлена самой себе. И я очень благодарна ему. Что же касается вас и ваших аур... — Ее улыбка снова вернулась. — Ты должна сама разобраться с этим. Лично я не верю в разговоры о второй половинке. Думаю, это глупо — считать, что для каждого из нас предназначен один-единственный человек. А если твоя вторая половинка живет в Зимбабве? Если он умер молодым? Я считаю нелепым и полное единение душ. Человек должен всегда оставаться самим собой. Однако я верю в созвучие душ, в то, что души могут быть зеркальным отражением друг друга. Я вижу схожесть в аурах. И любовь тоже. И все это я замечаю в ваших с Дмитрием аурах. Только ты можешь решить, что делать с этой информацией, — если вообще веришь ей.

— Никакого давления, — пробормотала я.

У нее сделался такой вид, будто она была готова закончить сон, но потом решила еще кое-что добавить и устремила на меня пронизательный

взгляд.

— Будь осторожна в одном отношении, Роза. Ваши ауры похожи, но не полностью идентичны. В ауре Дмитрия присутствуют сгустки тьмы — остатки его травмы. С каждым днем эта тьма слабеет. В тебе тоже есть тьма, но она не рассеивается.

Я вздрогнула.

— Лисса. Это тьма, которую я вытягиваю из нее?

— Да. Мне мало что известно о связи такого рода, но то, что ты делаешь — даже помогая ей, — очень опасно. Стихия духа разрушает нас, сомнений нет, но в некоторых отношениях... По-моему, мы, пользователи духа, немного лучше приспособлены к его воздействию, хотя это и не всегда очевидно, — добавила она с кривой улыбкой. — Но ты? Нет. И если ты впитаешь слишком много, не знаю, что произойдет. Я опасаясь этого бесконтрольного накапливания. Боюсь, что может хватить одной искры — одного катализатора, — и все, Что ты насобираала, взорвется.

— И что будет тогда? — прошептала я.

Она медленно покачала головой.

— Не знаю.

И с этим сон растаял.

Дальше я спала без всяких сновидений, хотя тело — как будто зная, что настало время моей смены, — само по себе проснулось спустя несколько часов. Ночная мгла по-прежнему окружала меня, я слышала спокойное, ровное дыхание Дмитрия и чувствовала исходящее от него тепло. Все, о чем мы говорили с Соней, обрушилось на меня. Слишком много, слишком много. Я не знала, с какого конца подступить к ее словам.

Нет, я даже не знала, верить ли им, — учитывая то, что наблюдала в реальной жизни.

«Поступки и чувства редко согласуются между собой».

Сделав глубокий вдох, я заставила себя быть стражем, а не эмоционально неуравновешенной девушкой.

— Теперь твоё время спать, товарищ.

Его мягкий, негромкий голос обрадовал меня, словно лучик света во тьме.

— Если хочешь, можешь ещё поспать.

— Нет, все нормально, — ответила я. — И помни, ты не...

— Знаю, знаю. — Он негромко рассмеялся. — Я не генерал.

О господи! Мы даже заканчиваем шутки друг друга.

«Я верю в созвучие душ».

Сурово напомнив себе, что встреча с Соней меньше всего имела отношение к моей личной жизни, я рассказала Дмитрию свой сон, поведала о предательстве Джона и похищении Джил.

— Я... Я правильно поступила, сообщив Соне, где мы?

Он задумался.

— Да. Ты права в том, что нам требуется ее помощь — хотя бы потому, что она в состоянии найти Джил. Проблема в том, что Виктору и Роберту это тоже известно. — Он вздохнул. — И ты права в том, что мне нужно отдохнуть перед тем, что нас ожидает.

В свойственной ему манере не говорить ничего лишнего этим он ограничился и вскоре, судя по звуку дыхания, крепко уснул. Просто поразительно, что это давалось ему почти без усилий. Конечно, это умение входило в программу обучения стражей: спи, когда есть возможность, поскольку неизвестно, когда удастся сделать это в следующий раз. У меня так никогда не получалось. Настороженно глядя во тьму, я прислушивалась ко всем звукам, могущим нести в себе угрозу.

И пусть я не обладала даром засыпать мгновенно, зато мое тело могло оставаться бдительным, даже когда я проникала в сознание Лиссы. Сегодня мое внимание было приковано к Джил и нашему побегу, но происходящее при дворе продолжало давить на меня тяжким грузом. Кто-то пытался убить Лиссу, и стражи схватили Эдди.

Глянув на мир ее глазами, я не удивилась, увидев почти всех своих друзей вместе. Они находились в пугающе пустой комнате, похожей на ту, где их допрашивали после моего побега, с той лишь разницей, что эта была больше. И по очевидной причине здесь собралось множество людей. Адриан и Кристиан стояли рядом с Лиссой, и не нужно было уметь читать ауры, чтобы понять — все трое чувствовали себя очень неловко. Ганс стоял позади стола, упираясь в него руками, наклонившись вперед и сердито сверкая взглядом. Напротив Лиссы у дальней стены в кресле сидел Эдди с каменным выражением лица, по сторонам от него замерли два стража, напряженные, готовые к любым неожиданностям. Они считали, что Эдди опасен, — какая нелепость! Тем не менее Ганс, похоже, разделял их мнение.

Он ткнул пальцем в лежащую на столе фотографию. Сделав шаг вперед, Лисса разглядела, что на ней был изображен напавший на нее мужчина — уже после его смерти: глаза закрыты, кожа белая как мел, что, однако, не мешало хорошо разглядеть черты лица.

— Ты убил мороя! — воскликнул Ганс; по-видимому, я подключилась к Лиссе в разгар разговора. — И это не проблема? Тебя учили защищать их!

— Я это и делал, — ответил Эдди так спокойно, так серьезно, что та часть меня, которая сохранила чувство юмора, восприняла его как Дмитрия-младшего. — Защищал ее. Какая разница, исходит угроза от моря или от стригоя?

— У нас нет никаких доказательств, что это было нападение, — проворчал Ганс.

— Есть три свидетеля! — взорвался Кристиан. — Вы хотите сказать, что наши показания ничего не стоят?

— Я говорю, что вы его друзья, и это ставит ваши показания под сомнение. Я предпочел бы, чтобы их подтвердил какой-нибудь страж.

Теперь не выдержала Лисса.

— Эдди был там! Разве это не то же самое?

— И что, защитить ее было невозможно, не убивая его? — спросил Ганс.

Эдди не отвечал; уверена — он всерьез обдумывал ответ, спрашивая себя, не допустил ли и впрямь ошибку. Наконец он покачал головой.

— Если бы я не убил его, он убил бы меня.

Ганс устало вздохнул. Естественно, сейчас я злилась на него, и мне пришлось напомнить себе, что он просто делает свое дело. Он поднял фотографию.

— Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел этого человека?

Лисса, сдерживая дрожь, вглядывалась в мертвое лицо. Нет, она не узнала его во время нападения и не узнавала сейчас. В его внешности не было ничего примечательного. Наши друзья покачали головами, но Лиссе что-то не давало покоя.

— Да? — спросил Ганс, чутко улавливающий любую, даже крошечную перемену настроения.

— Я не знаю его... — медленно ответила она, внезапно припомнив разговор со швейцаром Джо.

«Как он выглядел?» — спросила она его.

«Простой. Обычный. Вот разве что рука...»

Лисса еще какое-то время вглядывалась в фотографию, на которой с трудом можно было разглядеть покрытую шрамами руку с двумя согнутыми пальцами. Я заметила их еще во время боя. Лисса перевела взгляд на Ганса.

— Я не знаю его, — повторила она, — но, по-моему, знаю того, кто его знает. Это швейцар... ну, бывший швейцар. Тот, кто давал свидетельские показания о Розе. Думаю, он встречался с этим мужчиной. У них были очень интересные деловые взаимоотношения. Майкл обещал позаботиться,

чтобы он не покинул двор.

Адриан явно не пришел в восторг от упоминания о Джо, поскольку его мать тоже давала тому взятку и могла пострадать из-за этого.

— Заставить его говорить будет нелегко.

Ганс прищурился.

— Ничего, если он что-то знает, мы его разговорим. — Он кивнул в сторону двери, и один из стражей Эдди направился к ней. — Найди этого парня. И пришли сюда наших «гостей».

Страж кивнул и вышел.

— Каких гостей? — спросила Лисса.

— Забавно, что ты упомянула Хэзевей, — ответил Ганс, — поскольку она только что попала в поле нашего зрения.

Лиссу охватила паника; она окаменела.

«Они нашли Розу. Но как?»

Эйб продолжал заверять ее, что я в безопасности в маленьком городке Западной Виргинии.

— Она и Беликов замечены в пригороде Детройта, где они похитили девушку.

— Они никогда... — Лисса оборвала себя. — Высказали «Детройт»?

Потребовалось все ее самообладание, чтобы не бросить вопросительные взгляды на Кристиана и Адриана.

Ганс кивнул. Я понимала — делая вид, что просто сообщает информацию, в действительности он внимательно наблюдал за реакцией моих друзей.

— С ними были и другие люди. Некоторые из них сбежали, но одного мы задержали.

— Кого они похитили? — спросил Кристиан с непритворным изумлением.

Он тоже думал, что мы надежно спрятаны и находимся в безопасности.

— Мастрано. Кое-кого из Мастрано.

— Джил Мастрано? — воскликнула Лисса.

— Малолетку? — почти в унисон спросил Адриан.

Это прозвище явно было незнакомо Гансу, но расспросить подробнее он не успел. Дверь открылась, вошли три стража и с ними... Сидни.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Если бы я была там, так разинула бы рот от изумления при виде не просто Сидни, но вообще человека при дворе. Более того, трех людей, поскольку с ней были еще двое, мужчина и женщина. Мужчина молодой, чуть старше Сидни, с темно-каштановыми волосами и карими глазами. Женщина зрелая, смуглая, с тем жестким выражением лица, которое у меня ассоциировалось с Альбертой. У всех троих можно было разглядеть золотистую татуировку. Алхимики.

И бросалось в глаза то, что они отнюдь не были счастливы оказаться здесь. Женщина постарше старалась сохранить хорошую мину при плохой игре, но, судя по лихорадочному блеску в глазах, хотела бы очутиться подальше отсюда. Сидни и парень даже не скрывали своего страха. Может, Сидни и привыкла ко мне и Дмитрию, но сейчас вместе со своими товарищами оказалась в обители зла, как все они это понимали.

Не одни алхимики испытывали волнение. Едва они вошли, стражи перестали рассматривать Эдди как реальную угрозу и обратили на людей такие пристальные взгляды, словно те были стригоями. Моими друзьями владело скорее любопытство, чем страх. Мы с Лиссой жили среди людей, однако Кристиан и Адриан практически не сталкивались с большим миром — если не считать общения с «кормильцами». Увидеть алхимиков на «нашей территории»... да, это вносило новый элемент интриги.

Я, конечно, удивилась тому, как быстро Сидни оказалась там. Хотя... так ли уж быстро? Прошло несколько часов с тех пор, как мы сбежали из дома Джил. Доехать до королевского двора на машине за это время невозможно, но долететь... Сидни была в той же одежде, что и в последний раз, когда я ее видела, под глазами у нее залегли тени. Наверное, с момента пленения ее без конца допрашивали. Непонятно было вот что — зачем, разбирая убийство неизвестного мороя, приводить сюда алхимиков? Это же две совершенно разные проблемы.

Лисса рассуждала так же.

— Кто они? — спросила она, хотя я не раз описывала ей Сидни и в отношении ее она была в курсе.

Равно как и Сидни слышала от меня, как выглядит Лисса, и, думаю, узнала ее.

— Алхимики, — отрывисто бросил Ганс. — Знаете, кто они такие?

Мои друзья закивали.

— Какое отношение они имеют к Эдди и напавшему на меня мужчине? — продолжала допытываться Лисса.

— Может, имеют, а может, и нет. Однако я знаю — происходит что-то странное, что-то, с чем все вы связаны, и моя задача — выяснить это. Она, — Ганс кивнул на Сидни, — была с Хэзевей в Детройте, и мне по-прежнему трудно поверить, что никто из вас ничего об этом не знает.

Адриан с беззаботным видом скрестил на груди руки и прислонился к стене.

— Можете верить во что угодно, но лично я никого из этих людей не знаю. Разве алхимики не ненавидят нас? Зачем они здесь?

По иронии судьбы Адриан единственный из моих друзей знал, что я не в Западной Виргинии, хотя догадаться об этом по его поведению было невозможно.

— Потому что мы имеем дело с убийцей и беглянкой, и необходимо допросить ее соучастницу лично, — ответил Ганс.

У Лиссы чуть не вырвалось, что я ни в чем не виновата, но ее опередила старшая женщина-алхимик.

— У вас нет никаких доказательств того, что мисс Сейдж была соучастницей вашей преступницы. По-моему, это нелепо, что вы не даете нам провести собственное расследование.

— В любой другой ситуации мы так и поступили бы, мисс Стэнтон, — ответил Ганс; заледенеть можно от того, как разговаривали друг с другом эти двое. — Но эта, как вы можете сообразить, гораздо серьезнее большинства других. Наша королева убита.

Теперь напряженность между стражами и алхимиками была почти физически ощутима. Их сотрудничество складывалось не лучшим образом, поняла я. И еще одна мысль пришла мне в голову — даже если начальники Сидни думают, что она совершила преступление, они никогда не признают этого перед нами. Из чего следовало, что тревога Ганса имела под собой определенные основания. Никто из алхимиков не ответил, он счел это знаком одобрения и приступил к допросу Сидни.

— Вам знаком кто-нибудь из них? — Он сделал жест в сторону моих друзей, и Сидни покачала головой. — Вы когда-нибудь так или иначе общались с ними?

— Нет.

Он помолчал, словно надеясь, что она передумает и ответит по-другому.

— Как получилось, что вы оказались связаны с Хэзевей?

Она пристально смотрела на него, в карих глазах был страх; не

уверена, что этот страх относился к Гансу. На самом деле у нее было много поводов нервничать — хотя бы потому, что она вообще находится здесь, или из-за наказания, которому в итоге подвергнут ее алхимики. Кроме всего прочего, существовал и Эйб. Фактически именно он был причиной того, что она угодила во все эти неприятности. Достаточно было сослаться на него, сказать, что он шантажировал ее. Это помогло бы ей выкрутиться, но навлекло бы его гнев.

Сидни с вызовом посмотрела на Ганса.

— Я встречалась с Розой в Сибири.

— Да-да. Но как это связано с тем, что вы помогли ей сбежать отсюда?

— Я не имею никакого отношения к ее бегству! — заявила Сидни; это была полуправда, на мой взгляд. — Несколько дней назад она связалась со мной и попросила помочь ей добраться до одного дома в Детройте. Утверждала, что невиновна и что поездка поможет доказать это.

— К этому времени алхимики знали, что она в бегах, — заметил Ганс. — Приказ искать ее был разослан всем. Вы могли выдать ее.

— Когда я впервые встретила с Розой, мне не показалось, что она способна на убийство — в смысле, если не считать расправу со стригоями, которая вообще не убийство. — В голосе Сидни появились презрительные нотки. — Поэтому, когда она сказала, что невиновна и может доказать это, я решила помочь ей. И отвезла туда, куда она просила.

— Мы уже спрашивали ее об этом, — раздраженно вклинилась в разговор Стэнтон, — и сообщали вам. То, что она сделала, — глупо и наивно, но с этим нужно разбираться нам, не вам. А вы лучше займитесь своей одержимой убийствами злодейкой.

Ее слова прозвучали так, будто они собираются отвезти Сидни домой и выбрать как непослушного ребенка. Однако я сильно сомневалась, что этим все и ограничится.

— Что за люди были с ней? — игнорируя Стэнтон, спросил Ганс.

Презрение Сидни стало еще заметнее.

— Один был этот парень... Дмитрий Беликов. Тот, кого вы считаете «исправившимся». Остальных я не знаю. Двое мужчин и женщина. Нас друг другу не представляли.

Мастерски состряпанная ложь; поддельное презрение к Дмитрию было призвано замаскировать то, что она знала остальных наших спутников.

Опередив Ганса, Лисса спросила:

— И что произошло в Детройте? Как Роза собиралась обелить себя? И при чем тут Джил?

Гансу явно не понравилось, что его прервали, но поставленные Лиссой вопросы интересовали и его. Он промолчал; может, надеялся, что кто-нибудь сболтнет нечто важное. Сидни, однако, продолжала держаться сухо и холодно.

— Понятия не имею. И эта девушка Джил, похоже, тоже не знала. Роза просто сказала, что нужно увидеться с ней, и я помогла ей.

— Вслепую? — спросил Ганс. — И вы всерьез хотите убедить меня, что так сильно ей доверяете?

— Она мой... — Сидни прикусила губу, не дав сорваться слову «друг»; так, по крайней мере, я подозревала. И вернулась к своей сугубо профессиональной манере поведения. — Ее слова звучали очень правдоподобно, и я посчитала, что это будет пустой тратой времени и сил — если алхимики помогут вам гоняться не за тем, кто на самом деле совершил убийство. Если бы я пришла к выводу, что она виновна, то всегда могла выдать ее. И еще я подумала... подумала, что если смогу разобраться, кто это сделал, то заслужу похвалу и повышение.

Очень добротная ложь. Амбициозная девушка, тайком стремящаяся поспособствовать своей карьере? Прекрасно. Но, как оказалось, не для всех.

Ганс покачал головой.

— Не верю ни одному вашему слову.

Парнишка-алхимик сделал шаг вперед, отчего все стражи напряглись.

— Если она говорит, что дело было так, значит, это правда.

Он говорил так же возмущенно и подозрительно, как Стэнтон, но, казалось, здесь присутствовало что-то еще, скорее личное, чем профессиональное. Лисса тоже почувствовала это.

— Успокойся, Иэн, — сказала Стэнтон, не сводя взгляда с Ганса и своим хладнокровием все больше и больше напоминая мне Альберту. Вряд ли она чувствовала себя непринужденно в помещении, полном стражей, но не подавала виду. — Не имеет значения, верите вы ей или нет. Суть в том, что мисс Сейдж ответила на ваши вопросы. Мы закончили.

— Родителям Джил что-нибудь известно? — спросила Лисса.

Она волновалась за меня, когда выяснилось, что я не сижу тихо в безопасном городишке в горах; она вообще была потрясена таким развитием событий, но эта таинственная попытка обелить мое имя захватила ее сильнее всего. Она не могла не прояснить для себя этот вопрос.

Сидни посмотрела на Лиссу, и я без труда поняла, о чем она думает. Она знала, как мы с Лиссой близки, и хотела бы успокоить ее — но как

сделать это в присутствии такого количества людей? До нее также только сейчас дошло, что сама я ничего не рассказывала Лиссе о Джил.

— Нет, — ответила Сидни. — Мы просто прибыли туда, и Роза сказала, что Джил должна уехать с ней. Мастрано не знали почему. И потом... потом Роза увела ее. Или Джил сама пошла с ней. Не знаю точно, что произошло. Все обернулось хаосом.

Ни алхимики, ни стражи не оспаривали тот факт, что Джил увела именно я. По-видимому, такую версию им выдали родители Джил и Сидни. Она была достаточно правдоподобна внешне — и объясняла исчезновение Джил, — но при этом в ней не упоминалось о тайне Драгомиров, которую Эмили, надо думать, теперь была настроена хранить и дальше.

— Как раз это мы рассказывали вам и раньше, — заявила Стэнтон. — Нам пора уходить.

Она повернулась к двери, но стражи преградили ей дорогу.

— Это невозможно, — заявил Ганс. — Проблема слишком серьезна, и мисс Сейдж — единственное связующее звено между нами и убийством. Убийством королевы. И похищением.

Стэнтон усмехнулась. Мне припомнились слова Сидни о том, что алхимики считают морейскую королевскую систему глупостью.

— Вряд ли она может оказаться вам полезной. Но не беспокойтесь... мы будем содержать ее под стражей. Свяжитесь с нами, если возникнут вопросы.

— Неприемлемо, — отрезал Ганс. — Она останется здесь.

Иэн, второй алхимик, вступил в спор, прикрывая собой Сидни:

— Мы не бросим здесь своего человека!

И снова у меня возникло то же забавное чувство. Он влюблен в нее, вот в чем дело. Влюблен и воспринимает все происходящее не просто как рабочий момент. Стэнтон бросила на него взгляд, говорящий, что она сама уладит проблему. Он смолк.

— В таком случае вы все можете остаться здесь, — ответил Ганс. — Для меня это не составит никакой разницы. Вам предоставят комнаты.

— Это неприемлемо.

Стэнтон и Ганс погрузились в яростный спор. Я не думала, что дело дойдет до прямого столкновения, однако на всякий случай стражи окружили их плотным кольцом.

Иэн смотрел то на Сидни, то на Стэнтон, однако в перепалку не вмешивался. Случайно его взгляд скользнул по столу, над которым наклонился Ганс, и внезапно Иэн заметил лежащую там фотографию. Его глаза расширились всего на миг... но Лисса успела это заметить.

Она шагнула к Иэну и Сидни. Один из стражей обратил внимание на это движение, но решил, что Лиссе ничто не угрожает, и снова переключился на Стэнтон.

— Ты знаешь его, — очень тихо пробормотала Лисса.

По-видимому, за криками ни Иэн, ни Сидни не расслышали ее; слух у них не такой острый, как у мороев и дампиров.

Лисса нервно оглянулась, не желая привлекать внимания, и чуть повысила голос:

— Ты знаешь его. Этого мужчину на фотографии.

Иэн уставился на Лиссу, удивленно и настороженно. Он, без сомнения, занимал в отношении вампиров ту же позицию, что и Сидни, но вопрос Лиссы застал его врасплох. И вдобавок если она и была злым созданием ночи, то очень красивым.

— Иэн, — негромко сказала Сидни, — в чем дело?

Она говорила настойчиво, неосознанно играя на его чувствах к ней, так мне кажется. Он открыл рот, собираясь ответить, но тут «разговор» старших товарищей закончился. Сидни снова оказалась в центре внимания, и Иэн отвернулся от Лиссы.

Стэнтон и Ганс достигли компромисса — но это был именно компромисс, не более того. Оба остались не удовлетворены им. Меньше чем в сорока пяти минутах от двора располагался маленький городок, и алхимики согласились остаться там... в сопровождении нескольких стражей. Для меня это выглядело как домашний арест, и, судя по выражению лица Стэнтон, она была того же мнения. Думаю, она пошла на это лишь потому, что в городке жили люди. Прежде чем отпустить всех, Ганс еще раз обратился к моим друзьям с вопросами, внимательно изучая их реакцию.

— И никто из вас не знаком с этой девушкой-алхимиком и не контактировал с ней? И не знает о ее связи с Хэзевей?

И снова Лисса и остальные все отрицали, и снова Гансу не оставалось ничего другого, как нехотя принять их ответ. Все направились к двери — кроме Эдди.

— Ты, Кастиль, останешься здесь до тех пор, пока не будут улажены другие проблемы.

Лисса возмутилась:

— Что? Он же...

— Не беспокойся обо мне. — Эдди улыбнулся ей. — Все будет в порядке. Лучше позаботься о себе.

Лисса замешкалась, хотя Кристиан тащил ее за руку. Эдди утверждал,

что защищал жизнь Лиссы, тем не менее он убил мороя. Это дело серьезное. Чтобы отпустить его, стражи должны быть на сто процентов убеждены, что другого выхода у него не было. Глядя в спокойное, мужественное лицо Эдди, Лисса поняла, что он готов к любому повороту событий.

— Спасибо тебе, — сказала она, проходя мимо него. — Спасибо за то, что спас меня.

В ответ он лишь кивнул. Лисса вышла в коридор и... оказалась в эпицентре еще большего хаоса.

— Где они? Я настаиваю на... А-а!

Мои друзья и алхимики направлялись к выходу в сопровождении группы стражей, и как раз в этот момент кто-то вошел в коридор и был остановлен стражами. Это оказался Эйб.

Меньше мгновения понадобилось ему, чтобы составить вместе все куски головоломки. Его взгляд скользнул по лицу Сидни, будто он никогда не видел ее прежде. Сидни побледнела, но этого никто, кроме меня, не заметил. Эйб улыбнулся Лиссе и пристроился рядом, чтобы выйти вместе с ней.

— Вот ты где. Тебя вызывают пройти последнее испытание.

— И послали вас? — скептически спросил Кристиан.

— Нет, я вызвался добровольно. Я слышал, здесь были кое-какие... мм... волнения. Убийство, религиозные фанатики из числа людей, расследование. Ты знаешь, меня интересуют такие вещи.

Лисса закатила глаза, но молчала, пока все не покинули здание. Здесь пути алхимиков с их непрошеным эскортом и наших друзей разошлись. Лисса — как и я — устремила долгий взгляд на Сидни и Иэна, но понимала, что лучше следовать за Эйбом, тем более что некоторые стражи внимательно наблюдали не только за алхимиками.

Как только Лисса и остальные отошли достаточно далеко, любезная улыбка Эйба угасла.

— Что, черт возьми, произошло? До меня дошли совершенно безумные слухи. Некоторые говорят, что ты умерла.

— Была очень близка к этому.

Лисса рассказала ему о нападении и о том, что опасается за Эдди.

— С ним все обойдется, — отмахнулся Эйб. — Им нечего ему предъявить. Худшее, что ему грозит, — это запись в личном деле.

Уверенность Эйба немного успокоила Лиссу, но меня все еще грызло чувство вины. По моей милости личное дело Эдди уже было замазано, а теперь еще и это. Его безукоризненная репутация ухудшалась день ото дня.

— Это была Сидни Сейдж, — сказала Лисса, — а я-то считала, что все они в Западной Виргинии. Почему она не с Розой?

— Превосходный вопрос, — мрачно ответил Эйб.

— Потому что они, видимо, похитили в Детройте Джил Мастрано, — объяснил Кристиан. — Что в высшей степени странно, хотя за Розой числятся и более безрассудные поступки.

Как все-таки приятно, когда тебя поддерживают!

Эйбу пересказали и эти новые события тоже — по крайней мере, то, что мои друзья знали о них, хотя это, конечно, было лишь незначительным фрагментом всей истории. Эйб мгновенно сообразил, что его обманули, и, судя по выражению его лица, ему это совсем не понравилось.

«Добро пожаловать в наш клуб, старик», — не без злорадства подумала я.

Я не забыла, что никто не счел нужным ознакомить меня с планом побега. Радовалась я, однако, недолго, забеспокоившись о том, что произойдет с Сидни теперь, когда Эйб имеет возможность добраться до нее.

— Эта девушка лгала мне, — проворчал он. — Каждый день. Все эти отчеты о том, как спокойно и скучно в Западной Виргинии! Не удивлюсь, если они вообще не добрались до этого городка. Я должен поговорить с ней.

— Удачи! — Адриан достал сигарету и закурил. По-видимому, в мое отсутствие написанный им шуточный контракт, где он обещал отказаться от некоторых дурных привычек, не действовал. — Не думаю, что ее дружки-стражи позволят вам к ней приблизиться.

— О, я доберусь до нее, — заявил Эйб, — и она ответит на все мои вопросы. Если она прятала их от тех других идиотов, тогда ладно. Хотя все равно должна была рассказать мне.

Внезапно Лиссе пришла в голову одна мысль.

— Вам нужно поговорить с Иэном, тем парнем-алхимиком. Он знает мужчину с фотографии... в смысле, того, которого убил Эдди.

— Уверена? — спросил Эйб.

— Да, — ответил Адриан ко всеобщему удивлению. — Я заметил его реакцию. И то, что он влюблен в эту девчонку Сидни.

— Я тоже, — сказала Лисса.

— Вообще-то она кажется неприступной, — заметил Адриан. — Но может, у людей это ценится.

— Эта влюбленность может оказаться полезной, — задумчиво сказал Эйб. — Вы, женщины, не осознаете своей силы. Видели этого стража, с

которым встречается тетя Кристиана? Этана Мура?

— Да, — простонал Кристиан. — Не напоминайте мне о нем.

— Вот Таша очень сексуальная, — заметил Адриан.

— Не наглей, — взорвался Кристиан.

— Ну-ну, не дуйся, — вмешался Эйб. — Этан — дворцовый страж. Он был там в ночь убийства — что может оказаться очень полезно для нас, если Таша будет поддерживать его интерес.

Кристиан покачал головой.

— Все стражи уже дали показания. И что толку? Этан рассказал то, что знал.

— Не уверен, — заметил Эйб. — Всегда что-то упускается в официальных отчетах, и я не сомневаюсь — все стражи получили строгие указания, о чем говорить, а о чем нет. Твоей тете хватит обаяния, чтобы разузнать что-нибудь для нас. — Эйб вздохнул, явно все еще расстроенный внезапным крахом своего тщательно разработанного плана. — Вот если бы у Сидни хватило обаяния, чтобы выбраться из этого расследования и дать мне возможность расспросить ее! А теперь я должен прорываться через алхимиков и стражей, чтобы добраться до нее и вычислить, где сейчас Роза. Ох, и тебя ведь правда ждут на испытании, принцесса.

— Я думала, это просто предлог, чтобы найти меня.

— Нет-нет, тебя ждут. — Он объяснил ей, куда идти; это оказался тот же дом, где проходило второе испытание. — Идите туда все вместе, а потом пусть какой-нибудь страж проводит тебя обратно. И не покидай свою комнату, пока не придет Джанин или Тэд. — Тэд был одним из сподвижников Эйба. — Больше никаких неожиданных нападений.

Лисса собралась возразить, что не собирается сидеть под домашним арестом, но решила, что сейчас не время спорить. Эйб торопливо ушел, все еще в волнении, а они свернули в нужном направлении.

— Ребята, он разозлился, — сказал Адриан.

— И ты осуждаешь его? — спросил Кристиан. — Он только что утратил членство в клубе зловещих тайных лидеров. Его блестящий план развалился, а дочь пропала, и это в то время, когда он считал, что она в безопасности.

Адриан многозначительно промолчал.

— Надеюсь, с ней все в порядке. — Лисса вздохнула, чувствуя, как внутри все стягивается в плотный узел. — И, ради всего святого, какое отношение ко всему этому имеет Джил?

Ответа не последовало. Когда они добрались до места испытания, ситуация очень напоминала ту, что была в прошлый раз. Множество

зрителей выстроились вдоль стен коридора. Стражи никого не пропускали в дверь. Пока Лисса шла по коридору, гораздо больше мороев выкрикивали ее имя; среди них были как простые люди, так и те королевские морои, чьи кандидаты уже сошли с дистанции, не выдержав устрашающее предыдущее испытание.

И снова Лиссу одну пропустили в комнату. При виде той же старой женщины сердце у нее заколотилось. Неужели ее снова ждут ужасные видения? Кубка Лисса не видела, но это ничего не значило. Второе кресло отсутствовало, и она просто остановилась перед старой женщиной.

— Здравствуйте, — почтительно сказала она. — Рада снова встретиться с вами.

Женщина улыбнулась, обнажив провалы на месте недостающих зубов.

— Сомневаюсь в этом, хотя ты и говоришь очень убедительно. Наверное, политика у тебя в крови.

— С-спасибо... — Лисса не знала, воспринимать ли это как комплимент. — Что я должна делать на этот раз?

— Просто слушать, вот и все. Это легко.

Однако мерцание в глазах женщины заставило Лиссу усомниться в этом.

— Все, что от тебя требуется, — это ответить на мой вопрос. Ответишь правильно — будешь допущена к голосованию.

— Хорошо, — сказала Лисса взволнованно. — Я готова.

Женщина бросила на нее оценивающий взгляд и, казалось, осталась довольна.

— Тогда слушай: чем должна обладать королева, чтобы стать истинной правительницей своего народа?

Мгновение Лиссе ничего не приходило на ум, а потом в сознании всплыли сразу несколько слов. «Честность? Мудрость? Здравый ум?»

— Нет-нет, не отвечай, — продолжала женщина, пристально вглядываясь в лицо Лиссы. — Не сейчас. Можешь поразмыслить об этом до завтра, до этого же часа. Возвращайся с правильным ответом, и ты пройдешь все испытания. И... — Женщина подмигнула ей. — Не стоит напоминать, чтобы ты ни с кем этого не обсуждала.

Лисса кивнула, потирая крошечную татуировку на запястье, которая не давала ей рассказывать об испытаниях. Уходя, Лисса так и эдак прокручивала в голове заданный ей вопрос. На вопросы такого рода не существует однозначного ответа, так она считала. Любой из них может...

Я снова оказалась в своей реальности, потревоженная каким-то движением. Наверное, это прибыла Соня, мелькнула мысль. Но нет, это

было что-то совсем другое... что-то, потрясшее меня гораздо сильнее.
Дмитрий оказался в моих объятиях.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Я затаила дыхание. У каждого из нас было собственное одеяло, но даже в разгар лета ночью температура заметно падала. Во сне Дмитрий перекатился ко мне, сбив одеяла в ком и положив голову мне на грудь. Его тело касалось моего, такое теплое, такое знакомое, и он даже старался прижаться еще теснее.

Видимо, он устал сильнее, чем я осознавала, раз вел себя так во сне. В конце концов, он всегда спал, приоткрыв один глаз. Однако сейчас он отчасти утратил свою бдительность, и тело его непроизвольно искало... чего? Просто тепла? Меня? Проклятье! Зачем только я задала Соне свой вопрос? Разве не проще было оставаться в роли девушки Адриана и друга Дмитрия? Может, и проще, но, честно говоря, я ни в том ни в другом не преуспела.

Очень осторожно и даже робко я слегка переместилась, обхватила Дмитрия одной рукой и притянула к себе. Я понимала — есть риск разбудить его и разрушить чары; но этого не произошло. Напротив, он, казалось, еще больше расслабился. Ощущать его так близко... держать в объятиях... это пробудило целый сонм эмоций. Боль, которая сжигала меня после того, как я его потеряла, никуда не делась, но наша теперешняя близость смягчала ее — как будто та часть души, которая тосковала по нему, сейчас вновь ожила. А я ведь даже не осознавала, что она омертвела, — пока слова Сони не разрушили новый, очень хрупкий вариант жизни, с которым я смирилась.

Не знаю, сколько времени мы пребывали в таком положении. Наверное, долго, раз в конце концов взошло солнце, просвечивая сквозь полупрозрачную ткань палатки. Света хватало, чтобы разглядеть Дмитрия, точеные черты его лица, мягкие темные волосы. Мне ужасно хотелось дотронуться до этих волос, попробовать, остались ли они на ощупь такими же, как прежде. Глупость, конечно. Волосы не могли измениться. Тем не менее желание снедало меня, и я уступила ему, мягко проведя пальцами по выбившимся прядям. Они оказались гладкими, шелковистыми, и от этого прикосновения у меня мурашки побежали по коже.

И от этого прикосновения он проснулся.

Дмитрий широко распахнул глаза, мгновенно мобилизовав все внимание. Я думала, он отшатнется от меня, но вместо этого он оценил ситуацию — и не двинулся с места. Я не убирала руку, продолжая мягко

поглаживать его волосы. Наши взгляды встретились; и сколько же всего они выражали! В эти несколько мгновений я не находилась с ним в палатке, не скрывалась от тех, кто считал нас злодеями. Поиски убийцы, травма, которую он пережил после возвращения и должен был преодолеть, — ничего этого не существовало. Просто он, я и чувства, которые так долго пылали в нас обоих.

Наконец он пошевелился, но не отодвинулся, а поднял голову, чтобы лучше видеть меня. Нас разделяли всего несколько дюймов, и глаза выдавали его. Он хотел поцеловать меня — и я хотела, чтобы он это сделал. Он коснулся моей щеки, склонился надо мной, мои губы жаждали прикосновения его губ... и потом он замер. Отодвинулся, сел и с расстроенным видом отвернулся. Я тоже села, быстро и часто дыша.

— Ч-что произошло? — спросила я.

Он искоса взглянул на меня.

— Подумай. Вариантов множество.

Я провела пальцем по губам. Так близко! Это было так близко.

— Я понимаю, что... все изменилось. Понимаю, что ты ошибался. Понимаю, что ты снова можешь любить.

Его лицо опять превратилось в маску.

— Дело не в любви.

Я прокрутила в голове последние мгновения — это идеальное слияние, то, как он смотрел на меня, то, как мое сердце отзывалось на это. Черт, по словам Сони, между нами существует даже некая таинственная связь.

— Тогда в чем же, если не в любви?

— Дело в том, чтобы поступать правильно.

Правильно? Правильно и неправильно — в Академии это были две вечные темы. Мне тогда еще не исполнилось восемнадцати. Он был моим учителем. Планировалось, что мы оба станем стражами Лиссы и должны будем все свое внимание уделять ей. Эти аргументы были призваны удерживать нас на расстоянии друг от друга. Тогда они казались вескими и обоснованными, но сейчас утратили всякий смысл.

Я продолжала бы и дальше расспрашивать его... но тут кто-то поскребся в нашу дверь.

Мы отшатнулись друг от друга и потянулись за своими колами, которые во время сна лежали рядом. Это было чисто инстинктивное движение — ясно же, никаких стригоев поблизости нет. Правда, в последнее время мы меньше всего тревожились из-за стригоев.

— Роза? Дмитрий?

Голос прозвучал едва слышно... но был хорошо знаком. Слегка успокоившись, я расстегнула молнию на клапане палатки и увидела стоящую на коленях Соню. Как и мы, она была в прежней одежде, темно-рыжие волосы в беспорядке, но в остальном выглядела целой и невредимой. Я отодвинулась, пропуская ее.

— Уютно, — сказала она, оглядываясь. — Вы выбрали самое дальнее место в этом кемпинге. У меня ушла вечность на то, чтобы найти машину, которую ты описала.

— Как вы добрались сюда? — спросила я.

Она подмигнула.

— Не вы одни умеете воровать автомобили. Или, в моем случае, принудить людей одолжить «добровольно».

— Вас не преследовали? — спросил Дмитрий, снова сама серьезность, никаких признаков того, что происходило несколько мгновений назад.

— Нет, насколько я могу утверждать. — Она уселась со скрещенными ногами. — Двое стражей заметили меня неподалеку от дома, но быстро потеряли. Их, похоже, больше интересовали вы двое.

— Могу себе представить, — пробормотала я. — Плохо, что Виктор сбежал раньше... Иначе они могли бы переключиться на него.

— Он не убивал королеву, — сочувственно сказала Соня. В конце концов мы рассказали ей, почему разыскивают Виктора и что именно он выслеживал Лиссу в Академии. — Однако есть и хорошая новость: я знаю, где они сейчас.

— Где? — в унисон воскликнули мы с Дмитрием.

Она еле заметно улыбнулась.

— Западный Мичиган. Они поехали в сторону от двора.

— Черт! — пробормотала я. Мы с Дмитрием выбрали неправильное направление — из Анн-Арбора отправились на юго-восток, через пригороды Детройта в Огайо. — Вы виделись с Джил? С ней все хорошо?

Соня кивнула.

— Прекрасно. Напугана, естественно, но в остальном прекрасно. Она описала множество ориентиров — думаю, мы сумеем найти их мотель. Она заснула часа два назад; так или иначе, они нуждались в отдыхе. Виктор неважно себя чувствует. Возможно, они все еще там.

— Тогда мы должны выехать немедленно. — Дмитрий мгновенно оживился. — Когда они двинутся дальше, Джил будет бодрствовать и, значит, станет недоступна для контакта.

Мы мгновенно свернули палатку. Нога у меня болела меньше, но ходить все еще было трудно. Заметив, что я прихрамываю, Соня велела

нам остановиться, опустилась на колени и осмотрела мою распухшую щиколотку. Набрав в грудь воздуха, положила на нее руки. Возникло ощущение, будто ногу пробило электрическим током, а потом обдало последовательно волнами жара и холода. Когда Соня встала, боль и опухоль исчезли — вместе с царапинами. Скорее всего, порезы тоже зажили. Пользователи духа так часто исцеляли меня, что я могла бы к этому привыкнуть; но нет, ощущение по-прежнему было немного пугающее.

— Спасибо, — сказала я, — но вы не должны делать такие вещи... не должны прибегать к магии...

— Тебе необходимо быть в отличной форме. — Она устремила взгляд на деревья. — А магия... Трудно удержаться.

Я знала, что это правда, и испытывала чувство вины из-за того, что она прибегла к магии духа ради меня — и тем самым еще на шаг приблизилась к безумию.

После совершенной Робертом трансформации ее разум отчасти исцелился, и не следовало усугублять ситуацию. Сейчас, однако, было не время для поучений. Судя по выражению лица Дмитрия, он тоже обрадовался, что я в полном порядке.

Мы выехали в том направлении, где находилась Джил, и теперь указания Сони были максимально конкретны — никакой неопределенности, как в прошлый раз. Остановились мы лишь раз — чтобы «одолжить» новую машину и купить карту. Согласно полученной от Джил информации, они были в городке под названием Стерджис, в юго-западной части Мичигана. Это означало, что расстояние до него несколько меньше, чем мы ожидали. Тем не менее Дмитрий гнал машину, превышая предельную скорость по крайней мере на пятнадцать миль в час.

— Вон там, — сказала Соня, когда мы въехали в центральную часть Стерджиса и на боковой улочке заметили скромный мотель. — Все как она описала. Мотель «Солнечный свет».

Дмитрий остановился позади здания, и мы сидели, разглядывая мотель, такой же жизнерадостный с виду, как его название. Как и я, мои товарищи наверняка прикидывали, как добраться до Джил и ее стражей. Ее информация привела нас сюда, но Соня не получила никаких указаний насчет того, как найти их номер — если они вообще по-прежнему были здесь. Только я хотела предложить такой вариант: мы просто заходим внутрь в надежде, что Соня почувствует Роберта, как она внезапно сказала:

— Это их машина. Они здесь.

Никаких сомнений — вон он, внедорожник, на котором мы ехали к

дому Джил. Карма, никуда не денешься. Я стащила ключи Виктора, а он, в виде ответной любезности, забрал наши. В хаосе всего происходящего никто из нас даже не задумался, на какой машине он сбежал.

— Небрежность, — задумчиво прищурившись, заметил Дмитрий. — Им нужно было сменить автомобиль.

— Это машина Сидни, — возразила я, — и формально она не украдена. Значит, ни в каких полицейских списках ее нет. Кроме того, внутренний голос подсказывает мне, что Виктор и Роберт не такие профессионалы, чтобы запускать двигатель без ключа зажигания — в отличие от некоторых.

По всему Среднему Западу за нами тянулась цепочка ворованных машин.

Дмитрий кивнул с таким видом, будто воспринял мои слова как комплимент.

— Чем бы они ни руководствовались, это для нас хорошо.

— Как мы найдем их? — спросила Соня.

Я снова хотела было предложить ей почувствовать ауру Роберта, но потом отказалась от этой мысли. Он почувствует Соню в тот же момент, как она его. И когда мы найдем братьев, наверняка придется драться. Делать это в мотеле означает привлечь к себе внимание. Куда лучше эта парковка позади здания, в стороне от улицы.

— Будем ждать, — ответила я. — Поразительно уже само по себе то, что они торчат тут так долго. Здравый смысл должен был подсказать им, что нужно уехать как можно быстрее.

— Согласен. — Дмитрий поймал мой взгляд. Созвучие душ. Воспоминания о нашем несостоявшемся поцелуе вспыхнули вновь, и я отвернулась, опасаясь, что лицо выдаст меня. — Отсюда трудно сбежать — слишком мало места.

Так оно и было. С одной стороны парковка граничила со стеной мотеля, с другой — с бетонной стеной. Других зданий поблизости не наблюдалось.

Дмитрий отъехал в самый дальний угол парковки, что позволяло нам видеть ее целиком и вдобавок выход из мотеля, при этом оставаясь не на виду. Сначала мы собирались ждать в машине, но потом Дмитрий предложил выйти наружу, чтобы в случае необходимости действовать быстрее. Соня осталась внутри. Это было не ее сражение.

Стоя за машиной, в тени листвы клена рядом с Дмитрием, я остро ощущала его близость. Может, он и скучал по своему пыльнику, но мне нравилось, как он выглядит без него.

— Надо думать, — негромко заговорила я, — мы не будем обсуждать сегодняшнее утро?

Дмитрий вперил в автомобиль такой пристальный взгляд, как будто пытался заставить материализоваться в нем Джил и братьев. Меня это не обмануло — он просто изо всех сил старался не смотреть на меня.

— Тут нечего обсуждать.

— Я знала, что ты так ответишь. Точнее, пятьдесят на пятьдесят, что ты скажешь это или «не понимаю, о чем ты».

Дмитрий вздохнул.

— Но, — продолжала я, — на самом деле тут есть о чем говорить. Например, о том, что ты чуть не поцеловал меня. И что ты имеешь в виду, говоря, что нужно «поступать правильно»?

Молчание.

— Ты хотел поцеловать меня! — Трудно было говорить такие вещи тихо. — Я это видела.

— Тот факт, что мы хотим чего-то, не означает, что это правильно.

— То, что я сказала... это ведь правда? Что ты можешь любить? Теперь я понимаю — сразу после трансформации ты действительно думал, что не можешь. И наверное, не мог. Однако все изменилось. Ты снова обретаешь себя.

Дмитрий искоса взглянул на меня.

— Да. Кое-что изменилось... но кое-что нет.

— Ладно, мистер Загадочный. Все равно непонятно, что это значит — «поступать правильно».

У него сделалось огорченное выражение лица.

— Роза, я творил массу плохих дел, большинство которых мне никогда не исправить и не искупить. Если я хочу вернуть себе утраченное, мне остается одно — двигаться вперед и поступать правильно. А это неправильно — отнять женщину у другого человека, к которому я испытываю расположение и уважение. Я буду воровать машины. Буду вламываться в дома. Но есть черта, которую я не пересеку, и неважно, что я...

Задняя дверь мотеля распахнулась. Ничего удивительного, что моя личная жизнь идет кувырком, если самые прочувствованные, интимные моменты постоянно прерываются всякими жуткими ситуациями. Может, оно и к лучшему, потому что это отодвигало от нас ту черту, которую Дмитрию никогда не пересечь.

Между тем перед нами разворачивалась новая драма. Наружу вышел Виктор, позади него бок о бок шагали Джил и Роберт. Я почти ожидала

увидеть ее связанной и удивилась, убедившись, что она идет за ними спокойно. Слишком спокойно, тут же осознала я. Неестественно спокойно. Она двигалась почти как робот, находясь в состоянии покорности, вызванном принуждением.

— Принуждение. — Дмитрий тоже уловил суть. — Займись Виктором, а я Робертом.

— Джил бросится бежать, как только принуждение перестанет действовать. Надеюсь.

Вообще-то у нее запросто хватит ума принять участие в сражении, от чего было бы больше вреда, чем пользы. Ну ладно, скоро все выяснится.

По счастью, поблизости никого не оказалось — было еще очень рано. Мы с Дмитрием выскочили из своего укрытия и в считанные мгновения пересекли парковку. Два здоровых дампира бегают всяко быстрее двух старых мороев. И несмотря на все свое хитроумие, братья явно не ожидали нашего появления.

Краем глаза я заметила, что Дмитрий перешел в режим бога войны, яростного и неудержимого. И потом я полностью сосредоточилась на Викторе, обрушилась на него всей своей тяжестью и свалила с ног. Он сильно ударился об асфальт, и я пригвоздила его к земле, стукнув кулаком в лицо, отчего из носа у него потекла кровь.

— Хорошая работа, — тяжело дыша, сказал он.

— С удовольствием поработала бы над вами подольше, — проворчала я.

Виктор улыбнулся, несмотря на кровотечение и боль.

— Еще бы! Раньше я считал, что из вас двоих Беликов варвар, но на самом деле это ты. Настоящий зверь без тормозов, движимый одним стремлением — сражаться и убивать.

Я вцепилась в его рубашку и наклонилась над ним.

— Я? Разве это я пытала Лиссу ради своей выгоды? Разве я превратила собственную дочь в стригоя? И, черт побери, не я использовала принуждение, чтобы похитить пятнадцатилетнюю девочку!

Он продолжал улыбаться своей безумной улыбкой.

— Она дорогого стоит, Роза. Ты понятия не имеешь, в какой степени.

— Она не объект ваших манипуляций! — закричала я. — Она... Ах!

Земля внезапно рванулась ко мне, вздрагивая как при землетрясении. Асфальт вздыбился, и Виктору удалось оттолкнуть меня. Несильно, мне ничего не стоило снова обрести равновесие — вот только если бы земля вокруг не пошла волнами наподобие океанских, сбивающими меня с ног. Виктор прибег к своей магии земли, чтобы контролировать участок, где я

стояла. Удивленные крики свидетельствовали о том, что остальные тоже что-то почувствовали, но целью его магии явно была я.

Это дорого обошлось Виктору. Он был старый человек — старый человек, которого я только что свалила на асфальт и хорошенько стукнула. Он тяжело дышал, мучаясь от боли и усталости; видимо, на использование магии такой мощи — ни один пользователь земли на моих глазах не делал ничего подобного — уходили все остатки его сил.

Один хороший удар — все, что мне требовалось. Один хороший удар, который собьет его с ног и лишит способности сражаться. Одна беда — с ног оказалась сбита я. Буквально. Несмотря на все усилия, персональное землетрясение свалило меня на колени. Я по-прежнему была в этом дурацком платье и в результате снова оцарапала ноги. И стоило мне упасть, как вокруг начал подниматься асфальт — видимо, Виктор хотел поймать меня в западню, воздвигнув вокруг каменную тюрьму. Я не могла этого допустить.

— Вся твоя мускульная сила впустую... — Пот заливал лицо Виктора, дыхание его стало прерывистым и тяжелым. — Настоящая сила в голове. В хитрости. Контролируя Джиллиан, я контролирую Василису, а с ней — Драгомиров и, следовательно... всех мороев. Вот власть. Вот сила.

Его самодовольная тирада в основном прошла мимо меня, но одна часть привлекла внимание: «Контролируя Джиллиан, я контролирую Василису». Лисса. Ну уж нет, я не допущу, чтобы он причинил вред ей, чтобы он использовал ее, да и Джил тоже. Лисса подарила мне четки с крестиком из наследия Драгомиров; дар, предназначенный для тех, кто защищает эту семью. Мой долг — защищать всех Драгомиров. Древняя мантра стражей снова зазвучала в сознании: «Они на первом месте».

Внимательно присмотревшись к вздрагивающей земле и оценив силу «землетрясения», я снова попыталась встать, и мне удалось сделать это, практически приплясывая по парковке. Глядя на Виктора, я вспомнила, о чем предостерегала меня Соня: катализатор. Искра, способная воспламенить тьму, которую я долгое время накапливала, вытягивая ее из Лиссы. Сейчас все беды моей жизни сосредоточились в одном человеке. Он уже заставил страдать мою лучшую подругу... едва не убил ее. Он играл с Дмитрием и мной, усложнив наши и без того запутанные отношения. Кто остановит этот бесконечный поток зла? Все вокруг окрасилось в красный и черный цвета. Я слышала взывающий ко мне голос... Наверное, Соня. Но в этот момент на свете не существовало ничего, кроме Виктора и моей ненависти к нему.

Я бросилась на него, полная ярости и адреналина, и вырвалась из

эпицентра «землетрясения», угрожающего захватить меня. И снова я всей тяжестью обрушилась на Дашкова, но слегка сместила направление своего движения и отбросила его не на землю, а на бетонную стену, причем с такой силой, с какой могла бы ударить стригоя. Его голова мотнулась назад, послышался странный хрустящий звук, и Виктор сполз на землю. Я тут же упала рядом, схватила его за руки и принялась трясти.

— Вставай! — закричала я. — Вставай и сражайся со мной!

Но сколько я ни трясла его и ни кричала, Виктор не поднялся; он вообще не двигался.

Кто-то схватил меня сзади и попытался оттащить от него.

— Роза! Роза! Прекрати!

Я ни на что не обращала внимания. Гнев и сила бурлили во мне, я жаждала встретиться с Виктором лицом к лицу раз и навсегда. Внезапно тело охватило странное ощущение — как будто по коже заскользили кончики пальцев.

«Отпусти его».

Я не хотела делать этого, но спустя мгновение мелькнула мысль, что это разумно. Моя хватка слегка ослабела, и меня сумели отдернуть назад. И едва это произошло, я вынырнула из черно-красного тумана и осознала, что случилось. Соня, оттаскивающая меня от Виктора, использовала малую толику принуждения, чтобы заставить отпустить его. Она была настолько сильна в магии, что ей даже не требовалось смотреть мне в глаза. И она продолжала крепко держать меня, хотя могла бы осознать, что в этом больше нет нужды.

— Я должна остановить его! — Я попыталась вырваться. — Он заплатит за все!

Я снова потянулась к нему. Теперь Соня прибегла к словам:

— Роза, он мертв! Неужели ты не понимаешь? Мертв. Виктор мертв.

Нет, я не понимала... по крайней мере, сначала. Мной владела слепая одержимость, потребность во что бы то ни стало добраться до Виктора. Но потом... потом ее слова пробились ко мне. Снова схватив Дашкова, я почувствовала бессильную расслабленность его тела. Его взгляд был слепо устремлен в... никуда. Безумные, кипящие во мне эмоции стали слабеть, и на смену им пришел шок. Руки разжались; я смотрела на него, и постепенно до меня доходил смысл слов Сони.

Доходило, что я сделала.

Потом послышался ужасный звук — долгий, скорбный крик. Я оглянулась и увидела Роберта, рядом с которым стоял Дмитрий. Завернув руки Роберта за спину, Дмитрий без труда удерживал его, но тот не

оставлял попыток вырваться. Неподалеку стояла Джил, растерянная и испуганная.

— Виктор! Виктор!

Роберт разрыдался. Я снова перевела взгляд на лежащее у моих ног тело, почти не веря своим глазам. Мне казалась безумной реакция стражей на убийство мороя, которое совершил Эдди, но сейчас я начала их понимать. Монстр, каким является каждый стригой, — это одно. Но жизнь человека, даже того, который...

— Уведи его отсюда!

От неожиданного восклицания Сони я вздрогнула. До этого она стояла на коленях рядом с телом, но теперь вскочила и повернулась к Дмитрию.

— Уведи его отсюда! Как можно дальше!

Дмитрий выглядел удивленным, однако ее властный тон немедленно подействовал на него. Он потащил Роберта прочь, но спустя несколько мгновений просто перекинул его через плечо и понес. Я ожидала криков протеста, но Роберт смолк. Он не отрывал от Виктора взгляда, такого острого и сосредоточенного, что, казалось, мог прожечь в теле дыру. Соня снова рухнула на землю и накрыла собой тело Виктора.

— Уведи его отсюда! — снова закричала она. — Он пытается оживить Виктора! Тот станет «отмеченным поцелуем тьмы»!

Все еще в смятении и ужасе от содеянного, я тем не менее осознала опасность того, что могло произойти. Нельзя допустить, чтобы Роберт вернул Виктора к жизни. Братья были достаточно опасны и без связи между собой. Нельзя также допустить, чтобы Виктор смог вызывать души умерших, как это делала я. Виктор должен остаться мертвым.

— Разве он не должен прикоснуться к его телу? — спросила я.

— Чтобы завершить связь, да. Однако сейчас он в огромных количествах использует стихию духа, призывая душу Виктора обратно и удерживая ее поблизости.

Когда Дмитрий с Робертом скрылись, Соня попросила меня помочь ей перетащить тело. Мы подняли сильный шум, и просто чудо, что пока никто не вышел. Джил помогала нам. Я действовала как автомат, почти не осознавая, что делаю. Соня нашла ключи от внедорожника и опустила спинки задних сидений, чтобы увеличить свободное пространство. Втроем мы забрались туда и пригнулись, чтобы снаружи нас нельзя было разглядеть. Вскоре послышались голоса, из мотеля высыпали люди, интересуясь, что произошло. Я не отдавала себе отчета в том, долго ли они оставались на парковке; знала лишь, что, к счастью, машины не обыскивали. По правде говоря, никаких связных мыслей в голове вообще

не было. Ярость угасла, но в сознании царила неразбериха. Казалось, я не могу задержаться ни на чем конкретном. Мне было нехорошо, и я просто выполняла приказы Сони, стараясь не смотреть на тело Виктора.

Даже после того, как голоса смолкли, она не позволила нам вылезти из машины. Наконец она обратила взгляд на меня.

— Роза? — Я не отвечала, и она снова окликнула: — Роза?

— Да? — хрипло отозвалась я.

Ее голос успокаивал и завораживал. По коже снова поползли мурашки, возникло чувство, что я должна слушаться ее.

— Нужно, чтобы ты взглянула на мертвецов. Открой себя им.

Мертвецам? Нет. Хотя разум вышел из-под контроля, у меня хватило здравого смысла понять, что это плохая идея.

— Не могу.

— Можешь, — настаивала она. — Я помогу тебе. Пожалуйста.

Сопротивляться принуждению не было сил, и я позволила упасть стенам, которые возвела вокруг себя. Они ограждали меня от мира мертвых и призраков. Спустя несколько мгновений вокруг возникли полупрозрачные лица; некоторые выглядели нормально, другие производили жуткое впечатление. У всех рты открыты — призраки хотели говорить, но не могли.

— Что ты видишь? — спросила Соня.

— Призраков, — прошептала я.

— Ты видишь Виктора?

Я пробежала взглядом по сонму лиц.

— Нет.

— Загони их обратно, — приказала она. — Подними стены.

Ох, как это было трудно! Как будто я напрочь лишилась воли. Почувствовав воздействие извне, я поняла, что Соня снова использует принуждение. Она не могла заставить призраков исчезнуть, но ее поддержка и решимость придали мне сил. Я отгородилась от неугомонных мертвецов.

— Значит, он ушел, — сказала Соня. — Либо полностью поглощен миром мертвых, либо бродит где-то беспокойным духом. В любом случае поблизости Виктора нет, и вернуть его к жизни невозможно. — Она посмотрела на Джил. — Позови Дмитрия.

— Я не знаю, где он, — вздрогнув, ответила та.

Улыбка Сони не затронула ее глаз.

— Уверена, где-то рядом. И наблюдает. Обойди вокруг мотеля, походи по кварталу. Он найдет тебя.

Джил ушла, не нуждаясь в принуждении. Я спрятала лицо в ладони.

— О господи! О господи! Я все время отрицала это, но так оно и есть: я убийца.

— Не думай пока об этом, — посоветовала Соня. То, что она взяла все в свои руки, успокаивало. Почти. Исполнять приказы было легче, чем действовать самостоятельно. — Потом разберешься с чувством вины. Сейчас нам нужно избавиться от тела.

Я убрала от лица руки и заставила себя посмотреть на Виктора. Меня сильно затошнило, вихрь эмоций снова взметнулся внутри. Я отрывисто рассмеялась.

— Ага, тело. Жаль, что Сидни не с нами. У нас нет никакого магического зелья, а солнце не сможет уничтожить труп. Странно. Стригия труднее убить... труднее убить, но избавиться от него легче. — Я снова засмеялась — было что-то знакомое в моем бормотании... Примерно так вел себя Адриан, когда на него находило. И Лисса, когда воздействие духа подталкивало ее к самому краю. — Это оно и есть? Поток, о котором вы меня предупреждали? Лисса не страдает от побочных эффектов, но надо мной дух в конце концов одержал победу... как с Анной... О господи! Это ведь сон? Только я никогда не проснусь...

Широко распахнутые глаза Сони светились... чем? Страхом? Издевкой? Тревогой? Она взяла меня за руку.

— Держись меня, Роза. Вместе мы избавимся от этого.

Стук в окно заставил нас обеих вздрогнуть; Соня впустила Дмитрия и Джил.

— Где Роберт?

Дмитрий бросил взгляд на Виктора и тут же отвернулся.

— Потерял сознание. Я спрятал его в кустах за углом.

— Замечательно, — сказала Соня. — По-твоему, это умно? Бросить его?

— А носить на плече на виду у всех? По-моему, это еще хуже. Если уж на то пошло... да, я думаю, что нужно просто бросить его. Он очнется. Он не беглец. И без Виктора он... ну, не безвредный, конечно, но не такой опасный. Мы не можем повсюду таскать его с собой.

Я снова засмеялась; даже мне самой было понятно, что я в полном расстройстве и даже в истерике.

— Он без сознания. Конечно, конечно. Ты можешь поступать правильно. Я — нет. — Мой взгляд метнулся к Виктору. — «Зверь», — сказал он. И был прав. Ничего, кроме этого...

Обхватив себя руками, я вонзилась пальцами в кожу так сильно, что

выступила кровь. «Физическая боль прогонит душевную». Разве не так всегда говорит Лисса?

Дмитрий молча разглядывал меня, а потом перевел взгляд на Соню.

— Что с ней?

У меня на глазах он не раз рисковал жизнью, но никогда прежде я не видела его таким испуганным.

— Воздействие стихии духа, — ответила Соня. — Она долго вытягивала и вытягивала тьму и сумела удерживать в себе. Однако дух всегда ждет. Всегда ждет... — Она слегка нахмурилась; может, осознала, что говорит почти как я. И посмотрела на Джил. — Это серебро?

Джил перевела взгляд на висящий на шее медальон в форме сердца.

— По-моему, да.

— Можешь дать мне его?

Джил расстегнула цепочку и отдала медальон Соне. Та зажала его между ладонями и на мгновение закрыла глаза, поджав губы. Потом открыла глаза и протянула мне медальон.

— Надень его.

Прикосновение к нему вызвало странное покалывание по коже.

— Сердце... — Застегивая цепочку, я смотрела на Дмитрия. — Помнишь? Помнишь, как ты спросил: «Где сердце?» И вот оно. Вот оно...

Я смолкла. Мир внезапно обрел четкость, мечущиеся мысли медленно перестали разбегаться, обретая подобие рациональности. Я как будто только сейчас действительно увидела своих товарищей. И дотронулась до медальона.

— Это исцеляющее заклинание.

Соня кивнула.

— Я не знала, исцеляет ли оно сознание. Не думаю, что его действие будет постоянным, но с ним, да еще и призвав на помощь свою волю... ты какое-то время будешь в порядке.

Я старалась не сосредотачиваться на последних словах. «Какое-то время». Вместо этого я попыталась упорядочить мир вокруг и понять, при чем здесь лежащее передо мной тело.

— Что я наделала? — прошептала я.

Джил обхватила меня рукой, но ответил Дмитрий:

— То, что должна была.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Последующие события слились в неясное пятно. Может, Соня отчасти и защищала меня от воздействия стихии духа, но это не имело особого значения — я все еще была в шоке и соображала с трудом. Меня усадили на переднее сиденье, как можно дальше от Виктора. Дмитрий отвез нас куда-то — я не обращала внимания куда, — где они с Соней избавились от тела. Они не рассказывали, как именно, а я не расспрашивала о подробностях.

После этого мы поехали ко двору. Соня и Дмитрий обсуждали, как нам действовать, когда мы туда доберемся. Поскольку пока никто не восстановил мое доброе имя, предлагалось, чтобы Джил доставила Соня. Джил спросила, можно ли позвонить родителям и сообщить им, что с ней все хорошо, но Дмитрий счел это слишком рискованным. Соня пообещала, что постарается увидеться с Эмили во сне, и Джил немного успокоилась.

А я успокаивала себя тем, что во время поездки заглядывала в сознание Лиссы. Это помогало не заикливаться на ужасном чувстве вины и пустоты в душе, на том, что я сотворила с Виктором. С Лиссой это была уже не я, а в то время мне как раз не хотелось быть самой собой.

Однако и у нее дела шли не блестяще. Как обычно, ее угнетало сразу несколько проблем. Она чувствовала, что почти подобралась к разгадке убийства Татьяны. Еще один крошечный шаг, и она схватит истину за хвост. Стражи взяли швейцара Джо и, применив силу — с их методами магическое принуждение не требовалось, — добились от него признания в том, что в ночь убийства он видел морю с поврежденными пальцами в моем доме. И уже практически по доброй воле он признался, что ему заплатили — и этот человек, и Даниэлла. В основном он нажимал на то, что той ночью был немного не в себе.

Еще у Лиссы было письмо Эмброуза с завуалированными угрозами в адрес Татьяны. Тот, кто его писал, был противником возрастного закона, считая его слишком мягким, не одобрял интерес Татьяны к исследованию возможностей духа и возмущался тайным обучением морюев умению сражаться. Письмо было составлено в вежливых выражениях, но, несомненно, написавший его затаил злобу на королеву. Это хорошо согласовывалось с теорией политических мотивов убийства.

Конечно, личные мотивы тоже не следовало сбрасывать со счета. Вся эта грязная неразбериха с Эмброузом, Блейком и связанными с ними

женщинами позволяла любого из них заподозрить в убийстве. То, что в этом списке была и Даниэлла Ивашкова, постоянно беспокоило Лиссу, и она изо всех сил старалась не проболтаться Адриану. Хорошо хоть, что Даниэлла дала Джо взятку с целью избавить сына от неприятностей, а не усугубить мою вину. Неизвестный морой вроде как расплатился за них обоих. Конечно, если Даниэлла убила Татьяну, не исключено, что деньги принадлежали ей и тот морой просто передал их Джо.

И естественно, последнее испытание не давало Лиссе покоя. Загадка. Загадка, у которой, казалось, было множество ответов — и в то же время ни одного.

«Чем должна обладать королева, чтобы стать истинной правительницей своего народа?»

В каком-то смысле это было самое трудное испытание. Предыдущие включали в себя некоторый, так сказать, практический компонент. А результат этого зависел лишь от ее ума. Никакого костра, который требуется развести. Никакого страха, которому нужно смотреть в глаза.

Она злилась на себя за то, что слишком серьезно относится к загадке. Мало ей стрессов и без этого? Все было бы проще, если бы она продолжала воспринимать испытания как обман, призванный выиграть для нас время. Ко двору продолжали съезжаться морои, жаждущие стать свидетелями выборов, и очень-очень многие из них — к ее удивлению — оказывали ей поддержку. Она не могла нигде появиться без того, чтобы не раздавались возгласы о драконе и возрождении Александры. Распространился слух и о нападении на нее, что, похоже, лишь подогрело пыл ее сторонников.

Но конечно, у Лиссы было немало и противников. Самый серьезный их довод имел законные основания: она не может быть избранной, когда дойдет до голосования. Вторым доводом против нее был возраст.

«Она слишком молода», — говорили ее противники.

Кому нужен ребенок на троне?

Однако поклонники Лиссы к этим доводам не прислушивались, продолжали ссылаться на правление юной Александры и чудеса исцеления, которые творила Лисса. Возраст к делу не относится. «Что мороям нужно, так это молодая кровь!» — кричали они. И требовали изменения закона о голосовании.

Ничего удивительного, что ее противники снова и снова указывали на тот факт, что она связана с убийцей королевы. Я думала, это создаст проблему с выдвижением ее кандидатуры, но она была так убедительна, рассказывая, как потрясена моим предательством, что многие полагали — если она станет королевой, это исправит причиненный мною вред. Всякий

раз, когда поднимался этот вопрос, она прибегала к незначительному принуждению, внушая людям, что теперь мы с ней никак не связаны.

— Ох, как я устала от всего этого. — Она попросту сбежала к себе в комнату и теперь лежала на постели в объятиях Кристиана. Моя мама тоже была там, на страже. — Эта история с испытаниями — ужасная идея.

Он погладил ее по волосам.

— Вовсе нет. Эйб говорит, выборы будут отложены из-за беспорядков. И сколько бы ты ни жаловалась, я знаю — ты гордишься тем, что так далеко продвинулась.

Так оно и было. Тест с кубком отсекал половину кандидатов, осталось всего пять: Ариана Селски, родственник Даниэллы Руфус Тарус, Маркус Лазар, Мари Конта и, конечно, Лисса. Рональд Озера не прошел испытания.

Заговорила моя мать:

— Никогда не видела ничего подобного — просто невероятно, сколько людей поддерживает тебя. Совет не обязан менять закон, но народ так шумит... и это в интересах некоторых королевских мороев — заработать любовь простых сородичей. Если парочка семей, которые сейчас не в фаворе, будут отстаивать твое право принимать участие в выборах, это может хорошо отразиться на них. Удерживает их одно — мысль, что ты и в самом деле можешь победить. Поэтому они просто продолжают спорить.

Лисса замерла.

— Победить... Это же невозможно. Ариана — вот кто должен быть королевой.

При разработке этого безумного плана победа Лиссы никогда не рассматривалась как возможный исход. И теперь, когда осталось так мало кандидатов, давление с целью сделать королевой Ариану усилилось. Насколько Лисса представляла себе, на других кандидатов никто особых надежд на улучшение жизни не возлагал. Ариана должна победить.

— Мне тоже так кажется, — ответила Джанин, с заметной гордостью в голосе; как-никак она была очень близка с семьей Селски. — Ариана — яркая личность, компетентный человек, и очень многие понимают это. Она поступит с дампирями по справедливости, в отличие от любого другого кандидата. Она уже заявляла о необходимости отмены возрастного закона.

Лисса вспомнила о других, гораздо более плохих законах, направленных на подавление дампинов, и почувствовала себя физически нехорошо.

— Господи, надеюсь, она победит. Опускаться дальше некуда.

Стук в дверь заставил мою маму насторожиться, но Лисса сказала:

— Это Адриан.

— Ну, по крайней мере, сейчас время более или менее подходящее, — пробормотал Кристиан.

Вошел мой бойфренд, распространяя запахи табака и спиртного. Сейчас его слабости волновали меня меньше всего, но я продолжала удивляться — оказывается, чтобы заставить его вести себя хорошо, требовалось мое личное присутствие. Как он говорил? «Ты — моя сила».

— Поднимайтесь, ребята, — заявил он, по-видимому, очень довольный собой. — Нам нужно нанести кое-кому визит.

Лисса села, недоумевая.

— О чем ты?

— Лично я не собираюсь еще раз пообщаться с Блейком Лазаром, — предупредил Кристиан.

— Я тоже, — заявил Адриан. — У меня есть кое-кто получше. И посимпатичней. Помните, вы говорили, как близки были Серена и Грант? Ну вот, похоже, вы можете сами расспросить Серену. Я нашел ее. И она рада вас видеть.

Моя мать нахмурилась.

— Я слышала, Серену отослали преподавать в школе. Куда-то на восточное побережье, кажется.

После нападения стригоев, в результате которого погибли Грант и еще несколько стражей, было решено на время отстранить Серену от обязанности телохранителя. Она единственный страж, который выжил в том сражении.

— Все верно, но, поскольку сейчас лето, ее призвали обратно, помогать сдерживать толпу в связи с предстоящими выборами. Она на посту у парадного входа.

Лисса и Кристиан переглянулись.

— Нужно поговорить с ней, — взволнованно сказала Лисса. — Может, ей известно, кого тайно тренировал Грант.

— Это не означает, что один из его учеников убил Татьяну, — заметила моя мать.

Лисса кивнула.

— Нет, но какая-то связь тут существует — если письмо Эмброуза соответствует действительности. Она сейчас там? На своем посту?

— Ага, — ответил Адриан. — И ей, в отличие от Блейка, даже не нужно покупать выпивку.

— Тогда пошли.

Лисса поднялась и надела туфли.

— Уверена? — спросил Кристиан. — Ты знаешь, с чем столкнешься

снаружи.

Лисса на мгновение заколебалась. По моройским понятиям, сейчас уже наступила ночь, но это вовсе не означало, что все лежат по своим постелям — в особенности у входа, где в последнее время всегда толпился народ. Однако проблема восстановления моего доброго имени слишком важна, решила Лисса.

— Да. Все равно пошли.

Возглавляемые Джанин, мои друзья направились к парадному входу («дверь», пробитую Эйбом, уже заделали). Двор окружали высокие стены из разноцветного камня, укрепляющие веру людей в то, что за ними скрывается элитная школа. Кованые железные ворота были распахнуты, но вход внутрь блокирован группой стражей. В обычных обстоятельствах в будке у ворот сидели всего два стража; сейчас их количество было увеличено в связи с необходимостью более тщательно проверять машины и одновременно контролировать толпу. По сторонам дороги выстроились зрители, с неослабевающим интересом наблюдая за подъезжающими автомобилями. Джанин знала обходные пути, позволяющие избежать толпящихся у входа людей — но не всех.

— Не сутулься, — призвал Лиссу Кристиан, когда они проходили мимо особо шумной группы, заметившей ее. — Ты — кандидат на должность королевы, води себя соответственно. Ты — последняя Драгомир, достойная дочь королевской семьи.

Лисса бросила на него удивленный взгляд — он говорил так напористо и, похоже, искренне верил собственным словам. Она подтянулась и повернулась к своим поклонникам, улыбаясь и махая рукой, что еще больше распалило их.

«Воспринимай все это серьезно, — напомнила она себе. — Не позорь свою семью».

В итоге пробиться сквозь толпу оказалось легче, чем поговорить с Сереной наедине. Стражи были завалены работой и настаивали, чтобы Серена тоже принимала в ней участие, но моя мама коротко переговорила с главой команды, напомнив ему о значении Лиссы и предложив на несколько минут заменить Серену.

Серена уже давно исцелилась после нападения стригоев. Примерно моих лет, светловолосая, хорошенькая. Она явно удивилась при виде своей бывшей подопечной.

— Принцесса, чем могу помочь? — официальным тоном спросила она.

Лисса увела ее подальше от стражей, беседующих с водителями

подъехавших машин.

— Ты можешь называть меня Лисса и знаешь это. В конце концов, ты учила меня «закалывать» подушки.

Серена улыбнулась.

— С тех пор все изменилось. Может, следующей королевой будешь ты. Лисса состроила гримасу.

— Вряд ли. — «В особенности поскольку понятия не имею, как разгадать загадку», — подумала она. — Но мне нужна твоя помощь. Вы с Грантом много времени проводили вместе. Он когда-нибудь говорил о том, что по указанию Татьяны втайне занимается обучением мороев?

Лицо Серены выдало ее, и она отвела взгляд.

— Я не должна обсуждать это. Ему даже мне не следовало рассказывать.

Лисса взволнованно сжала руку Серены, заставив ее вздрогнуть.

— Расскажи мне, что знаешь. Все. Кого он обучал... как они к этому относились... кто из них добился успеха. Всё.

Серена побледнела.

— Не могу, — прошептала она. — Это делалось втайне, по приказу королевы.

— Моя тетя умерла, — заявил Адриан. — И ты сама сказала, что, возможно, говоришь с будущей королевой.

Лисса бросила на него сердитый взгляд. Серена явно колебалась. Потом наконец сделала глубокий вдох и заговорила:

— Попробую составить список, хотя помню не всех. Но я понятия не имею, чего они добились. Знаю лишь, что многие негодовали по этому поводу. У Гранта было чувство, будто Татьяна намеренно отбирала тех, кто не был к этому расположен.

Лисса сжала ее руку.

— Спасибо, большое спасибо.

Серена явно была огорчена тем, что выдала секретную информацию. Как следовать девизу «Они на первом месте», если остаешься верной и одному, и другому?

— Увидимся позже, хорошо? Я нужна здесь.

Серена отправилась на свой пост, а моя мать к Лиссе. Что касается меня, я вернулась в собственную реальность. Машина как раз остановилась. Я заморгала и огляделась. Еще один отель.

— Что случилось?

— Мы делаем остановку, — ответил Дмитрий. — Тебе нужно отдохнуть.

— Обойдусь. Время поджигает — надо успеть доставить Джил вовремя, еще до выборов.

Вначале мы искали Джил с той целью, чтобы дать возможность Лиссе получить голос в Совете. Однако потом стало ясно, что неожиданное появление ее сестры станет сенсацией, но наверняка последуют обвинения в обмане и Джил будут называть самозванкой. Генетический тест развеет любые сомнения и даст Лиссе право голоса, но все это произойдет не сразу, и у нас будет время найти убийцу. И хотя мои друзья заметно продвинулись в этом направлении, у них все еще не было надежных доказательств того, кто именно совершил преступление.

Дмитрий бросил на меня взгляд, говорящий: «Не лги мне».

— Ты только что видела Лиссу. До выборов еще дело не дошло?

— Нет.

— Значит, ты можешь немного передохнуть.

— Со мной все прекрасно! — взорвалась я.

Однако эти идиоты меня не слушали. Зарегистрироваться в отеле было непросто, поскольку никто из нас не имел кредитной карты, а принимать наличные не соответствовало политике отеля. Соня принудила портье считать, что политика отеля именно такова, и нам быстро выдали ключи от двух смежных номеров.

— Дайте мне поговорить с ней наедине, — пробормотал Дмитрий Соне. — Я объясню ей.

— Будь осторожен, — предостерегла его Соня. — Она очень душевно неустойчива.

— Эй, ребята, я, между прочим, тоже тут! — воскликнула я.

Соня увела Джил в другую комнату.

— Пошли закажем какой-нибудь еды в номер.

Дмитрий открыл другую дверь и посмотрел на меня. Я вздохнула, последовала за ним и села на постель, скрестив на груди руки. Номер выглядел в сто раз приятнее того, в котором мы останавливались в Западной Виргинии.

— А мы можем заказать сюда еду?

Он подвинул кресло и сел напротив меня, на расстоянии чуть больше полуметра.

— Нужно поговорить о том, что произошло с Виктором.

— Не о чем тут говорить, — уныло сказала я. Темные чувства, которые я с успехом загоняла вглубь во время поездки, внезапно снова овладели мной. Окутали меня, не давая дышать. Ощущение клаустрофобии было сильнее, чем тогда в камере. Чувство вины само по себе тюрьма. — Я и

впрямь убийца, как все говорят. И не имеет значения, что это был Виктор. Я хладнокровно убила его.

— Вряд ли это было сделано хладнокровно.

— Именно так, черт побери! — К глазам подступили слезы. — Что планировалось сделать? Одолеть его и Роберта, чтобы освободить Джил. Одолеть. Виктор не угрожал мне. Ради бога, он же был старик!

— А по-моему, угрожал. — Как обычно, чем сильнее во мне разгоралась истерика, тем спокойнее вел себя Дмитрий. — Он прибег к магии.

Я покачала головой и уткнулась лицом в ладони.

— Он не собирался убивать меня и даже вряд ли мог долго удерживать. Нужно было просто подождать или выскочить оттуда. Черт, я и выскочила! Но вместо того чтобы просто схватить его, швырнула о бетонную стену! А ведь он был мне не ровня. Старик. Я убила старика. Да, может, он и был склонен к интригам, испорченный старик, но я не хотела его смерти. Я хотела, чтобы его снова посадили под замок, чтобы он провел остаток дней в тюрьме, среди преступников, но живой. Живой, Дмитрий!

Странно все-таки, что я так это ощущала, учитывая мою сильную ненависть к Виктору. Но я говорила правду: это был нечестный бой. Я действовала не раздумывая. Меня всегда учили защищать мороев и сражаться с монстрами. Понятие чести никогда не всплывало, но внезапно оно стало много значить для меня.

— Я поступила с ним бесчестно.

— По словам Сони, это не твоя вина. — От мягкого голоса Дмитрия мне почему-то стало еще хуже. Лучше бы он обругал меня, согласился с тем, что я виновата. Хотелось, чтобы он относился ко мне критически. Это побочный эффект использования духа.

— Это было... — Я замолчала, вспоминая кровавый туман, застилавший мне глаза во время боя. — До этого я никогда на самом деле не понимала, что Лисса переживает в свои худшие мгновения. Я просто смотрела на Виктора... и видела все зло мира... зло, которое должна остановить. Он был плохим человеком, но такого не заслуживал. Я не оставила ему ни малейшего шанса.

«Честь, — вертелось у меня в голове. — Какая в этом честь?»

— Ты меня не слушаешь, Роза. Это не твоя вина. Магия духа невероятно сильна и нами еще почти не освоена. А его темная сторона... Ну, мы знаем, побочные эффекты могут быть страшны. И справиться с ними невозможно.

Я подняла на него взгляд.

— Мне следовало быть сильнее. — Все эти ужасные эмоции, которые я испытывала... ужасные мысли на фоне чувства вины... — Мне следовало быть сильнее. Я проявила слабость.

На этот раз Дмитрий заговорил не сразу.

— У тебя нет оснований считать себя непобедимой и неподвластной высшим силам, — сказал он наконец. — И никто от тебя этого не ожидает.

— Нет, есть основания! То, что я сделала... непростительно.

Он в изумлении распахнул глаза.

— Это... безумие, Роза. Нельзя казнить себя за то, над чем не имеешь власти.

— Да? Тогда почему ты все еще...

Я оборвала себя, хотя собиралась обвинить Дмитрия в том, что он-то продолжает казнить себя. Вот только... больше он этого не делал. Испытывал ли он чувство вины за то, что творил, когда был стригоем? Уверена, что да. Соня тоже признавалась в этом. Однако где-то в процессе нашего путешествия он снова обрел контроль над своей жизнью, понемножечку, шаг за шагом. Соня говорила мне об этом, но только сейчас я поняла по-настоящему.

— Когда? — спросила я. — Когда все изменилось? Когда ты понял, что можешь продолжать жить... даже со всем этим чувством вины?

— Точно не знаю. — Если вопрос и удивил его, он не подал вида. Его взгляд был прикован ко мне, но на самом деле он не смотрел на меня. Он обдумывал мой вопрос. — Понемногу, знаешь ли. Когда Лисса и Эйб заговорили со мной о том, чтобы вызволить тебя из тюрьмы, я согласился просто потому, что она попросила. Однако чем больше я думал об этом, тем острее ощущал, что в моем согласии было и что-то личное. Мысль о том, что ты заперта в камере, отрезана от мира, была невыносима. Это ведь несправедливо и неправильно. Никто не должен жить так. А потом до меня дошло, что именно это я и делаю — только по собственному выбору. Отрезаю себя от мира чувством вины и самобичевания. Мне подарен второй шанс жить, а я отказываюсь от него.

В голове у меня по-прежнему царила неразбериха, взрывоопасная смесь гнева и печали, но, внимая его исповеди, я почти отрешилась от своих переживаний. Услышать, как он изливает свое сердце... Это была редчайшая возможность!

— Я уже рассказывал тебе об этом. О том, что поставил перед собой цель — научиться ценить мелочи жизни. И чем дольше продолжалось наше путешествие, тем отчетливее становились воспоминания о том, кто я такой. Не просто боец. Сражаться легко. Имеет значение — за что мы сражаемся,

и той ночью в проулке с Донованом... — Он содрогнулся. — Это был момент, когда я мог превратиться в человека, сражающегося просто ради бессмысленного убийства, — но ты помогла мне отойти от этой черты, Роза. Это был поворотный пункт. Ты спасла меня... как перед тем спасла Лисса. Я понял — чтобы избавиться от своего стригойского прошлого, я должен стать тем, кем они не являются. Должен принять то, что они отвергают: красоту, любовь, честь.

Я как бы раздвоилась. Одна «я» очень радовалась. Слышать, как он говорит все это... понимать, что он сражается со своими демонами и близок к победе... В общем, я чуть не расплакалась от счастья. Именно этого я так долго желала ему! Одновременно его слова напомнили мне о том, как низко пала я сама. Печаль и жалость к себе снова взяли надо мной верх.

— Тогда ты должен меня понимать, — с горечью произнесла я. — Ты только что сказал: честь, вот что имеет значение. Согласна. Но я потеряла свою. Потеряла на той парковке, где убила невинного человека.

— А я убивал их сотнями, — ответил он. — И гораздо менее невинных, чем Виктор Дашков.

— Но есть же разница! Ты ничего не мог с собой поделать, — опять взорвалась я. — Почему ты снова и снова твердишь одно и то же?

— Потому что ты не въезжаешь! Ты тоже ничего не могла с собой поделать! — Его терпение дало трещину. — Испытай чувство вины. Печалься из-за того, что случилось. Но двигайся вперед. Не позволяй этим чувствам уничтожить себя. Прости себя.

Я вскочила, и это движение застало его врасплох. Наклонилась, чуть не касаясь его лица.

— Простить себя? И ты хочешь этого? Именно ты, из всех людей?

Казалось, ему трудно говорить; возможно, это было как-то связано с моей близостью. Он просто кивнул.

— Тогда ответь мне. Ты говоришь, что оставил позади чувство вины, решил получать удовольствие от жизни и все такое. Я понимаю это. Но неужели ты и впрямь простил себя, в сердце своем? Я говорила, что давным-давно простила тебя за все, что было в Сибири. А ты сделал это?

— Я просто сказал...

— Нет, это не одно и то же. Ты советуешь мне простить себя и двигаться вперед, но сам этого не сделал. Ты лицемеришь, товарищ. Мы оба либо виновны, либо нет. Выбирай.

Он тоже поднялся, глядя на меня с высоты своего роста.

— Все не так просто.

Я с вызывающим видом скрестила на груди руки.

— Все именно так просто. Мы с тобой одинаковые. Даже Соня это подтверждает. Мы всегда были одинаковые и сейчас ведем себя одинаково тупо. Предъявляем к себе более высокие требования, чем все остальные.

Дмитрий нахмурился.

— Я... Соня? При чем тут Соня?

— Она говорит, у нас очень похожие ауры, которые сияют, когда мы рядом. Она говорит, это означает, что ты по-прежнему любишь меня, и мы по-прежнему созвучны, и... — Я вздохнула и отвернулась. — Ну, не знаю. Не следовало говорить об этом. Нельзя так уж доверять всем этим рассуждениям об ауре, исходящим от полубезумного пользователя магии духа.

Я отошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу, стараясь решить, что делать.

«Прости себя».

Могу ли я? Передо мной раскинулся небольшой городок, названия его я не знала. Внизу ехали машины, шли люди, живущие своей маленькой жизнью. Образ распростертого на асфальте Виктора наверняка долго-долго будет преследовать меня. Я совершила ужасный поступок, даже если намерения у меня были добрые, но все правы: я не была самой собой. Однако разве это может изменить то, что произошло? Разве это может вернуть Виктора к жизни? Конечно нет. И я не знала, сумею ли оставить позади то, что натворила, избавиться от осаждающих меня кровавых образов. Я просто знала, что должна жить дальше.

— Если я допущу, чтобы случившееся остановило меня, — пробормотала я, — тогда зло восторжествует. Я принесу гораздо больше пользы, если выживу и буду продолжать сражаться и защищать.

— Что ты сказала? — спросил Дмитрий.

— Я говорю, что... прощаю себя. Это не значит, что все мгновенно наладится, но это начало. — Я провела пальцем по тонкой трещине на поверхности стекла. — Кто знает? Может, этот взрыв на парковке позволил мне избавиться от некоторой доли тьмы, которую Соня видит в моей ауре. При всем моем скептическом отношении должна признать, что в ее словах есть смысл. Она оказалась права, говоря, что я в критическом состоянии, что для взрыва достаточно крошечной искры.

— Она права и еще в отношении кое-чего, — после долгой паузы сказал Дмитрий.

Я стояла спиной к нему, но странные нотки в его голосе заставили меня повернуться.

— И что это? — спросила я.

— Я по-прежнему люблю тебя.

Всего несколько слов, но их оказалось достаточно, чтобы вселенная изменилась.

Время остановилось. Мир сузился до его глаз, его голоса. Это неправда, этого не может быть. Это, наверное, сон, навеянный духом. Я с трудом удержалась от того, чтобы закрыть глаза и проверить, проснусь ли несколько мгновений спустя. Нет. Это был не сон. Это происходило на самом деле. Это была сама жизнь.

— С... каких пор? — наконец пролепетала я.

— С... Всегда. Я отрицал это после трансформации. В моем сердце не было места ни для чего, кроме чувства вины, и в особенности в отношении тебя. Поэтому я и отталкивал тебя, возводил между нами стену, за которой ты оставалась бы в безопасности. Какое-то время это срабатывало — пока в конце концов сердце не начало воспринимать и другие эмоции. И тогда все вернулось. Все мои чувства к тебе. Они никогда и не уходили, просто затаились в глубине, дожидаясь, пока я созрею для них. И снова... тот проулок стал поворотным пунктом. Я смотрел на тебя, видел твою доброту, твою надежду, твою веру — все то, что делает тебя прекрасной, такой невероятно прекрасной.

— Значит, дело было не в моих волосах.

Просто поразительно, что в такой момент я способна шутить!

— Нет. Твои волосы тоже были прекрасны. Вся ты была прекрасна. Ты поразила меня даже при первой нашей встрече, а потом, совершенно необъяснимым образом, это впечатление лишь усиливалось. В тебе всегда была чистая энергия, но со временем ты научилась контролировать ее. Ты самая изумительная женщина, которую я когда-либо встречал, и я счастлив, что любовь к тебе присутствует в моей жизни. И сожалею, что потерял ее. — В его голосе зазвучала печаль. — Я отдал бы все на свете, чтобы повернуть время вспять. Тогда, едва Лисса вернула меня к жизни, я бросился бы в твои объятия, и мы были бы вместе. Сейчас слишком поздно, конечно, но я принимаю это.

— Почему... Почему слишком поздно?

Какой печальный был у него взгляд!

— Из-за Адриана. Из-за того, что ты стала жить дальше. Нет, постой! — оборвал он мои возражения. — Ты правильно поступила — учитывая, как я обращался с тобой. И больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты сама говорила, что Адриан делает тебя счастливой. Говорила, что любишь его.

— Но... ты только что сказал, что любишь меня. Что хочешь быть со мной.

— И еще я говорил тебе: я не стану отнимать девушку у другого мужчины. Ты хочешь поговорить о чести? Это она и есть, в самой своей чистой форме.

Я направилась к нему, и с каждым моим шагом напряжение между нами нарастало. Дмитрий не раз повторял, что для него поворотным пунктом стал проулок. А для меня? То, что происходило сейчас. Я стояла на пороге того, что изменит мою жизнь. Всю последнюю неделю я прикладывала неимоверные усилия, чтобы отбросить всякую мысль о романтических отношениях с Дмитрием. И что... получилось? Что такое любовь на самом деле? Цветы, шоколад и поэзия? Или что-то совсем другое? Может, это способность закончить шутку другого человека? Или абсолютная уверенность, что есть кто-то, кто всегда прикроет твою спину? Или такое чуткое понимание другого, что ты мгновенно осознаешь, почему он делает то, что делает, и разделяешь его убеждения?

Всю неделю я твердила себе, что не люблю Дмитрия, а на самом деле моя любовь к нему становилась все сильнее. И я даже не осознавала этого! Старалась восстановить наш прежний контакт, укрепить связь. Тем самым подтверждая, что из всех людей на свете, включая даже Лиссу, Дмитрий — единственный, кто по-настоящему трогает и волнует меня.

Это правда: я любила Адриана. Трудно представить жизнь без него, но суть обнажали мои другие слова в доме Мастрани: «Он такой забавный!» Ну, тот, кого любишь, может быть забавным, но не эти слова должны первыми приходить на ум. Мне следовало сказать: «Мы придаем друг другу сил». Или: «Он побуждает меня стать лучше». И наверное, самое важное: «Он прекрасно понимает меня».

Однако ничто из этого не соответствовало действительности — поэтому я ничего такого и не сказала. Наши дружеские отношения, его юмор — все это было важной частью моего мира. И если бы он оказался в опасности? Я отдала бы за него жизнь — в точности как за Лиссу. Тем не менее я оказалась неспособна по-настоящему воздействовать на него. Он старался и действительно хотел стать лучше, но на данном этапе его жизни им в основном двигал мотив произвести впечатление на других — произвести впечатление на меня. Не ради себя самого. Это не значит, что он плохой или слабый, но это превращало меня в его опору. Он перерастет это, уверена. В конце концов он обретет самого себя и станет потрясающим человеком, однако пока с ним этого не произошло. В отличие от меня.

Сейчас я стояла перед Дмитрием, глядя в его темные глаза, которые

так сильно любила. Я приложила руки к его груди и почувствовала, как сильно, равномерно бьется сердце... может, лишь чуть быстрее нормы. Тепло проникало в меня через ладони. Он взял меня за запястья, но не оттолкнул. Лицо его выглядело напряженным, он явно преодолевал какой-то внутренний конфликт, но теперь, когда я знала — когда точно знала, — не оставалось сомнений, что он любит меня. Любит и хочет меня. Этого невозможно было не видеть.

— Ты должен был сказать мне, — заговорила я. — Должен был сказать мне это давным-давно. Я люблю тебя и никогда не переставала любить. Ты должен был понимать это.

Когда он услышал «Я люблю тебя», дыхание у него перехватило; я почувствовала, что его внутренняя борьба вступила в решительную фазу.

— Это ничего не изменило бы — ведь есть Адриан. — Его пальцы чуть сильнее сжали мои руки, как будто он и впрямь мог оттолкнуть меня; он, однако, этого не сделал. — Я действительно так считаю, Роза. Я не тот мужчина, который уводит женщину у другого. Пожалуйста, прекрати. Не усложняй все еще больше.

Я не прислушалась к его просьбе. Если он и впрямь хотел отделаться от меня, то запросто мог сделать это. Я растопырила пальцы, увеличивая соприкосновение с его грудью и жадно впитывая ощущение теплого контакта, которого мне так недоставало.

— Я не принадлежу ему.

Я слегка откинула голову, чтобы лучше видеть лицо Дмитрия. Столько эмоций, такая яростная борьба в сердце, пытающемся решить, что правильно, а что нет! Стоя так близко к нему, я чувствовала себя... цельной. Соня говорила, что два человека не могут стать одной душой, но наши изначально предназначались быть вместе. Они подходят друг к другу, как части пазла — две индивидуальности, вместе способные на нечто большее, чем каждая сама по себе.

— Я не принадлежу никому. Я сама делаю выбор.

— И ты с Адрианом.

— Но предназначена для тебя.

И это решило все. Здравый смысл, попытки сдержать себя улетучились. Стены рухнули, и все чувства, которые мы пытались загнать вглубь, вырвались наружу. Я потянулась губами к его губам, жаждая поцелуя — поцелуя, от которого на этот раз он не стал уходить. Он обнял меня и отнес на постель, одной рукой скользя по бедру и ноге, уже наполовину обнаженной, спасибо рваному платью.

Каждый мой нерв вспыхнул, я почувствовала, что желание вернулось к

нему, и даже сильнее, чем прежде. После мира смерти он, похоже, стал по-настоящему ценить любовь. Более того, он имел острую потребность в ней, потребность в жизни. Потребность во мне — и не просто физическую, но в том же смысле, в каком моя душа всегда стонала по нему. То, что происходило дальше — когда одежды были сброшены и наши тела слились, — было гораздо больше, чем просто вожделение... хотя и оно присутствовало.

Быть наконец с ним после всего, что нам пришлось вынести, это походило на... возвращение домой. Как будто я в конце концов оказалась там и с тем, где и с кем мне следовало быть. Мой мир, мое сердце... все разбилось вдребезги, когда я потеряла его. Но когда сейчас он смотрел на меня, когда шептал мое имя, когда скользил губами по моей коже... я чувствовала, что все осколки можно собрать снова. И я уверилась, что поступила правильно — дожидаясь этого второго в моей жизни случая физической близости. Иметь ее с кем-то другим, в другое время... это было бы ошибкой.

Когда все закончилось, мы, казалось, все еще не насытились. Крепко обнимали друг друга, сплелись руками и ногами, как бы желая нынешней близостью компенсировать свою долгую разобщенность.

Я закрыла глаза и мечтательно вздохнула.

— Я рада, что ты сдался. Рада, что твое самообладание не так сильно, как мое.

Смех зарокотал в его груди.

— Роза, мое самообладание в десять раз сильнее твоего.

Я открыла глаза и слегка сместилась, чтобы лучше видеть его. Отвела от его лица волосы, чувствуя, что мое сердце все раскрывается и раскрывается — пока от меня наконец ничего не останется.

— Правда? Мне так не показалось.

— Подожди до следующего раза. Я заставлю тебя в считанные секунды утратить самообладание.

Это замечание просто напрашивалось на колкость остроумной Розы Хэзевей. Оно также заставило всю кровь во мне вспыхнуть, поэтому мы оба удивились, когда я резко бросила:

— Следующего раза может и не быть.

Рука Дмитрия, скользящая по моему плечу, замерла.

— Что? Почему?

Нам нужно кое-что уладить до того, как это произойдет.

— Адриан, — догадался он.

Я кивнула.

— И это моя проблема, так что выкинь из головы всякие мысли о чести. Я должна встретиться с ним и объясниться. Что и сделаю. А ты... — Неужели я и впрямь собираюсь это сказать? — Ты все еще должен простить себя — если хочешь, чтобы мы были вместе.

Недоумение на его лице сменилось мукой.

— Роза...

— Серьезно. — Я не отрывала от него взгляда. — Ты должен простить себя, по-настоящему. Я себя простила, Соня себя простила. Если у тебя не получится, ты не сможешь жить дальше. Мы не сможем.

Как же я рисковала! Раньше я без вопросов пошла бы за ним, игнорируя наши проблемы, просто радуясь тому, что мы вместе. Теперь... после всего, через что мне пришлось пройти, я изменилась. Я люблю его, очень сильно люблю, очень сильно хочу. Однако именно сила этой любви подталкивала меня сделать это. Если мы хотим быть вместе, нужно, чтобы все было правильно. Секс — изумительная вещь, но не магическое лекарство от всего на свете. Проклятье! Где-то на пути я обрела здравый смысл. Да, я планировала лицом к лицу встретиться с Адрианом, но, если Дмитрий не сделает того, о чем я прошу, я уйду. Потеряю их обоих, но лучше быть одной, сохраняя чувство собственного достоинства и понимая, что поступила правильно.

— Не знаю, — ответил наконец Дмитрий. — Не знаю, смогу ли я... готов ли...

— Поторопись разобраться с этим. Не обязательно прямо сейчас, но в конечном счете...

Больше я эту тему не развивала. Я знала — он будет обдумывать ее и, раньше или позже, осознает ее важность. И еще я знала, что права, настаивая на этом. Он не будет счастлив со мной, если не будет счастлив с самим собой. Я поняла также, что наши прежние отношения учитель — ученица никогда не вернутся. Теперь мы по-настоящему стали равны.

Я положила голову ему на грудь и почувствовала, что он расслабился. Мы просто наслаждались этим моментом. Соня сказала, что нам нужно отдохнуть, и я тогда подумала, что мы можем позволить себе провести какое-то время здесь — перед тем, как тиканье часов снова погонит нас ко двору. Сейчас, лежа в объятиях Дмитрия, я почувствовала, что действительно хочу спать. Я была сильно измотана — и не в малой степени из-за того, какой неожиданный оборот приняли события. Чувство вины и отчаяния по поводу Виктора, воздействие духа — все это тоже повлияло, безусловно. Но, да, я была измотана и из-за произошедшего только что между мной и Дмитрием. Это было приятно, что мое тело, в виде

исключения, послужило чему-то, не имеющему своим последствием боль, кровь и страдания.

Я заснула в его объятиях, тьма окутала меня, словно тепло его рук. Так это и должно происходить — мирный, счастливый отдых; но, как обычно, мне не повезло.

Чужой сон вытянул меня из темных глубин, и мелькнула мысль, что, может, Роберт Дору решил отомстить мне за смерть брата.

Но нет, никакого мстительного Дашкова. Я обнаружила, что смотрю в изумрудно-зеленые глаза...

...Адриана.

ТРИДЦАТЬ

Я не бросилась в его объятия, как делала всегда. Как можно? После того, что я сделала? Нет. Больше я не могла притворяться. Я все еще не была уверена, есть ли у меня с Дмитрием будущее — пока он не ответил на мой ультиматум, — но понимала, что должна расстаться с Адрианом. Я по-прежнему была к нему равнодушна и надеялась, что когда-нибудь, в очень отдаленном будущем, мы станем друзьями. Тем не менее я не хотела обманывать его после того, как спала с Дмитрием. Это, конечно, было бы не убийство, но определенно бесчестный поступок.

И все же... сейчас взять и выложить все это Адриану я не могла. Не могла порвать с ним во сне. Это было почти так же ужасно, как сообщить ему об этом в письменном виде. Кроме того, меня не покидало чувство, что... ну, мне нужна его помощь. Вот тебе и разговоры о чести.

«Скоро, — поклялась я себе. — Совсем скоро я ему скажу».

Он, казалось, не обратил внимания на то, что я не обняла его; однако заметил кое-что другое.

— Ух ты!

Мы стояли не где-нибудь, а в библиотеке Академии Святого Владимира, и я поверх пустых учебных столов бросила на Адриана удивленный взгляд.

— О чем ты?

— Твоя... твоя аура. Потрясающе! Она сияет. В смысле, она всегда сияет, но сегодня... Я никогда такого не видел. И не ожидал после всего, что произошло.

Я с чувством неловкости переминалась с ноги на ногу. Если я обычно светила рядом с Дмитрием, то можно представить себе, что стало с моей аурой после секса.

— А что случилось? — спросила я, пытаюсь увести его в сторону.

Он засмеялся и направился ко мне, неосознанно потянувшись за сигаретой, остановился и опустил руку.

— Ох, брось! Все только об этом и говорят — что вы с Беликовым похитили «малолетку» и принудили помогать вам эту девушку, алхимика. Кстати, это правда? Самая жареная новость здесь, не считая, конечно, выборов. Приближается последнее испытание.

— Действительно... — пробормотала я.

С тех пор как старая женщина загадала Лиссе загадку, прошло почти

двадцать четыре часа. Осталось совсем мало времени, и, насколько я была в курсе, она не знала ответа.

— В таком случае почему ты спишь посреди бела дня? Я даже не надеялся застать тебя — считал, что ты живешь по человеческому расписанию.

— Это... Ночь была трудная — пришлось сбежать от миллиона стражей и все такое прочее.

Адриан взял меня за руку и слегка насупил брови, когда я не ответила на его пожатие, но тут же улыбнулся своей беспечной улыбкой.

— Ну, я больше волновался бы из-за твоего старика, чем из-за них. Он рвет и мечет, узнав, что ты, оказывается, не сидишь тихо. И потому что не может прорваться к алхимикам. Поверь, он пытался.

Я едва не рассмеялась, но вовремя осознала серьезность момента.

— Выходит, он не всемогущ! — Я вздохнула. — А жаль, нам бы не помешало, если бы он добрался до Сидни. Или до того парня с ней, который якобы что-то знает. — Я вспомнила выражение узнавания на лице Иэна. «Он знает мужчину, который напал на Лиссу и подкупил Джо». — Он нам нужен.

— Насколько мне известно, — продолжал Адриан, — стражи окружили отель, больше всего озабоченные тем, как бы алхимики не сбежали. Но они проверяют и всех входящих. Не пропустили никого из нас, как и других алхимиков. Там много гостей-людей. Думаю, Эйб пытался замаскироваться под кого-то из них, но ничего не получилось.

Бедняга Змей.

— Он явно недооценил стражей — они не позволят ни войти, ни выйти никому, кроме своих. — Собственные слова заставили меня оборвать себя. — В смысле...

Адриан устремил на меня подозрительный взгляд.

— Ох, нет! Знаю я это выражение лица. У тебя на уме что-то бредовое.

Я сжала его руку — движимая не любовью, а волнением.

— Найди Майкла. Пусть он встречает нас... — Я задумалась. Я видела городок, где находились алхимики. Он был ближе других к королевскому двору, и мы часто проезжали через него. Я попыталась вспомнить какую-нибудь яркую деталь. — У ресторана с красной вывеской. На дальнем конце. Они еще рекламируют свой шведский стол.

— Легче сказать, чем сделать, маленькая дамписка. При дворе каждый страж на счету — чтобы перед выборами сдерживать народ. Если бы на Лиссу не напали, твоей маме не разрешили бы охранять ее. Не думаю, что Майкл сумеет выбраться.

— Он найдет способ, — уверенно заявила я. — Скажи ему, что это... ключ к убийству. Он изобретательный парень.

Несмотря на свой скепсис, Адриан не мог отказать мне.

— Когда?

Действительно, когда? Сейчас почти полдень, и я не знала, где мы остановились. Сколько времени потребуется, чтобы добраться до двора? Согласно тому, что я помнила о выборах, с наступлением морейского дня прошедшие последнее испытание должны произносить речи. Теоретически вслед за этим переходят непосредственно к голосованию — хотя, если наш план сработает, участие Лиссы в этом процессе отложит голосование еще на несколько дней. Если, конечно, она будет среди тех, кто прошел все испытания.

— В полночь, — ответила я. Если я все рассчитала точно, в это время при дворе в самом разгаре будет драма выборов, и Майкл сможет легко ускользнуть. — Передашь ему?

— Для тебя — все, что угодно. — Адриан отвесил мне галантный поклон. — Хотя я по-прежнему думаю, что напрямую вмешиваться во все это тебе пока опасно.

— Я должна сделать это сама, — заявила я. — Не могу больше скрываться. — Он кивнул — как будто понял, хотя вряд ли. — Спасибо. Огромное спасибо за все. А теперь иди.

Адриан криво улыбнулся.

— Черт возьми, ты никогда не упustiшь шанса вытащить парня из постели.

Я вздрогнула — он почти угодил в цель.

— Хочу, чтобы Майкл успел подготовиться. И еще хочу посмотреть, как пройдет последнее испытание Лиссы.

Адриан посерьезнел.

— Как думаешь, у нее есть шанс? Она пройдет?

— Не знаю. Это испытание трудное.

— Ладно. Посмотрим, что можно сделать. — Он легко поцеловал меня; губы автоматически ответили, но сердце — нет. — И знаешь что, Роза? Будь осторожна. Ты окажешься угрожающе близко ко двору и стражам, для которых ты первая в списке разыскиваемых преступников. Они наверняка попытаются убить тебя.

— Знаю, — ответила я.

Но не стала говорить, что слово «наверняка» тут неуместно.

С этим он исчез, а я проснулась, и та обстановка, в которой это произошло, больше напоминала сон, чем встреча с Адрианом. Мы с

Дмитрием лежали в постели, по-прежнему прижимаясь друг к другу, сплетаясь руками и ногами. Он спал с редким для него мирным выражением лица, чуть ли не с улыбкой. Мелькнула мысль разбудить его и сказать, что нужно ехать дальше. По счастью, я взглянула на часы и передумала. У нас еще есть время; к тому же вот-вот должно было начаться испытание. Нужно «навестить» Лиссу, положившись на то, что Соня разбудит нас, если мы слишком заспимся.

Я точно рассчитала время испытания. Лисса пересекала лужайки с таким видом, как будто собиралась на похороны — не замечая ни солнца, ни цветов, ни птиц. Не удалось улучшить ее настроение и спутникам: Кристиану, моей маме и Таше.

— Я не пройду этот тест, — сказала она, глядя на здание, где должна была решиться ее судьба.

Татуировка не позволяла ей объяснить больше.

— У тебя блестящий ум. — Кристиан обхватил ее за талию, и в этот момент я любила его за веру в Лиссу. — Ты справишься.

— Ты не понимаешь, — со вздохом сказала она.

Она так и не придумала достойного ответа на загадку, а ведь на кону стоял весь наш план, да и ей самой было ужасно обидно провалиться.

— На этот раз понимает, — с поддразнивающими нотками в голосе заметила Таша. — Ты справишься. Должна справиться. От этого так много зависит.

Ее уверенность не улучшила настроение Лиссы; даже наоборот, чувство давления усилилось. Она провалит испытание, и все будет в точности так, как во сне с Советом, в который погрузил ее кубок. Тогда она тоже не знала ответа.

— Лисса!

Все остановились. К ним бежала Серена, быстро-быстро перебирая длинными ногами спортсменки.

— Привет, Серена, — сказала Лисса. — Извини, нам нельзя задерживаться. Испытание...

— Знаю-знаю. — Серена покраснела, но не от напряжения, а от волнения, и протянула Лиссе лист бумаги. — Я подготовила список — всех, кого вспомнила.

— Какой список? — спросила Таша.

— Мороев, которые по настоянию королевы учились сражаться. Она хотела посмотреть, как у них это получится.

Таша удивленно вскинула брови — она не присутствовала, когда этот вопрос обсуждался.

— Татьяна обучала мороев сражаться? Никогда ни о чем таком не слышала.

Наверное, ей самой хотелось бы оказаться среди них; как-никак она в этом преуспела и могла бы помочь.

— Это держалось в большом секрете, — сказала Лисса, разворачивая листок бумаги.

Все сгрудились вокруг, читая имена, написанные аккуратным почерком Серены. Кристиан негромко присвистнул.

— Может, Татьяна и была открыта для идеи самозащиты, но только для вполне определенных людей.

— Да, — согласилась Таша. — Это список А.

Все морой в списке принадлежали к королевским семьям, простые морои не участвовали в эксперименте. Элита элит, хотя, как и говорил Эмброуз, наблюдалось разнообразие в том, что касалось пола и возраста.

— Камилла Гонта? — удивилась Лисса. — Вот уж не подумала бы. Она никогда не успевала по физкультуре.

— А вот и еще одна наша родственница. — Кристиан кивнул на Лию Озера и посмотрел на Ташу, которая, казалось, не верила своим глазам. — Ты знала об этом?

— Нет. И ни за что не подумала бы на нее.

— Половина кандидатов здесь, — пробормотала Лисса. — Руфус Тарус, Эйв Дроздов и Эллис Бадика... О господи! Мать Адриана?

И точно: Даниэлла Ивашкова.

— Тихо-тихо, — сказал Кристиан. — Уверен, Адриану ничего не известно.

— Она поддерживает обучение мороев боевым искусствам? — удивленно спросила моя мама.

Лисса покачала головой.

— Нет. Насколько мне известно, она сторонница того, чтобы взять под защиту вампиров.

Никто из нас даже представить не мог красивую, правильную Даниэллу Ивашкову в бою.

— Она же ненавидела Татьяну, — заметила Таша. — Уверена, они все время пререкались за закрытыми дверями.

Все неловко помолчали. Лисса посмотрела на Серену.

— Эти люди часто встречались с королевой? Имели доступ к ней?

— Да, — взволнованно ответила Серена. — По словам Гранта, Татьяна присутствовала на всех занятиях. После его гибели... она опрашивала каждого ученика индивидуально, желая выяснить, каких успехов они

достигли. — Она помолчала. — Думаю... Думаю, она встречалась с кем-то из них в ночь своей смерти.

— Они уже учились использовать кол? — спросила Лисса.

Серена состроила гримасу.

— Да. У одних получалось лучше, у других хуже.

Лисса снова перевела взгляд на список, и ей стало нехорошо. Столько возможностей, столько мотивов. Может, этот клочок бумаги таит в себе ответ? Может, она читает имя убийцы? Серена говорила, что Татьяна сознательно отбирала противников обучения; наверное, желая выяснить, можно ли научить чему-то даже их. Может, с кем-нибудь она зашла слишком далеко? Одно имя в особенности не давало Лиссе покоя.

— Мне очень неприятно прерывать вас, но нужно идти, а то опоздаешь, — сказала моя мать.

Поняв, что она права, Лисса сунула листок в карман. Опоздание уже означало провал. Лисса поблагодарила Серену и снова повторила, что та поступила правильно. Мои друзья быстро зашагали дальше — время поджимало.

— Проклятье! — выругалась Лисса — очень редкий для нее случай. — Не думаю, что старая леди смирится даже с малейшим опозданием.

— Старая леди? — Моя мать рассмеялась, удивив всех нас; она могла идти очень быстро и явно сдерживала шаг, приноравливаясь к остальным. — Та, которая проводит большинство испытаний? Ты не знаешь, кто она такая?

— Откуда? Я думала, ее просто для этого наняли, — ответила Лисса.

— Совсем не «просто». Это Екатерина Зеклос.

— Что? — Лисса чуть было не остановилась. — Она же... была королевой перед Татьяной.

— Я думал, она удалилась на покой на какой-то остров, — заметил Кристиан, удивленный не меньше остальных.

— Не уверена, что это остров, — сказала Таша, — но она сама отказалась от трона, когда решила, что слишком стара, и уехала куда-то, чтобы насладиться оставшимися днями жизни вдали от политики, как только Татьяна стала королевой.

Слишком стара? Это произошло двадцать лет назад. Неудивительно, что она казалась такой древней.

— Если она хотела держаться подальше от политики, то зачем вернулась? — спросила Лисса.

Моя мать открыла дверь здания, заглянула внутрь, проверяя, нет ли опасности, и предложила всем войти. Делая все это чисто инстинктивно,

она продолжала говорить:

— Потому что существует обычай — последний монарх проводит испытания нового. Если это получается, конечно. Поскольку в данном случае, очевидно, такой возможности нет, Екатерина вернулась ко двору, чтобы исполнить свой долг.

Лисса ушам своим не верила — оказывается, она запросто болтала с бывшей моройской королевой, очень влиятельной и любимой многими. Как только мои друзья оказались в коридоре, стражи повели Лиссу в комнату, где проводились испытания. Судя по выражению их лиц, они не верили, что она его выдержит. Немногие зрители, тоже явно встревоженные, тем не менее приветствовали ее появление как обычно — выкриками об Александре и драконе. Лисса, однако, не успела ни среагировать, ни хотя бы поздороваться — ее практически втолкнули в комнату. Когда это произошло, на физиономиях стражей пропиталось облегчение.

Дверь закрылась, и Лисса снова оказалась наедине с Екатериной Зеклос. В облике старой женщины и раньше было что-то устрашающее, а сейчас это ощущение стало еще сильнее. Екатерина одарила ее кривой улыбкой.

— Я боялась, что ты не придешь, — сказала она, — но, как видишь, ошиблась. Ты не из тех, кто отступает.

Лисса, все еще в потрясении, испытывала потребность оправдаться, рассказать о списке Серены, из-за которого задержалась. Но... нет. В данный момент Екатерину это, похоже, не волновало; да и какой вес могут иметь оправдания применительно к такой особе?

— Простите, — только и выговорила Лисса.

— Не стоит. Ты пришла. Ну что, знаешь ответ? Чем должна обладать королева, чтобы стать истинной правительницей своего народа?

Язык Лиссы словно прилип к гортани. Она не знала ответа, прямо как в том сне с Советом. Расследование убийства Татьяны отнимало много времени. На миг в сердце Лиссы вспыхнуло сочувствие к этой злополучной королеве. Она делала для мороев все, что казалось правильным, — и поплатилась за это. Глядя на Екатерину, Лисса пожалела и ее — наверняка бывшей королеве и в страшном сне не снилось, что придется покидать свой... остров?.. и возвращаться ко двору. И все же, когда понадобилось, она сделала это. И внезапно Лиссу осенило.

— Ничем особенным, — сказала она. — Ничем особенным не должна обладать королева, чтобы стать истинной правительницей, потому что она должна отдавать людям все, что у нее есть. Даже свою жизнь.

Улыбка Екатерины, обнажившая провалы на месте отсутствующих

зубов, свидетельствовала о том, что ответ Лиссы точен.

— Поздравляю, моя дорогая. Ты допущена к завтрашнему голосованию. Надеюсь, ты уже заготовила речь, которая склонит на твою сторону Совет. Ты должна произнести ее завтра утром.

Лисса понятия не имела, что сказать даже сейчас, не говоря уж об официальной речи. Екатерина, видимо, почувствовала ее состояние, и в улыбке старой женщины, обычно лукавой, появился оттенок мягкости.

— Все будет прекрасно. Самое сложное позади. Речь — дело легкое. Отец гордился бы тобой. Все прежние Драгомиры гордились бы тобой.

На глаза Лиссы навернулись слезы, и она покачала головой.

— Ну, этого я не знаю. Всем известно, что я не настоящий кандидат. Это просто... в общем, понарошку. — Удивительно, но признание это почему-то не вызывало никаких неприятных ощущений. — Ариана — вот кто по праву заслуживает корону.

Взгляд древних глаза Екатерины впился в Лиссу, улыбка угасла.

— Ты, видимо, пока не слышала. Еще бы, все так быстро происходит...

— Чего не слышала?

На лице Екатерины мелькнуло выражение сочувствия.

— Ариана Селски не прошла этот тест... не разгадала загадку...

— Роза, Роза!

Дмитрий тряс меня, и понадобилось несколько секунд, чтобы покинуть потрясенную Лиссу и вернуться к испуганной Розе.

— Мы должны... — начал он.

— О бог мой! Ты не поверишь, что я сейчас видела.

Он напрягся.

— С Лиссой все в порядке?

— Да, все прекрасно, но...

— Тогда позже побеспокоимся об этом. Сейчас нам нужно уезжать отсюда.

Он уже был полностью одет — в отличие от меня.

— Что случилось?

— Соня заглянула... Не беспокойся. — Потрясение на моем лице заставило его улыбнуться. — Я был одет и не пустил ее внутрь. Она сказала, что звонил портье. Их что-то насторожило в нашей регистрационной записи. Нужно убраться отсюда.

«В полночь». Мы должны встретиться с Майклом в полночь.

— Ну ладно.

Я откинула одеяло. Взгляд Дмитрия, исполненный восхищения и

страстного желания, был прикован ко мне. Это удивило меня. Почему-то казалось, что даже после близости он отстранится и примет суровый облик стража — в особенности учитывая внезапную необходимость уезжать.

— Тебе нравится то, что ты видишь? — спросила я.

Точно такой вопрос я задавала ему давным-давно, еще в Академии, когда он застал меня в аналогичной ситуации.

— Очень, — ответил он.

Столько эмоций вспыхнуло в его взгляде! Слишком много для меня. Чувствуя, как бешено колотится сердце, я отвела глаза и стала одеваться.

— Не забывай. Только не забывай...

Я не смогла заставить себя договорить, но в этом не было нужды.

— Я не забыл, Роза.

Может, отказаться от своего ультиматума? Нет, нельзя. Что бы ни произошло между нами, как ни близки мы были к хеппи-энду... у нас нет будущего, пока он не сможет простить себя.

Соня и Джил уже ждали нас. Что-то подсказывало мне — Соня знает о произошедшем между мной и Дмитрием. Черт бы побрал эти ауры! А может, чтобы распознавать такие вещи, никакие магические силы не требуются; может, отблеск случившегося на лице человека естественным образом выдает его.

— Вы должны наложить на меня заклинание, — сказала я Соне, когда мы выехали. — И нам придется остановиться в Гринстоуне.

— В Гринстоуне? Зачем? — удивился Дмитрий.

— Именно там держат алхимиков.

Для меня кусочки головоломки уже начали складываться вместе. Кто ненавидел Татьяну — и за особенности характера, и за связь с Эмброузом? Кто возмущался ее желанием учить мороев сражаться со стригоями? Кто опасался того, что она поддерживает исследование стихии духа и ее воздействия на людей, таких, скажем, как Адриан? Кто страстно желал видеть на троне другую семью? И кто был бы счастлив запереть меня под замок и убрать со сцены?

С трудом веря тому, что собираюсь сказать, я сделала глубокий вдох.

— И там мы найдем доказательства того, что Татьяну убила Даниэлла Ивашкова.

ТРИДЦАТЬ ОДИН

Я была не единственной, пришедшей к этому пугающему выводу. Когда несколько часов спустя моройский двор пробудился, Лисса тоже сложила отдельные куски вместе. Это произошло, когда она сидела у себя в комнате, готовясь к предвыборной речи. Ей в голову пришли все те же аргументы, что и мне, плюс некоторые другие. Например, в какую ярость приводило Даниэлла то, что Адриан связан со мной, ведь это, без сомнения, могло бы способствовать разоблачению тщательно разработанного плана. Или то, что Даниэлла предложила мне в качестве адвоката своего родственника Дамона Таруса. Стал бы он действительно помогать мне? Или коварно попытался бы ослабить мою защиту? Возможно, грубоватое вмешательство Эйба обернулось для меня благом.

Лисса поднимала волосы, собирая их на затылке, и чувствовала, как часто бьется сердце. Вообще-то она предпочитала распускать волосы, но думала, что приближающееся событие требует от нее более величественного вида. Она надела матовое шелковое платье цвета слоновой кости, примерно до колен, с длинными рукавами и рюшами. Кто-то мог бы подумать, что такой цвет более уместен на свадьбе, но, глядя на нее в зеркало, я понимала, что это было бы ошибкой. Она как будто светилась. Была лучезарной. В общем, выглядела по-королевски.

— Не может такого быть, — сказала она, завершая свой наряд жемчужными сережками, принадлежащими еще ее матери.

Она уже изложила свою теорию Кристиану и Джанин, которые сейчас были с ней, и в глубине души надеялась, что они сочтут ее безумной. Ничего подобного.

— Могу в это поверить, — ответил Кристиан без своей обычной ухмылки.

— Просто пока нет никаких прямых доказательств, — заметила моя мать, как всегда, практичная. — Исключительно косвенные.

— Тетя Таша вместе с Этаном пытаются выяснить, была ли Даниэлла там в ночь убийства, — сказал Кристиан и состроил гримасу, все еще недовольный тем, что у его тети появился бойфренд. — В официальном списке Даниэллы нет, но тетя Таша предполагает, что впоследствии в него могли внести изменения.

— Лично меня это не удивило бы. Однако даже если выяснится, что Даниэлла была там, причем в нужное время, это довод в нашу пользу, но

по-прежнему не стопроцентное доказательство.

Моей матери следовало бы стать юристом и вместе с Эйбом открыть адвокатскую контору.

— Это доказательство так же надежно, как то, что они предъявили Розе! — воскликнула Лисса.

— Если не учитывать того, что в груди был оставлен кол, — напомнила ей Джанин. — И люди скорее поверят шатким доказательствам относительно Розы, чем относительно леди Даниэллы Ивашковой.

Лисса вздохнула, понимая, что так оно и есть.

— Если бы только Эйб смог поговорить с алхимиками! Мы должны выяснить, что им известно.

— Он сделает это, — уверенно заявила моя мать. — Просто ему потребуется время.

— Нет у нас времени!

Драматический поворот событий позволил духу поднять свою мерзкую голову, и, как всегда, я стала оттягивать из Лиссы тьму. Кто-то мог бы подумать, что преподанный Виктором урок чему-то научил меня, но, увы... Старые привычки отмирают с трудом. «Они на первом месте».

— Мария Конта и Руфус Тарус — единственные оставшиеся кандидаты! Если победит Руфус, Даниэлла будет пользоваться огромным влиянием. И тогда нам ни за что не доказать невиновность Розы.

То, что Ариана не прошла последнее испытание, стало для всех ударом, и будущее, которое Лисса считала высеченным в камне, разлетелось вдребезги. Без Арианы исход, как ни посмотри, выглядел плохо. К Марии Конте Лисса не испытывала симпатии, но считала, что все равно она стала бы лучшим правителем, чем Руфус. К несчастью, в последние годы семья Конта мало участвовала в политике и, соответственно, имела меньше сторонников и друзей. Это огорчало. Если мы успеем доставить ко двору Джил, Лисса сможет принять участие в голосовании, и в Совете из двенадцати человек даже один голос может повлиять на результат.

— Нет, у нас еще есть время, — спокойно возразила мама. — Сегодня голосование не состоится — наверняка из-за тебя разгорятся дебаты. И каждый день отсрочки выборов даст нам шанс выстроить обвинение. Мы уже близки к успеху. Все получится.

— Не надо ничего говорить об этом Адриану, — предостерегла всех Лисса, направляясь к двери.

Фирменная ухмылка Кристиана вернулась.

— С чем с чем, а с этим мы все согласны.

Бальный зал выглядел так, словно там намечался рок-концерт. Люди буквально дрались за места внутри. Некоторые, осознав тщетность своих усилий, разбили снаружи лагерь, словно собирались устроить пикник. У кого-то возникла блестящая идея вывести за пределы здания громкоговорители аудиосистемы, чтобы не попавшие внутрь могли слышать, как все будет происходить. В толпе сновали стражи, стараясь упорядочить хаос — в особенности когда появились кандидаты.

Мария Конта прибыла прямо перед Лиссой, и хотя она была наименее вероятным кандидатом, ее приветствовал рев толпы. Стражи, иногда даже с применением грубой силы, сдерживали людей, давая ей возможность пройти. Если повышенное внимание и пугало Марию, она этого не показывала, горделиво вышагивая, улыбаясь в равной степени своим сторонникам и противникам. И Лисса, и я припомнили слова Кристиана: «Ты — кандидат на должность королевы, веди себя соответственно. Ты — последняя Драгомир, достойная дочь королевской семьи».

Именно так она себя и повела, и дело было не только в совете Кристиана. Теперь, когда она выдержала все три испытания, эта древняя процедура воспринималась как нечто все более значительное. Лисса направилась к зданию, высоко неся голову. Саму ее я видеть не могла, но чувствовала ее походку, величавую и грациозную. Толпе это понравилось — в особенности потому, поняла я, что она состояла в основном не из членов королевских семей. Снаружи собрались простые морой, и вот как раз они поистине обожали Лиссу.

— Преемница Александры!

— Верни нам дракона!

Некоторым было достаточно просто выкрикивать ее имя с добавлением эпитетов, обычно применимых к ее тезке, героине старинной русской народной сказки.

— Василиса отважная!

— Василиса прекрасная!

Думаю, никто не догадывался, как все внутри у нее дрожало от страха, вот насколько она хорошо держалась. Кристиан и моя мама, всю дорогу идущие следом за ней, как один отстали, позволяя Лиссе опередить их на пару шагов. Ее положение и авторитет ни у кого не вызывали сомнений. Она ступала уверенно, вспомнив, что ее дед тоже прошел этим путем, и старалась улыбаться с чувством собственного достоинства, но в то же время искренне. Видимо, ей это удалось, потому что толпа взревела еще яростнее. И когда она остановилась, чтобы прокомментировать штандарт с драконом, нарисованным одним из ее сторонников, он, бедняга, чуть

сознание не потерял. Еще бы! Такая важная особа заметила и похвалила его.

— Это беспрецедентно, — заметила мама, когда они оказались внутри. — Такой явки избирателей не было никогда. И уж точно на прошлых выборах.

— Почему их столько на этот раз? — спросила Лисса, стараясь успокоить дыхание.

— Потому что это сенсация — и убийство королевы, и путаница, внесенная тобой в толкование закона. Ну и еще то, что ты завоевала сердца всех простых мороев. И дампиоров тоже. В одном из наших кафе висит знак дракона, знаешь ли. Думаю, даже кое-кто из королевских мороев симпатизирует тебе, хотя, может, просто чтобы насолить семье, с которой они враждуют. Но серьезно, если бы все зависело не только от Совета, но и от этих людей — и если бы ты имела право быть избранной, — думаю, ты победила бы.

Лисса состроила гримасу.

— Если честно, мне кажется, наших лидеров следует избирать всенародным голосованием. Каждый морой должен иметь право голоса, не только горстка элитных семей.

— Поосторожнее, принцесса, — поддразнил Лиссу Кристиан, беря ее под руку. — Именно с таких высказываний начинаются революции. Не все сразу, идет?

Толпа внутри не настолько обезумела, как та, что снаружи, но была близка к этому. На этот раз стражи подготовились к огромному стечению народа и с самого начала постарались держать все под строгим контролем. Они не пропускали больше того, что вмещал зал, и пресекали ссоры как королевских, так и простых мороев. Все равно Лиссе было страшно; она снова и снова напоминала себе, что, играя эту роль, помогает мне. Ради меня она была готова вынести все, даже фанфары. По счастью, она довольно быстро добралась до передней части зала, где, развернутые в сторону толпы, были установлены предназначенные для кандидатов три кресла. Руфус и Мария уже сидели, негромко переговариваясь со своими родственниками. Вокруг стояли стражи. Лисса сидела одна, конечно, но кивнула стражам, чтобы пропустили направляющуюся к ней Ташу.

Склонившись к Лиссе, Таша заговорила очень тихо, не спуская взгляда с Руфуса.

— Плохие новости, хотя... как посмотреть. По словам Этана, Даниэлла была у Татьяны той ночью. Они встречались наедине. Раньше он не заметил, что в записях этого нет. Кто-то из дежуривших стражей

подправил их, но он клянется, что лично видел Даниэлла.

Лисса вздрогнула. В глубине души она надеялась — даже молилась, — что ошиблась, что, конечно, мать Адриана не могла сделать этого.

— Мне очень жаль, — сказала Таша. — Знаю, тебе она нравилась.

— Я больше волнуюсь за Адриана. Не знаю, как он это воспримет.

— Болезненно, — без обиняков заявила Таша. После того, что ей пришлось вынести с родителями Кристиана, она лучше любого другого понимала, что это такое — когда тебя предает семья. — Но он справится. И как только мы предъявим все доказательства, Дмитрий и Роза смогут вернуться.

Эти слова наполнили душу Лиссы надеждой, придали ей сил.

— Я так по ней скучаю, — призналась она. — Жаль, что ее уже нет здесь.

Таша сочувственно улыбнулась и похлопала ее по плечу.

— Скоро. Совсем скоро они вернутся. Просто преодолей и эту трудность. Ты сумеешь. И ты можешь изменить все.

Лисса не была в этом уверена, но Таша уже уходила, направляясь к своим «активистам», а ее место заняла... Даниэлла.

Она пришла поговорить с Руфусом, поддержать его. Вид ее был для Лиссы невыносим, и стало еще хуже, когда Даниэлла заговорила с ней.

— Не совсем понимаю, каким образом все это тебя касается, но желаю удачи. — Ее улыбка выглядела искренней, хотя не вызывало сомнений, какого кандидата она поддерживала. Потом на ее лице возникло выражение беспокойства. — Ты не видела Адриана? Я была уверена, что он здесь. Стражи должны были пропустить его.

Отличный вопрос. Лисса не видела Адриана весь прошлый день.

— Нет. Может, он опаздывает. Укладывает волосы или еще что-нибудь в этом роде.

«Надеюсь, не валяется где-нибудь в отключке».

Даниэлла вздохнула.

— Наверное.

Она отошла и заняла место среди зрителей. Заседание снова вел отец Адриана. После нескольких неудачных попыток успокоить публику он наконец добился тишины.

— На прошедшей неделе, — заговорил Натан в микрофон, — многие достойные кандидаты проходили испытания, необходимые, чтобы править нашим народом. Перед нами трое финалистов: Руфус Тарус, Мария Конта и Василиса Драгомир.

Натан назвал последнее имя с оттенком неприязни, но по закону Лисса

могла произнести речь. И только затем, по тому же непоследовательному закону, выбывала из гонки. Чем это могло обернуться, трудно себе представить. Не исключено, что все выйдет из-под контроля.

— Эти трое продемонстрировали способность править, и, в качестве последнего шага перед голосованием, каждый должен изложить свою программу.

Руфус был первым. Он произнес в точности такую речь, как я ожидала, — обыгрывал страхи мороев, обещал высокую степень защиты, в основном с участием дампиров, хотя в детали не вдавался.

— Наша безопасность должна быть высшим приоритетом, — заявил он. — Любой ценой. Ожидают ли нас на этом пути трудности? Да. Будут ли жертвы? Да. Но разве наши дети того не стоят? Разве мы не переживаем за них?

Упомянуть детей — низкий прием, решила я.

Он использовал и грязные политические трюки, пороча репутацию своих соперников. На Марию обрушился за то, что ее семья не проявляет особой активности, однако главной его мишенью стала Лисса. Он не забыл ничего — ни ее возраст, ни опасные последствия использования духа, ни тот факт, что само ее присутствие здесь — нарушение закона.

Речь Марии была гораздо более содержательной и обстоятельной. Она предлагала решения самых разных проблем, в основном вполне здравые. Не со всем я была согласна, но Мария, безусловно, выглядела компетентной и не стала опускаться до насмешек над соперниками. К несчастью, по сравнению с Руфусом ей не хватало харизмы; печально, но факт — это могло сыграть существенную роль. Наконец так же монотонно она произнесла последний пассаж, завершающий речь и ставящий крест на ее дальнейших перспективах.

— Таковы причины, почему я должна стать королевой. Надеюсь, вам понравилась моя программа и вы проголосуете за меня. Спасибо.

Она резко села.

И вот настала очередь Лиссы. Подойдя к микрофону, она внезапно ощутила себя так, будто снова угодила в навеянный кубком сон, когда мямлила, стоя перед Советом. Но нет, это была реальность. Сейчас она не провалится.

— Мы — люди войны, — громко и ясно заговорила она. — На нас постоянно нападают, и не только стригои. Мы сражаемся друг с другом, мы разобщены. Семья против семьи. Королевские против некоролевских. Морoi против дампиров. И конечно, нас убивают стригои. Их, по крайней мере, объединяет одна цель: убивать.

Если бы я была среди зрителей, то от неожиданности подалась бы вперед — многие именно так и поступили. Ее слова потрясли всех.

— Мы — единый народ, — продолжала она. — И морой, и дампирь. — Новая волна потрясения в зале. — Каждый сам по себе не сумеет найти выход — это возможно лишь в том случае, если мы двинемся друг другу навстречу и встретимся на середине. Даже если это означает сделать трудный выбор.

Потом она предложила экстраординарное решение. Ограниченная во времени, она не могла в деталях разобрать все проблемы нашего мира, но затронула главные. И сумела сделать это, не обидев никого слишком сильно. Она говорила о том, что дампирь — наши лучшие воины и станут еще сильнее, если обретут голос. Она говорила о том, что некоролевские морои тоже должны играть в нашей жизни большую роль, но не ценой утраты благородных королевских родов. В конце она обратилась к проблеме обучения мороев самозащите и подчеркнула ее важность, но не как чего-то обязательного и не в качестве единственного метода, который еще подлежит исследованию.

Да, она сумела всем предложить что-нибудь; и уж чего-чего, а харизмы ей хватало. Это была речь, способная увлечь людей для достижения любой цели. Закончила она так:

— Мы всегда сочетаем старое с новым, используем технологию наряду с магией. Проводим эти заседания со свитками и... вот с этим. — Она улыбнулась и похлопала по микрофону. — Таков наш способ выживания — держаться за прошлое и принимать настоящее. Вбирая в себя все лучшее, мы становимся сильнее. Только так мы сможем уцелеть.

Несколько мгновений стояла тишина — а потом зал разразился приветственными криками; сначала взревела толпа снаружи, а потом внутри. Люди, в отношении которых я готова была поклясться, что они поддерживают других, сейчас только что не рыдали, а ведь глазами Лиссы я видела лишь тех, кто был в зале, то есть в основном королевских мороев. Она сама едва не расплакалась, но сумела сдержаться.

Затем она села, зал наконец успокоился, и Натан продолжил.

— Это была прекрасная речь, — заявил он, — которая всем нам доставила удовольствие. Однако сейчас время Совету перейти к выборам нашего следующего лидера, и по закону реально на эту роль могут претендовать лишь два кандидата: Руфус Тарус и Мария Конта.

Вперед вышли два мороя, представители обеих семей, и каждый встал рядом со своим кандидатом. Лисса поднялась вместе с остальными, но стояла одна. Взгляд Натана упал на нее.

— Согласно закону о выборах — закону, действующему с начала времен, — каждый кандидат должен направляться в Совет в сопровождении своего родственника, демонстрируя тем самым силу и единство семьи. У вас есть такой человек?

Лисса, не дрогнув, встретила с ним взглядом.

— Нет, лорд Ивашков.

— Тогда, боюсь, игра для вас окончена, принцесса Драгомир. — Натан улыбнулся. — Можете сесть.

Да. Тут все и вышло из-под контроля.

Я слышала выражение «толпа пришла в исступление», однако сейчас впервые увидела, как это происходит. Я даже не могла уследить за тем, кто что выкрикивает и в чью поддержку. Люди яростно спорили группами и один на один. Двое мороев в джинсах набрасывались с руганью на каждого хорошо одетого человека, исходя из совершенно нерационального предположения, что все они королевские и что все королевские ненавидят Лиссу. Их преданность ей восхищала. Пугала, но и восхищала. Представители семьи Тарус схлестнулись с представителями семьи Конта и, судя по их виду, готовы были схватиться врукопашную. Это, наверное, было самое странное зрелище, поскольку как раз этим семьям вроде бы делить было нечего.

Всеобщее волнение не утихало. Люди спорили о том, должна ли Лисса иметь право быть избранной. О том, следует ли изменить закон о выборах прямо сейчас. Некоторые спорили о том, о чем я никогда прежде даже не слышала. Когда стражи внезапно помчались к двери, я подумала, что толпа снаружи пытается прорваться внутрь. Среди этих стражей была и моя мать, и я поняла, что она права: сегодня, при такой-то анархии, голосование не состоится. Они будут вынуждены закрыть заседание и завтра предпринять новую попытку.

Лисса смотрела на толпу в состоянии оцепенения, не зная, как реагировать на всю эту сумятицу. Внезапно ей в голову пришла одна мысль, от которой все внутри свело. Все это время она клялась чтить традиции выборов. Однако именно из-за нее события оборачивались как угодно, только не достойно. Это ее вина. Потом она заметила кое-кого, сидящего в уголке, подальше от столпотворения. Екатерину Зеклос. Бывшая королева поймала взгляд Лиссы — и подмигнула ей.

Хватит с меня этих споров, решила я и вернулась к себе, в машину. В голове зародилась новая мысль. Слова Лиссы пылали в душе, зацепили сердце. И пусть эта речь была лишь имитацией подлинной, в ней ощущались страсть и пылкая убежденность. Если бы Лисса могла быть

допущена к выборам, то, несомненно, руководствовалась бы теми же принципами.

И вот тут я поняла — она может стать королевой.

И решила: я сделаю все, чтобы это произошло. Мы привезем Джил не просто для того, чтобы Лисса получила возможность голосовать в Совете; появление Джил даст Лиссе статус, который позволит мороям проголосовать за нее. И она победит.

Естественно, я не стала ни с кем делиться этими мыслями.

— Опасный взгляд, — сказал Дмитрий, искоса взглянув на меня.

— Какой взгляд? О чем ты? — с невинным видом спросила я.

— Тот самый, который свидетельствует, что тебе в голову пришла очередная идея.

— Не просто очередная — грандиозная идея!

Обычно шутки такого рода смешили Джил, но, обернувшись и взглянув на нее, я обнаружила, что ей не до веселья.

— Эй, ты в порядке? — спросила я.

Взгляд этих глаз цвета нефрита сосредоточился на мне.

— Не знаю. Столько всего произошло! И я не представляю себе, что будет дальше. Я чувствую себя... типа объектом, который кто-то использует в своем генеральном плане. Какой-то пешкой.

Чувство вины вспыхнуло во мне. Виктор в своих играх всегда использовал людей. Разве я веду себя иначе? Нет. Хотя Джил нравилась мне.

— Ты не объект и не пешка. Но ты очень-очень важна, и благодаря тебе произойдет много хорошего.

— Хотя это будет непросто. — Такая умная девочка для своих лет! — Сначала будет хуже и только потом станет лучше?

Лгать ей я не могла.

— Да. Но потом ты свяжешься со своей мамой, и... Как я уже сказала, произойдет много хорошего. Когда речь заходит о мороях, стражи всегда говорят: «Они на первом месте». К тебе это, конечно, напрямую неприменимо, но означает... ну...

Она улыбнулась мне, не слишком радостно.

— Да, я понимаю. Ради большего блага.

Большую часть поездки Соня работала над заклинанием для меня, используя серебряный браслет, который мы купили в придорожном магазине подарков. Безвкусный на вид, но из настоящего серебра, что и требовалось. Когда до Гринстауна оставалось примерно полчаса езды, она решила, что добилась желаемого, и вручила его мне. Я надела браслет и

посмотрела на остальных.

— И как?

— Не вижу никакой разницы, — сказала Соня, — но я ведь и не должна.

Джил, прищурившись, посмотрела на меня.

— Ты какая-то немного расплывчатая... как будто надо несколько раз моргнуть, чтобы хорошо тебя разглядеть.

— У меня такое же впечатление, — сказал Дмитрий.

Соня осталась довольна.

— Так это и должно быть для тех, кто знает, что на нее наложено заклинание. Остается надеяться, что для других стражей она будет выглядеть иначе.

Что-то в этом роде делала и Лисса, когда мы вытаскивали Виктора из тюрьмы. Правда, сейчас магии требовалось чуть меньше, поскольку Соня должна была лишь слегка изменить черты моего лица и не стремилась скрыть мою расовую принадлежность. Да и практики у нее было больше, чем у Лиссы.

Когда в одиннадцать тридцать мы подкатили к нужному ресторану, он уже давно закрылся. Парковка была практически пуста — не считая машины в дальнем углу. Оставалось надеяться, что это просто Майкл приехал пораньше, а не ударная команда стражей.

Однако, когда мы припарковались неподалеку, я увидела, что в машине действительно сидит Майкл... вместе с Адрианом.

При виде меня он расплылся в улыбке, довольный тем, что сумел удивить. Хотя вообще-то следовало ожидать его появления, когда я просила передать сообщение Майклу. Уж кто-кто, а Адриан всегда найдет способ лишний раз повидаться со мной. У меня свело живот. Нет-нет, только не это. Сейчас нет времени улаживать свою личную жизнь. Я даже не знала, что сказать Адриану. По счастью, у меня не было возможности заговорить.

Майкл широким шагом подошел к нам, исполненный готовности, как истинный страж, выяснить, что от него требуется. И вдруг резко остановился — увидев, как из машины вылезает Соня. Она тоже замерла. Оба стояли, точно прикованные, с широко распахнутыми глазами. Я понимала — мы все перестали для них существовать, как и наши интриги, задачи и... ну, все на свете. В этот момент их было лишь двое в целом мире.

Соня издала придушенный крик и рванулась вперед. Это заставило его очнуться, как раз вовремя, чтобы обнять ее. Она заплакала, и на его лице я тоже видела слезы. Он гладил ее по волосам, по щекам, неотрывно смотрел

на нее и повторял снова и снова:

— Это ты... Это ты... Это ты...

Соня пыталась вытереть глаза, но не слишком преуспела.

— Майкл... Мне так жаль... Мне так жаль...

— Это не имеет значения. — Он поцеловал ее и слегка отодвинул от себя, чтобы лучше видеть. — Это не имеет значения. Ничего не имеет значения, только то, что мы снова вместе.

Она еще сильнее расплакалась и уткнулась лицом ему в грудь; он крепко обнял ее. Мы все тоже замерли — как они раньше. Как-то неправильно было стоять тут и смотреть; слишком это было личное. И в то же время я думала о том, что именно так представляла себе воссоединение с Дмитрием после того, как Лисса возродит его. Любовь. Прощение. Приятие.

Наши с ним взгляды на мгновение встретились, и сверхъестественное чувство подсказало мне, что он вспоминает мои слова: «Ты должен простить себя. Если у тебя не получится, ты не сможешь жить дальше. Мы не сможем». Я снова перевела взгляд на счастливую пару, чтобы Дмитрий не заметил подступающих слез. Господи, как я хотела, чтобы у нас все было как у Майкла и Сони! Прощение за то, что произошло в прошлом. Светлое будущее впереди.

Рядом со мной зашевелилась Джил, я обхватила ее рукой, и это еле заметное движение вернуло Майкла в наш мир. Продолжая обнимать Соню, он поверх ее головы посмотрел на меня.

— Спасибо тебе! Спасибо! Все, что тебе потребуется. Все, что угодно...

— Перестань! — остановила его я, боясь, что у меня перехватит дыхание. — Я рада... рада, что это произошло, и... ну... на самом деле это сделала не я.

— Все равно. — Майкл посмотрел на Соню, улыбающуюся ему сквозь слезы. — Ты вернула мне жизнь.

— Я радуюсь за вас... и хотела бы оставить тебя в покое, дать возможность насладиться этим, но... Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу. Одну, но очень важную.

Соня и Майкл обменялись понимающими взглядами. Никому и в голову не пришло бы, что они три года были в разлуке. Она кивнула, и он посмотрел на меня.

— Полагаю, это то, зачем он привез меня сюда.

Он кивнул на Адриана.

— Мне нужно, чтобы ты провел меня в отель, где остановились

алхимики.

Улыбка Майкла увяла.

— Роза... тебе туда нельзя. То, что ты в такой близости от двора, уже опасно.

Я достала из кармана браслет.

— Я изменю внешность, и они меня не узнают. Можешь придумать повод, чтобы встретиться с алхимиками?

Продолжая обнимать Соню, он задумался.

— Номера алхимиков охраняют стражи. Может, сделать вид, что мы пришли сменить их?

Дмитрий кивнул в знак согласия.

— Если это существенно идет вразрез с их расписанием смен, могут, конечно, возникнуть вопросы... но, надеюсь, ты успеешь проникнуть внутрь и выяснить, что тебе нужно. Стражей, скорее всего, волнует, как бы алхимики не сбежали, а не тот факт, что другие стражи заходят к ним.

— Это точно, — сказал Майкл. — Только ты и я, Роза?

— Да. Чем меньше, тем лучше. У нас простая задача — расспросить Сидни и Иэна. А все остальные подождут здесь.

Соня поцеловала Майкла в щеку.

— Я никуда не денусь.

К нам подошел Адриан и несильно, по-братски ткнул Джил кулаком в плечо.

— Я тоже тут останусь. Хочу послушать, как все-таки во все это оказалась замешана ты, малолетка.

Джил сумела улыбнуться Адриану. Она была равнодушна к нему, и, безусловно, то, что сейчас она не залилась краской и не растаяла от удовольствия, свидетельствовало о сильном стрессе. Они с Адрианом заговорили, и Дмитрий подал мне знак вслед за ним зайти за машину, чтобы нас не видели.

— Это опасно, — тихо заговорил он. — Если заклинание не сработает, ты наверняка не выйдешь из отеля.

В конце предложения ощущалось невысказанное добавление «живой».

— Оно сработает. Соня отлично с этим справляется. Кроме того, если меня схватят, то не обязательно убьют. Вполне вероятно, что доставят ко двору. Только представь себе, насколько это отсрочит выборы.

— Роза, я серьезно.

Я взяла его за руку.

— Знаю, знаю. Это совсем несложно. Мы должны пробыть там вряд ли больше часа и если не появимся... — Господи, терпеть не могу мрачные

прогнозы! — Если мы не появимся, отсылай Джил ко двору с Адрианом, а вы с Соней спрячьтесь где-нибудь, пока... Ну, не знаю.

— За нас не волнуйся, — сказал он. — Просто будь осторожна.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Маленькая дамбирка, ты...

Из-за машины вышел Адриан, как раз вовремя, чтобы увидеть этот поцелуй. Я отпустила руку Дмитрия. Никто не произнес ни слова, но глаза Адриана... Глядя в них, я поняла, что в этот момент весь его мир рухнул. Меня затошнило сильнее, чем если бы нас со всех сторон окружали стригои. Я сама себя чувствовала хуже стригоя.

«Честь», — подумала я.

По-хорошему, стражам должны были объяснять это понятие и учить поступать в соответствии с ним. Потому что я этого не умела.

— Поторопись, — сказал Майкл, тоже появляясь из-за машины и не замечая разворачивающейся перед ним драмы. — Соня говорит, при дворе часы тоже тикают и время уходит.

Я с трудом оторвала взгляд от Адриана, чувствуя, как в груди переворачивается сердце.

— Да...

— Иди, — сказал Дмитрий.

— Помни, — прошептала я ему. — Объясняться с ним должна я, не ты.

Вслед за Майклом я зашагала к его машине, по дороге надев зачарованный браслет. Прежде чем забраться внутрь, я быстро оглянулась. Джил и Соня разговаривали, Дмитрий стоял один, Адриан, повернувшись к ним спиной, доставал сигарету.

— Меня тошнит, — уныло сказала я, когда Майкл включил двигатель.

Это не соответствовало действительности, но в целом отражало мои чувства.

Он не отвечал; наверное, потому, что это не имело никакого отношения к нашим делам. А может, был слишком погружен в собственные переживания. Везет же некоторым.

До отеля мы доехали быстро. Вокруг стояли стражи, но в укромных местах, чтобы не привлекать внимание людей. Никто из них не остановил нас, когда мы входили внутрь. Один даже приветственно кивнул Майклу. Все они смотрели на меня так, будто... будто не узнавали. Хорошо. Огромное количество стражей съехало ко двору, чтобы помогать поддерживать порядок, и новые лица никого не удивляли, а я выглядела не как Роза Хэзевей. Кого мы волновали?

— В каких они номерах? — спросил Майкл стоящего в вестибюле

стража. — Нас прислали на смену.

Майкл держался самоуверенно в достаточной степени, чтобы стражи — которые, правда, слегка удивились — посчитали, что все нормально.

— Вас всего двое? Там же четверо.

Вмешалась я:

— Они хотят, чтобы при дворе стражей было побольше. Ситуация там выходит из-под контроля, поэтому теперь здесь останутся только двое.

— Наверное, нам всем неплохо бы отправиться туда, — согласился страж. — Третий этаж.

— Быстро соображаешь, — сказал мне Майкл в лифте.

— Это ерунда. Я заговаривала зубы в гораздо худшей ситуации.

Нужные номера бросались в глаза, потому что снаружи стоял страж.

«Остальные внутри», — поняла я.

Интересно, с ними возникнут проблемы? Однако тем же авторитетным тоном Майкл сказал парню, что его и остальных отзывают ко двору. Страж окликнул своих коллег — по одному в каждом номере алхимиков, — они коротко объяснили нам ситуацию, включая то, кто где находится, и отбыли.

Майкл вопросительно посмотрел на меня.

— Сидни, — сказала я.

Используя одну из карточек-ключей, мы вошли в номер Сидни. Скрестив ноги, она сидела на постели, с несчастным видом читая книгу, и при виде нас испустила вздох.

— Ну, что еще?

Я сняла браслет, и иллюзия исчезла.

Рот у Сидни не раскрылся от изумления, брови вверх не поползли; она всего лишь одарила меня понимающим взглядом.

— Следовало догадаться. Вы пришли освободить меня? — с надеждой в голосе спросила она.

— Мм... Не совсем. — Мысль о том, что Сидни ждет наказание, ужасно тяготила меня, но сейчас в наши планы не входило тайно вывести ее. — Нам нужно поговорить с Иэном, и хотелось бы, чтобы ты при этом присутствовала. Ему известно кое-что очень важное для нас.

На этот раз она вскинула брови и кивнула на дверь.

— Нам не разрешают разговаривать друг с другом.

Я улыбнулась.

— Стражей больше нет.

Сидни печально покачала головой.

— Роза, иногда ты действительно пугаешь меня, хотя и не по тем причинам, о каких я думала вначале. Вперед. Он за соседней дверью, но

тебе будет нелегко его разговорить.

— Для этого нам и понадобится твоя помощь. — Мы вышли в коридор, и я снова надела браслет. — Он увлечен тобой. И поможет, если ты попросишь.

Как я и предполагала, Сидни не догадывалась, что Иэн равнодушен к ней.

— Что? Ничего подобного...

Мы вошли в номер, и она смолкла. Иэн смотрел телевизор, но при виде нас вскочил.

— Сидни! С тобой все в порядке?

Я бросила на нее многозначительный взгляд, она ответила мне огорченным и переключила внимание на Иэна.

— Им нужна твоя помощь. Какая-то информация.

Его взгляд заledenел.

— Мы уже сто раз отвечали на ваши вопросы.

— Не на все, — сказала я. — При дворе ты заметил на столе фотографию мертвого мужчины. Кто это был?

Иэн поджал губы.

— Не знаю.

— Я видела... Извини, но мы точно знаем, что ты узнал его. Среагировал на эту фотографию.

— Я тоже заметила это, — сказала Сидни.

В его голосе слышались умоляющие нотки.

— Перестань, больше мы не должны помогать им. Хватит с нас того, что мы в этом отеле как в тюрьме. Меня тошнит от их игр.

Я не осуждала его по большому счету, но нам очень требовалась его помощь. Я умоляюще взглянула на Сидни, пытаюсь внушить, что без нее нам не справиться.

Она посмотрела на Иэна.

— С этим человеком на фотографии связано что-то ужасное? Что-то тайное?

— Нет. Просто я не хочу больше им помогать. Одно к другому не имеет отношения.

— Сделаешь это для меня? — ласково попросила она. — Пожалуйста. Это может избавить меня от неприятностей.

Сидни не мастер флиртовать, но, думаю, его изумила даже ее жалкая попытка. Он в нерешительности переводил взгляд с нас на нее. Она улыбнулась ему. Иэн сдался.

— Я сказал правду — мне неизвестно, кто он. Однажды я видел его с

какой-то моройской женщиной у нас в Сент-Луисе.

— Постой! Морой приезжают в ваши учреждения? — недоуменно спросила я.

— Время от времени, — подтвердила Сидни. — Как и мы бываем в ваших. Иногда нужно встретиться лично. Правда, обычно мы ваших людей в заключении не держим.

— Мне показалось, что тот мужчина был кем-то вроде телохранителя, — сказал Иэн. — Она приезжала туда по делам, он просто сопровождал ее и помалкивал.

— Телохранитель-морой?

— Не такое уж необычное дело для тех, кто не может получить стража, — объяснил Майкл. — Взять хотя бы Эйба Мазура. У него есть собственная армия.

— На мой взгляд, это скорее мафия.

Хотя я и пыталась шутить, но была в полном недоумении. Вопреки широко распространенному презрительному отношению к обучению боевым искусствам, иногда морои бывают вынуждены нанимать своих сородичей для охраны, потому что им не предоставляют стража. У кого-то вроде Даниэллы Ивашковой с этим проблем нет. Уверена, ей даже предоставили бы двух стражей, если бы она выехала за пределы защищенной территории королевского двора, — и она ясно давала понять, что не считает, будто морои должны учиться сражаться. С какой стати она путешествовала бы с телохранителем-мороем, имея возможность получить гораздо лучше обученных стражей? Это не имело смысла. Тем не менее... Если ты можешь убить королеву, то наверняка способна и на другие неправильные поступки, которые будут выглядеть бессмысленными.

— А кто она? — спросила я. — Эта женщина?

— Тоже не знаю, — ответил Иэн. — Я просто разминулся с ними, когда они шли куда-то. Может, на встречу с кем-то.

— Помнишь, как она выглядела?

Нужно хоть что-то! Наши надежды могли вот-вот рухнуть, но если бы Иэн опознал Даниэллу, все еще поддавалось исправлению.

— Конечно, — сказал он. — Запоминающаяся личность.

Последовало молчание; я почувствовала, что вскипаю.

— Ну? Так как она выглядела?

Он ответил.

Описание не соответствовало моим ожиданиям.

ТРИДЦАТЬ ДВА

Сидни и остальных алхимиков не обрадовало, что мы не собираемся прихватить их с собой.

— Я сделала бы это, — заверила я ее, все еще не в себе от того, что поведал Иэн. — Но знаешь, как трудно было проникнуть сюда! И если мы выйдем вместе с вами, нас всех схватят. Кроме того, скоро это не будет иметь никакого значения. Как только мы расскажем при дворе то, что знаем, и восстановим мое доброе имя, стражам больше не будет до вас дела.

— Меня не стражи волнуют, — ответила она этим своим якобы равнодушным тоном, но я видела в ее глазах блеск вполне обоснованного страха.

Интересно, кого она боится? Алхимиков? Или еще кое-кого?

— Сидни, — заговорила я, хотя и понимала, что нам с Майклом нужно убираться отсюда, — что на самом деле сделал для тебя Эйб? Здесь пахнет чем-то большим, чем просто перевод.

Сидни печально улыбнулась.

— Это не имеет значения, Роза. Что бы меня ни ожидало, я справлюсь. А теперь уходите, ладно? Помогите своим друзьям.

Мне хотелось вытянуть из нее подробности, хотелось успокоить ее, но, судя по выражению лица Майкла, он был согласен с ней. В результате мы наскоро попрощались и ушли. Ситуация на парковке в наше отсутствие изменилась мало. Дмитрий расхаживал туда и обратно, явно недовольный тем, что не принимает участия в активных действиях. Джил стояла около Сони, как будто нуждалась в защите, Адриан держался в стороне от всех и едва удостоил взглядом подъехавшую машину Майкла.

Однако, когда мы рассказали о том, что выяснили, среагировал именно Адриан.

— Немыслимо! Не верю. — Он затоптал окурок. — Твои алхимики ошибаются.

Я и сама почти не верила, но у меня не было оснований думать, что Иэн лжет. И, по правде говоря, если Адриану было трудно примириться с этим, что бы он подумал, если бы мы рассказали ему о наших первоначальных подозрениях? Я смотрела в ночной мрак, стараясь свыкнуться с мыслью о том, кто убил Татьяну и подставил меня. Это было трудно даже для меня. Жуткое предательство.

— Мотивы налицо... — неохотно признала я. Как только Иэн описал женщину, десяток поводов для убийства встали на свое место. — И они политические. Эмброуз был прав.

— Описание Иэна — надежное доказательство. — Дмитрий был потрясен не меньше остальных. — Однако темные места остаются, многое не вписывается в эту схему.

— Да. — В особенности меня беспокоило одно. — Например, почему именно меня подставили.

На это ни у кого ответа не было.

— Нужно возвращаться ко двору, — сказал в конце концов Майкл. — Меня могут хватиться.

Я улыбнулась Джил, стараясь подбодрить ее.

— И ты получишь возможность дебютировать.

— Не знаю, что кажется более безумным, — заметил Адриан. — Установление личности убийцы или что малолетка — Драгомир.

Его обращенные ко мне слова прозвучали холодно, но Джил он одарил нежным взглядом. Несмотря на свое отношение ко всем другим новостям, он почему-то ни на миг не усомнился в ее происхождении. Сам страдая от чего-то в этом роде, он легко поверил в измену Эрика, а глаза Джил довершили остальное. Думаю, откровения Иэна ранили Адриана сильнее, чем он показывал. Боль усиливало то, что он хорошо знал убийцу тети. Как и понимание того, что происходит между мной и Дмитрием.

К огорчению Майкла, Соня предложила не ехать с нами ко двору. Мы не могли взять обе машины, а ее вмещала лишь пятерых. Она посчитала, что от нее пользы будет меньше всего. Последовали новые объятия, поцелуи, слезы, и она пообещала Майклу, что они непременно снова встретятся, как только вся эта неразбериха уляжется. Оставалось надеяться, что так и будет.

Амулет должен был помочь мне беспрепятственно проехать через ворота, а вот с Джил дело обстояло сложнее. Ее похищение стало одной из свежих моройских новостей, и если бы кто-то из стражей у ворот узнал ее, нас задержали бы в тот же миг. Мы готовы были рискнуть, рассчитывая на то, что стражи будут очень торопиться и просто не заметят ее, но на меня и Дмитрия они уж точно обратят внимание. Это означало, что замаскировать требовалось прежде всего Дмитрия... что было невозможно без помощи Адриана. Адриан не был таким специалистом в создании иллюзий, как Соня, однако вполне мог изменить внешность Дмитрия в глазах других. Примерно так он использовал магию духа во время моего бегства из тюрьмы. Вопрос был в том, станет ли Адриан делать это для нас. Он не

сказал никому о том, что понял происходящее между мной и Дмитрием, но все почувствовали, что напряжение внезапно возросло.

— Мы должны помочь Лиссе, — начала я его уговаривать, когда он не ответил на мою просьбу. — Время истекает. Пожалуйста, помоги нам.

Я готова была даже унизиться — если это то, чего ему хотелось.

По счастью, обошлось. Адриан сделал глубокий вдох и на мгновение закрыл глаза. Уверена, он жалел, что у него нет ничего покрепче сигарет. Наконец он кивнул.

— Поехали.

Мы оставили Соне ключи от второй машины; она провожала нас сияющим взглядом. Дмитрий, Майкл и я большую часть поездки занимались анализом собранных данных. Женщину, описанную Иэном, не по всем статьям можно было обвинить в убийстве.

Я сидела позади с Адрианом и Джил, наклонившись вперед и загибая пальцы.

— Мотив? Да. Возможность? Да. Расплата с Джо? Да. Доступ в апартаменты Татьяны... — Я нахмурилась, внезапно вспомнив, что подслушала благодаря Лиссе. — Да.

Дмитрий бросил на меня удивленный взгляд.

— Правда? Этого я не знал.

— Уверена, я понимаю, как она это сделала, — сказала я. — Однако анонимное письмо к Татьяне смысла не имеет. Как и утаивание того, что у Лиссы есть родственница... и попытка убить ее.

«И оклеветать меня».

— Может, мы имеем дело не с одним человеком, — предположил Дмитрий.

— Заговор? — испуганно спросила я.

Он покачал головой.

— Нет. Я имею в виду, что еще кто-то таил злобу на королеву, но не в той степени, чтобы убить ее. Два человека, два плана. Очень вероятно, что они даже не знали друг о друге. Мы перемешали факты.

Я замолчала, обдумывая его слова. Это имело смысл, и я не упустила тот нюанс, что, говоря «кто-то еще», он имел в виду Даниэлла. Мы были правы относительно причин, по которым она недолюбливала Татьяну, — обучение мороев умению сражаться, недостаточно жесткий возрастной закон, поощрение исследований стихии духа... Однако всего этого для убийства мало. Гневное письмо, взятка, данная ради безопасности сына? Леди Даниэлла скорее прибегла бы к этим методам, чем к убийству.

В наступившей тишине я услышала, как Джил и Адриан негромко

переговариваются.

— Как мне себя вести? — спросила Джил.

Ответ прозвучал быстро и уверенно:

— Так, как будто ты имеешь право быть здесь. Не давай запугивать себя.

— А что Лисса обо мне думает?

Адриан ответил не сразу.

— Не имеет значения. Просто води себя как я сказал.

Внутри у меня все светло. Он, беспутный, самодовольный и легкомысленный, дает ей искренний совет. Да, все это к нему относится, но сердце у него доброе. Сердце, которое я только что разбила. Я права — потенциал у него огромный. Адриан прекрасный человек, способный совершать замечательные поступки.

Оставалось надеяться, что я не отбросила его назад. По крайней мере, не стоит говорить ему, что мы подозреваем его мать в убийстве... пока.

При виде ворот смолкли все. Перед ними выстроился ряд машин, и мы медленно ползли вперед, все больше нервничая. Наскоро заглянув в сознание Лиссы, я удостоверилась, что ничего существенного пока не произошло. Хаотичная ситуация сохранялась, хотя сердитое выражение лица Натана подсказывало, что он собирается закрыть заседание и продолжить завтра. Я не могла решить, хорошо это или плохо.

Стражи, конечно, узнали Майкла и, несмотря на всю свою бдительность, ни в чем его не заподозрили. Он расплывчато объяснил, что его послали подобрать кое-каких людей. Страж, заглядывающий в машину, лишь скользнул взглядом по Дмитрию, по мне и — к счастью — по Джил. Адриан — хорошо известная фигура, доверие к нему перешло и на нас. После обязательной проверки багажника нас пропустили.

— О господи! Получилось... — пробормотала я.

Майкл повел машину на парковку стражей.

— И что теперь? — спросила Джил.

— Теперь мы восстановим родословную Драгомиров и назовем убийцу, — ответила я.

— Неужели это все? — саркастически спросил Адриан.

— Вы оба, конечно, понимаете, — заметил Майкл, — что в то мгновение, как иллюзия развеется, на вас набросятся стражи и вы окажетесь в тюрьме. Если не случится чего-нибудь похуже.

Мы с Дмитрием посмотрели друг на друга.

— Понимаем, — ответила я, стараясь не вспоминать об ужасном времени, проведенном в тюрьме с моей клаустрофобией. — Но если все

получится, надолго мы там не задержимся. Они воспользуются добытыми нами сведениями и в конечном счете отпустят нас.

Мой оптимистичный тон не соответствовал внутренним ощущениям.

Припарковавшись, мы направились к зданию, где находился бальный зал; найти его не составляло труда — со всеми этими толпящимися вокруг людьми. Странное чувство. Не так давно я шла тем же путем, с почти теми же людьми, но в обратную сторону, прочь от двора. Тогда наша внешность тоже была магически изменена, но мы убегали, а теперь сознательно шли прямо навстречу опасности. Я была убеждена, что, если сумею неопознанной проникнуть внутрь и сообщу наши новости, все получится. При встрече с алхимиками амулет Сони сработал прекрасно, оснований сомневаться в нем не было. И все равно страх по-прежнему прятался в глубине сознания; что, если он помешает мне действовать? Что, если иллюзия растает и меня задержат до того, как я проникну в здание? Что они сделают? Арестуют меня или на всякий случай сразу застрелят?

Зрителей внутрь не пускали, но стражам разрешалось входить. Майкл снова убедил пропустить нас — используя мрачного Адриана как повод. Внучатому племяннику последней королевы отказать не могли, и при всем этом хаосе внутри появление новых стражей — имелись в виду Дмитрий и я — приветствовалось. На входе Адриан рукой обхватил Джил за плечи; стражи пропустили и ее.

Мы проникли в зал, и пока никто не догадывался, кто мы такие! Глазами Лиссы я уже наблюдала яростные споры, но видеть их воочию — это было совсем другое дело. Громче. Резче. Мы все обменялись взглядами. Я старалась взять себя в руки, готовясь к противостоянию с огромной аудиторией — черт, и это не в первый раз! — но даже для меня это стало серьезным испытанием.

— Нам нужен человек, способный привлечь внимание зала, — сказала я. — Кто-то, не боящийся устроить спектакль — кроме меня, конечно.

— Майкл? Где ты был?

Мы круто развернулись и увидели Эйба.

— Помяни дьявола, и он тут как тут, — заметила я. — В точности тот, кто нам нужен.

Эйб напряженно вглядывался в мое лицо. Если знать, что на человека наложено заклинание, можно видеть сквозь него. Также заклинания менее эффективны, если зрители хорошо знают того, на кого они наложены. Именно поэтому Виктор узнал меня в «Тарасто». Соня была для Эйба слишком сильна, чтобы он мог преодолеть ее наваждение, но он явно чувствовал — что-то не так.

— Что происходит? — спросил он.

— Как обычно, старик, — весело ответила я. — Опасность, безумные планы... Ты же знаешь, у нас это семейное.

Он снова прищурился, вглядываясь, но не смог проникнуть сквозь наваждение; скорее всего, я казалась ему расплывчатой.

— Роза? Это ты? Где ты была?

— Нам нужно привлечь внимание зала. — Интересно, именно так реагируют родители, обнаружив, что их детки нарушают комендантский час? Он осуждающе смотрел на меня. — У нас есть способ покончить с этими дебатами.

— Ну, у нас, по крайней мере, есть способ развязать другие, — сухо заметил Адриан.

— Я доверилась тебе во время слушания, — сказала я Эйбу. — Можешь сейчас довериться мне?

Лицо Эйба исказила гримаса.

— Ты, видимо, не очень-то доверяла мне, раз покинула Западную Виргинию.

— Это все технические детали, — настаивала я. — Пожалуйста, нам это необходимо.

— И у нас плохо со временем, — добавил Дмитрий.

Эйб обратил на него изучающий взгляд.

— Дайте-ка я угадаю. Беликов?

Отец говорил неуверенно — Адриан умело поддерживал наложенную на Дмитрия иллюзию, — но был достаточно умен, чтобы сделать вывод, кто может быть со мной.

— Папа, мы очень торопимся. Мы вычислили убийцу и нашли... — Как в двух словах рассказать ему о Джил? — Нашли способ изменить жизнь Лиссы.

Мало что могло поразить Эйба, но, думаю, слово «папа» произвело именно такой эффект. Он обежал взглядом зал, нашел кого-то и сделал резкое движение головой. Спустя несколько мгновений к нам пробилась моя мать. Замечательно. Он позвал; она пришла. В последнее время они много общались. Думаю, что у Лиссы может неожиданно появиться сестричка.

— Кто эти люди? — спросила мама.

— Угадай, — ответил Эйб. — У кого хватит глупости прорваться ко двору после успешного побега отсюда?

Глаза мамы стали как блюдца.

— Каким образом...

— Нет времени, — сказал Эйб. Взгляд, которого он удостоился в ответ, свидетельствовал о том, что она не любит, когда ее прерывают. Может, до сестрички (или братика) дело не дойдет. — Я предчувствую, что совсем скоро половина стражей в этом зале набросятся на нас. Ты готова?

У моей бедной законопослушной мамочки сделался страдальческий вид, когда она поняла, о чем ее просят.

— Да.

— Я тоже, — сказал Майкл.

Эйб оглядел всех нас.

— Бывает неравенство сил и похуже.

Он зашагал туда, где, прислонившись к подиуму, стоял Натан Ивашков — усталый, загнанный в угол, не знающий, что делать со всеми этими беспорядками вокруг. При нашем приближении кандидаты с любопытством посмотрели на нас, и внезапно я ощутила всплеск удивления — Лисса обладала способностью видеть сквозь наваждение, созданное с помощью духа. Я почувствовала, что дыхание у нее перехватило; страх, смятение, облегчение — все эти чувства сразу обрушились на нее. Она так обрадовалась при виде нас, что забыла и думать о выборах и начала подниматься. Я резко тряхнула головой, призывая ее своим поведением не выдавать нас; она помедлила, но потом снова села. Беспокойство и недоумение охватили ее — но она доверяла мне.

При виде нас Натан ожил, в особенности когда Эйб просто оттолкнул его с дороги и взял микрофон.

— Эй, что вы себе...

Я ожидала, что Эйб закричит, требуя, чтобы все заткнулись. Натан, естественно, тоже пытался сделать это, но безрезультатно. Поэтому я чуть не подскочила — как и все остальные, — когда он приложил к губам пальцы и издал самый оглушительный свист, который мне когда-либо приходилось слышать. Такой свист и в микрофон? Да. У меня заболели уши. Мороям, наверное, пришлось еще хуже; да еще и громкоговорители усилили эффект.

Зал смолк — в достаточной степени, чтобы Эйба услышали.

— Теперь, когда у вас хватает здравого смысла держать рты закрытыми, — заговорил Эйб, — у нас есть... кое-что сказать вам.

Он говорил своим обычным уверенным тоном вроде «все под контролем», но я понимала — ему пришлось многое взять на веру.

— Шевелитесь, — прошептал он, протягивая нам микрофон.

Я взяла его и прочистила горло.

— Мы здесь для того, чтобы... прекратить эти дебаты раз и

навсегда. — Послышался ропот, и я повысила голос, пока аудитория снова не взорвалась. — Нет никакой необходимости менять законы. Василиса Драгомир имеет право на голос в Совете — как и право полноценно участвовать в выборах. У нее есть семья. Она не единственная Драгомир.

Теперь по залу пробежала волна шепотков — но ничего общего с прежним ревом; главным образом потому, что морои любят интриги и хотели узнать, как будут развиваться события. Периферийным зрением я заметила, что стражи окружают нас неплотным кольцом. Их насторожили не яростные споры; они, как всегда, заботились о безопасности своих подопечных.

Я поманила к себе Джил. На мгновение она замерла, но потом, возможно вспомнив, что говорил ей в машине Адриан, встала рядом со мной. Такая бледная, что я испугалась, не упадет ли она в обморок. Я сама была на грани этого. Напряженность царила просто сокрушительная. Нет, я зашла слишком далеко.

— Это Джиллиан Мастрано Драгомир, незаконнорожденная дочь Эрика Драгомира, но она его дочь и официальный член семьи.

Я ненавижу слово «незаконнорожденная», но в данном случае требовалось его употребить.

В наступившей тишине Джил наклонилась ко мне и микрофону.

— Я Драгомир. — Она говорила отчетливо, хотя руки у нее дрожали. — Наша семья имеет кворум, что дает моей с-сестре все права.

Опасаясь взрыва, Эйб втиснулся между мной и Джил и схватил микрофон.

— Для тех, кто этому не верит, тест ДНК отметет любые сомнения.

Дерзость Эйба восхищала меня. Эта информация стала известна ему всего минуту назад, и, однако, он преподносил ее с такой уверенностью, как будто сам проделал все необходимые тесты в своей домашней генетической лаборатории. Какая вера! И выгода, которую он не мог упустить. Мой старик обожает секреты.

Новости вызвали ту реакцию, которую я ожидала. Как только аудитория мало-мальски осознала информацию, то разразилась шквалом выкриков.

— У Эрика Драгомира не было никакой другой дочери, незаконнорожденной или нет!

— Все это вздор!

— Продемонстрируйте доказательства! Где они, ваши тесты?

— Ну... он был не прочь пофлиртовать...

— У него действительно была другая дочь.

Последнее заявление заставило всех смолкнуть, таким властным тоном оно было произнесено, и к тому же исходило от Даниэллы Ивашковой. Она встала, и даже без микрофона ее голос разносился по всему залу. Она была достаточно значительным человеком, чтобы завладеть вниманием аудитории. Многие королевские морои просто не могли не прислушаться к ней. Зал затих, и Даниэлла продолжила:

— У Эрика Драгомира была незаконнорожденная дочь от женщины по имени Эмили Мастрано — балерины, если я не ошибаюсь. Он хотел сохранить это в тайне и одновременно предпринять кое-какие меры, чего не мог сделать лично. Я была одной из тех немногих, кто помог ему в этом. — Горькая улыбка тронула ее губы. — И, честно говоря, я не возражала бы, если бы это осталось тайной.

В голове у меня что-то щелкнуло. Теперь я понимала, кто выкрал бумаги у алхимиков. И зачем. Стояла такая тишина, что меня услышали бы и без микрофона.

— И вы постарались, чтобы все документы исчезли.

Даниэлла зафиксировала взгляд на мне.

— Да.

— Потому что, если род Драгомиров угаснет, с ними уйдет умение использовать стихию духа и Адриан будет в безопасности. Магия духа слишком быстро привлекла огромное внимание, и вам требовалось избавиться от всех доказательств происхождения Джил, чтобы подорвать доверие к Василисе. — Выражение лица Даниэллы подтвердило мою правоту. На этом следовало остановиться, но любопытство взяло верх. — Тогда зачем вы сейчас признали это?

— Потому что ты права. Достаточно одного теста ДНК, чтобы подтвердить твою правоту.

Те, кто с благоговением ловил каждое ее слово, удивленно раскрыли рты, спрашивая себя, что все это означает. Другие отказывались верить и сохраняли презрительную мину. Даниэлла, без сомнения расстроенная тем, что истина выплыла наружу, все же выглядела смирившейся и готовой принять ее. Однако вскоре ее улыбка увяла — когда она пристально взгляделась в меня.

— Что я хотела бы знать — это кто, во имя всего святого, ты такая?

Не вызывало сомнений, что большую часть аудитории тоже это интересовало. Я заколебалась. Амулет Сони позволил мне добиться шаткого признания принадлежности Джил к роду Драгомир. Если система будет действовать дальше как положено и если Лисса одержит победу, как мне того хотелось... у меня будет достойный королевский адвокат, который

поможет мне восстановить доброе имя.

Однако, глядя на этих людей — многих из которых я знала, уважала и которые тем не менее не сомневались в моей виновности, — я почувствовала, как внутри нарастает гнев. Не имело значения, чем он был вызван, стихией духа или нет. Бесило то, с какой легкостью меня обвинили и отшвырнули прочь. Не хотелось дожидаться, пока вопрос будет улажен в каком-нибудь тихом офисе стражей. Хотелось сейчас встретиться с ними лицом к лицу. Хотелось, чтобы они поняли, что я невиновна — в убийстве королевы, по крайней мере.

Поэтому, подтверждая записи в своем личном деле о рискованном, безрассудном поведении, я сдернула браслет Сони.

— Я Роза Хэзевей.

ТРИДЦАТЬ ТРИ

Публика взорвалась криками — моя маскировка растаяла.

Многие взгляды были также прикованы к Дмитрию; Адриан перестал поддерживать и эту иллюзию, как только я отказалась от своей. И, как и ожидалось, стражи, постепенно собравшиеся вокруг, ринулись вперед, целясь в нас из пистолетов. Я по-прежнему думала, что это просто так, для вида. По счастью, моя мать и Майкл молниеносно преградили нападающим путь и предотвратили выстрелы.

— Не смей! — прикрикнула я на Дмитрия, который, без сомнения, собирался присоединиться к нашим защитникам. Важно было, чтобы мы с ним вели себя спокойно, тогда нас не будут воспринимать как угрозу. Я даже подняла руки, и — подозреваю, очень неохотно — Дмитрий сделал то же самое. — Пойдите. Пожалуйста, сначала выслушайте нас.

Стражи окружили нас плотным кольцом. Уверена, только моя мать и Майкл удерживали их от того, чтобы застрелить нас на месте. Стражи всегда избегают сражений с другими стражами — если есть такая возможность. Однако что такое для них двое наших защитников? Они запросто могли справиться с ними и, ясное дело, вечно ждать не станут. Внезапно Эйб и Джил вышли вперед и встали рядом с нами. Тоже защита. Один из стражей состроил гримасу. Гражданские все усложняют. Адриан остался на месте, но тот факт, что он тоже замкнут в круге, превращало и его в препятствие.

— Арестуйте нас позже, если хотите, — сказала я. — Мы не будем оказывать сопротивления. Но сначала позвольте нам высказаться. Мы знаем, кто убил королеву.

— И мы тоже, — сказал один из стражей. — Теперь все остальные... отойдите, если не хотите пострадать. Это опасные беглые преступники.

— Они должны высказаться, — заявил Эйб. — У них есть доказательства.

И снова он помогал нам, снова действовал уверенно, хотя понятия не имел, о чем речь. Все поставил на кон ради меня. Я начинала любить его. Печально, что наши доказательства были не на сто процентов надежны, но, как я уже говорила раньше, это... технические детали.

— Пусть они говорят.

Это произнес новый голос — голос, который я узнала сердцем. Лисса проталкивалась между двумя стражами. Их волновало одно — чтобы мы не

сбежали, и это помогло ей проскользнуть внутрь круга.

— Они сделали так много. Оказались правы насчет... Джил.

Черт, для нее было нелегко говорить это с искренним выражением лица, учитывая, что она пока не полностью освоилась с ситуацией. Наверное, только угроза для моей жизни могла отвлечь ее от переживаний по поводу того, что, оказывается, у нее есть единокровная сестра. Она тоже приняла все на веру, не сомневаясь, что я говорю правду.

— Они в ваших руках и никуда не денутся. Пусть говорят. У меня тоже есть доказательства в поддержку их доводов.

— Я не разделяю твое мнение, — негромко сказала я.

Лисса по-прежнему считала Даниэлла убийцей; правда не понравится ей, это точно. Лисса бросила на меня недоуменный взгляд, но не протестовала.

— Давайте выслушаем их, — сказал один из стражей, и не кто-нибудь — Ганс. — После того как они так «удачно» сбежали, хотелось бы узнать, что заставило их вернуться.

Ганс помогает нам?

— Но, — продолжал он, — уверен, эти двое понимают, что мы должны задержать их до того, как они расскажут о своих выдающихся открытиях.

Мы с Дмитрием переглянулись. Мы оба осознавали, во что ввязались, и, честно говоря, это был лучший сценарий, который я себе воображала.

— Хорошо, — сказал Дмитрий и посмотрел на наших благородных защитников. — Все в порядке. Мы справимся.

Моя мама и остальные не шелохнулись.

— Отойдите, — сказала я, — а не то окажетесь в соседней камере.

Я думала, что эти любящие глупцы и сейчас меня не послушаются. Однако Майкл попятился первым, а потом и остальные, практически синхронно. В мгновение ока стражи схватили их и увели. Мы с Дмитрием стояли спокойно, и к нам подошли четыре стража, по два на каждого. Адриан отступил вместе с остальными, однако Лисса по-прежнему стояла неподалеку, полностью доверяя мне.

— Приступайте.

Ганс крепко держал меня за руку. Я посмотрела на Лиссу. Ужасно неприятно говорить то, что я должна сказать. Но нет. Не ей мне предстояло причинить самую сильную боль. Я нашла взглядом Кристиана, который, естественно, с жадным вниманием следил за разворачивающейся драмой. Пришлось отвернуться. Я не хотела больше видеть отдельных лиц — лучше пусть будут просто расплывшиеся пятна.

— Я не убивала Татьяну Ивашкову, — заявила я; в зале послышался ропот. — Она не нравилась мне, но я ее не убивала. — Я посмотрела на Ганса. — Вы ведь допрашивали швейцара, который свидетельствовал, где я была во время убийства? И он опознал напавшего на Лиссу человека как того, кто заплатил ему за лжесвидетельство?

По словам Майкла, Джо в конце концов признался, что взял деньги у таинственного мороя, когда стражи приперли его к стене, показав фотографию.

— Его нет ни в каких документах... по крайней мере, у стражей. Однако алхимикам известно, кто он такой. Они видели его в одном из своих учреждений... в роли телохранителя. — Я нашла взглядом Этана Мура, стоящего с другими стражами около двери. — Телохранителя женщины, которая была допущена к Татьяне в ночь ее гибели: Таши Озера.

Таша, сидящая рядом с Кристианом, вскочила.

— О чем, черт побери, ты говоришь, Роза? — воскликнула она. — Ты в своем уме?

Пока я стояла, с вызовом глядя в толпу, требуя справедливости, готовая встретиться лицом к лицу со всеми этими людьми, меня переполняло ощущение победы и силы. Теперь... теперь мне просто было ужасно грустно — при виде женщины, которой я всегда доверяла и которая глядела на меня с такой болью.

— К сожалению, в своем... Но я говорю правду, и мы обе знаем это. Вы убили Татьяну.

Сначала Таша, казалось, не могла поверить своим ушам. Затем она разразилась гневной тирадой:

— Я никогда, никогда не верила, что ты убила ее, — и отстаивала тебя. Зачем ты делаешь это? Хочешь сыграть на стригойском позоре, запятнавшем нашу семью? Я думала, ты выше предубеждений такого рода.

Мне казалось, труднее всего будет добыть доказательства; как выяснилось, это было ничто по сравнению с моментом разоблачения.

— То, о чем я говорю, не имеет никакого отношения к стригоям. Вы ненавидели Татьяну за возрастной закон и нежелание позволить мороям сражаться.

Мне припомнилась реакция Таши, когда ей стало известно о тайных уроках боевых искусств; она была потрясена и, как я подозревала теперь, испытывала чувство вины из-за того, что недооценивала королеву.

Толпа ошеломленно замерла — все, за исключением одного человека из семейства Озера, которого я не знала, но который, по-видимому, испытывал острое чувство родственной солидарности. Встав, он с вызовом

скрестил на груди руки.

— Половина двора ненавидела Татьяну за этот закон. В том числе и ты.

— Мой телохранитель не подкупал свидетеля и не нападал на Лис... на принцессу Драгомир. И не притворяйтесь, будто не знаете этого человека, — обратилась я к ней. — Он был вашим телохранителем. Вас видели вместе.

Описание Иэна, который наткнулся на нее в Сент-Луисе, не оставляло места сомнениям: длинные черные волосы, бледно-голубые глаза и шрам на одной щеке.

— Роза, я просто ушам своим не верю, но если Джеймс — так его звали — делал хоть что-то из того, о чем ты рассказываешь, то он действовал в одиночку. Он всегда имел склонность к радикальным идеям. Я знала это, нанимая его для защиты за пределами двора, но никогда не думала, что он способен на убийство. — Она оглянулась в поисках кого-нибудь из вышестоящих и в конце концов остановила взгляд на Совете. — Я всегда верила в невиновность Розы. Если Джеймс и впрямь совершил все это, я с радостью поделюсь с вами тем, что знаю и что будет способствовать восстановлению доброго имени Розы.

Рядом с ней поднялся Кристиан, глядя на меня с таким видом, словно мы незнакомы.

— Роза, как можешь ты утверждать такое? Ты же знаешь ее. Знаешь, что она никогда не сделала бы этого. Перестань устраивать спектакль. Давай лучше постараемся вычислить, как Джеймс убил королеву.

«Конечно, обвинять покойника легко».

— Джеймс не мог заколоть Татьяну, — возразила я. — У него была повреждена рука, а чтобы заколоть кого-то, морю требуются обе руки. На моих глазах это происходило дважды. Спорю, Этан Мур мог бы тебе это разъяснить, если бы ты сумел добиться от него искреннего ответа...

Посмотрев на стража, я заметила, что он побледнел. Уверена, Этан без колебаний вступил бы в бой. Но такого рода свидетельство? И расследование, основывающееся на его мнении? Не думаю, что он решился бы высказаться. Скорее всего, именно по этой причине Таше удавалось манипулировать им.

— Джеймс не был там в ночь смерти Татьяны. И думаю, Даниэллы Ивашковой тоже не было, несмотря на то что было раньше сказано принцессе Драгомир. А вот Таша была в королевских апартаментах — и ты не занес это в отчет.

Этан выглядел так, словно больше всего хотел сбежать, но шансов на

это у него было не больше, чем у меня и Дмитрия. Он медленно покачал головой.

— Таша не стала бы никого убивать.

Не точное подтверждение моих слов о том, что она там была, — но близко. Позже стражи выпросят у него остальное.

— Роза! — Теперь Кристиан был просто вне себя; его злобный взгляд причинял боль даже сильнее, чем выражение лица Таши. — Прекрати!

Лисса сделала несколько неуверенных шагов вперед. Я видела в ее сознании, что она тоже не хочет верить моим заявлениям... и тем не менее она по-прежнему доверяла мне. Ей пришлось в голову другое, небесспорное решение проблемы.

— Знаю, это неправильно... Но если применить к подозреваемым принуждение...

— Даже не намекай на это! — Таша вперила в Лиссу острый взгляд. — Держись подальше от всего этого. На кону твое будущее, которое может позволить тебе сделать то, в чем нуждаются наши люди.

— Будущее, которым вы могли бы манипулировать, — заметила я. — Лисса с доверием относится к вашим реформам... а к тем, к которым у нее другое отношение, вы, по вашему мнению, сумеете ее склонить. В особенности поскольку она любит вашего племянника. Вот почему вы так упорно сражались за изменение закона о кворуме. Вы хотите, чтобы она стала королевой.

Кристиан рванулся вперед, но Таша положила руку ему на плечо. Что, однако, не помешало ему говорить.

— Это идиотизм. Если она хотела, чтобы Лисса была королевой, зачем посылать Джеймса напасть на нее?

Для меня это тоже оставалось прорехой в доказательствах, загадкой, на которую я не могла найти ответа. А вот Дмитрий мог.

— Потому что никого не намечалось убивать. — Глубокий, резонирующий голос Дмитрия звучал потрясающе в этом зале с великолепной акустикой — микрофон ему не требовался. Его слова были обращены непосредственно к Таше. — Вы не ожидали, что с ней будет страж.

Верно, поняла я. Той ночью Эдди отозвали куда-то под странным предлогом; он едва-едва успел вернуться к тому моменту, когда Лисса разговаривала с Эмброузом.

— Скорее всего, Джеймс должен был лишь изобразить нападение и убежать... — продолжал Дмитрий. — Этого хватило бы, чтобы вызвать сочувствие к Василисе и обеспечить ей добавочную поддержку. Что и

произошло — только с более серьезными последствиями, чем предполагалось.

Ярость на лице Таши трансформировалась во что-то, чему я затруднялась дать определение. Мои обвинения оскорбляли ее, но услышать такое от Дмитрия... Это было нечто большее. Казалось, она по-настоящему страдает. Сокрушена. Это выражение я видела на лице Адриана всего часа два назад.

— Димка, и ты тоже... Нет...

Глазами Лиссы я видела, как меняются цвета ауры Таши, как она разгорелась ярче, когда Таша перевела взгляд на Дмитрия. Без сомнения, это было то, о чем рассказывала Соня, — так в ауре проявляет себя любовь.

— Поэтому я и сдалась, — пробормотала я.

Никто, кроме Дмитрия и наших стражей, меня не услышал.

— Мм? — вопросительно протянул Дмитрий.

Я просто покачала головой. Все это время Таша продолжала любить его. Я узнала об этом, когда в прошлом году она предложила ему сблизиться и завести детей. Он отказался, и мне казалось, она смирилась с тем, что они останутся просто друзьями. Но нет. Она все еще любила его. Когда Лисса рассказала Гансу о наших отношениях с Дмитрием, Таша уже знала об этом. Но как давно? Трудно сказать. По крайней мере, до того, как она убила Татьяну. Переложив вину на меня, она расчищала себе дорогу к новой попытке выстроить отношения с Дмитрием.

Однако не имело смысла поднимать вопрос о том, что у нее были личные мотивы подставить меня. Убийство Татьяны — вот что сейчас важнее всего. Я перевела взгляд на Ганса.

— Вы можете арестовать меня, если пожелаете. Но не кажется ли вам, что есть достаточные основания арестовать также ее и Этана?

Расшифровать выражение его лица не представлялось возможным. С самой первой нашей встречи его отношение ко мне колебалось в очень широком диапазоне. То я была в его глазах нарушителем спокойствия, не имеющим будущего. То потенциально могла стать лидером. Моих друзей он тоже недолго любил. Он считал меня убийцей и все же позволил говорить перед всеми этими людьми. Как он поступит сейчас?

Он перевел взгляд на стоящих среди публики стражей и отрывисто кивнул.

— Арестуйте леди Озера и Мура. Мы допросим их.

Таша сидела среди других зрителей; люди перепугались, когда четверо стражей устремились к ней. Они не хотели никому причинить вреда, но Таша так яростно сопротивлялась... Она же обучена рукопашному бою,

вспомнила я. Не в той мере, как стражи, но в достаточной, чтобы схватить ее было нелегко. Она могла наносить удары руками, ногами — и закалывать королев — и даже умудрилась сбить одного стража с ног.

Она вполне может попытаться вырваться отсюда, поняла я — хотя ни на миг не поверила, что ей это удастся. Слишком много народу, да и новые стражи все прибывали. Испуганные морои пытались отойти подальше от места схватки. Внезапно по залу разнесся громкий хлопок. Выстрел. Большинство мороев рухнули на пол, хотя стражи продолжали подходить. С пистолетом в руке — она, наверное, отняла его у стража, которого сбила с ног, — свободной рукой Таша схватила первого попавшегося мороя. Представьте себе, это оказалась Мия Ринальди, сидящая рядом с Кристианом. Думаю, Таша даже не посмотрела, кого берет в заложники.

— Не двигаться! — закричала Таша стражам, приставив пистолет к голове Мии.

Сердце у меня остановилось. Как получилось, что ситуация обострилась до такой степени? Этого я не предвидела. Я должна была действовать аккуратно и чисто. Разоблачить Ташу. Добиться, чтобы ее арестовали. И все.

Стражи замерли, не столько повинувшись ее команде, сколько пытаясь сообразить, как действовать. Тем временем Таша начала медленно — очень медленно — пробиваться к выходу, волоча за собой Мию. Хорошо, что продвижение ей затрудняли кресла и вскочившие с них люди. Эта помеха давала стражам время разрешить тяжелейшую дилемму. «Они на первом месте». На кону стояла жизнь Мии — жизнь мороя. Нужно было не допустить гибели Мии и в то же время не дать вырваться на свободу вооруженному пистолетом воину, тоже морю.

Как выяснилось, Таша была в зале не единственным воином-мороем. Ей, можно сказать, не повезло с заложником; судя по блеску глаз Мии, та не собиралась сдаваться безропотно. Лисса тоже поняла это. С большой степенью вероятности одна из них должна была погибнуть, и Лисса не могла допустить этого. Если бы ей удалось поймать взгляд Таши, она заставила бы ее подчиниться с помощью принуждения.

«Нет, нет, нет!» — мысленно твердила я.

Меньше всего мне хотелось вмешивать во все это еще одного друга.

Мы с Лиссой одновременно заметили, как Мия напряглась, пытаясь вырваться. Лисса поняла, что больше тянуть нельзя. Я ощущала ее мысли, ее решимость, то, как вся она устремилась вперед с целью привлечь внимание Таши. Мне как будто удалось проникнуть не только в ее сознание, но и в тело. Я знала, что Лисса сделает, еще до того, как это

произошло.

— Таша, пожалуйста, не...

Лисса метнулась вперед, оборвав свой горестный крик, когда Мия лягнула Ташу и вырвалась, соскользнув на пол. Таша, вынужденная действовать на два фронта, продолжала целиться из пистолета. Как только Мия ускользнула от нее, она два раза лихорадочно выстрелила — но не в подходящих стражей, а в быстро приближающуюся стройную фигуру в белом, которая только что взывала к ней.

Точнее, так оно и могло бы произойти. Как уже было сказано, я точно знала, где Лисса окажется в следующую секунду и что сделает. И в эти считанные мгновения, ненамного опередив ее, я вырвалась из рук удерживающих меня стражей и загородила собой Лиссу. Кто-то бросился следом, но опоздал. Вот тут Таша и выстрелила. Я почувствовала удар, жжение в груди, а потом не было ничего, кроме боли — такой всепоглощающей и сильной, что она была почти за пределами осмысления.

Я почувствовала, что падаю и Лисса подхватывает меня и кричит что-то — обращаясь не то ко мне, не то еще к кому-то. Поднялась ужасная суматоха, и я не заметила, что происходило с Ташей. Остались лишь я и боль, которую сознание пыталось отсечь. Вокруг, казалось, становилось все тише и тише. Лисса сверху вниз смотрела на меня и все кричала что-то, чего я не могла расслышать, — прекрасная, лучезарная, коронованная светом... однако со всех сторон к ней стягивалась тьма. И в этой тьме проступали лица... призраки и духи, всегда преследовавшие меня. Они приближались к ней, кивая, делая знаки...

Пистолет. В меня выстрелили из пистолета. Это было почти смешно. «Они только для вида», — думала я. Всю свою жизнь я осваивала рукопашный бой, училась увертываться от клыков и мощных рук, способных сломать мне шею. Но пистолет? Это так... ну, легко. Может, стоит оскорбиться? Этого я не знала. А какая разница? Этого я тоже не знала. В тот момент я знала лишь, что умираю.

Перед глазами все туманилось, тьма и призраки приближались, и я почти слышала, как Роберт шепчет мне на ухо: «Второй раз мир мертвых не отпустит тебя».

Прямо перед тем, как свет окончательно угас, я увидела рядом с Лиссой лицо Дмитрия. Захотелось улыбнуться. Мелькнула мысль — раз эти двое, кого я люблю больше всех на свете, в безопасности, я могу покинуть этот мир. В конце концов, смерть получит меня. И я выполнила свое предназначение. Защищать? Это я и сделала. Спасла Лиссу, как клялась делать всегда. Умерла в сражении. Никакой бумажной работы.

Лицо Лиссы блестело от слез. Я надеялась, что по моему лицу видно, как сильно я люблю ее. С последней искрой оставшейся во мне жизни я попыталась сказать Дмитрию, что люблю его тоже и что теперь он должен защищать Лиссу. Не думаю, что он понял, однако мантра стражей стала моей последней сознательной мыслью.

«Они на первом месте».

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Очнулась я не в мире мертвых.

И даже не в больнице и не в каком-нибудь другом медицинском учреждении — что, поверьте, происходило не раз. Нет, я пришла в себя в огромной, роскошной спальне с золоченой мебелью. На небесах? Вряд ли — с моим-то поведением. На постели с балдахинном лежало золотисто-красное стеганое бархатное одеяло, настолько толстое, что могло послужить матрасом. На маленьком столике у дальней стены мерцали свечи, наполняя комнату ароматом жасмина. Я понятия не имела, где я и как оказалась здесь. Прокручивая в голове последние воспоминания о боли и тьме, я решила — хорошо уже, что вообще дышу.

— Спящая красавица проснулась.

Этот голос... этот удивительный голос, сладкий как мед, с мягким акцентом. Он обволакивал меня, и с ним пришло понимание невероятного: я жива. Я жива. И Дмитрий здесь.

Видеть его я не могла, но почувствовала на своих губах улыбку.

— Ты моя сиделка?

Судя по звукам, он встал с кресла и подошел. Господи, до чего же высокий! Он сверху вниз смотрел на меня, широко улыбаясь — большая редкость для него. С нашей последней встречи он привел себя в порядок, аккуратно завязал сзади каштановые волосы, хотя явно дня два не брился. Я попыталась сесть, но он остановил меня.

— Нет-нет, ты должна лежать.

Боль в груди подтверждала, что он прав. Сознание прояснилось, однако силы ко мне еще не вернулись. Я не знала, сколько времени прошло, но что-то подсказывало — тело выдержало нелегкую борьбу, не со стригоями, конечно, но с самим собой. Борьбу за мое выживание.

— Тогда подойди ближе, — попросила я. — Хочу видеть тебя.

Он задумался на мгновение и скинул туфли. Повернувшись на бок — что заставило меня поморщиться от боли — и слегка поерзав, я освободила место на краю постели. Он лег рядом, положив голову на мою подушку. Наши лица разделяло всего несколько дюймов.

— Так лучше? — спросил он.

— Гораздо.

Своими изящными длинными пальцами он отвел от моего лица волосы и погладил меня по щеке.

— Как ты?

— Есть хочу.

Он негромко рассмеялся и осторожно скользнул рукой по моему телу, остановившись на бедре; вроде как обнял меня.

— Естественно. Пока им удавалось вливать в тебя только бульон. Ну и всякое внутривенное питание. Думаю, ты подседа на сахар.

Я сморщилась. Терпеть не могу всякие иглы и трубки; хорошо, что, очнувшись, я ничего такого не увидела. (Иглы для татуировки — совсем другое дело.)

— Сколько я была без сознания?

— Несколько дней.

— Несколько дней... — Я вздрогнула и подтянула одеяло — мне вдруг стало холодно. — Я не должна была выжить.

Эти выстрелы... слишком сильные... слишком близко к сердцу. Или прямо в сердце? Я приложила руку к груди, не имея представления, куда именно попали пули. Болело все.

— О господи! Лисса исцелила меня.

Для этого она наверняка привлекла слишком много энергии духа! Не нужно было... она не могла позволить себе этого. Вот только... почему я все еще чувствую боль? Если бы Лисса исцелила меня, этого не было бы.

— Нет, она не исцеляла тебя.

— Нет? — До меня не доходило. Как еще я могла выжить? На ум пришел удивительный ответ. — Тогда... Адриан? Он не стал бы... после того, как я с ним обошлась... нет. Он не мог...

— Думаешь, он позволил бы тебе умереть?

Я не знала ответа. Пули наверняка давно удалили, но при мысли об Адриане сердце — выражаясь фигурально — заболело.

— Какие бы чувства он к тебе ни испытывал... — Дмитрий помолчал; в конце концов, это была деликатная тема. — В общем, он не дал бы тебе умереть. Он хотел исцелить тебя, но тоже этого не делал.

Как скверно, что я так плохо думала об Адриане! Дмитрий прав. Адриан никогда не покинул бы меня, руководствуясь чувством обиды.

— Тогда кто? Соня?

— Никто. Ты сама, надо полагать.

— Я... что?

— Время от времени люди выздоравливают и без всякой магии, Роза. — Его лицо сохраняло серьезность, но в голосе слышались веселые нотки. — И твои раны... скверные, по правде говоря... Никто не думал, что ты выживешь. Тебе сделали операцию, а потом мы все просто ждали.

— Но почему... — Было как-то неловко задавать этот вопрос. — Почему Адриан или Лисса не исцелили меня?

— О, они очень хотели, поверь. Но после случившегося, во всем этом хаосе... Их обоих увели и серьезно охраняли. Не позволяли приближаться к тебе — ведь тогда все еще считалось, что, возможно, ты убийца. Сначала стражи хотели получить подтверждение виновности Таши, даже несмотря на ее компрометирующее поведение.

Понадобилось некоторое время, чтобы освоиться с мыслью — я исцелилась с помощью современной медицины и резервов собственного организма. Что же, вполне возможно. Пока я обдумывала эту идею, смысл сказанного Дмитрием дошел до меня.

— Таша... жива?

Его лицо вытянулось.

— Да. Ее схватили сразу после того, как она выстрелила в тебя, прежде чем еще кто-нибудь мог пострадать. Ее арестовали, и тут появились новые доказательства.

— Разоблачать ее оказалось труднее всего, что я делала в жизни. Сражаться со стригоями и то легче.

— Знаю. Я и сам с трудом верил. — В его глазах появилось отсутствующее выражение; что ни говори, он знал ее дольше, чем меня. — Но она сделала свой выбор, и все обвинения с тебя были сняты. Теперь ты свободная женщина. И даже больше того — героиня. Эйб хвастается, что все это его рук дело.

Я не смогла сдержать улыбки.

— Ясное дело, хвастается. Скоро, наверное, предъявит мне счет.

Голова закружилась — от радости и от изумления. «Свободная женщина». Груз обвинений и перспектива смертного приговора, казалось, годами давили на меня, а теперь... Теперь ничего этого не стало.

Дмитрий рассмеялся. Мне хотелось, чтобы так продолжалось вечно, только он и я, без всякой охраны. Ну, еще я обошлась бы без боли и толстой повязки на груди. Мы с ним так редко оставались наедине, когда действительно могли расслабиться и не скрывать своей любви. Наши отношения только-только начали налаживаться... почти слишком поздно. Может, и сейчас слишком поздно.

— И что теперь? — спросила я.

— Не знаю. — Он прижался щекой к моему лбу. — Просто я так рад... так рад, что ты жива. Я уже столько раз был близок к тому, чтобы потерять тебя. Когда я увидел тебя на полу, а вокруг все это столпотворение... Я чувствовал себя ужасно беспомощным. И понял, что ты права. Нельзя

тратить жизнь на чувство вины и ненависти к себе. Этот твой взгляд в конце... Я понял — ты любишь меня.

— А ты сомневался?

Я хотела произнести это шутливо, но получилось, будто мне обидно. Может, так и было, отчасти. Я много раз признавалась ему в любви.

— Нет. В смысле, я понял, что ты не просто любишь меня. Понял, что ты действительно простила меня.

— На самом деле нечего прощать.

— А я всегда считал, что есть. — Он чуть отодвинулся и посмотрел на меня. — Именно это сдерживало меня. Что бы ты ни говорила, я не мог этому поверить... не мог поверить, что ты простила все, что я сделал тебе в Сибири и потом, когда Лисса исцелила меня. Мне казалось, ты обманываешь себя.

— Такое действительно бывало. Но не в этот раз.

— Знаю. И в тот момент, когда я понял, что ты простила и действительно любишь меня, я в конце концов смог и сам простить себя. Вся эта тяжесть, это цепляние за прошлое... все исчезло. Такое чувство, будто...

— Ты свободен? Летишь?

— Да. Вот только... Все произошло слишком поздно. Может, это покажется безумием, но, когда я глядел на тебя, и в голове все так сошлось, мне показалось... показалось, будто я вижу тянущуюся к тебе руку смерти. И я ничего не мог поделать. Полная беспомощность.

— Нет, ты помог мне. Последнее, что я видела перед тем, как потерять сознание, были вы с Лиссой. — Ну, не считая призрачных лиц, но не стоило упоминать об этом, чтобы не портить романтику момента. — Не знаю, как я выжила, получив выстрел, откуда взяла силы, но уверена — твоя любовь, любовь вас обоих дала мне силы для борьбы. Я должна была вернуться к вам. Бог знает, во что вы можете впутаться без меня.

Наши губы слились. Сначала это был легкий поцелуй, его нежность даже вытеснила ощущение боли, потом, когда он стал более страстным, Дмитрий внезапно отодвинулся.

— Эй, в чем дело? — спросила я.

— Ты еще не поправилась. Может, тебе и кажется, что ты в норме, но это не так.

— Это норма для меня. И знаешь, со всей этой свободой, и моим оправданием, и тем, что не надо больше скрывать нашу любовь, ты мог бы завязать со своей знаменитой дзен-буддистской мудростью и практичными советами.

Он расплылся в улыбке.

— Роза, этого не случится. Смиришься ты или нет, все равно.

Я поцеловала его.

— Если это означает заполучить тебя, я готова смириться. — Я хотела снова поцеловать его и доказать, кто из нас на самом деле лучше держит себя в руках, но тут вторглась эта проклятая реальность. — Дмитрий, что происходит с нами?

— Жизнь, — ответил он. — Она продолжается. Мы живем дальше. Мы стражи, мы защищаем и, возможно, сумеем изменить наш мир.

— Только никакого давления. И что ты имеешь в виду, говоря «мы» и «стражи»? Я была уверена, что на нашей карьере поставлен крест.

— Мм... — Он обхватил рукой мой подбородок, и я понадеялась, что сейчас последует еще один поцелуй. — Нас не просто оправдали. Нам также вернули статус стражей.

— Даже тебе? Они поверили, что ты больше не стригой? — воскликнула я.

Он кивнул.

— Ха! Даже при условии, что мое доброе имя будет восстановлено, лучшее будущее, которого я ожидала, это канцелярская работа где-нибудь рядом друг с другом.

Дмитрий придвинулся ближе, таинственно мерцая глазами.

— На самом деле еще лучше: ты — страж Лиссы.

— Что? Это немыслимо. Они в жизни не...

— Так и есть. У нее будут и другие стражи. Видимо, они решили, что будет лучше, если кто-то сможет приглядывать за тобой.

— А ты... — В желудке встал ком — напоминание о проблеме, так долго досаждавшей нам. — Ты тоже один из ее стражей?

Это порождало конфликт интересов. Я хотела, чтобы он был рядом. Всегда. Но как можно обеспечивать безопасность Лиссы, если мы будем волноваться друг за друга? Прошрое возвращалось, чтобы снова терзать нас.

— Нет, я получил другое назначение.

— Ох!

Странно, но такой вариант меня тоже немного расстроил, хотя я понимала, что это самый разумный выход.

— Я — страж Кристиана.

На этот раз я села, что бы там ни говорили доктора. Швы на груди тянули, но я плевать на это хотела.

— Но это... это же практически то же самое!

Дмитрий тоже сел. Казалось, мое потрясение забавляет его, что на самом деле было жестоко, учитывая, что я чуть не умерла и все такое.

— В какой-то степени. Но они не будут вместе все время, тем более что она едет в Лихай, а он нет. Но они будут постоянно видаться друг с другом — следовательно, и мы тоже. Хороший вариант. Кроме того... — Он снова посерьезнел. — Думаю, ты доказала всем, что ее жизнь тебе дороже всего.

Я покачала головой.

— Просто никто не стрелял в тебя, только в нее, — произнесла я вроде бы беспечно, но невольно возник вопрос: что я делала бы, если бы они оба оказались в опасности? «Доверяй ему, — прозвучал голосок в голове. — Доверяй ему — он сам о себе позаботится. Он сделал бы то же самое для тебя». Я смотрела на Дмитрия, вспоминая, как в бальном зале уголком глаза заметила тень. — Ты ведь бросился следом, когда я защитила собой Лиссу? Ради кого ты это сделал? Ради меня или ради нее?

Несколько долгих мгновений он внимательно вглядывался в мое лицо. Он мог солгать. Мог дать расплывчатый ответ, сказав, что хотел оттолкнуть нас обеих таким образом, чтобы уберечь от пули, хотя я не помнила, можно ли это было сделать. Однако Дмитрий предпочел ответить искренне:

— Не знаю, Роза. Не знаю.

Я вздохнула.

— Все это непросто.

— Так всегда бывает.

Он притянул меня к себе. Я прижалась к его груди и закрыла глаза. Да, это непросто, но оно того стоит. Пока мы вместе, оно того стоит.

Так мы просидели довольно долго, пока стук в полуоткрытую дверь не заставил нас разомкнуть объятия. В дверном проеме стояла Лисса.

— Прошу прощения. — Она просияла от радости при виде меня. — Надо было дождаться, пока вы ответите на стук. Вот уж не думала, что у вас тут ситуация такая жаркая.

— Ничего страшного, — ответила я, сжав руку Дмитрия. — Ситуация всегда жаркая, когда он рядом.

Дмитрий выглядел смущенным. Он никогда не сдерживал себя, когда мы вместе оказывались в постели, но скрытная натура не позволяла ему даже намекать другим на свою личную жизнь. Конечно, нехорошо с моей стороны, но я засмеялась и поцеловала его в щеку.

— Наверное, нас ждет много забавных моментов — теперь, когда все вышло наружу.

— Да, — ответил он. — Вот уж я позабавился, когда твой отец сверлил

меня взглядом. — Он встал, наклонился и поцеловал меня в макушку. — Вам нужно поговорить, я ухожу.

— Но ты вернешься?

Он остановился, улыбнулся, и я прочла ответ на все свои вопросы в этих прекрасных темных глазах.

— Конечно.

Лисса уселась на краю постели и осторожно обняла меня — видно, боялась разбередить раны. Выругала за то, что я сижу, но мне было не до этого. Ощущение счастья переполняло меня. Такая радость, такое облегчение — что с ней все в порядке, что...

Я понятия не имела, как она себя чувствует.

Наша связь исчезла. И не так, как во время моего бегства из тюрьмы, когда она возвела вокруг себя стены. Просто между нами ничего больше не было. Я сама по себе, целиком и полностью одна — как это было много лет назад. Глаза у меня полезли на лоб, а она рассмеялась.

— Я все ждала, когда ты заметишь, — сказала она.

— Как... Как такое может быть? — Я оцепенела. Связь. Связь исчезла. Как будто мне ампутировали руку. — И как ты узнала?

— Отчасти инстинктивно, а остальное... увидел Адриан. Наши ауры больше не связаны.

— Но как это произошло?

Меня охватило отчаяние. Связь не может исчезнуть!

— Точно не знаю, — ответила она, явно в недоумении. — Я много разговаривала об этом с Соней и... ну, с Адрианом. И вот к какому выводу мы пришли. Когда я вернула тебя из мира мертвых в первый раз, это было сделано исключительно силой духа; тогда же он связал тебя со мной. На этот раз... ты снова едва не умерла. Или, может, умерла, на мгновение, однако теперь твоё тело сражалось за возвращение. Ты сумела выкарабкаться самостоятельно, без всякой помощи этой стихии. И когда это произошло... Как я уже сказала, это только догадки. Однако Соня думает, что, раз ты вернулась к жизни, опираясь на собственные силы, не прибегая ни к чьей помощи, это освободило тебя от воздействия духа, освободило от меня. Тебе не нужна никакая связь, чтобы оставаться в мире живых. Безумие какое-то. Немыслимо.

— Что же, получается, я бессмертна? Раз, по твоим словам, сумела сбежать из мира мертвых?

Лисса рассмеялась.

— Вот уж нет! Соня говорит, что живое существо может умереть, но, пока сохраняется его аура, оно скорее живое, чем мертвое. Стригои

бессмертные, но не живые, поэтому у них нет ауры, и...

Мир вокруг начал вращаться.

— Ладно, ладно, верю тебе на слово. Мне, наверное, лучше лечь.

— Хорошая идея.

Я осторожно сползла в лежачее положение. Испытывая потребность отвлечься от того, что только что узнала — это по-прежнему казалось нереальным, невозможным, — я огляделась. Комната была больше, чем мне показалось вначале. Она тянулась и тянулась, переходя в другие помещения. Номер люкс? А может, апартаменты? Мне удалось разглядеть лишь гостиную с обтянутой кожей мебелью и плоским экраном телевизора.

— Где мы?

— Во дворце.

— Во дворце? Как мы тут оказались?

— А ты как думаешь? — с иронией спросила она.

— Я... — На мгновение я утратила дар речи. Чтобы понять, что произошло, никакая связь не требовалась. Пока я была без сознания, случилось еще кое-что немыслимое. — Вот дерьмо! Прошли выборы? И ты стала королевой — теперь, когда у тебя есть семья в лице Джил.

Она едва не рассмеялась.

— Моя реакция не ограничилась простым ругательством, Роза. Ты имеешь хоть какое-то представление, что именно сделала?

Она выглядела встревоженной, расстроенной, потрясенной. Мне хотелось успокоить ее... но что поделаешь, если по лицу расплылась глупая улыбка? Она застонала.

— Ты счастлива.

— Лисса, ты создана для этого! Ты лучше всех других кандидатов.

— Роза! — воскликнула она. — Помнишь? Предполагалось, что я выставлю свою кандидатуру, просто чтобы потянуть время. Мне всего восемнадцать!

— Александре было столько же!

Лисса в отчаянии покачала головой.

— Мне становится плохо, когда я слышу о ней. Она жила много столетий назад, знаешь ли. Думаю, тогда люди умирали в тридцать лет. Получается, она была среднего возраста.

Я взяла ее за руку.

— Ты будешь великой королевой! И неважно, сколько тебе лет. И тебе вовсе не обязательно самой созывать собрания и анализировать законы. В смысле, уверена, этим займутся другие умные люди. Ариана Селски не прошла последнее испытание, но, конечно, окажет тебе помощь, если ее

попросить. Она по-прежнему в Совете. Есть и другие, на кого можно рассчитывать. Нужно просто найти их. Я в тебя верю.

Лисса вздохнула и опустила голову; светлые волосы упали на лицо.

— Знаю. Отчасти мне и самой приятно — это же возрождает честь семьи. Думаю, только эта мысль и спасла меня от стресса. Я не хотела быть королевой, но если уж придется... тогда я постараюсь быть хорошей королевой. Такое ощущение, будто весь мир в моих руках и я могу принести много добра. Но одновременно ужасно боюсь ошибиться. — Она вскинула на меня взгляд. — И я не собираюсь отказываться от других своих планов. Наверное, буду первой королевой, которая учится в университете.

— Круто, — сказала я. — Будешь обмениваться с Советом эсэмэсками. Сможешь приказывать другим делать за тебя домашние задания.

Похоже, моя шутка не показалась ей такой уж забавной.

— Кстати, о семье... Роза, как давно ты знала о Джил?

Черт! Так и знала, что в конце концов об этом пойдет речь. Я отвела взгляд.

— На самом деле не очень давно. Мы не хотели волновать тебя, пока не выясним, насколько это реально.

— Просто не верится... — Она покачала головой. — Просто не верится, и все.

Теперь, когда связь исчезла, мне приходилось руководствоваться ее тоном. Так странно! Как будто я утратила одно из ведущих ощущений. Зрение. Слух.

— Ты расстроена?

— Еще бы! Это тебя удивляет?

— Я думала, ты будешь счастлива...

— Счастлива узнать, что папа изменял маме? Счастлива иметь сестру, которую практически не знаю? Я пыталась поговорить с ней, но... — Лисса вздохнула. — Это так странно. Даже более странно, чем внезапно стать королевой. Не знаю, что и делать. Не знаю, что думать об отце. И, черт побери, не знаю, как поладить с ней.

— Просто люби обоих, — сказала я. — Они твоя семья. Джил замечательная. Узнай ее получше. Будешь в восторге.

— Не знаю, смогу ли. Думаю, ты мне больше сестра, чем когда-нибудь станет она. — Лисса устремила взгляд в пустоту. — И надо же, чтобы именно она... Я так долго была убеждена, что у нее с Кристианом что-то есть.

— Вот об этом ты уж точно можешь не волноваться, поскольку это неправда. — В ее замечании чувствовался оттенок чего-то грустного и

мрачного. — Как Кристиан?

В ее глазах плескалась боль.

— У него сейчас трудное время. И у меня тоже. Он посещает ее. Ташу. Ему отвратительно то, что она сделала, но... Она по-прежнему самая близкая его родственница. Он страдает, хотя и старается скрыть это. Ты же его знаешь.

— Да.

Кристиан привык скрывать свои подлинные чувства за ухмылками и сарказмом. Просто стал в этом специалистом.

— Я понимаю — со временем ему станет лучше. Остается надеяться, что я смогу поддерживать его и дальше. Столько всего происходит. Университет, я — королева... и всегда, всегда дух здесь, давит на меня. Душит меня.

Меня окатила волна тревоги и паники. Я не просто утратила способность знать, что Лисса чувствует и где находится. Это нечто гораздо худшее. Стихия духа. Я страшилась этой мощной стихии — и теперь лишилась возможности помогать Лиссе справляться с ней.

— Тьма... Я больше не могу оттягивать ее на себя. Что нам делать?

Она криво улыбнулась мне.

— В смысле, что делать мне? Теперь это моя проблема, Роза. Как и должно быть.

— Но нет... Ты не можешь... В Академии...

— Ты можешь защищать меня от многого, но не от всего.

Я покачала головой.

— Нет-нет. Я не допущу, чтобы ты в одиночку противостояла духу.

— Ну, не совсем в одиночку. Я разговаривала с Соней. Она очень преуспела в исцеляющих амулетах и думает, что есть способ поддерживать в себе равновесие.

— Оксана говорила то же самое, — напомнила я не слишком уверенно.

— И... всегда остаются антидепрессанты. Мне они не нравятся, но теперь я королева. У меня появились серьезные обязанности, и буду делать то, что должна. Королева отказывается от всего?

— Наверное. — Страх не отпускал меня. — Я просто очень беспокоюсь за тебя и больше не знаю, как помочь.

— Я уже говорила: ты и не должна делать этого. Я сама буду защищать свой разум, а твоя работа — защищать мое тело. И Дмитрий тоже будет неподалеку. Все будет хорошо.

В памяти всплыл разговор с Дмитрием.

«Ради кого ты это сделал? Ради меня или ради нее?»

Я умудрилась улыбнуться.

— Да. Все будет хорошо.

Она сжала мне руку.

— Я так рада, что ты снова с нами, Роза. Ты всегда была частью меня, что бы ни происходило. И, честно говоря... Я, в общем, рада, что ты больше не можешь подглядывать за моей личной жизнью.

— И я тоже.

Я засмеялась. Никакой магической связи. Это будет ужасно странно, но если разобраться... Так уж ли я нуждалась в ней? В реальной жизни между людьми возникают связи другого рода — связи любви и преданности. Мы справимся.

— Знаю, — сказала она. — И на самом деле... Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня прямо сейчас.

— Говори.

И она объяснила.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Я предпочла бы ради Лиссы расправиться с целой армией стригоев. Все проще, чем сделать то, о чем она меня попросила: присутствовать во время ее встречи с Джил для обсуждения коронации. В качестве своего рода посредника. Ходить я пока не могла, пришлось эту встречу отложить на денек. Отсрочка, похоже, обрадовала Лиссу.

Джил дожидалась нас в маленькой комнате, в которой я никак не рассчитывала оказаться снова: в кабинете, где Татьяна отчитывала меня за связь с Адрианом. Самое странное заключалось в том, что в то время между мной и им ничего и не было. Сейчас, после всего, что между нами произошло с того времени, я просто испытывала... смущение. Я понятия не имела, где он и что делает теперь, после ареста Таши.

Оказавшись там, я почувствовала себя вдобавок ужасно... одинокой. Нет, не одинокой. Несведущей. Уязвимой. Джил сидела в кресле, сложив руки на коленях и глядя прямо перед собой с непроницаемым выражением лица. Лицо Лиссы производило то же впечатление. Она чувствовала... Ну, вот оно: я не знала. Не знала. В смысле, было заметно, что она испытывает неловкость, но... Больше ничего. Никаких деталей. Пришлось снова напомнить себе, что весь мир существует именно так. Каждый действует в одиночку, просто стараясь разобраться в незнакомой ситуации без магических озарений в отношении другого человека. Я никогда не отдавала себе отчета в том, в какой степени полагалась даже на мысли другого человека.

В одном я не сомневалась — и Лисса, и Джил побаивались друг друга; но не меня. Что ж, поэтому я и здесь.

— Привет, Джил. — Я улыбнулась ей. — Как ты?

Она вскочила с кресла. Сначала я не поняла, с чего бы это, но потом до меня дошло. Лисса. Когда в комнату входит королева, нужно встать.

— Все нормально, — слегка запинаясь, сказала Лисса. — Сядь.

И сама опустилась в кресло напротив Джил, самое большое в комнате — в нем всегда сидела Татьяна.

Заколебавшись на мгновение, Джил перевела взгляд на меня. И наверное, увидела в моих глазах поддержку, потому что вернулась в свое кресло. Я села рядом с Лиссой, слегка поморщившись от боли. Беспокойство за меня мгновенно отвлекло Джил от Лиссы.

— Как ты себя чувствуешь? Может, тебе пока лучше не вставать?

Милая, чуткая девочка. Я была рада снова встретиться с ней.

— Прекрасно, — солгала я. — Прямо как новенькая.

— Я так беспокоилась! Увидев, что произошло... Было так много крови... и все это безумие... и никто не знал, выживешь ли ты... Это было ужасно. Рада, что теперь все в порядке.

Я продолжала улыбаться, чтобы успокоить ее. Воцарилось молчание. Напряжение росло. Что касается политики, Лисса мастер найти нужные слова и сгладить ситуацию. Это я всегда в случае напряженного развития событий высказывалась так, что другие приходили в ужас, говорила то, чего никто не хотел слышать. Данная ситуация вроде бы требовала дипломатичности Лиссы, но я понимала, что должна взять все в свои руки.

— Джил, нам нужно знать, хочешь ли ты... принять участие в церемонии коронации.

Взгляд Джил метнулся к Лиссе — по-прежнему сидящей с каменным лицом — и вернулся ко мне.

— Что точно означают эти слова — «принять участие»? Что я должна буду делать?

— Ничего сложного, — заверила я ее. — Просто кое-какие формальности, обычно выполняемые членами семьи. Номинальные. Типа того, что ты делала во время голосования. — Я при этом не присутствовала, но, по-видимому, Джил просто стояла рядом с Лиссой, демонстрируя поддержку семьи. Такая малость, но от нее зависела законность происходящего. — В основном быть на виду и держать на лице улыбку.

— Я почти всю неделю только это и делаю, — пробормотала Джил.

— А я делаю это почти всю жизнь, — сказала Лисса.

У Джил сделался испуганный вид. И снова я почувствовала, как мне не хватает связи. Тон Лиссы не позволял судить о том, что она имела в виду. Был ли это вызов Джил — что, девочка даже близко не сталкивалась с тем, с чем приходилось иметь дело Лиссе? Или она просто сочувствовала сестре, поскольку та имела гораздо меньший опыт?

— Ты... Ты привыкнешь к этому, — сказала я. — Со временем.

Джил с горькой улыбкой покачала головой.

— Не уверена.

Я даже не была уверена, как вообще нужно справляться с ситуацией, в которую она угодила. Лихорадочно перебирала в уме, что бы еще сказать ей, пусть бессмысленное, но доброе. И тут вмешалась Лисса.

— Я понимаю, как это странно, — сказала она, бестрепетно посмотрев в зеленые глаза Джил; это была единственная черта внешности,

объединяющая сестер. Джил имела задатки будущей Эмили; в Лиссе отчетливо проступали особенности ее родителей. — Для меня это тоже странно. Не знаю, что делать.

— Чего ты хочешь? — спросила Джил.

Мне был ясен подлинный смысл вопроса. Джил интересовало, хочет ли Лисса общаться с ней. Гибель брата оказала опустошительное воздействие на Лиссу, но... неожиданно возникшая незаконная сестра не могла заменить Андрея. Я попыталась вообразить, каково это — оказаться на месте каждой из этих девушек. Попыталась и потерпела неудачу.

— Не знаю, — призналась Лисса. — Не знаю, чего хочу.

Джил кивнула, опустив взгляд, но я заметила промелькнувшее на ее лице выражение разочарования... хотя ответ Лиссы неожиданным не был.

Джил задала следующий вопрос:

— Ты хочешь... хочешь, чтобы я присутствовала на церемонии?

Вопрос повис в воздухе. А ведь это был хороший вопрос — собственно, по этой причине мы здесь и встретились. Но хотела ли Лисса этого на самом деле? Я не знала, даже внимательно вглядываясь в ее лицо. Может, она просто следовала протоколу, хотела, чтобы Джил играла подобающую ей роль? В этом случае никакой закон не предписывал Джил делать то или это; она просто должна была существовать.

— Да, — ответила наконец Лисса.

И ответила правдиво. Я с облегчением поняла это. Лисса желала присутствия Джил не просто ради соблюдения правил. Какой-то частью души она хотела, чтобы сестра вошла в ее жизнь — при всей нелегкости ситуации. Тем не менее это было начало, и, похоже, Джил поняла это.

— Хорошо. Просто объясни мне, что я должна делать.

Внезапно у меня мелькнула мысль, что юность и робость Джил были обманчивы. В ней ощущались искорки бесстрашия и мужества; искорки, которые разгорались все сильнее. Настоящая Драгомир.

Лисса явно испытывала облегчение, наверное, потому, что достигла крошечного прогресса в отношениях с сестрой. Коронация, думаю, тут была ни при чем.

— Тебе все объяснят. Честно говоря, я точно не знаю. Но Роза права. Это будет нетрудно.

Джил кивнула.

— Спасибо, — сказала Лисса, вставая; мы с Джил тоже поднялись. — Я... Я правда высоко ценю это.

Ощущение неловкости вернулось. Подходящий момент сестрам обняться, но, похоже, ни одна из них не была готова к этому, хотя обе вроде

бы остались довольны результатами встречи. Глядя на Джил, Лисса все еще видела своего отца с другой женщиной. Глядя на Лиссу, Джил понимала, что вся ее жизнь перевернулась с ног на голову — жизнь, когда-то тихая и уединенная, а теперь выставленная на всеобщее обозрение. Изменить ее судьбу я не могла, но ничто не мешало мне обнять ее. Что я и сделала, не думая о своих швах.

— Спасибо, — повторила я вслед за Лиссой. — Все пройдет хорошо, вот увидишь.

Джил снова кивнула, и мы с Лиссой направились к двери. Однако голос Джил заставил нас остановиться.

— А что будет после коронации? Со мной? С нами?

Я посмотрела на Лиссу. Еще один хороший вопрос.

Лисса повернулась к Джил, хотя по-прежнему избегала ее взгляда.

— Мы... Мы должны лучше узнать друг друга. Все наладится.

На губах Джил промелькнула искренняя улыбка — улыбка, в которой была надежда. Надежда и облегчение.

— Ладно, — сказала она. — Мне это нравится.

Мне, однако, пришлось приложить усилия, чтобы скрыть недоумение. По-видимому, я была способна функционировать и без связи, поскольку с абсолютной уверенностью могла утверждать, что Лисса сказала Джил не всю правду. О чем она умолчала? Лисса действительно хотела, чтобы все наладилось, никаких сомнений, даже если пока не знала как. Но осталось нечто... мелкое, о чем Лисса не рассказала ни одной из нас. Значит, на самом деле она не вполне верила, что все наладится.

Словно из пустоты, в сознании зазвучали слова Виктора Дашкова, сказанные когда-то в отношении Джил: «Если у Василисы есть хоть какой-то здравый смысл, она отошлет ее прочь».

Не знаю, почему я вспомнила это, но холодок пробежал по спине. Сестры изобразили улыбки, я сделала то же самое, не желая демонстрировать им свои тревоги. Мы с Лиссой ушли, вернулись в мою комнату. Эта маленькая прогулка утомила меня сильнее, чем я ожидала; противно признаваться в этом, но я не могла дожидаться, когда снова лягу.

К моменту нашего возвращения я все еще не знала, что лучше — расспросить Лиссу о Джил или сначала послушать мнение Дмитрия. Однако выяснилось, что сейчас принимать решение у меня нет возможности. Нас посетил неожиданный гость: Адриан.

Он сидел на моей постели, откинув назад голову, как будто полностью поглощенный изучением потолка. Но я-то понимала, что это не так. Он мгновенно ощутил наше приближение — ну, по крайней мере,

приближение Лиссы.

Мы остановились в дверном проеме, и в конце концов он повернулся к нам. Вид у него был такой, будто он давно не спал — темные тени под глазами, черты красивого лица заострились от усталости, не знаю какой, физической или душевной. Однако ленивая улыбка выглядела как прежде.

— Ваше величество, — произнес он официальным тоном.

— Прекрати, — фыркнула Лисса. — Пора бы уже понять.

— Я никогда не умел понимать, — возразил он. — Ты должна знать это.

На лице Лиссы начала появляться улыбка, но потом она глянула на меня и посерьезнела. Осознала, что сейчас вряд ли подходящее время дурачиться с Адрианом.

— Ну, у меня есть кое-какие дела.

Она явно испытывала неловкость и выглядела совсем не по-королевски. Хочет удрать, поняла я. Я-то согласилась переговорить с ее сестрой, а теперь она бросает меня. Хотя... тем лучше. Разговор с Адрианом был неизбежен, и я тому причиной. Я и покончу с этим — как обещала Дмитрию.

— Не сомневаюсь, — ответила я.

Она явно почувствовала себя виноватой и, казалось, была готова передумать. Беспокоилась обо мне, хотела поддержать. Я легко коснулась ее плеча.

— Со мной все хорошо, Лисса. И будет хорошо. Иди.

Она сжала мне руку, взглядом пожелав удачи, попрощалась с Адрианом и ушла, прикрыв за собой дверь.

Остались только он и я.

Он сидел на постели, внимательно наблюдая за мной и по-прежнему улыбаясь. Я, однако, не предпринимала попыток скрыть свои чувства. Стоять было тяжело, и я опустилась в кресло, нервничая и раздумывая, что сказать.

— Адриан...

— Давай вернемся немного назад, маленькая дампирка, — дружелюбно заговорил он. — Это началось до того, как вы покинули двор?

Вот такого я не ожидала и была немного ошеломлена. Он спрашивал, были ли мы с Дмитрием вместе еще до моего ареста. Я медленно покачала головой.

— Нет. Я была с тобой, только с тобой. Правда, в душе бушевала буря эмоций, но настроена я была решительно.

— Ну, уже что-то, — сказал он, явно начиная утрачивать дружелюбие.

В этот момент я ощутила легкий запах табака и алкоголя. — Лучше представлять себе, что искра вновь вспыхнула в пылу сражения, чем думать, что ты обманывала меня прямо на глазах.

Я более энергично покачала головой.

— Нет, клянусь. Я не... тогда ничего не было... до того, как...

Подобрать слова удавалось с трудом.

— Позже? Это произошло позже? И значит, все в порядке?

— Нет! Конечно нет. Я...

Проклятье! То, что я не изменяла Адриану при дворе, не означало, что я не изменяла ему и позже. Можно как угодно строить фразу, но факт остается фактом: если ты, имея бойфренда, спишь с другим парнем в номере отеля, это измена. И неважно, что этот парень — любовь всей твоей жизни.

— Мне очень жаль, — сказала я, не придумав ничего лучше. — Мне очень жаль. Я поступила плохо. Я не собиралась... Мне казалось... Мне правда казалось, что между нами все кончено. Я была с тобой. Хотела быть с тобой. А потом внезапно поняла...

— Нет-нет, остановись. — Адриан вскинул руку. В его голосе появилось напряжение, фасад хладнокровия продолжал осыпаться. — Вот уж чего я не хочу, так это слушать твои откровения о том, что вы всегда были предназначены друг другу и тому подобное.

Я молчала — потому что... это ведь и были мои откровения.

Адриан провел рукой по волосам.

— На самом деле это моя вина. Чувство было всегда, оно никуда не делось. Сколько раз я замечал это. И понимал — все продолжается. Снова и снова ты повторяла, что все кончено... и я тебе верил, снова и снова... хотя глаза говорили об обратном. Хотя сердце подсказывало обратное. Это. Моя. Вина.

Он говорил обрывочно, бессвязно — не так, как Джил, когда она нервничает, в другом роде; похоже было, что он на краю безумия. И к этому краю в большой степени подтолкнула его я. Захотелось подойти к нему, но хватило ума не делать этого.

— Адриан, я...

— Я любил тебя! — закричал он и вскочил. — Я любил тебя, а ты растоптала меня. Взяла мое сердце и разорвала на части. С таким же успехом ты могла заколоть меня! — Я оцепенела от ужаса. Его голос звенел по всей комнате. Столько страдания, столько ярости! Так не похоже на обычного Адриана. Он широким шагом подошел ко мне и остановился, с каждым словом ударяя себя в грудь. — Я. Любил. Тебя. А ты все время

использовала меня.

— Нет, нет, это неправда. — Я не боялась Адриана, но невольно съежилась, столкнувшись с таким шквалом эмоций. — Я не использовала тебя. Я любила тебя и сейчас люблю, но...

Его лицо исказилось отвращением.

— Роза, перестань!

— Это правда! Я люблю тебя. — Я встала, наплевав на боль, — чтобы взглянуть ему в глаза. — И всегда буду, но... Не думаю, что из нас получилась бы пара.

— Самое абсурдное объяснение разрыва, и ты знаешь это.

Может, в чем-то он был прав, но я припомнила, как все происходит у нас с Дмитрием... это созвучие; то, что он всегда без слов понимал, что я чувствую. Я действительно думала то, что сказала: я люблю Адриана. Он удивительный, несмотря на все свои слабости. Кто, в самом деле, не имеет слабостей? С ним было так весело! И теплые чувства тоже были, но мы не подходили друг другу так, как это было у нас с Дмитрием.

— Я... Я не гожусь для тебя, — еле слышно сказала я.

— Потому что ты с другим парнем?

— Нет, Адриан. Потому что... Я... — мямлила я, не зная, как объяснить то, что чувствую, — что двое могут испытывать взаимную привязанность, с удовольствием общаться, но все равно не подходить друг другу как пара. — У нас с тобой нет полной гармонии.

— Что, черт побери, это означает? — воскликнул он.

Сердце болело за него, я всегда буду сожалеть о том, как обошлась с ним, но... в том-то все и дело.

— Тот факт, что ты спрашиваешь об этом, говорит сам за себя. Когда ты встретишь такого человека... ты поймешь. — Я не стала добавлять, что с таким характером его наверняка ждет множество неудачных попыток, прежде чем он и впрямь найдет этого человека. — Знаю, может, для тебя это еще одно абсурдное объяснение разрыва, но я хотела бы остаться твоим другом.

Несколько мгновений он молча смотрел на меня, а потом рассмеялся, без особого веселья.

— Знаешь, что самое интересное? Ты говоришь серьезно. Взгляни на свое лицо. — Он взмахнул рукой, как будто я и в самом деле могла посмотреть на себя. — Ты действительно думаешь, что все так просто, что я могу сидеть здесь и радоваться твоему счастью. Радоваться тому, что ты получила все, чего хотела, и наслаждаешься своей жизнью.

— Наслаждаюсь! — Чувство вины и сопереживание боролись в душе с

нарастающим гневом. — Это вряд ли. Ты знаешь, через что я прошла за последний год?

Пережить смерть Мейсона, сражаться с напавшими на Академию стригоями, оказаться в плену у них в России, а потом вести жизнь беглой убийцы. Как-то не вяжется со словом «наслаждаться».

— И тем не менее вот она ты, победившая все это. Ты выжила и избавилась от связи. Лисса королева. Ты заполучила этого парня и счастлива навсегда.

Я повернулась спиной к нему и отошла в сторону.

— Адриан, что ты хочешь сказать? Я могу извиняться целую вечность, но поделаться больше ничего не могу. Я никогда не хотела причинять тебе боль. Но все остальное? Ты и впрямь ждешь, что я буду печалиться по поводу всего, чего добилась? По-твоему, я должна хотеть, чтобы меня и дальше обвиняли в убийстве?

— Нет. Я не хочу, чтобы ты страдала. Но в следующий раз, когда будешь в постели с Беликовым, вспомни на минуточку, что не у всех дела идут так хорошо, как у тебя.

Я повернулась к нему.

— Адриан, я никогда...

— И не только обо мне, маленькая дампирка. Сражаясь со всем миром, ты оставила за собой множество жертв. Я — одна из них, это ясно. А Джил? Что будет с ней теперь, когда ты бросила ее на съедение королевским волкам? А Эдди? О нем ты подумала? И где твоя девушка-алхимик?

Каждое слово пронзало меня, словно стрела. То, что, говоря о Джил, он назвал ее по имени, а не «малолетка», причиняло особую боль. Из-за нее меня и так уже грызло чувство вины, но остальные... ну, это была загадка. После возвращения я слышала об Эдди, но не встречалась с ним. С него сняли обвинение в смерти Джеймса, но убийство мороя — если остальные продолжают думать, что можно было обойтись без этого — оставляет позорное клеймо. Прежние правонарушения, тоже из-за меня, не прибавили ему славы, пусть они и совершались во имя «великой цели». Стражи служили мороям, но, когда проблемы возникали в среде стражей, морои отстранялись и позволяли им разбираться самим. Эдди не отстранили от должности, не посадили в тюрьму... но какое назначение его ждет? Трудно сказать.

Сидни... снова загадка, даже еще большая. Все происходящее с алхимиками выходило за пределы моего мира. В память врезалось ее лицо, когда мы в последний раз виделись в отеле, — волевое, но грустное. Я

знала, что ее и других алхимиков отпустили, но, очевидно, на этом ее неприятности не кончились.

А Виктор Дашков? Как он вписывался в это? Я не знала. Злодей или нет, он относился к числу пострадавших от моих действий, и воспоминания о том, что сопровождало его смерти, будут мучить меня всегда.

«Оставила за собой множество жертв». Из-за меня пострадали люди, это правда, и неважно, входило это в мои намерения или нет. Думать об этом было больно, но внезапно одно сказанное Адрианом слово дало мне передышку.

— Жертва, — медленно заговорила я. — В этом разница между тобой и мной.

— А? — Пока я размышляла о судьбе своих друзей, он пристально наблюдал за мной, и последние слова застали его врасплох. — О чем ты?

— Ты сказал, что был жертвой. Именно поэтому... мы, по существу, не подходим друг другу. Несмотря на все происходившее, я никогда не воспринимала себя как жертву. Быть жертвой означает быть беспомощным. Неспособным действовать, а я всегда... всегда совершала поступки, сражаясь за себя... и за других. Неважно за кого.

Никогда в жизни не видела такой ярости на лице Адриана.

— Значит, вот как ты думаешь обо мне? Что я бездельник? Слабак?

Ну, не совсем. Но можно не сомневаться, после этого разговора он будет искать утешения в сигаретах, алкоголе и, возможно, женском обществе.

— Нет, — ответила я. — Я думаю, ты удивительный. И сильный. Но не думаю, что ты осознаешь это и сумеешь использовать.

И, хотелось мне добавить, я не тот человек, который способен вдохновить его на это.

— Вот этого я уж никак не ожидал. — Он зашагал к двери. — Ты разрушила мою жизнь, а теперь скормливаешь мне вдохновляющую философию.

Это был один из тех моментов, когда я жалела, что имею привычку выбалтывать первое, что пришло в голову. Я научилась держать себя в руках... но, видимо, недостаточно.

— Я просто говорю тебе правду. Ты гораздо лучше... Ты лучше всего того, что собираешься сейчас делать.

Взявшись за дверную ручку, Адриан бросил на меня мрачный взгляд.

— Роза, я наркоман, не склонный к трудовому воспитанию, который может вскоре сойти с ума. Я не похож на тебя. Я не супергерой.

— Пока нет, — сказала я.

Он насмешливо фыркнул, покачал головой и открыл дверь, но, прежде чем выйти, снова оглянулся на меня.

— Контракт недействителен, между прочим.

Возникло ощущение, будто мне дали пощечину.

И редкий случай — Роза Хэзевей утратила дар речи; ни остроумных комментариев, ни изощренных объяснений, ни глубоких озарений.

Адриан ушел. Интересно, увижу ли я его снова?

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ

Мне часто снилось, что я просыпаюсь рядом с Дмитрием, просыпаюсь так, будто это... дело обычное. Не после того, как мы старались урвать хоть чуточку сна перед следующим боем. Не после секса, который приходилось скрывать, отягощенного массой препятствий и сложностей. Просто хотелось проснуться в его объятиях и чтобы за этим последовало приятное утро.

Сегодня был как раз такой день.

— Давно не спишь? — сонно спросила я.

Моя голова покоилась на его груди, он буквально окутывал меня со всех сторон. Мои раны быстро исцелялись, но с ними еще предстояло понынчиться. Сегодня ночью, правда, мы, проявив творческий подход, сумели эту трудность обойти. Комнату заливал золотистый солнечный свет.

Взгляд темных глаз, в которых так легко затеряться, был прикован ко мне с этим знакомым серьезным выражением.

— Не так давно. — Он перевел взгляд на окно. — Думаю, я еще живу по человеческому расписанию. А может, просто тело хотело бодрствовать, когда взойдет солнце. Это зрелище по-прежнему восхищает меня.

Я подавила зевок.

— Ну и встал бы.

— Не хотелось беспокоить тебя.

Я погладила пальцами его грудь и удовлетворенно вздохнула.

— Это прекрасно! И что, каждый день будет такой?

Дмитрий провел рукой по моей щеке и прикоснулся к подбородку.

— Не каждый день, но по большей части.

Наши губы соединились; разлитые по комнате тепло и свет побледили рядом с тем, что запылало внутри.

— Я ошибалась, — пробормотала я, когда наконец мы отодвинулись друг от друга. — Вот это прекрасно.

Он улыбнулся, что в последнее время происходило очень часто. Мне это нравилось. После нашего возвращения в большой мир ситуация наверняка изменится. Даже теперь, когда мы были вместе, Дмитрий как страж всегда оставался бдительным, всегда наготове. Но не в данный момент.

— В чем проблема? — спросил он.

Вздрагнув, я осознала, что нахмурилась, и попыталась расслабиться

лицо. Непрошенные, слова Адриана всплыли в сознании — о том, чтобы в следующий раз в постели с Дмитрием я подумала о тех, кому не так повезло.

— По-твоему, я разрушаю жизнь людей? — спросила я.

— Что? Конечно нет! Откуда эта идея?

— Просто я знаю, что у многих неприятности. У моих друзей, я имею в виду.

— Действительно, — сказал он. — Попробую догадаться. Тебе хотелось бы уладить проблемы всех.

Я не отвечала. Дмитрий снова поцеловал меня.

— Роза, это нормально — хотеть помочь тем, кого любишь. Но ты не в состоянии уладить все.

— Это моя работа, — немного раздраженно возразила я. — Я защитник.

— Знаю, и это одна из причин, почему я люблю тебя. Однако сейчас перед тобой стоит задача защищать одного-единственного человека: Лиссу.

Я потянулась, заметив, что раны болят гораздо меньше. Вскоре тело полностью восстановит свои функции.

— Ты подразумеваешь, что в результате мы сможем весь день провести в постели?

— Боюсь, что нет. — Он легко провел пальцами по изгибу моих бедер; казалось, ему никогда не надоест изучать мое тело. — «Они на первом месте».

Я потянулась губами к его рту.

— Но немножечко-то можно?

— Да. — Он погрузил руки в мои волосы и подтянул меня к себе. — Немножечко можно.

Никогда прежде я не принимала участия в коронации и, честно говоря, надеялась, что никогда больше не буду, поскольку за время моей жизни будет править одна королева.

Станным образом эта коронация походила на вывернутую наизнанку церемонию похорон Татьяны. Как говорили раньше? «Королева мертва. Да здравствует королева!»

Обычай предписывал будущему монарху первую половину дня коронации провести в церкви, по-видимому молясь, чтобы бог направил его, и все такое прочее. Не знаю, что происходит в случае, если монарх атеист. Скорее всего, он притворяется. У Лиссы, истинно верующей, такой проблемы не возникало; уверена, она искренне молилась о том, чтобы стать

хорошей королевой.

По окончании службы Лисса во главе огромной процессии пересекла двор, направляясь в сторону дворца, где и должна была происходить коронация. Ее сопровождали представители всех королевских семей, а также музыканты, игравшие несравненно более жизнерадостную музыку, чем на похоронах Татьяны. Стражи Лиссы — сейчас их у нее было множество — шли с ней. Среди них была и я, в превосходном черно-белом костюме, с красным воротником, указывающим на мою должность стража королевы. В этом, по крайней мере, проявлялось существенное отличие от похорон. Татьяна была мертва; ее стражи присутствовали только для вида. Лисса была весьма и весьма жива, и даже не выиграй она голосование в Совете, у нее по-прежнему имелись бы враги. Мои коллеги и я были настороже.

Хотя в некотором роде это была излишняя мера предосторожности — учитывая приветственные крики зрителей. Все те, кто ночевал в палатках во время испытаний и выборов, остались и на коронацию; прибыли и новые любопытствующие. Уж и не знаю, собиралось ли когда-нибудь так много мороев в одном месте.

Долгим, извилистым путем Лисса добралась до дворца и потом ожидала в маленьком вестибюле, смежном с помещением, которое служило тронным залом. Тронный зал почти никогда не использовался для современных нужд, однако в исключительных случаях — например, когда новую королеву приводят к присяге — морой упорно цепляются за древние традиции. Зал был небольшой и не мог вместить не только всех находящихся снаружи, но даже всю процессию. Однако тут присутствовали Совет и высокопоставленные члены королевских семей, а также некоторые избранные, приглашенные Лиссой.

Я стояла чуть в стороне, наблюдая за разворачивающимся зрелищем. Лисса еще не вошла, и собравшиеся негромко переговаривались. Весь зал был оформлен в золотисто-зеленоватых тонах, полностью и поспешно трансформированный за последние несколько дней, поскольку, согласно обычаю, в нем должны были доминировать цвета правящей семьи. Сам трон возвышался у дальней стены, к нему вели ступеньки. Вырезанный не знаю уж из какого дерева, трон на протяжении столетий возили по всему миру. Люди выстроились ровными рядами, ожидая появления Лиссы. Я разглядывала новую люстру, восхищаясь, как реалистично выглядят «свечи». Я знала — они электрические, но изумительной, необыкновенно искусной работы. Технологию маскировали под старину — в точности как нравится мороям.

Кто-то привлек мое внимание, подтолкнув локтем.

— Ну и ну, — произнесла я с улыбкой. — Посмотрите-ка, неужели это люди, выпустившие Розу Хэзевей в мир? Вам за многое придется отвечать.

Передо мной стояли родители, каждый в типичной для него и резко контрастирующей с другим одежде. Мама — в таком же парадном костюме стража, как и я: белая рубашка, черные слаксы и жакет. Эйб... Что ж, Эйб остался верен себе — черный костюм в тонкую светлую полоску, под ним черная рубашка. На темном фоне просто полыхал яркий лимонно-желтый галстук, из кармана пиджака торчал носовой платок того же цвета. Золотые серьги и цепочки были при нем, но еще и мягкая черная фетровая шляпа — новое добавление к его диковинному гардеробу. Полагаю, она предназначалась специально для событий вроде этого; и, по крайней мере, это была не пиратская шляпа.

— Не сваливай всю вину на нас, — сказала мама. — Это не мы взорвали половину двора, украли десяток машин, выкрикнули в толпу имя убийцы и отыскивали девочку, подругу нашей королевы.

— На самом деле, — уточнил Эйб, — это я взорвал половину двора.

Мама проигнорировала его; выражение ее глаз стража смягчилось, пока она внимательно смотрела на меня.

— Серьезно... как ты себя чувствуешь? — Я совсем недолго виделась с ними после того, как пришла в себя, — ровно столько, чтобы успеть обменяться информацией о последних событиях. — Тебе придется сегодня очень долго стоять. Ох, я ведь говорила Гансу, чтобы он на какое-то время отстранил тебя от активной деятельности!

Так по-матерински она еще никогда не высказывалась.

— Да я в порядке. Мне гораздо лучше. И я могу выполнять свои обязанности прямо сейчас.

— Ни в коем случае, — заявила она таким тоном, каким отдавала приказы стражам.

— Перестань нянчиться с ней, Джанин.

— Я не нянчусь! Я предостерегаю. А ты ее портишь.

Я в изумлении переводила взгляд с отца на мать. Не знаю, что это было — стычка или заигрывание; ни то ни другое не приводило меня в восторг.

— Ладно-ладно, прекратите, идет? Я выжила. Только это принимается во внимание.

— Точно, — сказал Эйб; внезапно им явно овладели отцовские чувства, что казалось даже более странным, чем поведение мамы. — И несмотря на порчу имущества и тянущуюся за тобой цепочку нарушенных

законов, я горжусь тобой.

Я подозревала, что в глубине души он гордится мной именно из-за всего вышеперечисленного. Циничный комментарий так и остался при мне — вступила мама:

— Я тоже горжусь тобой. Твои методы... не идеальны, но ты сделала великое дело. И не одно. Нашла и убийцу, и Джил. — Я заметила, что она не назвала убийцу по имени; всем нам, по-моему, пока было трудно смириться с правдой о Таше. — Появление Джил многое изменит.

Мы все перевели взгляды на трон. С одной стороны у его подножия стояла Екатерина, с коронационной книгой в руках. С другой стороны должны были стоять члены королевской семьи — но там была только одна Джил. Кто-то отлично потрудился над ее обликом. Вьющиеся волосы были искусно уложены и подколоты; удачного покроя темно-зеленое атласное платье до колен и с широким воротником маскировало худощавую фигуру и удивительно шло ей. Она стояла выпрямившись, вскинув подбородок, но явно ощущала беспокойство, еще более заметное из-за бросающегося в глаза одиночества.

Я перевела взгляд на Эйба, и он вопросительно посмотрел на меня. У меня к нему накопилось множество вопросов, и от него, одного из немногих, можно было ожидать правды. Вот только какой вопрос задать? Все равно что иметь джинна — вот только у меня было слишком много желаний.

— Что будет с Джил? — спросила я наконец. — Она просто вернется в школу? Или ей придется обучаться быть принцессой?

Лисса не могла быть одновременно принцессой и королевой, поэтому ее прежнее звание переходило к следующему по возрасту члену семьи.

Последовала пауза.

— Пока Лисса не добьется изменения законов — и, будем надеяться, она это сделает, — только Джил позволяет ей оставаться на троне. Если с Джил что-нибудь произойдет, Лисса больше не может быть королевой. Итак, что бы ты сделала на ее месте?

— Обеспечила бы ее безопасность.

— Вот тебе и ответ.

— Ну, он какой-то расплывчатый. Безопасность подразумевает множество вещей.

— Ибрагим, — вмешалась мама. — Хватит. Сейчас неподходящее время и место.

Эйб еще мгновение смотрел мне в глаза, а потом улыбнулся.

— Конечно-конечно. Все же семья собралась. Праздник. И глянь-ка —

вон и новый член семьи.

Дмитрий, тоже в черно-белом костюме, подошел к нам и встал рядом со мной, подчеркнуто избегая прикосновений.

— Мистер Мазур, страж Хэзевей, — официальным тоном произнес он и кивнул обоим.

Дмитрий был на семь лет старше меня, но в тот момент, рядом с моими родителями, выглядел так, будто ему шестнадцать и он вот-вот пригласит меня на свидание.

— Ах, Беликов! — Эйб пожал ему руку. — Я так и надеялся, что мы встретимся. Хотелось бы узнать тебя лучше. Может, как-нибудь найдем время поговорить — о жизни, о любви и всяком таком? Любишь охотиться? Ты похож на охотника. Вот чем нам следует заняться. Я знаю в лесу изумительное место. Очень-очень далеко. Можно посвятить этому целый день. Мне хотелось бы задать тебе множество вопросов. Да и сам я могу рассказать много интересного.

Я бросила испуганный взгляд на мать, безмолвно умоляя ее прекратить все это. Эйб вел долгие разговоры с Адрианом, пока мы с ним встречались, в живописных и ужасающих деталях объясняя, какого обращения со своей дочерью ждет от него. Мне вовсе не хотелось, чтобы Эйб увез Дмитрия куда-то в дикую местность, да еще имея при себе огнестрельное оружие.

— На самом деле я тоже хотела бы присоединиться, — заметила мама. — И у меня есть множество вопросов — в особенности о тех временах, когда вы оба были в Академии Святого Владимира.

— А разве вам не нужно куда-то идти? — поспешно спросила я. — Вот-вот все начнется.

Это соответствовало действительности. Все выстроились как надо, и толпа затихла.

— Конечно, — сказал Эйб и, к моему изумлению, поцеловал меня в лоб. — Рад, что ты с нами. — И, подмигнув, добавил, обращаясь к Дмитрию: — С нетерпением жду нашего разговора.

— Удирай! — сказала я, когда родители отошли. — Если ускользнешь сейчас, может, они и не заметят. Возвращайся в Сибирь.

— Уверен, Эйб уж точно заметит, — ответил Дмитрий. — Не волнуйся, Роза. Я не боюсь. Ради того, чтобы быть с тобой, я выдержу любой допрос с пристрастием. Оно того стоит.

— Ты самый храбрый человек на свете.

Он улыбнулся и задержал взгляд на небольшом столпотворении у входа.

— Похоже, она готова.

— Надеюсь, — прошептала я в ответ.

В торжественной манере герольд привлек внимание зала. Наступила полная тишина. Даже звуков дыхания не было слышно.

Герольд отступил от двери.

— Принцесса Василиса Сабина Рея Драгомир.

Вошла Лисса, и, хотя я видела ее меньше получаса назад, у меня перехватило дыхание. Не сомневаюсь, портниха знала свое дело. Лисса была в официальном платье до полу, с юбкой из шелка и множества слоев шифона, которые вздымались и колыхались вокруг нее при ходьбе. Ткань была цвета нефрита, как и ее глаза, как и лиф платья, усыпанный изумрудами таким образом, что возникала иллюзия ожерелья. Схожие изумруды покрывали пояс; картину завершали браслеты. Распущенные волосы Лиссы, блестящие, изумительного платинового цвета, сами по себе создавали сверкающую ауру.

Рядом с ней шел Кристиан; его черные волосы и темный костюм резко контрастировали с обликом Лиссы. В данном случае традиции существенно нарушались, поскольку Лиссу должен был сопровождать член семьи, но... У нее их был явный недобор. Даже я не могла не признать, что он выглядел потрясающе; гордость за Лиссу и любовь к ней освещали его лицо, какие бы горькие чувства ни испытывал он по поводу Таши.

«Лорд Озера», — припомнилось мне.

Думаю, применительно к нему этот титул приобретал всю большую значимость. Он подвел Лиссу к подножию трона и смешался с делегацией своей семьи в толпе.

Екатерина сделала жест в сторону лежащей на полу атласной подушки.

— Преклони колени.

На одно крохотное мгновение Лисса заколебалась — наверное, только я это и заметила. Без всякой связи я чутко воспринимала ее настроение и малейшие оттенки реакций. Ее взгляд переместился на Джил. Выражение лица не изменилось; до чего же странно — не знать, что она чувствует. Можно лишь строить предположения. Неуверенность? Смятение?

Лисса опустила на колени и расправила вокруг себя юбки. Во время испытаний Екатерина производила впечатление иссохшей, хрупкой, очень старой женщины, но, когда она поднялась с древней коронационной книгой в руках, я ощутила силу, исходящую от бывшей королевы.

Книга была на румынском, но Екатерина с легкостью переводила текст. Сначала последовала небольшая речь о том, что ожидается от монарха, потом пришло время клятв.

— Клянешься ли ты служить своим людям?

— Клянешься ли ты защищать своих людей?

— Клянешься ли ты быть справедливой и беспристрастной?

Всего было двенадцать вопросов, и на каждый Лисса отвечала «клянусь» трижды — по-английски, по-русски и по-румынски. Отсутствие связи и, следовательно, возможности судить о ее чувствах все еще воспринималось очень непривычно, однако выражение ее лица подсказывало мне, что она говорила искренне и от души. Покончив с клятвами, Екатерина подала сигнал Джил. Сейчас в руках у той была специально изготовленная для Лиссы корона из белого и желтого золота, украшенная бриллиантами и изумрудами. Она прекрасно довершала ее наряд; и, как с изумлением заметила я, наряд Джил тоже.

Это соответствовало традиции — что монарха короновал член семьи. Руки Джил дрожали, когда она возлагала усыпанное драгоценностями чудо на голову сестры. Их взгляды встретились, и в глазах Лиссы на мгновение снова вспыхнул вихрь эмоций. Потом Джил отошла в сторону, и церемония продолжилась.

Екатерина протянула Лиссе руку.

— Встань, — сказала она. — Ты никогда больше не будешь преклонять колени.

Держа Лиссу за руку, Екатерина развернула ее лицом к аудитории и голосом, удивительно звучным для такой хрупкой женщины, провозгласила:

— Королева Василиса Сабина Рея Драгомир, первая в своем роду.

Все в зале — кроме Екатерины — опустили на колени и склонили головы. Прошло всего несколько мгновений, и Лисса произнесла:

— Встаньте.

Это оставлялось на усмотрение нового монарха — сколько времени держать своих подданных коленопреклоненными; некоторые царственные особы получали удовольствие, затягивая этот момент.

Последовало подписание документов; все, затаив дыхание, наблюдали за тем, как это происходило. Лисса подписала бумагу о вступлении на трон; это было подтверждено подписями Екатерины и еще двух свидетелей. Три копии на изящной, украшенной гербами бумаге, которую так любят морейские монархи, и еще одна на простом фирменном бланке — для алхимиков.

После этого Лисса заняла свое место на троне. Это было потрясающе — смотреть, как она поднимается по ступеням; уверена, этот образ сохранится в моей памяти до конца дней. Зал взорвался приветственными криками и аплодисментами. Рукоплескали даже стражи, в обычных

ситуациях остающиеся предельно невозмутимыми. Скрывая тревогу и волнение, Лисса улыбалась всем.

Она повела взглядом по залу, нашла Кристиана, и ее улыбка стала еще шире. Потом она заметила меня. В улыбке, обращенной к нему, светилась любовь; мне же она улыбнулась с лукавством. Я улыбнулась в ответ; интересно, что она сказала бы, если бы могла?

— Что тебя забавляет? — спросил Дмитрий, удивленно взглянув на меня.

— Просто задумалась, что услышала бы от Лиссы, если бы между нами по-прежнему существовала связь.

Грубо нарушая протокол стражей, он взял меня за руку и притянул к себе.

— И что предполагаешь? — спросил он, заключая меня в объятия.

— Думаю, она спросила бы: «Интересно, во что мы впутались?»

— И каков был бы твой ответ?

Его тепло и любовь обволакивали меня; снова возникло ощущение цельности. Я вернула себе эту часть мира, по которой так скучала. Душу, ставшую дополнением моей. Свою половину. Больше того — я вернула себе жизнь, свою собственную жизнь. Я буду защищать Лиссу, буду служить ей — но наконец снова буду существовать и как самостоятельная личность.

— Не знаю, — ответила я, прислонившись к его груди. — Но думаю, все будет хорошо.

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего благодарю своих преданных и полных энтузиазма читателей по всему миру, которые на протяжении этих книг сопровождали Розу и меня. Без вас я не совершила бы этого путешествия, и, надеюсь, приключения мороев и вампиров доставят вам большое удовольствие.

Спасибо также всем друзьям и родным, поддерживающим меня, — в особенности моему мужу, который не перестает изумлять меня своим терпением, любовью и способностью мириться с бесконечными взлетами и падениями жизни с «творческим» человеком. Особая благодарность Джесси Макгезу за создание атмосферы испытания в лесу — это я в жизни не смогла бы придумать самостоятельно.

И как всегда, я благодарна своим издателям, которые неустанно трудятся за сценой, чтобы эти книги увидели свет: Джиму Маккарти — моему агенту, временами психотерапевту и неизменному адвокату; Лорен Абрамо, не устающей находить все новые страны, о которых я никогда не слышала, и отправлять туда Розу; Джессике Ротенберг и Бену Шренку, исключительным редакторам, которые, забывая о еде и сне, совершенствовали эти книги; и журналисту Кейси Макинтайр, которая организывает для меня туры и интервью, практически не нуждаясь в моих указаниях.

И заключительная благодарность всем остальным, кто работает над этой серией в издательстве «Пингвин» и литературном агентстве Dystel & Coderish, а также моим иностранным издателям. Вас слишком много, чтобы перечислить всех, но от этого ваша роль ничуть не меньше. Огромное вам спасибо.

notes

Примечания

«Мейси» — сеть универсальных магазинов. *(Здесь и далее прим. перев.)*.

Амиши — консервативная секта меннонитов; члены секты живут в сельских общинах, не пользуются электричеством, автомобилями и пр., носят бороду (без усов), старомодную одежду с крючками вместо пуговиц и т. п.

Десятичная классификация Дьюи — библиотечная система классификации книг, в которой все области знания разделены на 10 классов, а внутри каждого класса выделены десятичные подклассы, разделы и подразделы; на этой системе основано большинство применяемых в мире библиотечных классификаций.

Су-Фолс — крупнейший город штата Южная Дакота.

«Чириоуз» — товарный знак сухого завтрака из овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками.